

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Поль Зюмтор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ГОЛЛАНДИИ ВО ВРЕМЕНА РЕМБРАНДТА

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Поль Зюмтор

Paul Zumthor
LA VIE QUOTIDIENNE
EN HOLLANDE
AU TEMPS DE REMBRANDT

HACHETTE

ЖИЗНЬ ГОЛЛАНДИИ ВО ВРЕМЕНА РЕМБРАНДА

МОСКВА · МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ · 2001

УДК 949.2
ББК 63.3(0)4
398

*Перевод с французского
М. В. ГЛАГОЛЕВА*

*Научная редакция и вступительная статья
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
А. П. ЛЕВАНДОВСКОГО*

*Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА*

*Ouvrage réalisé avec le soutien du
Ministère des affaires étrangères français
et de l'Ambassade de France en Russie.*

Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции и
Посольства Франции в России.

Перевод осуществлен по изданию:
Paul Zumthor.
La vie quotidienne en Hollande au temps de Rembrandt.
Paris, Hachette, 1959.

ISBN 5-235-02413-3

© Hachette Littératures, 1959
© Глаголев М. В., перевод, 2001
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2001
© «Палимпсест», 2001

Заглавие этой книги может создать впечатление, будто речь в ней пойдет о Рембрандте. Рассеем это заблуждение: о великом живописце в ней сказано очень мало, да и имя его упоминается лишь вскользь. Просто автор вместил целую эпоху истории страны в годы жизни одного наиболее выдающегося ее представителя и, нужно отдать ему должное, сделал это очень удачно: действительно, срок жизни Рембрандта (1606—1669) почти точно совпадает с периодом высшего подъема молодой Голландской республики, вспыхнувшей метеором в начале XVII века и столь же быстро ставшей угасать в его последней четверти.

Каждый народ (как и каждое государство) имеет в своей истории «звездный час», «золотой век», когда весь его политический, социальный и культурный потенциал вдруг раскрывается в полном объеме, поражая окружающий мир. Словно пробуждаются вдруг дремавшие прежде внутренние силы народа, его созидательные возможности, духовные запросы, стремление к славе. И тогда происходят «чудеса»: возникают замечательные открытия и изобретения, создаются великие произведения искусства, возрастает материальное благосостояние людей. Но прошел «звездный час», канул в Лету «золотой век», и все возвращается на круги своя — словно и не бывало могучего всплеска, поразившего человечество...

Подобным «золотым веком» Нидерландов было указанное время, точно отмеренное в лежащей перед нами книге. Ее автор, Поль Зюмтор, родившийся в Женеве и получивший образование в Париже, долгое время был профессором Амстердамского университета, а следовательно, хорошо узнал жизнь той страны, которой затем посвятил один из своих трудов. Труды эти многочисленны и многообразны. Перу Зюмтора, специалиста по средневековой цивилизации и культуре, принадлежит ряд исследований и романов, среди которых работа «Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта», написанная в 1959 году, занимает видное место. Книга эта — своеобразный отчет туриста, но только отчет, опрокинутый в далекое историческое прошлое. Автор описывает Нидерланды XVII века, словно путешественник, побывавший в этой стране, проехавший по ее городам и селам, проплывший по ее рекам и каналам, присмотревшийся к жизни и быту ее обитателей, исследовавший их нравы и занятия, постигший их экономику и законы, оценивший их культуру и искусство. В этом плане характерна сама структура книги. Мы привыкли, что при описании любой страны, — будь то в путеводителе или в научном исследовании, — автор начинает с ее этноса, политического и социального статуса, экономики и т. п., лишь после этих «серьезных вещей» обращаясь к культуре, быту и нравам населения. Зюмтор поступил наоборот. Он начинает с того, что словно бы въезжает в незнакомый город, любуется его внешним видом, улицами и каналами, подходит к одному из домов, осматривает снаружи, входит внутрь, проходит одну за другой анфиладу комнат, знакомится с их убранством и обитателями. И уже после этого, шаг за шагом, исследует различные стороны жизни страны, идеологию, образование, науку и культуру, игры, спорт, праздники. Затем выявляет отдельные социальные группы населения, их взаимоотношения и занятия. И лишь в конце книги мы узнаем об экономике страны, ее промышленности, торговле, сельском хозяйстве.

Таким образом, книга Зюмтора охватывает всю

сумму проблем повседневной жизни Нидерландов в период «золотого века», причем написана она мастерски, с отточенным умением стилиста, проверившего себя на художественной литературе.

Правда, изложив с возможной полнотой разные аспекты и стороны «золотого века» Нидерландов, автор оставил без внимания истоки этого феномена и его политическую историю, представив его как нечто данное «в готовом виде». Между тем гигантский скачок XVII века произошел, разумеется, не на пустом месте и не «по воле богов», а имел свои глубинные, исподволь вызревавшие причины. Стремясь помочь читателю, автор дает обстоятельную хронологическую таблицу, но, к сожалению, начинает ее слишком поздней датой — 1579 годом, — да притом голая хронология вряд ли может заменить историю. Это обстоятельство и заставляет нас предпослать книге краткий исторический очерк, поясняющий истоки и динамику нидерландского «чуда».

* * *

Прежде всего необходимо ясно представить, что означало слово «Нидерланды» на исходе Средневековья, как менялся его смысл и какова была та территориальная и этническая общность, которая скрывалась под этим именем.

Страна, известная в Средние века как Нидерланды, или «Низинные земли» (название это впервые прозвучит в XI веке), отнюдь не совпадала с современным государством того же имени и не имела ни политического, ни этнического единства: разные ее районы подчинялись разным суверенам, а жители севера и юга говорили на разных языках.

Территория средневековых Нидерландов в основном соответствовала нынешним Нидерландам, Бельгии, Люксембургу и части Северной Франции. Большая часть страны входила в состав Германии (Священной Римской империи), а крайний юго-запад под именем «графства Фландрии» был французским леном. К исходу XV века страна делилась на 17 «земель», или «провинций», насчитывала около

трех миллионов населения и имела 300 городов, 150 промышленных местечек и свыше шести тысяч сел. Северную часть этой территории, включая земли и острова по обе стороны нижних течений Мааса и Рейна, заселял народ, называвший себя голландцами (холандерс), говоривший на языке германской группы и происходивший от древних саксов, фризов и франков. Южнее голландцев, в бассейне Шельды, располагались родственные им, но говорившие на своем наречии фламандцы. Еще южнее, приближаясь к Сомме, обитала народность кельтского происхождения, изыяснявшаяся на французском языке и называвшая себя валлонами. Подобная пестрота приводила к тому, что ряд географических объектов средневековых Нидерландов — реки, области, города (причем это сохранилось и по сей день) имели названия на двух, а то и на трех языках (к примеру: Шельда — Эско, Геннегау — Эно, Люттих — Льеж, Хертогенбос — Герцогенбуш — Буа ле Дюк). Не знали Нидерланды и конфессионального единства. Когда в начале XVI века по Европе прокатилась волна Реформации и народы Западной Европы разделились на оставшиеся верными католицизму и соблазненные учениями Лютера и Кальвина, кальвинизм, пришедший из Франции, быстро распространился по Нидерландам. С ним соперничали адепты других «ересей», в первую очередь анабаптисты и меннониты. Однако католическая церковь не везде сдала свои позиции, сохраняя господствующее положение на юге страны.

Неоднородными были Нидерланды и в сфере экономики. Крайний юго-восток страны еще сохранял многие пережитки феодализма. Зато промышленный юго-запад, группировавшийся вокруг провинций Фландрии и Брабанта, был одним из наиболее экономически передовых уголков Европы. Его города славились производством сукна, шерстяных и камвольных тканей еще с XIII века. Полтора столетия спустя здесь на смену старому цеховому производству пришло новое, капиталистическое, сложившееся вокруг Антверпена, расположенного близ устья

Шельды. Быстро богатея после открытия морского пути в Индию (1498), город этот разрешил у себя торговать купцам всех наций и стал первым в Европе мировым торговым центром. Провинции севера, главными из которых были Голландия и Зеландия, имевшие свой торговый и промышленный центр — Амстердам, не отставали от юга, но отличались спецификой экономического развития. Области эти, лежащие ниже уровня моря, издавна являлись ареной ожесточенной борьбы населения с водной стихией, борьбы, подробно описанной в книге Зюмтора. Труд этот, впрочем, вознаграждался сторицей: на влажных и жирных землях (польдерах), отвоеванных у моря, зеленели тучные пастбища и собирались обильные урожаи, дававшие, помимо прочего, избыток сырья, необходимого для бурно развивавшегося по деревням и поселкам полотняного производства. Кроме того, потомственные мореходы, голландцы промышленяли интенсивным рыболовством. Поэтому север всегда славился тремя продуктами, шедшими на экспорт: голландским полотном, голландским сыром и голландскими сельдями. В целом на рубеже XV и XVI веков Нидерланды становились одним из наиболее развитых промышленных и торговых регионов Европы.

Политически 17 провинций впервые объединились в XV веке, войдя в состав могущественного герцогства Бургундского, лежавшего на стыке Франции и Германской империи. Герцоги Бургундские уже мечтали об императорском венце, но распря с французскими королями их погубила. В 1477 году последний герцог Карл Смелый погиб в борьбе с Людовиком XI; наследница же Карла, Мария, пытаясь сохранить власть, вышла замуж за Максимилиана Габсбурга, ставшего вскоре германским императором. Так Нидерланды, в полном своем объеме, оказались в орбите династии Габсбургов. Карл V Габсбург (1519—1555), создатель обширной колониальной империи, в которой, по его словам, «никогда не заходило солнце», рассматривал Нидерланды как самую драгоценную жемчужину в своей короне. В 1548 году, по Аугс-

бургскому договору, он создал из 17 провинций отдельный имперский округ, а Прагматическая санкция 1549 года установила единый порядок его управления. Каждая из провинций сохраняла свои исторические особенности, но общие для всей страны дела решались Генеральными штатами Нидерландов. Во главе всего управления император поставил своего заместителя — штатгальтера (статхаудера), при котором состоял Государственный совет, где заседали представители нидерландской знати и патрициата. Вторым лицом после штатгальтера считался государственный адвокат, или великий пенсионарий, представлявший интересы провинций. В таком положении страна находилась в тот момент, когда после отречения Карла V от престола (1555) она вместе с заокеанскими колониями перешла по наследству к его сыну, испанскому королю Филиппу II (1556—1598).

К этому времени Испания уже пережила период своего расцвета и быстрыми шагами шла к глубокому экономическому упадку. Золото Америки не оплодотворило испанскую промышленность, а ушло в бездонные карманы испанских грандов и царедворцев, корабли же, идущие из-за океана с грузом пряностей и других колониальных товаров, предпочитали швартоваться не в Кадиксе, а в Антверпене, где торговля приносила большие барыши. В результате уже к концу XVI века обнищавшая Испания превратилась во второстепенную державу, и богатые Нидерланды, волею истории оказавшиеся у нее в подчинении, не могли не представляться ей весьма лакомой добычей. Отсюда неизбежность конфликта между передовой нидерландской буржуазией и феодально-абсолютистской Испанией, который и привел в конечном итоге к Нидерландской революции.

Все началось с идеологии. Стремясь «испанизировать» Нидерланды, с целью ограбления их по образцу своих заокеанских колоний, Филипп решил нанести удар по самому больному месту — религии. К этому времени по стране быстро распространялся кальвинизм. Буржуазия городов создавала консистории

по женеvскому образцу. Среди ремесленников и крестьян, зараженных всевозможными «ересями» (прежде всего анабаптизмом), также зрело возмущение против католической церкви. Ревностный католик, оплот и радетель «святой» инквизиции у себя дома, Филипп задумал «навести порядок» и в Нидерландах. В стране запылали костры. За отказ «образумиться» и вернуться в лоно католицизма «еретиков» сжигали, имущество же их конфисковывали в пользу испанской казны. Тогда поднялось все население Нидерландов. Первыми заявили о себе дворяне, возглавляемые лидерами национальной аристократии — принцем Оранским Вильгельмом Молчаливым, полководцем графом Эгмонтом и адмиралом Горном. В 1565 году была организована Святая лига, и в Брюссель, ко двору штатгальтера Маргариты Пармской, отправилась депутация с требованием отменить репрессивные меры правительства. Но народ не стал дожидаться официальных решений и дружно поднялся на борьбу. Осенью 1566 года в двенадцати провинциях вспыхнуло восстание под флагом «иконоборчества» («белденстром»), вылившееся в разгром католических церквей, уничтожение икон и прочих атрибутов «римского идолопоклонства». Маргарите (не без помощи струхнувшего нидерландского дворянства) удалось подавить восстание. Но Филипп решил использовать этот повод для задуманной акции. Маргарита Пармская фактически была отстранена, а ее место занял суровый и жестокий полководец герцог Альба. Немедленно по прибытии в Нидерланды новый наместник учредил Совет по делу о мятежах, по приговорам которого погибло около восьми тысяч человек, в том числе Эгмонт и Горн, а Вильгельм Оранский, спасаясь, бежал за рубеж. Но это не сломило мужества народа. Пиком революции стал 1572 год, когда восстание охватило все северные провинции. Испанские каратели не заставили себя ждать. Дорога на север стала дорогой крови. Осады, расправы... Амстердам, Харлем... Но под Лейденом их ждал полный провал. Мужественные горожане пошли на крайнюю меру — открыли шлю-

зы, ограждающие сушу от моря. Город был затоплен, но водная стихия «смыла» испанских солдат — они в ужасе бежали и покинули север. Это была решительная победа в масштабах всей страны. Филипп в гневе отозвал Альбу, а революция стала национальным праздником, на какой-то момент приведшим к объединению всех Нидерландов (Гентское соглашение 1576 года). Но затем союзники разошлись: предприниматели Фландрии и Брабанта не хотели полностью порывать с Испанией — их мастерские работали на испанском сырье. Кроме того, дворянство и богатая буржуазия юга убоились радикализма протестантских проповедников, опасаясь, как бы революция не зашла слишком далеко и не нарушила их собственности и привилегий. В результате южные провинции заключили между собой сепаратное соглашение (Аррасская уния, 1579 год). В ответ на это семь северных провинций в том же году заключили свой союз, Утрехтскую унию, обещая «соединиться навеки, как будто бы они составляли одну провинцию», а вслед за этим особым актом объявили Филиппа II низложенным.

* * *

Такова была предыстория того, о чем рассказывается в книге Зюмтора — исходной датой для своего повествования он выбрал именно 1579 год, и это далеко не случайно: именно в этом году «Нидерланды стали Нидерландами», иначе говоря, в своих главных чертах приобрели тот вид, который сохраняет и нынешнее государство Нидерланды. Правда, в те времена оно называлось по-другому: Республикой Соединенных провинций или Республикой Голландией — по имени главной из своих провинций. На должность президента (штатгальтера) планировался Вильгельм Молчаливый, но в 1584 году он пал от руки убийцы, и Республику возглавил его сын, принц Морис Нассауский. Что же касается войны с Испанией, то она продолжалась еще долго. Английская королева Елизавета, враждовавшая с Филиппом II, стала открыто помогать Соединенным про-

винциям, что вызвало лютую ярость испанского короля, решившего примерно наказать новых союзников. В Кадиксе была снаряжена Непобедимая армада — огромный флот для нападения на Англию. Но экспедиция Армады, состоявшаяся в 1599 году, закончилась ее гибелью, и Филиппу пришлось навсегда отказаться от своих планов. После его смерти испанский натиск явно выдохся: войну прервало двенадцатилетнее перемирие, явившееся фактическим поражением Испании (1609).

Победа нидерландского народа, его освобождение от ненавистного ига и вызвали тот мощный подъем производительных сил, который привел к «чуду XVII века». Трудолюбивые и упорные голландцы, а вместе с ними бежавшие от испанского режима многочисленные переселенцы с юга, среди которых было немало купцов и предпринимателей, засучив рукава, принялись за дело. Возникли новые отрасли производства — шерсти, шелка, стекла. Но подлинной основой богатства Соединенных провинций стала торговля, особенно морская, сосредоточившаяся в портах Голландии и Зеландии, прежде всего в Амстердаме, который вскоре занял прежнее место Антверпена как центра мировой торговли. Оперировав капиталом в сотни миллионов гульденов, государство и частные корпорации отправляли караваны судов во все страны света. Широкий размах получила транзитная торговля, превратившая Голландию в подлинного «морского извозчика» Европы. Теперь к прежним торговым путям — в Прибалтику, Россию, Средиземноморье — прибавились колониальные экспедиции в Индийский океан и Америку. В 1602 году возникла монопольная Ост-Индская торговая компания; с 1621 года за ней последовали Вест-Индская и другие, составив основные звенья складывающейся колониальной империи.

В том же 1621 году перемирие с Испанией закончилось. Возобновившиеся военные действия стали частью общеевропейской Тридцатилетней войны (1618—1648). Для Голландии они были облегчены неудачами Габсбургов в Германии и заключением со-

юза с Францией (1635). В результате были завоеваны и присоединены в качестве «союзных земель» пограничные области Брабанта и Лимбурга с городами Хертогенбосом, Везелем, Маастрихтом и Бредой. В морском сражении при Оквендо (1639) адмирал Тромп нанес поражение испанскому флоту и захватил большие трофеи. В 1648 году Тридцатилетняя война закончилась Вестфальским миром. По договору, подписанному в Мюнстере 30 января, независимость Соединенных провинций получила международное юридическое признание.

Окончание войны дало мощный стимул к дальнейшему развитию экономики Нидерландов. Однако чем больше преуспевала Голландия в укреплении и расширении своего хозяйства, чем выше становились дивиденды ее умножающихся и разрастающихся предприятий, тем сильнее разгоралась внутренняя социальная и политическая борьба, в конечном итоге подтолкнувшая Республику к разложению и распаду.

По существу, почти весь XVII век для Соединенных провинций, в периоды, свободные от ведения внешней войны, прошел в ожесточенных внутренних распрях. Это была борьба между олигархической верхушкой провинции Голландия и торгово-промышленными слоями остальных земель, между центром и окраинами, между Генеральными штатами и штатгальтером.

Уже вскоре после заключения двенадцатилетнего перемирия, в 1617 году, разразилась драма, которой лишь мимоходом касается Зюмтор. Купеческо-патрицианская группа провинции Голландия, радея о собственном безудержном обогащении, выступила с широкой программой свободы вероисповеданий, защиты исконных вольностей Голландии и ограничения власти штатгальтера. Эту партию возглавил великий пенсионарий Голландии Олденбарнефельде, а идейным ее вдохновителем был проповедник Арминий. Население остальных провинций — купцы, мелкие предприниматели, сельский люд — усмотрело в проповеди арминиян попытку установления

диктатуры олигархов Голландии в ущерб остальной страны. Эти люди, возглавляемые кальвинистским проповедником Гомаром, требовали сохранения церковной ортодоксии, ликвидации арминианской «ереси» и усиления власти штатгальтера как выразителя интересов всех Соединенных провинций. Штатгальтер Мориц Нассауский, естественно, стал на сторону гомаристов и арестовал Олденбарнефельде, который был осужден и казнен, а его сторонники подверглись гонениям. Авторитет штатгальтера возрос. Но ненадолго. После заключения Вестфальского мира встал вопрос о сокращении численности армии. Генеральные штаты провели соответствующее постановление. Но штатгальтер Вильгельм II, усмотрев в этом ущемление своих прерогатив как верховного военачальника, вступил в длительный и безрезультатный конфликт со Штатами. По-видимому, Вильгельм готовил государственный переворот, когда неожиданная его смерть (1650) развязала руки его противникам. В 1651 году Генеральные штаты провозгласили упразднение штатгальтерата с лишением прав наследника покойного принца Вильгельма. В течение следующих двадцати лет (1651—1672) продолжалось безштатгальтерное правление, во главе которого вскоре оказался ставленник крупной буржуазии, великий пенсионарий Голландии Ян де Витт. Этот талантливый политический деятель много сил отдал развитию торговли и мореходства, но именно в его правление произошли события, подорвавшие и одно и другое. Англия, в которой бурными темпами шла революция (1642—1649), из союзницы превратилась в соперницу на море. В 1651 году лорд-протектор Оливер Кромвель издал знаменитый Навигационный акт, нанесший страшный удар по монополии морской торговли Голландии. Война стала неизбежной; она вспыхнула в 1652 году и закончилась два года спустя полным поражением Соединенных провинций, вынужденных признать Навигационный акт. Не поправила положения и вторая война с Англией (1665—1667). Между тем почти непрерывные военные действия на море заставили де Витта

забыть о сухопутной армии. Этим воспользовался французский король Людовик XIV, и в апреле 1672 года он вторгся в Нидерланды и овладел четырьмя провинциями и множеством крепостей. В Голландии началась паника и вся ненависть населения страны обратилась против правительства. Под давлением народа Генеральные штаты восстановили штатгальтерат в пользу сына Вильгельма II, Вильгельма III, а Ян де Витт вместе с братом были растерзаны на улицах Гааги (август 1672 года). Вильгельм III оправдал доверие граждан, изгнал французские войска и заключил с Людовиком XIV выгодный для Голландии Нимвегенский мир (1678). Однако дальше события приняли совершенно неожиданный оборот, снова сблизив Голландию с Англией, но уже на совсем иной основе. В 1688 году, в результате так называемой «славной революции», англичане прогнали своего короля, Якова II Стюарта. А год спустя английский парламент пригласил на трон, ставший вакантным, штатгальтера Нидерландов Вильгельма III, ранее (1677) успевшего жениться на дочери Якова! Это событие стало еще одним ударом для Нидерландов. Став душой английской политики, направленной против Франции, и участником всех коалиций против Людовика XIV, Вильгельм III принес свою родину в жертву политике, а взрывы недовольства, вспыхнувшие в Роттердаме и Харлеме, подавил силой. Несмотря на торжественное обещание Вильгельма, что его избрание на английский престол «не уменьшит великих забот о благосостоянии республики», Соединенные провинции оказались в фарватере у Англии, и это содействовало окончательному закату их мирового могущества.

Такова была политическая основа краха «золотого века» Голландии. Что же касается его экономической основы, то она прекрасно изложена Зюмтором, который не случайно завершил свою хронологическую таблицу 1689 годом, а в предисловии указал, что во второй половине XVII века «еще праздновали победу», но Республика «уже начала разлагаться под влиянием собственного благополучия».

В заключение поделемся несколькими мыслями, которые рождает книга Зюмтора.

Автор делит ее на семь частей и тридцать глав, посвященных самым разным категориям фактов и проблем. Но, по существу, она довольно легко распадается на две обособленные, неравноценные части. Первая посвящена быту и культуре, а вторая отражает социальные проблемы и экономику. Вторая часть, в которой даются самые общие сведения о различных социальных группах, армии, флоте, занятиях населения, написана суховато, что обусловлено самим характером материала. Первая же часть, написанная ярко и сочно, с глубоким знанием дела, определяет всю прелесть и оригинальность труда Зюмтора. Правда, она содержит повторы о разных сторонах менталитета голландцев — их взаимоотношениях, гастрономических наклонностях, любви к праздникам и спиртному и т. п. Но повторы эти отнюдь не вредят книге. Даваемые в разном контексте, они лишь лучше усваиваются читателем. Некоторые сомнения вызывают главы X и XVIII. Первая из них, посвященная образованию, весьма обширная и обстоятельная, оставляет кое-какие неясности. Так, читатель вряд ли поймет, чем же отличалось начальное образование от среднего, что такое «малые школы» и какова взаимосвязь между «латинскими школами» и университетами. И еще одно. Указав, что в университетах Нидерландов было четыре факультета, и перечислив их, Зюмтор не добавил, что первый из них («артистический») был подготовительным к каждому из трех остальных — юридическому, медицинскому и богословскому. Кроме того, на этом факультете изучали не «словесность и естественные науки», как считает Зюмтор, а пресловутые «тривиум и квадривиум» (грамматику, риторику, диалектику — арифметику, геометрию, астрономию и музыку). Некоторое разочарование вызывают и страницы, посвященные культуре, в особенности глава XVIII. Здесь, перечислив многие имена известных художников, автор ограничился коммерческими и бытовыми проблема-

ми и уклонился от описания того, как менялось изобразительное искусство по сюжетам и по мастерству в ходе «золотого века». А между тем голландская живопись точно отражала запросы и динамику времени, и скромные «завтраки» Хеды начала XVII века не случайно сменились роскошными «десертами» Кальфа в его конце, а великий Рембрандт с его упрямым гуманизмом и глубочайшим проникновением в суть вещей перестал приниматься «новым» обществом, в котором прежние простота и непосредственность сменились самодовольством и фанфаронадой — яркими симптомами «разложения под влиянием собственного благополучия», по меткому выражению Зюмтора.

Сверх указанного можно отметить лишь несколько «мелочей», вызывающих сомнения или вопросы. Во введении, говоря о названии нынешней Бельгии в Средние века, Зюмтор считает, что ее называли «Брабантом». Возможно, встречалось и такое, но все же более употребительным было название «Фландрия», обобщающее весь район юга, подобно тому, как «Голландия» объединяла весь север.

В главе III упоминается дорога, достигавшая... километра в ширину! Такое представляется просто невероятным. В главе X автор говорит об оригинале, коллекционировавшем... трупы (cadavres). Непонятно, о чем речь. Может быть, о чучелах животных? Или о пустых бутылках? (Во французской разговорной речи возможно и такое значение этого слова.)

Все эти замечания, разумеется, ни в коей мере не уменьшают высказанной ранее высокой оценки книги Зюмтора, которая замечательна уже тем, что это первый панорамный труд о «золотом веке» Голландии, появляющийся на русском языке.

А. П. Левандовский

«Времена Рембрандта», строго говоря, охватывают период с 1606-го по 1669-й, то есть годы жизни великого художника. Такие хронологические рамки выбраны не случайно. Эпоха, которую сами голландцы называют своим «золотым веком», а именно классический этап цивилизации Нидерландов, вмещает в себя одну человеческую жизнь: применительно к истории Франции можно сказать, что она началась в конце правления Генриха IV, между 1600 и 1610 годами, и закончилась уже к 1675—1680 годам, когда Людовик XIV был на вершине славы.

Исторически (имея в виду политику, а также человеческую мысль и формы ее выражения) этот период разделяется на три этапа. До 1621 года наблюдалось сведение на нет военных действий против Испании и вызванных ими финансовых затруднений. С 1621 по 1650 год Нидерланды с переменным успехом участвовали в Тридцатилетней войне, в то время как к ним прирастали заморские территории, а внутри страны накапливались несметные богатства. Отмена штатгальтерата в 1650 году способствовала преобразованию еще праздновавшей победу, но уже начавшей разлагаться под влиянием собственного благополучия Республики в конфедерацию, скорее экономическую, чем политическую, которая оказалась под полным контролем провинции Голландия и дельцов из Амстердама.

Ниже приводится краткий перечень основных исторических событий этого периода в хронологическом порядке:

- 6 января 1579 Аррасская уния между десятью католическими провинциями Нидерландов, признавшая владычество Испании.
- 23 января 1579 Семь северных провинций — Голландия, Зеландия, Утрехт, Хелдер, Оверэйсел, Фрисландия, Гронинген — заключают Утрехтскую унию. Районы, позднее отвоеванные у Испании, образуют Земли Генеральных штатов.
- 10 июля 1584 Убийство Вильгельма Оранского.
- 1584—1597 Граф Лестер получает титул генерал-губернатора Соединенных провинций, что приводит к английскому протекторату.
- 1584—1597 Первые плавания голландских кораблей на север, Дальний Восток и к американскому континенту.
- 1585 Падение Антверпена. Мориц Нассауский (Оранский) становится штатгальтером.
- 1588 После отставки Лестера Мориц Нассауский принимает управление страной. Разгром испанской Непобедимой армады.
- 1602 Основание Ост-Индской компании.
- 1609 Заключение перемирия с Испанией на 12 лет.
- 1618—1619 Политическая, социальная и идеологическая борьба, воплощенная в противостоянии гомаристов и арминиан, Морица Нассауского и великого пенсионария провинции Голландии Яна Олденбарнефельде. Синод Дордрехта; вынесение смертного приговора Олденбарнефельде; победа поддержанной народом партии гомаристов и Морица.

- 1619 Основание Батавии.
- 1621 Возобновление военных действий.
- 1625 Смерть Морица. Страну возглавляет его брат Фредерик-Хендрик.
- 1629 Взятие Хертогенбоса.
- 1637 Взятие Бреды.
- Октябрь 1639 Победа Тромпа в морском сражении при Оквендо; провал последней попытки Испании подчинить себе Нидерланды.
- 1647 Смерть Фредерика-Хендрика. Бразды правления переходят к его сыну Вильгельму II.
- 30 января 1648 Подписание Вестфальского договора, утверждающего независимость Нидерландов.
- 1650 Разногласия между Вильгельмом II и Генеральными штатами из-за роспуска войск. Смерть Вильгельма II. Рождение будущего короля Вильгельма III.
- 1651 Отмена штатгальтерата (за исключением Фрисландии и Гронингена). Навигационный акт знаменует начало противостояния Республики и Англии.
- 1652 Основание колонии на мысе Доброй Надежды.
- 1652—1654 Первая война с Англией.
- 1653—1672 Страной фактически управляет великий пенсионарий провинции Голландия Ян де Витт.
- 1665—1667 Вторая война с Англией.
- Апрель 1672 Войска Людовика XIV вторгаются на территорию Республики и захватывают Утрехт, Хелдер, Оверэйсел. Под давлением народных масс Генеральные штаты восстанавливают штатгальтерат в пользу Вильгельма III.
- 20 августа 1672 Убийство Яна де Витта.
- Конец 1673 Вильгельм III обращает в бегство французские войска.

Февраль 1674 1677	Заключение мира с Англией. Бракосочетание Вильгельма III с дочерью будущего английского короля Якова II.
Август 1678 1685	Подписание договора в Неймегене. Отмена Людовиком XIV Нантского эдикта. Приток французских беженцев в Голландию.
1689	Вильгельм III становится королем Англии в соправлении со своей супругой.

Республика была весьма разнородна по своему составу, поэтому было бы некорректно называть это государство Голландией, несмотря на то, что так было принято еще с XVII века. Действительно, несмотря на небольшие размеры, богатая и мощная провинция Голландия представляла неизмеримо больший интерес для иностранных держав, чем все остальные провинции вместе взятые. Однако местные жители с давних времен называли территорию провинций, объединенных Утрехтской унией, Нидерландами, Низкими землями. Поэтому в данной книге (за исключением заголовка) мы постарались придерживаться правильного употребления этих слов, называя «Голландией» провинцию, а «Нидерландами» государство Соединенных провинций в противопоставление Южным Нидерландам, подчиненным испанской власти, которые для удобства мы будем называть Бельгией, хотя в XVII веке эта территория была более известна как Брабант*.

Хотя католические Земли Генеральных штатов, совместно управляемые провинциями, оставались на обочине политической жизни, процесс формирования национального единства продолжался. Однако спаянные воедино лишь волей таких незаурядных людей, как Мориц Нассауский и Олденбарнефельде, провинции не стремились покончить со своей обо-

---

* Скорее, как «Фландрия» по имени главной из провинций Южных Нидерландов. — *Примеч. ред.*

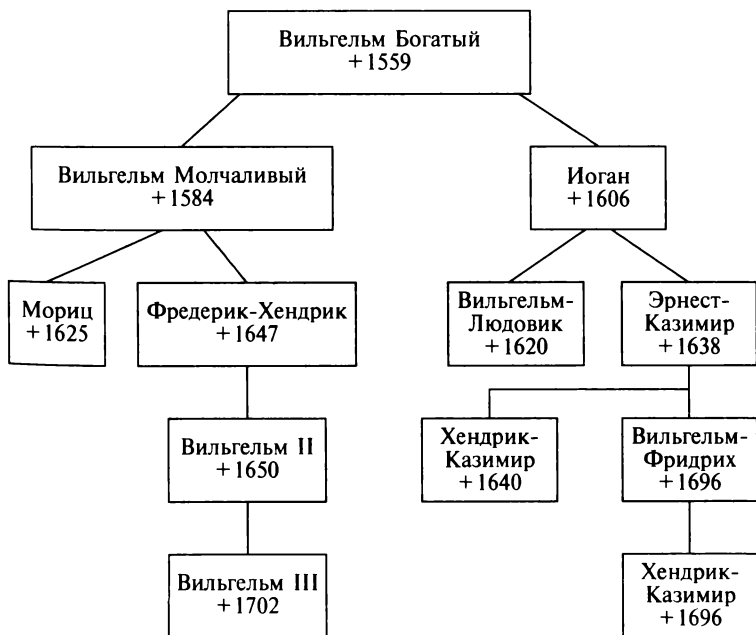
собленностью. Война с Испанией, вынудившая множество вопросов решать сообща, в то же время в большой степени способствовала развитию самоуправления. Свободы в Республике исходили от избираемых народом муниципальных властей, состав которых, правда, с XVII века, стал обновляться путем кооптации, после чего власть сосредоточилась в руках местных нотаблей. На примере Амстердама схема управления выглядела следующим образом. В муниципалитет входили: законодательный совет в составе 36 членов, девять эшевенгов, образовывавших трибунал, четыре бургомистра, казначеи и пенсионарий-юрисконсульт. Таким образом, город представлял собой маленькую республику, и из таких республик в рамках провинции складывалась своего рода федерация. Система управления последней, обладавшей значительной властью, имела сходную структуру. Совет, который состоял из делегатов от городов и благородного сословия, назывался здесь Штатами. При обсуждениях подсчитывали голоса не депутатов, но представляемых ими сообществ. Так, в Штатах провинции Голландия дворянству выделялся один голос, как и каждому городу. Зато в Хелдере и Оверэйселе дворянство пользовалось большими правами. Крестьяне были представлены только в Фрисландии и Гронингене, где деревни объединялись в коммуны, так называемые байли, или оммеландены, обладавшие юридическим статусом. Генеральные штаты центрального правительства, которое заседало в Гааге, представляли высшую власть, которая должна была верховенствовать надо всеми провинциями, но по сути являла собой всего лишь собрание их представителей. Интриги, закулисные игры, политический торг нередко подменяли здесь конструктивные обсуждения. Генеральные штаты стояли на страже прежде всего интересов провинций, малейшая попытка затронуть которые могла привести к расторжению унии, существовавшей на основе согласия всех сторон. Так, в 1648 году Зеландия оказалась на грани выхода из союза, чего, к счастью, не случилось. Несмотря на подобные инциденты, раскола не произошло, но угроза остава-

лась, что препятствовало принятию любых долгосрочных политических решений.

В системе конституционной иерархии штатгальтер занимал весьма неопределенное положение. Являясь главнокомандующим вооруженными силами и пользуясь такими привилегиями, как право помилования и право назначения некоторых министров, он тем не менее был лишен возможности контролировать юридическую и налоговую сферы и к тому же вынужден был мириться с существованием других лиц, имеющих в Республике такие же полномочия: с начала XVII века Фрисландией и Гронингеном управляли собственные штатгальтеры. В политическом отношении гаагский штатгальтер — скорее исполнитель чужой, нежели своей воли; в субъективном — для большинства населения Нидерландов он — всего лишь национальный символ.

Ниже приводится генеалогическое древо рода Оранских-Нассауских в XVI—XVII веках:

Представители младшей ветви, начиная с Вильгельма-Людовика, были штатгальтерами Фрисландии и Гронингена.

В XVI веке революция пробудила от спячки старый добрый народ Нидерландов, рыбаков и крестьян, остававшихся в стороне от торных дорог цивилизации. Антипапистская Реформация и война с Испанией открыли источники столь необходимой им энергии, которая позволила вырваться из болота прозябания и стать на новый для них путь накопления финансового капитала и высокой культуры мышления. Тяжелейшая война, потребовавшая от людей истинного героизма, поставила относительно слабо развитое общество в чрезвычайную ситуацию, и это вызвало резкий рывок в развитии, пробуждение в народе созидательного гения. После окончания войны общество продолжало по инерции двигаться вперед; прогресс выразился в деятельности, не всегда преследовавшей практические цели: например, в возможности заниматься искусством, а это была непозволительная прежде роскошь. И в течение последовавших нескольких лет догорали, пожалуй, самые яркие угли этого творческого костра. С подписанием Вестфальского мира искры бывшего огня озяряли лишь немногих избранных, число которых таяло год от года. К кризису 1672 года они исчезли безвозвратно.

Вот эпоха, о которой повествуется в нашей книге.

Амстердам, март 1959

П. 3.

Н.В. По мере возможности мы унифицировали цифры, взятые из подлинных документов, где суммы указывались в различных валютах или гульденах, переводя старую систему измерений в современную десятичную.

ЗА ГОРОДСКОЙ СТЕНОЙ

Глава I

Город

Вид города

Английский посланник в Гааге Уильям Темпл, издавший в 1673 году довольно объемный труд о Нидерландах, восхищался особой *атмосферой* и «зачастую величием»¹ городов этой страны. «Золотой век» ознаменовался огромными капиталовложениями в строительство и благоустройство городов. Богатый буржуа был переполнен гордостью за величие своего города, а находясь за границей, не мог нахвалиться своим родным краем.

Коричневое, черное или розовое пятна на зеленом луговом просторе. И контуры дюн у линии горизонта. Это город, раскинувшийся на безбрежной, без единого бугорка, равнине. Только на севере и востоке, как, например, в Неймегене, можно встретить возвышенности, которые во Франции и Германии, впрочем, как и в других странах, служат естественным фундаментом города. Несколько башен, колокольня, остроконечные крыши отчетливо вырисовываются на фоне бескрайнего неба, залитого нежным солнечным светом или затянутого пеленой облаков. Длинная кирпичная стена, насыпь. Большинство городов начала XVII века еще сохранило свои укрепления: кирпичные стены, зубцы и бойницы, башни, рвы. Тут и там мощные ворота с подъемными мостами; иногда, например, в Зютфене, ворота выхо-

дят не на улицу, а на канал, протекающий под воротной аркой. В те времена никто уже не следил за состоянием укреплений. Жители сажали на них деревья, разбивали газоны, устраивали места для гуляний. К 1670 году в Лейдене еще уцелели широкие и глубокие рвы, но вместо мощных укреплений жители довольствовались несколькими башенками на заросшем травой валу, усиленном живой изгородью и выложенном с внешней стороны кирпичом. Почти повсеместно укрепления, когда-то прикрывавшие с боков ворота города, были разрушены. Некоторые все же сохранялись, скорее по эстетическим соображениям, лишь в исключительных случаях имея оборонительное значение. Массивная башня с часами из двух или даже трех этажей, на которых размещались помещения различных муниципальных организаций: охрана, гильдии, «зал риторики». Возьмем, к примеру, воротный комплекс Хорна из кирпича и серого камня, в котором располагался городской арсенал и который был сооружен таким образом, что дорога, проходившая между двумя его мощными круглыми башнями, выписывала сильно изогнутую кривую; или еще один пример — окрашенные в белый цвет кирпичные ворота Зирикзее, оскалившиеся зубцами бойниц.

Голландские города строились, как правило, по одной из трех основных моделей: круглые с более или менее замкнутыми улицами — Лейден, Гарлем (Харлем), Гауда; почти четырехугольные с прямыми улицами — Делфт, Алкмар; и, наконец, остроугольные, неправильной формы, зажавшиеся между двух рукавов канала или *реки* — Дордрехт, Медемблик. Вдоль основного канала, образующего своего рода ось города, выстраиваются разнообразнейшие фасады зданий, лотки под навесами, горбатый мостик, другой канал, а вот и рыночная площадь с возвышающимся над ней зданием гильдий, мясной крытый рынок, городская ратуша — символ муниципальных свобод, а над всем этим море остроконечных крыш, уткнувшийся в небо шпиль католического собора. Вот центр, вокруг которого строится вся жизнь.

Хотя к началу XVII века в большинстве городов еще не было мостовых, городские власти уже начали мостить центральные площади и примыкающие к ним улицы, стремясь способствовать развитию торговых перевозок. К 1650 году большинство общественных городских дорог были мощеными, что вызвало недовольство кальвинистских проповедников, возмущавшихся бессмысленной, на их взгляд, тратой денег на такую ненужную роскошь. На улицах были двойные мостовые: в центре улицы — грубое шероховатое покрытие из кирпича или булыжника для проезда экипажей и повозок, а вдоль домов — аккуратный тротуар из плотно уложенных обтесанных брусков (так же обустроивались набережные каналов). Канал — неотъемлемая часть голландской улицы, он располагался обычно за рядами домов вдоль мостовой. Даже за городом крестьянский дом окружал ров, заполненный водой. Похоже, что голландцы вообще не представляли свое жилище без воды. В богатых кварталах берега каналов обсаживали деревьями, вязами или липами, которые, склоняясь кроной к черной воде канала (с дном, покрытым многовековым слоем ила), отражались в ней под лучами солнца, как в старом зеркале, вместе с высокими фронтонами зданий в стиле барокко, решетчатыми окнами и распахнутыми зелеными ставнями.

Такая оздоровительная мера, как мощение улиц, затронула далеко не весь город. Все еще встречались утопающие в грязи немощеные улочки, особенно в старых и бедных кварталах, застроенных деревянными домишками с характерной для Средневековья архитектурой: второй этаж нависал над первым, так что, если улица не была разделена каналом, можно было, свесившись из окна, обменяться рукопожатием с соседом из дома напротив. В больших городах такие кварталы, напоминая гигантский муравейник, населяла разнородная масса бедняков. Жилищный кризис, имевший место на протяжении всего «золотого века», и спекуляции с недвижимостью превратили деревянные лачужки в бараки. Перекупщики приобретали здания и при помощи дополни-

тельных перегородок увеличивали число квартир, которые и сдавали по ростовщическим ценам. Крупным городам, таким, как Лейден, Амстердам, Висп, не удалось в ту эпоху избавиться ни от трущоб, ни от их обитателей.

Деревянные дома попадались даже на главных улицах, однако новые здания строились только из кирпича. Светлый песчаник шел на отделку фасадов, хотя тесаный камень оставался пока большой редкостью. Первые каменные здания воссоздавали форму старых построек, и с фасада их этажи несколько выдавались вперед. Впоследствии им стали придавать более правильную форму, а этажи выстраивали по одной линии. С появлением достаточных площадей строительство зданий велось не столько в высоту, сколько в ширину. Тем не менее для большинства построек характерно скорее обратное. Впрочем, из-за высоты оконных проемов фасады зданий казались не такими широкими, как это было на самом деле.

В голландских городах было не так уж много больших домов. Предпочтение отдавалось относительно небольшим зданиям, отстоявшим друг от друга хотя бы на несколько сантиметров. Дом, как правило, предназначался для одной семьи. А потому рост населения требовал строительства нового жилья. Вместо надстройки существующих зданий расширялись, и порой значительно, границы города. Обычно высота построек не превышала трех, редко четырех этажей. Однако с течением времени высота дома стала для буржуа знаком богатства и благополучия. Так, в Амстердаме встречаются пяти- и даже семиэтажные здания.

Редко фасад голландского дома насчитывал более пяти-шести оконных проемов. Обычно дом вытягивался в глубину. Влажный климат оказывал столь сильное разрушающее воздействие, что жители часто смазывали смолой внешние стены дома, из-за чего город окрашивался в темные тона, зато на этом фоне тем отчетливее вырисовывалась светлая вязь отделки из песчаника. Довольно часто встречались

фасады с выдающейся вперед верхней частью. Эта архитектурная особенность объясняется желанием строителей воспрепятствовать проникновению внутрь дома дождевой воды. Нижний, или «подземный» этаж, плоскость пола которого находилась на уровне расположенного напротив канала, был отделен от улицы закрытым решеткой рвом шириной примерно в метр; попасть сюда можно было по лестнице из четырех-пяти ступенек. На первый этаж, иногда слегка приподнятый над уровнем земли, можно было войти со стороны улицы через центральный вход, с крыльцом или без; над выходящими на улицу окнами первого этажа в свинцовых переплетах тянулся вдоль всего фасада здания навес, так называемый лёйфель, обычно из крашеного дерева, который защищал от дождя и солнечных лучей часть тротуара, где ремесленник любил работать, а буржуа — дышать свежим воздухом теплыми летними вечерами, уютно устроившись на скамеечке возле дома. Со временем такие навесы отойдут в прошлое. Выше располагались окна второго и третьего этажей, причем на последнем, под самой кровлей, редко бывало более одного окна, которое, правда, могла заменять дверь с высоким проемом, если здесь был устроен склад с прикрепленным к потолку крюком для подъема грузов. Дом венчала крыша с сильно наклоненными скатами, образующими в верхней части фасада треугольный фронто́н с провалом слухового окна, служившим излюбленным у архитекторов «золотого века» украшением. Тут и там крыши зданий украшали прямоугольные пластроны, возвышавшиеся над общей линией крыши.

Так выглядел обычный голландский дом. Однако, в зависимости от состояния и общественного положения владельца, детали его отделки могли варьироваться. На домах богачей не было навесов, вместо них окна защищали мощные ставни. Подоконники и наличники украшали кариа́тиды, львы, мифические фигуры. Вдоль фасада тянулись пилястры, цоколь которых вскоре начали делать из мрамора, иногда — с фаянсовыми инкрустациями. Люди попроще, как

правило, владельцы двухэтажных домиков, могут позволить себе только одну роскошь: покрыть лаком деревянные части своих жилищ, оконные рамы, ставни и двери. Этот лак зеленого, красного, коричневого, белого цветов, защищая дерево от разрушающего воздействия сырости, придавал голландской улице, даже более чем кирпичная облицовка, нарядный и зажиточный вид.

Но улица — это не только нагромождение каменных или деревянных коробок, разделенных мостовой. Улица играет важную социальную, если не политическую роль. Ремесленники одного цеха обычно селились вместе. Именно так появились улицы бочаров, сапожников, булочников. Подобная концентрация представителей одной профессии в одном месте облегчала контроль за их деятельностью, право на который имели в то время различные цеховые корпорации. Так, в Утрехте шведы сами ловили на своей улице и заключали под стражу тех, кто работал нелегально или не желал вступить в гильдию. Таким образом, город являл собой, по существу, конгломерат разнообразнейших мирков, каждый из которых имел свой особый колорит. В них свято чтились и тщательно соблюдались традиции, нарушать которые не смел ни один человек.

Названия улиц и площадей сами говорят о роде занятий их обитателей: Стекольная, Винная, Сырная, Цветочная, Пряная улицы, Кузнечная речка, Канал вельмож. Обычно даже дома имели свое название, восходящее к профессии владельца. Толстосумы украшали фронтоны домов гербами и родовыми вензелями. Однако чаще всего на фасадах зданий встречались доски кованого железа, на которых реалистически или аллегорически представлялась профессия владельцев дома или почитаемые ими добродетели. Горшечник рисовал на своем доме горшок, портной — ножницы или святого Мартина, разрезающего полы плаща. В народе так даже и говорили: «Пойти к «ножницам». В одном контракте на продажу места, о котором шла речь, обозначено следующим образом: «Колокольный дом на большой улице, напро-

тив Щетки, недалеко от Кузнечной улицы города Дордрехта». А один набожный буржуа, построив три дома один возле другого, назвал их Вера, Надежда и Милосердие, украсив опоры библейскими персонажами. Другие желали показать свою начитанность. Так, в Амстердаме один дом назывался «Четыре сына Эмона»*. В деревне порой считали достаточным прибить дощечку к дереву напротив двери. С развитием ремесел и торговли в XVII веке число украшений такого рода увеличилось. Дордрехт особенно славился числом и многообразием своих вывесок. Некоторые владельцы домов даже заказывали их выдающимся художникам, превращая простую доску в произведение искусства. Порой на одном доме можно было увидеть несколько вывесок, поскольку новый владелец сохранял доски прежних хозяев по чисто эстетическим соображениям. Дом кондитера легко было узнать по изображениям святых Николаса и Оберта или обычной печки. На вывеске врача красовалась «утка». Возле двери или окна дома хирурга был выставлен шест с желтым верхним концом и белыми, красными и синими полосами, символизировавшими удаление зубов и лечение переломов (белый цвет), кровопускание (красный) и бритье бороды (синий). Со стен табачных лавок смотрел крестьянин или моряк, а порой и известный мореплаватель, с трубкой в руках и девизом вокруг головы². Суда на канале, повозки, ведра и бочки для доставки съестных припасов пестрили синим, красным, зеленым, черным цветами, от которых рябило в глазах. Но не только яркие цвета оживляли голландский город. Он был полон звуков: грохот мастерских, крики торговцев, скрип телег и повозок (хотя, по сравнению с оглушающей какофонией французских улиц³, этот шум скорее похож на шорох листьев под ногами). Каждый час небо звенело от перезвона бесчисленных колоколов. Бой курантов стал в Голландии национальным искусством. Многие часы пользовались

---

* «Четыре сына Эмона» (или «Рено де Монтобан») — героическая поэма XII века. — *Примеч. пер.*

особой известностью: куранты Старой церкви в Амстердаме, церкви Святого Иоанна в Хертогенбосе, Утрехтского собора, церкви Синт-Серваскерк в Маастрихте, здания гильдий в Алкмаре. На некоторых из них установлено более ста колоколов⁴.

Как и в Средние века, в большинстве городов все еще встречались пустыри, то есть луга или поля. Именно они застраивались в первую очередь в разрастающихся больших городах. Здесь же устраивались и «майлы»: длинные полоски земли, обсаженные по краям деревьями и застроенные рядами таверн. Майл Утрехта, созданный в 1637 году, достигал почти 700 метров в длину и считался самым красивым в Европе, большей частью благодаря великолепным тенистым липовым аллеям. (Липа вообще была излюбленным декоративным деревом в нидерландских городах.) В новом квартале Амстердама, на северо-востоке города, муниципальные власти разбили общественный сад. Однако такие нововведения оставались редкостью. В Гааге, помимо майла, вдоль естественного парка, названного «Лес», была устроена полоса живой природы, где можно было увидеть даже лесных зверей, правда, за защитной решеткой. Расположенная на живописных небольших холмах, поросших величественными дубами, не изуродованных ножницами садовника, она стала излюбленным местом прогулок представительниц прекрасного пола.

В Гааге, резиденции штатгальтера, поиску форм красоты, располагавших к отдыху или тешащих тщеславие, уделяли больше внимания, чем в торговых городах. Нигде вы не нашли бы такой свежей и прозрачной воды, как здесь. Гаага, наверное, была единственным городом в Голландии, на немногочисленных каналах которого не было видно ни одной из тех лодок, которые вечно сновали в суматошных торговых портах. К парку «Лес» прилегал богатый квартал: особняки иностранных послов и дворец принцев Оранских, над массивным четырехугольником здания которого возвышался шпиль домовой церкви, отражавшийся в широкой глади пруда с жи-

вой рыбой. Город поражал духом веселья и благородства, это была настоящая столица, почти французского склада, архитектура которой не имела себе равной в Нидерландах.

В трех лье к северу, на пути в Амстердам, лежал Лейден, куда путешественник мог въехать через одни из восьми ворот. Лейден, город с развитой промышленностью и знаменитым университетом, являлся центром сети крупнейших городов, которые образовывали основу провинции Голландия, находясь всего в пяти лье от Гарлема и Гауды, в семи — от Амстердама, в десяти — от Утрехта и в трех лье — от Делфта.

На юге провинции, в шести лье от морского побережья, раскинулся на обоих берегах полноводного Мааса Роттердам. В часы прилива даже самые большие корабли могли подняться по реке прямо к центру города. Этим, видимо, объяснялась особенность архитектуры домов живших здесь коммерсантов, у которых на разгрузочную набережную выходил не один фасад, а целых две стороны. В XVII веке жилищный кризис вынудил городские власти перенести судостроительные верфи за черту города, на западные луга, устроив там просторные доки с необходимыми водными путями.

По энергии и размаху деятельности Роттердам, Дордрехт и Мидделбург, столица Зеландии на острове Валхерен, могли тягаться с самим Амстердамом. Однако отпадение Антверпена вознесло Амстердам на такую высоту, что ничто уже не могло угрожать его могуществу, тем более что процветавшие в XVI веке старые большие города, как, например, морские порты Энкхёйзен и Хорн на Зейдер-Зе, постепенно пришли в упадок и впали в сонную одурь, превратившись в рыбацкие поселки, расположенные на берегу этого внутреннего моря, подобно Медемлику и Монникендаму.

Один из крупнейших городов Западной Европы, Амстердам являл собой настоящее чудо цивилизованного мира, не столько благодаря своей красоте, сколько из-за высокой степени активности своей жизни. По тем временам Амстердам казался огром-

ным — в начале XVIII века требовалось почти два часа, чтобы пройти его из конца в конец, пересекая полукружья каналов, на берегах которых высился этот город. Развернутый веером вокруг центра (порт, биржа, ратуша, площадь Дам), он был органично собран, не прекращая разрастаться. Гармоничность планировки составила, пожалуй, его самую привлекательную черту. Интеллектуальный центр Соединенных провинций Амстердам предоставлял наибольшую свободу мысли и наилучшие экономические условия. Эта та печка, от которой танцевал весь деловой мир страны. Такое исключительное положение города не могло не способствовать развитию независимых взглядов его жителей, с недоверием относившихся ко всему, что исходило из штатгальтерской Гааги. Экономическую ориентацию Амстердама легко проследить благодаря огромному числу складов, лепившихся вдоль каналов и громоздившихся между перекидными сходнями и изящными арками мостов. Эти склады тянулись вплоть до самого центра богатых кварталов, их высокие здания смешались с домами купеческих старшин, выходившими и на улицу, и на канал, возле которых с юрких шлюпок, обслуживавших в порту суда, сваливали ящики, тюки, бочки и кадки. Эстетическое стремление облагородить город повсеместно сталкивалось с необходимостью действенного сообщения между его разделенными водой частями и нередко приносилось в жертву практицизму. Этот огромный город был построен на болотах при впадении Амстела в залив Зейдер-Зе — местности, казалось бы, наименее пригодной для жилья. Первые поселения располагались на нескольких полосах земли, перпендикулярных заливу. Впоследствии здесь сформировалось ядро города в полумесяце канала Сингель («Пояс»). Строительству приходилось вести на землях, отвоєванных у моря, и грунтовые воды встречались на глубине всего нескольких метров. Поэтому все здания в Амстердаме стоят на мощных сваях, глубоко уходящих в почву, пропитанную, как губка, влагой. В народе по этому поводу ходил даже ироничный стишок:

Амстердам — торговцев город,
А построен на столбах.
Если рухнет вдруг опоры,
Будет толк ли в их счетах?⁵

Город был окружен кирпичной стеной с почти тысячью арок, под сводами которых в невероятной тесноте ютилась беднота. Двадцать шесть ворот выходили на такое же количество улиц, которые вели в Старый город, где Амстел разбежался бесчисленными серебряными дорожками водных путей. С севера Старый город омывал Амстел, рассекая его на несколько частей. Один квартал даже назывался «Островным», так как практически целиком был расположен на маленьких клочках суши в русле этой реки. По обеим сторонам узеньких улиц здесь вставала сплошная стена складов с редкими брешами мостов, где ночью слышалась возня крыс. В восточной части город был опутан сетью грязных улочек, на которых трущобы соседствовали с дворянскими особняками. В 1601 году поток еврейских эмигрантов из Португалии и Испании, к которым присоединились протестанты из соседней Фландрии, вызвал стремительный рост этого изначально небольшого города. В 1601 году диаметр Амстердама вырос на 400 шагов, однако полученное таким образом скудное пространство заполнилось уже за несколько лет. Для дальнейшего роста начали осушать болота на востоке. Строительство велось планомерно, ничего не оставляли на волю случая. В 1610 году комплексный план реконструкции города был представлен на рассмотрение муниципалитета. Работы начались лишь два года спустя. Были срыты все старые укрепления, за исключением башен, которые с тех пор возвышались над центром города, как одинокие призраки. Прорыто три больших кольцевых канала на манер Сингеля, расположенных на значительном расстоянии друг от друга — для устройства садов с тыльной стороны зданий. План был воистину грандиозным. Площадь города выросла в три раза, достигнув 726 гектаров. Огромное пространство, но и его уже не хватало. В 1615, 1658 и 1660 годах последовательно

реализовывались новые проекты. С 1648 года этот район, и без того свехурбанизированный, представлял собой гигантскую строительную площадку. В черту города попали острова залива Эй; был возведен новый полукруг кварталов, более широкий, чем предыдущий, перерезанный поперечными улицами, застроенными лавками коммерсантов. Достигнув в 1672 году излучины Амстела, строители были вынуждены отойти от полуконцентрического плана. На берегу этой реки вырос почти прямоугольный квартал. Таким образом, облик Амстердама был полностью обновлен, утратив последние средневековые черты. Но в это время начался экономический спад. Капиталовложения в расширение города сковали значительные денежные средства. На одну только постройку новых укреплений ушло 11 миллионов гульденов, а новая ратуша обошлась в восемь⁶. В правительственных кругах такая ситуация вызывала серьезные опасения, о чем свидетельствует Уильям Темпл⁷.

Тем не менее полвека строительного бума оставили человечеству шедевры архитектуры, в частности монументальное здание городской ратуши (в настоящее время — королевский дворец), воздвигнутое на Соборной площади. Масштабы последнего — вызов вездесущей влаге, вызов, который был тем более смелым, что в качестве строительного материала был выбран тесаный камень. В болотистую почву пришлось вбить тысячи свай. Опасаясь потерпеть неудачу, которая бы слишком потрясла умы, при утверждении этого проекта муниципалитет отказался установить твердые сроки окончания работ. Возможно, такая осторожность была вызвана суеверным страхом — Антверпен подвергся разорению в год окончания строительства его ратуши. Сооружение дворца завершилось его торжественным открытием в 1656 году. Огромное прямоугольное здание в стиле Людовика XIV, увенчанное куполом и небольшой колоколенкой, вызывало у французских путешественников удивление отсутствием крыльца и парадного подъезда⁸. Действительно, всю длину фасада занима-

ют семь дверей одинакового размера, открывающихся на уровне улицы. С какой целью они сделаны? Может быть, они символизируют семь Соединенных провинций? Или они предназначались для воспрепятствования скоплению бунтовщиков при народных волнениях?.. В действительности в этом здании располагались коммунальные службы, суд, арсенал, сокровищница Амстердамского банка и в подвальных помещениях — тюрьма. Большинство из тех, кто посетил его в XVII веке, не уставали восхищаться этим шедевром. Например, Вондел написал настоящий панегирик. Всем своим видом дворец Амстердама свидетельствовал о стремлении к могуществу. На одном из украшающих его барельефов помещено аллегорическое изображение четырех частей света, подносящих дары божественному городу...

Ратуши других городов Нидерландов хотя и не превосходят, зато ни в чем не уступают дворцу Амстердама. Путешественники восхищались ратушей Дордрехта и в особенности слегка наклонившимся зданием ратуши Гауды из темно-серого камня, которое возвышается в центре главной площади с середины XV века. В небогатых архитектурными памятниками Нидерландах во времена «золотого века» еще можно было встретить великолепные следы прошлого — живописные руины наподобие средневекового замка Лейдена или такие любопытные незавершенные сооружения, как квадратная глыба дозорной башни в Зейдер-Зе, которая по замыслу создателей должна была стать самой высокой в мире. К незаконченным постройкам можно отнести Утрехтский собор, со стометровой башни которого можно обозреть всю провинцию. Гигантский неф этого великолепного образца поздней готики был обрушен ураганом вечером 1 августа 1674 года, сразу по окончании строительных работ. Восстанавливать его в прежнем виде не стали, но дополнили трансептом, что позволило создать большую церковь.

Почти повсеместно церкви — это старые католические храмы, захваченные реформистами. Они несут отпечаток иконоборческого движения, охватив-

шего страну в начале смут. Обычно мало украшенные снаружи из-за климатических условий, при которых кирпич и песчаник быстро выветриваются, а грани сглаживаются, внутри они были напрочь лишены архитектурных излишеств: кафедры, аналоя и скамей. Никаких изображений на выбеленных известковой стенах. Хоры часто служили усыпальницей богатых людей. Церковь для протестантов — не святое место в том смысле, в каком его понимали католики. В церквях прогуливались в плохую погоду, проводили ассамблеи, давали концерты...

В маленьких городах настоящие церкви были далеко не всегда. Часто службы проходили в бараках, называемых «молельными домами». В 1638 году так было и в Зандейке, куда был направлен пастором Борстий. Его ораторское искусство привлекало на проповеди столько народа, что в тесной молельне для всех не хватало места и «пришедшие чувствовали себя плохо или жаловались на головную боль, столь сильную, что многие не чувствовали в себе достаточно мужества прийти сюда еще раз... случалось, дети падали без чувств на руки матерей и их уносили, как мертвых»⁹. По этой причине было решено построить более просторное помещение. Когда в 1642 году завершились строительные работы, старое здание было... продано за 900 гульденов. Счастливый обладатель «храма Божия» переправил его в Кааг, где и использовал при постройке фермы.

По окончании XVI века, ознаменовавшегося отходом от готического стиля, архитектура значительно эволюционирует. Увеличивается количество сочленений, контрасты тонут в пластике ансамбля, как на здании крытого мясного рынка в Гарлеме. Церкви, построенные после 1600 года, уже не следуют традиционному плану, предусматривавшему деление на неф, трансепт с боковыми капеллами и хоры. Лютеранская церковь в Амстердаме — округлая, так же как Марекерк в Лейдене и некоторые другие. Теперь уже не было важно, чтобы взгляд верных христиан обра-

щался на восток, главное было привлечь их слух к кафедре. Голландский ренессанс испытал на себе итальянское влияние — орнамент превратился в декоративную вязь, наложенную на массу здания. Учебники архитектуры, бывшие в употреблении вплоть до середины XVII века, были пронизаны итальянскими традициями; тем не менее вдохновение все больше черпали во французском классицизме, одержавшем в конце века полную победу. К этому времени здания становились все более массивными и роскошными, в особенности у аристократов. Формы замыкались на самих себе, части зданий были плотно соединены, а размеры построек увеличились (Морицхёйс в Гааге, дом Трип в Амстердаме). Украшение зданий стало более единообразным, более архитектурным: колонны, пилястры, карнизы, «гротески», затейливые надписи на наличниках окон и дверей, тритоны, сатиры, птицы, акантовые листья, иногда — характерная для Голландии стилизованная бытовая сценка. Но парижская мода в конце концов взяла верх над местными тенденциями в искусстве декорации. С этого момента произошло разделение зодчих на архитекторов и декораторов. Первые теперь играли практически роль каменщиков, возводящих стены.

В новой голландской архитектуре часто использовались заимствованные декоративные сюжеты. Однако направленность голландской школы, продиктованная нуждами торговли и мореплавания, оставалась глубоко практичной. Это особенно заметно в Амстердаме, где необходимость ведения строительства на крошечных островках суши сдерживала полет фантазии архитекторов. Протяженность участков застройки, омываемых водами каналов, колебалась от 6,5 до 8 метров со стороны фасада и достигала 60 метров в глубину (для дома вместе с садом); таким образом обеспечивался выход на канал всех зданий, а для живших здесь купцов было немаловажно, чтобы принадлежащие им суда отстояли от подъездов домов лишь на длину крана. Обычай сохранять место за домом для дворика или сада, так же как и общность владений, привел к сокращению и без того

скромной площади поверхности фасада, которую можно было украсить. Иногда создается впечатление, что художник-декоратор хотел восполнить этот недостаток, разместив на нескольких квадратных метрах как можно больше сюжетов. Правда, их избыток ничуть не скрашивало крайней скудости голландской скульптуры вообще¹⁰.

Общественный порядок в городе

Ни одна страна Европы XVII века не знала такого скопления городов, как Нидерланды, и в особенности провинция Голландия. Данные о числе жителей различных голландских городов, которыми мы располагаем на сегодняшний день, принимаются с большими оговорками, поскольку перепись населения проводилась в то время с целью налогообложения и численные показатели могут оказаться заниженными. Так, при переписи 1622 года, призванной установить сумму чрезвычайного подушного налога, не учитывались матросы, солдаты колониальной службы, бродяги, инородцы без зарегистрированного места проживания и заключенные, зато в списки попали воспитанники исправительных домов и «золотая рота» богаделен. В результате были получены следующие цифры:

В целом по провинции	672 000 жителей
Амстердам	105 000 жителей
Лейден	45 000 жителей
Гарлем	39 000 жителей
Делфт	23 000 жителей
Энкхёйзен	21 000 жителей
Роттердам	19 500 жителей
Дордрехт	18 300 жителей
Гаага	16 000 жителей

По итогам переписи 1630 года, проведенной в Амстердаме ради распределения съестных припасов по семьям, в нем проживало уже 115 тысяч человек, а записи в реестрах гражданской палаты позволяют

установить, что в 1640 году население Амстердама достигло почти 140 тысяч¹¹. Таким образом, за 18 лет, предшествовавших второму этапу расширения города, прирост числа его жителей мог составить от 25 до 30 тысяч человек. Рост населения наблюдался по всей стране. Так, в Гааге к 1700 году насчитывалось 50 тысяч жителей, а в Роттердаме — 80¹².

По этим цифрам нетрудно представить себе, какие проблемы вставали в то время перед плохо оснащенными специалистами как производственной, так и непромышленной сфер. Главная заключалась в благоустройстве путей сообщения и организации движения. За мощением улиц последовало появление частных экипажей. Первая карета (то есть рессорный экипаж), которую увидели голландцы, была заказана во Франции супругой Вильгельма Оранского — Луизой де Колиньи. Поначалу новшество пришлось по вкусу лишь немногим и в первые годы XVII века получило признание только в Гааге. Сильные мира сего по-прежнему предпочитали ездить верхом или пользоваться услугами наемных двуколок. К 1610 году отдельные кареты встречались уже на улицах Амстердама и Дордрехта, а затем их число увеличилось с неожиданной быстротой. Однако по сравнению с Францией таких экипажей по-прежнему было немного. В Утрехте, например, не больше ста.

Зато наряду с тяжелыми роскошными каретами в скором времени появились легкие экипажи — кабриолеты с кожаным верхом, коляски и фиакры, как правило, французской работы. Начиная с середины века, дворяне все реже садились в седло¹³.

Такое развитие транспортных средств повлекло за собой увеличение интенсивности уличного движения, в то время как в Амстердаме, например, улицы были настолько узки, что карета еле протискивалась между домами, занимая всю проезжую часть. В 1615 году встал вопрос об установлении на улицах, ведущих к хлебному рынку, одностороннего движения для коммерческих перевозок. К 1634 году ситуация настолько осложнилась, что муниципальные власти запретили движение личного транспорта в

центре города. Эта мера была принята крайне неохотно, так как она ущемляла интересы многих влиятельных лиц, в том числе «отцов города». Довольно скоро власти пошли на уступки, разрешив владельцам экипажей, возвращавшимся с прогулки или из поездки, доезжать до своих ворот при условии, что они воспользуются наикратчайшей дорогой.

Помимо невероятной тесноты улиц в Амстердаме существовало еще одно немаловажное препятствие нормальному движению, а именно — многочисленные радуги мостов. Последние были настоящим мучением для возниц: втащить карету на крутой подъеме было не менее трудно, чем удержать ее на резко уходящем вниз спуске. В 1664 году одному возчику французского происхождения пришла в голову превосходная идея установить кузов кареты на полозья. Вскоре подобные «сани» стали пользоваться бешеным успехом. В течение нескольких лет они разошлись по всем городам Соединенных провинций и стали одной из тех самобытных черт, которые придают Нидерландам их неповторимое очарование. Верхняя часть этого нового средства передвижения воспроизводила модели модных экипажей, как закрытых, так и открытых. Кроме того, производились грузовые сани для доставки товаров по городу. Чтобы облегчить прохождение мостов, к кузову железными скобами крепились соответствующие аксессуары: кусок пропитанной жиром ткани для лучшего скольжения и соломенный башмак, чтобы тормозить. Управлять таким экипажем было нелегким делом. Вознице приходилось бежать во все лопатки справа от саней, зажав вожжи и кнут в левой руке, а правой придерживая груз. Ни на секунду не отрываясь от управления лошадьми, он в нужный момент бросал под полозья сальную тряпку или соломенный башмак или закидывал в воды канала превращенный в кадку бочонок на веревке, из которого затем поливал мостовую. Сани летели во весь дух, только успевай поворачиваться. Нечего и говорить, что прохожие подвергались немалой опасности, особенно в темное время суток, поскольку на санях не было фонарей.

К 1670 году экипажи и сани прочно вошли в быт горожан. Богачи покрывали кареты позолотой, отделяли их дорогими тканями и раскрашивали в яркие цвета. Тот, кто не мог позволить себе собственный экипаж, всегда знал, где его нанять. На Соборной площади выросли настоящие «стоянки такси» с конюшнями и пойлами, где путешественники или торговцы могли нанять лошадей и экипаж, позвонив в специальный колокольчик. На мелодичный звон сбегались кучера. Поскольку клиентов на всех не хватало, спор решался жеребьевкой. Бросали кости, и набравший больше очков шел запрягать лошадей.

Для поддержания общественного порядка городские власти располагали полицией, призванной следить за соблюдением предписаний и выполнением приговоров суда. Однако действенность этой службы, по правде говоря, вызывает сомнения. Старший бальи избирался скорее на основе социальных предпочтений, нежели компетентности претендента. Нередко управление полицией вручалось тому, кто более всех раскошелится, а желающих заполучить это теплое местечко всегда хватало. «Тяжкое бремя службы» в этой должности представляло для человека с подпорченной репутацией или без твердых моральных принципов двойной интерес: он становился недосыгаем для закона и в то же время получал немалый доход, произвольно повышая штрафы. В большинстве случаев старший бальи, принадлежавший обычно к одной из местных богатых фамилий, не желал пачкать руки, лично занимаясь грязными делишками, и передавал свои полномочия бальи 2-го ранга, непосредственному начальнику агентов полиции. Последний, как правило, являлся весьма сомнительной личностью с такой скверной репутацией, что перед ним закрывались двери домов всех добропорядочных буржуа. В литературе того времени фигура бальи неизменно окружена глубоким презрением, а его продажность стала нарицательной.

Среди служб военного типа особое место занимали воротные стражники, охранявшие ночной покой горожан. Если воротные башни города еще не были

разрушены, стражники жили в их внутренних помещениях. Они должны были открывать ворота утром и закрывать на ночь, в зависимости от расписания, установленного муниципалитетом. Каждый вечер, заперев ворота, стражник отдавал ключи бургомистру или оставлял их на ночь в городской ратуше.

Рядом с воротами располагалась ночная стража. Поначалу она набиралась из горожан, проходивших, выражаясь современным языком, «срочную службу». Но в 1620 году городские власти Амстердама преобразовали ночную стражу в роту из 158 профессиональных солдат под командованием капитана, лейтенантов и сержантов. В 1672 году была создана вторая рота, а общее число солдат достигло таким образом 280 человек. Для облегчения патрулирования город был разделен на 70 участков. К 1685 году стража насчитывала уже 560 человек, контролирующих 138 кварталов. Подобная организация в том или ином виде существовала во всех городах страны и даже в некоторых деревнях.

Каждый вечер, около десяти, дробь барабана созывала стражников на построение. Офицеры назначали патрули и распределяли снаряжение — фонари, трещотки, пики или алебарды. Иногда с патрулями в ночной обход отправлялись собаки. Дозор следовал по определенному маршруту. Медленным и тяжелым шагом стражники обходили пустынные улицы, набережные каналов, погруженные в темноту. В задачу патруля входило: сопровождать до дома заплутавших прохожих; задерживать всех, кто, нарушив предписания, передвигался без фонаря; подбирать пьяных; предупреждать горожан, неплотно закрывших свои окна или двери; ловить воров; следить за пожарной обстановкой в городе. Трещоткой подавали сигнал тревоги. В случае необходимости с ее помощью вызывали подкрепление из городской милиции. График дозоров менялся в зависимости от времени года и места несения службы. Так, зимой стражники возвращались в казармы в четыре утра.

Случалось, запоздалые горожане и студенты, нарвавшиеся на ночной дозор, отказывались подчи-

ниться и оказывали ожесточенное сопротивление. К таким несознательным гражданам закон был весьма суров. «Как-то раз в Гааге один вполне добропорядочный горожанин в драке убил стражника. Ни заступничество влиятельных лиц, ни толстый кошелек не смогли спасти его от казни. В назидание другим ему отрубили голову»¹⁴, — пишет французский путешественник Париваль. Тем не менее стражники пользовались не менее дурной славой, чем полицейские. Грубые, продажные, предпочитавшие греться холодными зимними ночами в кабаках, вместо того чтобы патрулировать улицы, они подозревались даже в связях с грабителями, если не поджигателями.

В большинстве городов на крепостных башнях с горном в руках несли ночную вахту наблюдатели. Такая, казалось бы, излишняя мера предосторожности кажется сейчас странной, однако не стоит забывать, сколько опасностей для мирно спящего горожанина таила в себе темнота в те далекие времена. С наступлением сумерек любая угроза дому и его владельцам становилась особенно явной: пожар, ограбление, убийство, падение в канал, наконец, ведь у набережных не было парапетов. Отсюда — введение комендантского часа, принятие постановлений об общественном освещении, которых было все же недостаточно, чтобы обязать стражников и всех, кто имел право выходить из дому в вечерние часы, брать с собой зажженный фонарь или факел. Несмотря на принимаемые меры, вплоть до 1670 года заход солнца ввергал голландский город в кромешную темень, так как лунный свет не мог проникнуть в него из-за чрезвычайной тесноты улиц и раскидистых деревьев бульваров. Уже с XVI века предпринимались попытки найти более действенный способ борьбы с темнотой. Так, в Дордрехте городская ратуша, кордегардия и некоторые другие общественные здания освещались установленными в специальных нишах свечами, которых к 1600 году ежегодно ставилось 4266. В других местах использовали небольшие масляные лампы, которые крепили на углах муниципальных зданий и на въезде опасных мостов. В 1579 году трак-

тирщикам Амстердама было приказано вывешивать такие лампы над дверьми своих заведений после десяти вечера. Об их законопослушности можно судить по тому, что в 1587 году властям пришлось еще раз обнародовать это предписание. Однако освещение, которого добились с таким трудом, было весьма скудным. В 1595 году муниципалитет потребовал, чтобы на фасаде каждого двенадцатого дома на железном крюке висел фонарь, и это было немедленно выполнено. Но фонарная свеча стоила денег, поэтому ее частенько «забывали» зажигать. В 1597 году пришлось набрать фонарщиков... и еще — сборщиков специального налога, предназначавшегося для оплаты услуг этих новых служащих. Тем не менее все усилия пропали даром из-за чисто технической проблемы — слабого свечения фонарей.

Эффективная система общественного освещения появилась наконец лишь в 1669 году, когда художник Ян ван дер Гейден представил на рассмотрение в муниципалитет Амстердама проект масляных ламп, специально приспособленных для улиц и предназначенных к массовой установке по всему городу. Это изобретение вызвало всплеск энтузиазма. Ван дер Гейден был удостоен звания «Инспектор общественных ламп» и принял управление городскими фонарями. С того момента каждый вечер фонарики обходили улицы с лесенками и тряпками, которыми они вытирали запачканные маслом стекла ламп... В 1679 году город освещали 133 лампы¹⁵, а через десять лет их насчитывалось уже 2400. Все лампы зажигались одновременно, а количество масла в них регулировалось в зависимости от долготы ночи. Примеру Амстердама последовали другие города. В 1678 году лампы Яна ван дер Гейдена были установлены в Гааге, в 1682 году — в Хорне. Что касается населенных пунктов меньшего значения, то об общественном освещении там не было слышно вплоть до конца XVII века.

Среди опасностей, возникавших с наступлением сумерек, была одна, которая не исчезла с решением проблемы освещения, а стала лишь более реаль-

ной — пожар. Для городов с преобладанием деревянных построек, невероятной теснотой улиц, а главное, примитивными средствами пожаротушения он становился самым страшным бедствием, которое только могло на них обрушиться. Любовь к иллюминациям, устраиваемым при помощи смолы на некоторых праздниках, привела к увеличению числа этих печальных происшествий. В 1665 году крестный ход в Рёрмонде послужил причиной пожара, опустошившего город; в 1667 году полностью сгорела деревушка Маркен, а еще раньше, в 1655 году, деревня Рейп. В 1651 году во время работ по строительству новой ратуши в Амстердаме при загадочных обстоятельствах загорелось уже частично разрушенное здание старой. Под порывами ветра огонь перебрался через площадь Дам и едва не охватил новые постройки. В результате этого происшествия погибла часть архивов и расплавилось большое количество серебряных монет, хранившихся в подвалах старой ратуши.

В народе воспринимали пожар как природное бедствие и видели в нем «карающую десницу Божию». Менее суеверные городские власти принимали все возможные меры для предотвращения пожаров и борьбы с ними. В Вормере, центре столь важной отрасли, как производство печенья, уже с 1604 года зажигали и гасили печи по сигналу, подаваемому с помощью особого колокола. В иное время готовить было запрещено. Повсеместно издавались постановления, предписывавшие строго определенные форму труб и материалы для их кладки. Во всех городах и большинстве деревень работали системы оповещения, вверенные заботам наблюдателей и ночных сторожей. Действовали они следующим образом: сторож вращал в обратную сторону свою трещотку, которая издавала легко распознаваемые заунывные звуки, а наблюдатель трубил в горн и вывешивал на башне зажженный фонарь, указывавший направление замеченных им языков пламени. По этому сигналу горожане спешно расхватывали пожарный инвентарь и бежали на борьбу с огнем. От-

носительная действенность этой системы основывалась на обилии средств пожаротушения и поддержании их в превосходном состоянии. В Лейдене городская пожарная команда располагала 12 лестницами, 400 факелами, 438 кожаными ведрами и двумя двадцатиметровыми морскими парусами, которые пропитывали водой и набрасывали на горящий дом. Кроме этого, в каждом квартале хранились четыре лестницы по 30 ступенек, две — по 23 и восемь — по 10, а также 400 факелов и два паруса. Владелец каждого дома, облагаемого налогом в размере от 1 до 30 гульденов, был обязан иметь ведро в хорошем состоянии. От дома с налогом от 30 до 200 гульденов выставлялась небольшая лестница, от 200 до 600 гульденов — две лестницы, а свыше 600 гульденов — две лестницы и ведро. Аналогичные правила распространялись и на мануфактуры. Пивоварня должна была иметь шесть ведер, ткацкая мастерская — четыре, пекарня — два. Ежегодно в апреле городские власти проводили инспекцию этого снаряжения: каждый горожанин, стоя возле дверей своего дома, демонстрировал положенное количество ведер и лестниц. Инспекторы медленно обходили улицы, дотошно осматривая выставленный инвентарь... Подобная схема организации пожарной безопасности существовала с более или менее незначительными отклонениями во всех городах. Небезызвестный Ян ван дер Гейден, отличившись на поприще городского освещения, достиг не меньших успехов в борьбе с его «побочными эффектами». После чудовищного пожара 12 января 1673 года, поглотившего канатное производство при адмиралтействе Амстердама, он получил одобрение муниципалитета на собственное изобретение, представлявшее из себя шприцевой насос, к которому вода подавалась по трубопроводу. Из этого насоса можно было поливать мощной струей воды в руку толщиной даже самые высокие здания.

Службы общественной гигиены (хотя они и кажутся сейчас пережитком прошлого) во многом оправдывали славу о невероятной любви к чистоте, которой отличались Нидерланды.

В каждом городе особые служащие осуществляли от имени заинтересованных корпораций контроль за рынками, отслеживая продукты питания, начавшие разлагаться: мясо, рыбу, вино и даже пшеницу. Отсутствие морозильных камер и проблемы с транспортом превратили контроль за качеством рыбы в одну из главных забот муниципалитетов больших городов. Процедура контроля регламентировалась весьма сложными предписаниями. Так, в Гааге рыба, привезенная из порта Схевинингена, попадала в город не коротким путем, а только через южные или северные ворота, чтобы в каждом квартале по очереди убедились в качестве товара. Остатки рыбы или морепродуктов должны были вывозиться за пределы города в течение получаса после закрытия рынка. В Утрехте испорченное вино выливали прямо в канал; было запрещено использовать лежалую пшеницу — зато ее разрешалось продавать в деревнях.

Все иностранные путешественники свидетельствуют о чистоте голландских улиц. Каждая горожанка регулярно мыла сама или заставляла мыть служанок тротуар и мостовую перед домом. Иногда улицы посыпали мелким песком. В Бруке мостовую драили щетками, а забота муниципалитета о чистоте воистину не знала границ — жителям даже запретили справлять на улице малую нужду! Брук, Алкмар и Лейден боролись между собой за звание самого чистого города, и посетившие их иностранные путешественники не знали, кому отдать пальму первенства¹⁶. Но Лейден находился в менее благоприятных условиях — из-за отсутствия проточной воды в каналах. Стоячая вода зарастала и издавала тошнотворный запах. Попытка исправить положение, прорыв канал до морского побережья, не увенчалась успехом, поскольку при этом пришлось бы пересечь линию дюн Катвейка, что создало бы угрозу затопления части провинции, лежащей ниже уровня моря. Каналы вообще оставались очагом заразы в обычно ухоженных голландских городах. В Нидерландах эпохи «золотого века» не знали канализации. Нечистоты сливали прямо в канал. Время от времени его

очищали и вычерпывали со дна все накопившиеся нечистоты, но в жару от канала исходила невыносимая вонь.

Гораздо лучше обстояло дело с уборкой мусора на мостовой. Если во Франции той поры улицам придавалась слегка вогнутая форма и сточный желоб располагался посередине, то в Голландии улицы были выпуклыми, с желобами по обеим сторонам. Сточные желоба прикрывались съёмными досками, за состоянием которых следили жившие рядом горожане. В Гааге на муниципального кантониста была возложена особая обязанность поливать несколько раз в день главные улицы. «Влажная уборка» производилась при помощи уникальной по тем временам поливальной машины на лошадиной тяге.

Глава II

В деревне

Географически Нидерланды XVII века были изолированы от других стран Европы. С одной стороны их омывало море, с другой — обступали болота и пески. Этот край казался затерянным среди «пустынь»¹. От испанских Фландрии и Брабанта Республику Соединённых провинций отделяли так называемые «великие реки», смешанные дельты Рейна и Мааса с бесчисленными рукавами и нечётким профилем берегов, которые были засажены плакучими ивами с обнажившимися корнями и укреплены пропитанными смолой сваями. Порой между оградой из деревьев и собственно берегом тянулась полоса болотистой местности, заросшей камышом и служившей прибежищем стаям диких уток. На протяжении всего Бисбоса берег укрепляла плотина, по которой проходила дорога, обсаженная липами. За ней простиралась идеально плоская равнина голландской глубинки, окутанная сетью каналов и рвов.

Со стороны Франции внутрь Голландии вели два пути. Один, который можно назвать туристическим,

шел вдоль побережья. Это была не столько дорога, сколько терренкур, проложенный меж покрытыми дерном песчаными дюнами через почти прямолинейный стокилометровый пляж, который простирался от устья Рейна до окрестностей Хелдера. У северной его оконечности расположен остров Тексел, отделившийся от материка в результате относительно недавнего катаклизма. Еще в XVII веке на дне образовавшегося пролива можно было различить остатки больших деревьев. Случалось, что в этих корягах намертво застревали якоря кораблей. Рыбаки опасались расставлять сети в этих местах. Да и весь залив Зейдер-Зе с его песчаными отмелями нельзя было назвать тихой заводью. Ветры поднимали сильную зыбь, а малая глубина вынуждала суда проходить по крайне узкому фарватеру между мелями и островами — Маркеном, Шоклендом, Урком и Вирингеном.

Другой путь выглядел как обычная дорога и вел к крупным голландским городам, центральным и северным провинциям страны. Он лежал через районы, на две трети залитые водой. Кажется, что земля растворилась среди рек, озер, прудов и болот. Лодка была здесь единственным удобным средством передвижения. Деревни в этих местах встречались значительно реже, чем в какой-либо другой части Нидерландов. На севере простиралась «Нордическая Голландия», пересеченная дорогами, по сторонам которых росли раскидистые деревья. К востоку расположилась провинция Утрехт, по которой под тенистыми кронами деревьев нес свои воды живописный Вехте. В северо-восточной части страны, на побережье Зейдер-Зе, вставали поросшие лесом дюны Гоуа, сменявшиеся зарослями кустарника и лесными массивами Хелдера, в которых паслись многочисленные отары овец, водились кабаны, и было множество замков и связанных с ними легенд. Оттуда, пересекая Эй, дороги шли к северу через полупустынную Дренте с бесплодными почвами, на которых изредка попадались дубовые рощи и более чем скромные «замки», до самого Гронингена, наименее

населенной, но одной из самых развитых и благоденствующих провинций Нидерландов. Из ее прибрежных портов легко можно было добраться до Фризских островов, которые кишели фазанами, морскими птицами и котиками, приплывавшими с далекого юга. К западу находились заботливо огороженные квадраты полей и лесосеки Фрисландии, усеянной голубыми пятнами озер, которых здесь было гораздо больше, чем каналов. Отсюда, сев на парусную лодку в Харлингене, путешественник возвращался к цветущим островам Зеландии, омываемым водами Рейна, Мааса и Шельды, которые плавно переходили в морские заливы. Климат этого края отличался мягкостью и непостоянством. Лето и зима здесь были умеренные, но, независимо от времени года, постоянно дули ветры и часто шел дождь. Снега выпадало мало. Лед на озерах и каналах редко держался более нескольких дней-недель, иногда его даже и вовсе не было. Так, в 1630 году зима была до странности теплой. Серьезным недостатком климата была необычайная влажность, вызывавшая вечные туманы. Хуже всех в этом отношении было Амстердаму. Туман от окружавших город болот случался здесь чаще, чем где бы то ни было. Это во многом обусловило тяжелые условия жизни в стране. Иностранцы, проводившие в Нидерландах достаточно времени, чтобы почувствовать на себе воздействие климата, жаловались на головные боли, ревматизм и сонливость. Сомез и Декарт утверждали, что витающая во влажном воздухе одуряющая дремота мешала умственному труду².

При всей своей монотонности деревенский пейзаж Голландии не был лишен очарования. Количество водных путей создавало впечатление разнообразия при единстве формы, а великое множество мельниц придавало этой унылой местности особую живописность. Многие именитые иностранцы приезжали сюда, чтобы насладиться красотой этого края. Увозимые ими впечатления представляли собой смешение воспоминаний, в которых деревня выступала своего рода приятным и несколько размытым фо-

ном, на котором еще отчетливее проявлялось великолепие городов.

Соединенные провинции оставались прежде всего страной городов. Голландия — в большей степени, чем остальные. Многочисленные, густонаселенные и в большинстве своем богатые города руководили жизнью страны, определяли нравы жителей, политику, духовное развитие. Деревне оставалось лишь во всем следовать за городом. Тем не менее в южных и западных провинциях с большим населением, в которых не было столь характерных для остальных частей страны пустынных пространств, различие между городом и деревней (как мы это понимаем) выражалось нечетко и основывалось лишь на юридическом статусе. Городом именовалось селение, которое было окружено валом, имело городскую таможню и направляло депутатов в Генеральные штаты провинции. В Голландии лишь 18 населенных пунктов обладали статусом города — Амстердам, Лейден, Гарлем, Делфт, Гауда, Дордрехт, Роттердам, Горкум, Схидам, Схонховен, Ден-Бриль, Алкмар, Хорн, Энкхёйзен, Медемблик, Эдам, Моникендам и Пюрмеренд. Некоторые из них выглядели в XVII веке вполне по-деревенски. Зато значительные поселения продолжали официально числиться деревнями, например, Гаага или Зандам, крупный промышленный центр, протяженность причалов которого составляла 8 километров, а население в то время достигало 20 тысяч человек. Неплохо для «деревеньки»!

Лишь немногие из 400 деревень, зарегистрированных в провинции Голландия к 1660 году, представляли собой земледельческие поселки. Они были сконцентрированы в основном на востоке страны, а к северу их число заметно уменьшалось. Аккуратные деревенские домики охраняли старый местный стиль, определенный характером почвы и родом занятий жителей. Рыбаки из Маркена строили свои дома из пропитанной смолой древесины, устанавливая их на искусственных холмиках или высоких сваях. Внутри оборудовалась всего одна комната, посреди которой на листе железа, брошенного на пол, разво-

дился огонь. В Твенте и Велюве на фермах не строили перегородок и люди жили вместе со скотом под неотесанными дубовыми балками перекрытий в просторном помещении с земляным или грубо мощенным полом. Фасад дома, перед которым торчал журавль колодца, выходил не на улицу, а на прямо противоположную сторону. На дорогу же открывалась дверь черного хода, через которую выгоняли скот и выкатывали телеги. В Богом забытой провинции Дренте дровосеки жили в хижинах, сложенных из кусков торфа. Эти полуземлянки не имели даже окон. На равнинах Гронингена выросли огромные трехуровневые фермы, напоминавшие настоящие крепости³. В Лимбурге тип построек приближался к французскому: жилые помещения, хлев, амбар выстраивались по периметру прямоугольного двора, закрывавшегося воротами. Обычно такие дома окружал ров со съёмным перекидным мостком⁴. Фасад закрывала стена деревьев. Часто дикий виноград, посаженный у входа, поднимался до крыши и расходился шпалерами, обвиваясь вокруг специально вбитых колышков. Большинство домов было покрыто соломой, так что дым от печи выходил через открытую дверь или особое отверстие.

Хотя попадались и отдельные хутора, в большинстве своем дома фермеров обычно скапливались без какого бы то ни было порядка вокруг церквей, кузниц, трактиров — как правило, общественных мест, живописный вид которых вдохновлял живописцев. Но в местах, не изуродованных изгородями (за исключением Фрисландии), где собак держали порой на плоском дне барок, где вечером крестьянки ехали в лодках на луга пасти коров, в XVII веке выросли как грибы после дождя роскошные виллы — места отдыха городских толстосумов, которые проводили здесь воскресные дни или отдыхали в теплую погоду. Популярностью также пользовались Бетува, Велюва, область Делфта и большей частью берега рек. На аккуратных газонах здесь выросли утопавшие в зелени загородные дворцы — роскошь, которую могли себе позволить лишь состоятельные

люди. Большинство именитых горожан Амстердама также имели владения по берегам Вехте или Амстела. Великолепие и комфорт усадьбы возрастали по мере сокращения из-за нехватки свободного пространства площади садов, которые урезались до нескольких аллей, расположенных вокруг лужайки, а иногда и водоема. Никаких балюстрад и стриженных кустов. В украшениях все сильнее чувствовалось итальянское и французское влияние. Устраивались водопады, фонтаны, маленькие островки с мостками на крошечных озерах. Площадь парка при этом не увеличилась, что приводило порой к украшательству откровенно дурного вкуса. Пришедшая из литературы мода превратила некоторые парки в аркадии. Черпая вдохновение в гравюрах и картинах идиллической жизни, декораторы тщательно воспроизводили сады Армиды. В других парках царил лабиринт — дорожка, петляющая меж кустами подрезанной живой изгороди. Этот вид садоводства получил столь широкое признание, что в 1613 году городские власти Амстердама распорядились устроить своего рода лабиринт на берегу канала Принцев.

Собственно замков в Соединенных провинциях насчитывалось относительно немного. Лишь в Хелдере, крае мелкопоместных дворян, дело обстояло иначе. То тут, то там еще встречались более или менее благоустроенные древние средневековые постройки. Одним из самых впечатляющих стал замок Мейдена, расположенный на берегу залива Зейдер-Зе в четырех лье от Амстердама. Время его создания — XIII век. В XVII веке было возведено несколько замков во французском стиле, в частности замок Гуйсвик, построенный по указанию штатгальтера Фредерика-Хендрика.

Сепаратизм провинций, подкрепленный различием природных условий, деятельности и образа жизни людей, легко порождал своеобразный шовинизм. Жители Голландии, Зеландии и Гронингена ревностно охраняли свои обычаи. Патриотизм, подогретый освободительной войной, особенно ярко

проявлялся на местах. Человеку того времени, еще не расставшемуся со своими средневековыми корнями, родина представлялась городом, а еще скорее — деревней (поскольку горожане все же чаще общались с внешним миром). И что общего могло быть между общественной жизнью дрентского пастуха, завязшего в вересковых зарослях, где земля черна от торфа, и зеландского рыбака? Жители Хелдера слыли самыми храбрыми воинами, а голландцы предпочитали хорониться за спинами немецких и скандинавских ландскнехтов. Из города в город, из деревни в деревню менялись костюмы, расположение жилищ, обряды на частных и общественных праздниках, форма инструментов, диалект... И если даже отличие заключалось лишь в маленькой детали, его значение было огромным. В каждом местечке имелись собственные песни, народные или авторские, которые часто издавали в местных сборниках — духовные псалмы, песни о любви, большое число патриотических поэм, вышедших из-под пера доморощенных поэтов, воспевавших «малую родину». Разделенные всего несколькими километрами Хорн, Алкмар и Энкхёйзен состязались в стихосложении. Каждый из них претендовал на звание самого старого, самого красивого и самого процветающего города. В тавернах, где исполнялись подобные произведения, пение легко переходило в потасовку. Представители более сильной партии поколачивали своих идейных противников. Чувство сплоченности общества подпитывали местные легенды. В деревне Лоосдуйк проезжающим показывали в местной церквушке два медных чана, в которых омыли 364 ребенка графини Матильды, рожденных ею в один день. Жители Эдама вспоминали, как в давние времена в тех местах была поймана и приручена русалка. Песчаная отмель, закупорившая Ставоренский проход, происходила, по местным поверьям, от груза зерна, высыпанного с досады за борт богатой вдовой, которую обвела вокруг пальца собственная команда.

Мегалиты, в обилии встречавшиеся на северо-востоке, считались делом рук демонов-великанов...

Дороги и каналы

Голландия располагала великолепно развитой сетью путей сообщения и наилучшей в Европе системой общественного транспорта. Естественная легкость передвижения по пересеченным водными путями равнинам способствовала в первую очередь развитию торговли. Это сделало возможным совершенствование инфраструктур и умножение средств транспорта. Направляясь из Делфта в Гаагу, путешественник выбирал между большим трактом, наподобие аллеи, и каналом, воды которого текли в тени посаженных по обоим берегам красивых деревьев; попасть из Лейдена в Амстердам можно было уже четырьмя путями: на лодке через Гарлемское озеро, через вырытый в середине столетия канал, по озеру Брассемер с помощью ночной общественной службы; а также в экипаже или верхом по дороге, ведущей через болота. И лишь в восточной части страны, где водные пути не столь многочисленны, альтернативы при выборе транспорта не было. В большинстве прочих случаев предпочтение оказывалось каналу или реке, нежели дороге.

Технологии дорожного строительства оставляли желать лучшего, хотя проселочные дороги, проходившие по возвышенной местности, еще годились для перевозок местного характера. В течение XVII века было проложено несколько прекрасных дорог, таких, как, например, шоссе между Гаагой и Схевинингеном, строительство которого Темпл назвал «колоссальным трудом»¹. Тем не менее дорога чаще всего представляла собой песчаную тропу без кювета и обочин, рисунок которой прослеживался только по следам колес, оставленных повозками. К тому же эти следы редко перекрывали друг друга, и единая колея отсутствовала. Со временем с увеличением перевозок дороги становились все шире, расплзаясь по окрестным полям. Старая дорога из Арнхема в Хардвейк, которая проходила через места, где вода не могла препятствовать ее разрастанию, достигала на

определенных участках километра в ширину. Осенью и весной затяжные дожди превращали дороги в непроходимые болота, зимние заморозки — в каток, летом тучи пыли удушливым одеялом покрывали путешественников. Введение в начале века единого стандарта длины оси в провинциях Голландия и Утрехт было расценено как значительный прогресс, поскольку в связи с этим разброс следов и неровная колея исчезали, а следовательно, хотя бы в небольшой степени, уменьшались мучения пассажиров. Но несчастного путешественника, отправившегося на свою беду в Амстердам в экипаже из Хелдера или Оверэйсселя, трясло теперь даже сильнее...

Однако такое положение вещей не привлекло внимания иностранцев, так как состояние дорог в XVII веке почти повсеместно было плачевным. Напротив, благодаря соответствующему уголовному кодексу дороги в Нидерландах были относительно более безопасными, чем где-либо в Европе. В первые годы смуты банды дезертиров терроризировали край, нападая на дилижансы и отдельных путников, но мало-помалу они были рассеяны, и разбой пошел на убыль. Хотя грабители могли притаиться даже за чахлым придорожным кустиком, магистрат не дремал и был скор на расправу. Для острастки схваченного преступника вешали прямо на месте совершенных им «подвигов». Отправившись в Италию в 1620 году, Хейгенс насчитал вдоль рейнской дороги не менее 50 виселиц на 200 километров пути...

Поначалу движение ограничивалось пешими или конными путешественниками и частными или нанятыми экипажами. К середине века появились дилижансы — общественные экипажи, следовавшие по установленным маршрутам в установленное время. Они представляли собой длинные, вытянутые безрессорные фуры с большими колесами и верхом из вощенной материи, натянутой на каркас, и запрягались парой или четверкой лошадей. Дилижансы были снабжены маленькими кожаными парусами, которые поднимали или убирали, в зависимости от направления ветра, и которые позволяли добиться (це-

ной еще больших мучений пассажиров) значительных по тем временам скоростей. Без происшествий (поломка оси или колеса, полет в кювет, малоприятная встреча с разбойниками) такой экипаж проходил в среднем от 80 до 100 километров в день, что немало, учитывая время на замену лошадей и частые остановки в тавернах.

Пункты отправления, остановки и прибытия устраивались на площадях или в районе ворот и выглядели, как настоящие вокзалы. Рейс Гаага — Амстердам отправлялся из Корсиеспорта два раза в день — между шестью и семью часами утра и в 13 часов. Арnhemский дилижанс, отправляясь из Амстердама в понедельник на заре, проходил через маленькие городки Гоуа, высаживал пассажиров, направлявшихся на север в Амерсфорт, и продолжал свой путь на восток, добираясь во вторник в десять часов до Армстема, откуда уже другой экипаж уходил в Кельн. В три часа утра из Гронингена уходил дилижанс, в 11 он делал остановку на обед в Бейгене, вечером прибывал в Кампен, где ночью брал пассажиров, делавших пересадку на Амерсфорт, где путешественники пересаживались в дилижансы, отправляющиеся в Утрехт и Амстердам. Дорога из Гронингена в Амстердам занимала, таким образом, 42 часа². Плата за проезд была непомерно высока, к тому же, в зависимости от удобства, на три скамейки дилижанса устанавливались различные тарифы³.

Первые рейсы общественного водного транспорта появились в XV—XVI веках, связав несколько городов провинции Голландия. Эта сеть расширялась столь быстро, что в XVII веке охватывала уже всю страну. Вначале использовались реки и озера, пригодные для свободного движения парусных лодок. Впоследствии были прорыты соединительные каналы для прохода судов с одного естественного водного пути на другой. Начиная с 1610—1630 годов было предпринято широкомасштабное строительство путей сообщения ради создания новых маршрутов движения и увеличения перевозок. В результате были прорыты каналы между Роттердамом и Делфтом,

Амстердамом и Гарлемом, Амстердамом и Гаудой, Гарлемом и Лейденом, Гарлемом и Делфтом. Работы обошлись не слишком дорого, поскольку воды хватало и достаточно было прокопать через болота желоб и проложить по берегу тропинку для бечевой тяги. Строительство и поддержание в эксплуатации шлюзов обходились дороже, чем земляные работы. С другой стороны, любой новый водный путь требовал возведения множества мостов, преимущественно деревянных, так как, чтобы обеспечить прохождение судов, настил должен был быть раздвижным.

Тем не менее стоимость услуг водных видов транспорта оставалась в четыре раза меньшей, чем наземных. К 1630 году экономическое значение каналов еще более возросло в связи с изобретением «кочи», грузопассажирского судна на конной тяге. До этого времени, помимо паруса, в качестве «двигателя» применялся бурлацкий труд — пять человек шли по берегу и тащили барку на длинном канате. Теперь продуктивность тяги значительно возросла, снизив стоимость перевозки. Как объяснили Темплу⁴, при равном усилии лошадь перемещала по воде вес в 50 раз больший, чем по суше.

Коча, представлявшая собой длинное палубное судно с общим помещением и каютой, могла перевезти полсотни пассажиров вместе с багажом. Внутри все блистало чистотой — скамьи, комоды... Пассажиры могли читать, писать, есть, пить и спать, свернувшись калачиком на скамье. Негоцианты приводили в порядок свои бумаги. Это был настоящий Ноев ковчег, в котором, к удивлению иностранцев, сбилось в пеструю и шумную толпу «всякой твари по паре», представляя практически все слои общества. Тут были и богачи-торговцы, и чиновники, и крестьяне, и моряки, и проститутки. Велись политические дискуссии, рассказывались сплетни и байки, завязывались романы... Для пассажиров кочей были составлены даже специальные песенники, чтобы не скучать в дороге⁵. Перевозчик, иногда подросток, управлял судном с берега, сидя верхом на лошади. Это был грубиян и спорщик, мерзавец высшей марки, который

ничтоже сумняшеся мог решать спор с клиентом при помощи ножа.

Как и дилижанс, коча отправлялась по расписанию, которому следовала даже с еще большей точностью. В условленный час звон колокола сзывал на набережную пассажиров. С последним ударом коча отчаливала от пристани, не дожидаясь опоздавших. Плата за проезд зависела от количества пунктов маршрута. Кочи заходили даже в самые маленькие городишки Соединенных провинций. Каждый час от рассвета до заката на каждой линии отправлялось в среднем одно судно, некоторые рейсы, в частности между Амстердамом и Гаудой, осуществлялись даже ночью.

Но малые скорости передвижения затмевали достоинства кочи: этот вид транспорта в три-четыре раза уступал в скорости дилижансу. Неторопливость кочи объяснялась главным образом искусственными препятствиями, преграждавшими от участка к участку путь судну. Часто случалось, что из-за неподъемного моста или дамбы пассажирам требовалось даже делать пересадку, как, например, в Халфвеге на канале Амстердам — Гарлем. Затраты можно было уменьшить, прорыв обводные пути. Но препятствием тому служило противостояние различных интересов, в особенности когда речь шла о каких-либо поборах. Возле Овертома, недалеко от Амстердама, канал перекрывала небольшая дамба. Лодки перетаскивали при помощи лебедки и катков, но большие суда не могли пройти и были вынуждены обходить ее через Гарлем, выплачивая дорожные сборы. Подобная система относилась еще к Средневековью. Сохранение таких сборов оправдывала разница уровней воды на территориях различных муниципалитетов. Некоторые населенные пункты пользовались старыми привилегиями, согласно которым все движение в определенном районе должно было осуществляться только через городские воды при получении соответствующего платного разрешения. В Гауде такое положение вещей представляло особенно много неудобств — сбором облагался крайне узкий

центральный городской канал. При интенсивном движении суда простаивали в очереди многие часы, в то время как в нескольких сотнях метров от него пролегал широкий канал, огибавший пригороды, в который муниципалитетом допускались лишь военные корабли.

С проблемами такого рода сталкивались и на обычных дорогах. На определенном расстоянии друг от друга в некоторых районах ставились шлагбаумы, возле которых устанавливали ящик для денег с табличкой, указывавшей сумму сбора. Каждые два-три дня соответствующий служащий подъезжал и опорожнял ящики.

Юридическое положение перевозчика также усложняло использование кочей. На каждой линии перевозчиков должен был назначать бургомистр, но какой? Пункта отправления или пункта назначения? Как правило, в таких случаях руководствовались традицией, но это вызывало бесконечные споры. Так, в один прекрасный день в центре Амстердама пристала коча из Гарлема. Городская полиция запретила высадку пассажиров и задержала перевозчика для установления личности, что было вопиющим нарушением правил. Власти Гарлема направили жалобу в суд Голландии и выиграли процесс. Это вызвало недовольство в Амстердаме. В результате с прибытием из Гарлема каждого судна стали случаться беспорядки и столкновения, движение было парализовано. В конце концов города заключили соглашение, согласно которому разрешалось движение по этому маршруту как перевозчика из Гарлема, так и его коллеги из Амстердама.

Вдоль дорог в городах, местечках и большинстве деревень путешественники встречали множество постоянных дворов, шумных и часто отвратительно грязных таверн, в которых можно было переночевать в тесной комнатухе, порой просто на соломе. В больших городах имелись более комфортабельные заведения, сравнимые с современными отелями, — «Император» и «Гусь» в Хертогенбосе, «Пеликан» и «Лев» в Гарлеме. К 1680 году в Гааге их насчитывалось

девять, в Роттердаме — шесть, а в Амстердаме — около сотни. Иногда старые тиры для стрельбы из лука⁶ превращались в муниципальные гостиницы, как, например, в Дордрехте, Утрехте и Амстердаме. Наконец, в наиболее важных городах существовали официальные учреждения, так называемые «пристанища вельмож», в которых останавливались знатные гости. Если в городе не имелось подобного заведения, приезжего вверяли заботам нотабля.

В 1689 году один амстердамский книгоиздатель выпустил «Путеводитель», содержащий сведения о средствах передвижения по всей территории Республики Соединенных провинций — карту водных и наземных дорог; расписания движения; перечень ярмарок, рынков, постоянных дворов и церквей; обменные курсы валют и единицы измерений; тексты молитв на любой случай жизни; псалмы, которые следовало петь утром и вечером на постоялом дворе. Кроме того, он призывал к соблюдению правил гигиены и морали: «Опасайтесь подхватить плеврит в сыром трюме кочи; избегайте близости с проституткой; не пейте ни вина, ни пива, ибо необходимость отлить создаст дополнительные неудобства...»

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА СВОЕГО

Глава IV

Дом

Планировка и обстановка

Остановимся перед домом какого-нибудь буржуа на берегу одного из городских каналов. Следуя правилам хорошего тона, не будем слишком громко стучать металлическим молоточком в дубовую дверь, покрытую воском или выкрашенную в зеленый цвет. У богачей этот прикрепленный к двери молоточек обычно довольно увесист и, в отличие от железной дешевки у людей попроще, отлит из серебра. Если судьба приведет нас в маленький городок провинции Голландия, то мы, скорее всего, окажемся перед дверкой «подземного» этажа или пройдем к дому через дворик, поскольку парадный вход традиционно предназначался только для брачных церемоний и похорон.

В украшенном медными пластинами замке слышится лязг поворачиваемого ключа. Дверь открывает служанка. Нас проводят в просторную комнату с окном со стороны фасада, которая весьма далека от привычной всем прихожей. Это «фоорхёйс» (*voorhuis*) — центр жизни семьи. Он соединяется с боковыми помещениями сложной системой лестниц, ступенек и дверей, соединяющих комнаты первого этажа с погребями и чуланчиками «подземного». В доме голландского типа все комнаты расположены на разных уровнях. Все время нужно то подни-

маться, то спускаться. Планировка жилья осуществлялась на основе двух помещений, которыми она ограничивалась в стародавние времена, — «передней комнаты» и «задней комнаты». В XVII веке такой простотой отличались уже только самые убогие лачуги. Эти две примитивные комнаты разделяла деревянная перегородка, иногда застекленная, или коридор. Последний проходил мимо нескольких промежуточных комнатушек, карабкался по клавишам ступеней и обрывался аркой деревянного косяка. За распахнутой дверью — полумрак спальни, светящееся пятно платья молодой женщины, весенние отцветы сада за окном — картина, не раз вдохновлявшая Яна Стена, Вермера, Питера Хоха, Метсю... Из этого коридора, а то и прямо из прихожей наверх вела винтовая лестница, по которой можно было попасть сначала в так называемую «подвешенную» комнату, занимавшую промежуточное положение между двумя этажами, а затем — на верхний этаж. Разделение комнат выглядело весьма необычно. Иногда перегородка шла по оси окна таким образом, что на каждую смежную комнату приходилось по пол-окна. Другая, более узкая лестница, немногим лучше трапа, вела на чердак, ютившийся под потемневшими огромными стропилами.

Меблировка, скромная у простых людей, у богатей на протяжении века стала избыточной. На вкусе владельцев дома, определявшем выбор обстановки, сказывались местные отличия. В Дордрехте все тяготели к прежней голландской непритязательности, в то время как Амстердам, Роттердам и Делфт уже начинали подражать Гааге, где господствовал сначала английский, затем французский стили. В целом в начале века мебель была все еще груба и массивна. Для ее изготовления использовались, как правило, дуб и ореховое дерево. Но постепенно она становилась все более легкой. К концу века ее формы обрели некоторое изящество витых линий, свойственное резным работам французских краснодеревщиков.

Основу обстановки составляли стол, стул и шкаф. Их можно было встретить во всех комнатах. Они бы-

ли предметом гордости домохозяйки, в украшении стола наглядно проявлялось мастерство столяра. К 1600 году столу стали придавать форму широкого прямоугольника с ножками на колесиках. В богатых домах его покрывали сукном, саржей или дама. Со временем появились различные заимствованные типы: итальянский стол со «щеками», опирающийся на две вертикальные доски; створчатый стол и придвигаемый к стене столик на трех ножках английского или французского образца. Стулья сохранили стиль прежней голландской школы — ножки с перекладинами, высокие спинки, низкие, обтянутые кожей сиденья с одной или даже двумя подушками. Мало-помалу стулья стали обивать плюшем или бархатом при помощи медных гвоздей. На спинке вырезали различный орнамент.

Главное место среди предметов мебелировки в добротпорядочном нидерландском обществе отводилось шкафу. Небогатые люди, крестьяне по-прежнему пользовались средневековым сундуком с откидной крышкой, окрашенным в зеленый или красный цвет и покрытым примитивными рисунками. Но настоящий, «фирменный» шкаф¹, представлявший собой большую роскошь, непременно был связан с успехом, продвижением по социальной лестнице и символизировал богатство и комфорт. В ходе XVII столетия примитивный, угловатый, глубокий, массивный, неподъемный и целиком вырезанный из дерева шкаф менялся, становясь все более легким и приближаясь к французскому типу «бюро» с инкрустациями из перламутра и слоновой кости.

Начиная с 1670 года дорогие шкафы превратились в настоящие бюро, с ящиками и на высоких ножках. В зажиточном доме насчитывалось не менее двух шкафов. Прежде всего это — бельевой шкаф, надушенная святая святых дома, находившаяся в полном ведении хозяйки. В шкафу богатой госпожи Влуенберг из Дордрехта хранились настоящие сокровища — простыни из Ост-Индии, Гарлема, Фландрии, Эмбдена, разложенные по месту изготовления; чепчики, платки, косынки, помнящие молодые годы ба-

бушки; 24 дюжины рубашек, 40 дюжин скатертей и салфеток, составлявших приданое детей. Один амстердамский книготорговец со средним достатком запирает в своем шкафу 60 простыней, 30 скатертей и более трехсот столовых салфеток. Некоторые модницы присовокупляли к бельевому шкафу индийской сундучок, отделанный медью или серебром, или ларь голландской работы, которые они покрывали синим сукном. Затем следовала горка для фарфора в парадных покоях, на полках которой красовались тарелки, горшки, расписные блюда, иногда вперемешку с музыкальными инструментами. Также использовались посудные шкафы в форме пирамидальных этажерок. Немало людей, даже в деревнях, имели застекленные шкафы, в которых можно было выставить на зависть гостям особо ценные предметы. Часто хозяйка дома хранила здесь подарки, полученные при крещении, и вещи, оставшиеся в память о замужестве.

Таков общий вид интерьера голландского городского дома, привлекавшего своей интимной атмосферой, но, по мнению французских посетителей, не слишком удобного. Каким бы ни было общественное положение владельца, в целом структура его жилища оставалась неизменной. В бедных кварталах фасады домов были более узкими, а окна более редкими, коридоры апартаментов вытягивались, извивались под низкими потолками. При скверном освещении была видна обстановка, состоявшая лишь из самых необходимых предметов мебели, тяжелых и прочных, в лучших традициях старого стиля. В подвалах и на чердаках, как пчелы в улье, теснились бедные ремесленники и подмастерья.

Функция комнаты накладывает на каждое помещение особый отпечаток. «Передняя» пришла на смену прежней «передней комнаты», служившей лавкой или мастерской. Ее назначение сохранилось в домах мелких торговцев и наименее удачливых кустарей. Здесь вовсю велась работа, а двери были постоянно открыты, ибо снаружи, под защитой карниза, раскладывали товар. Именно в передней наставник переда-

вал навыки своим ученикам, а трактирщик держал свое заведение. Для «среднячка» это была главная комната. Ее стены украшала разноцветная фаянсовая плитка. Обстановку составляли стол, несколько стульев, горка с посудой, зеркало, батарея кожаных котлов; в углу к стене была придвинута скамья резного дерева. У богачей передняя превращалась в салон. Скамья была изготовлена уже из мрамора. По стенам висели картины и охотничьи трофеи. Декоративное предназначение этой комнаты столь свято соблюдалось в зажиточных семействах, что из страха нарушить заведенный порядок хозяйка дома, ее дочери и служанка старались проводить здесь как можно меньше времени. Они устраивались в соседней каморке, которая у простых людей служила «задней комнатой», где и проводили большую часть своего времени. Здесь они шили, вязали, готовили пищу. Из этой «жилой комнаты» можно было видеть, что происходит снаружи через единственное крохотное оконце, выходявшее на улицу со стороны фасада и дававшее крайне скудное освещение. Меблировка отличалась спартанской простотой. В доме богатого лесоторговца из Дордрехта мы обнаруживаем дубовый стол, несколько стульев с кожаными подушками; на стенах — белые керамические плитки, картины; в углу — конторку с лежащей на ней Библией; и наконец — два тяжелых шкафа, один из которых, задрапированный зеленой гардиной, служил библиотекой.

Количество комнат первого этажа зависело от достатка владельца дома. Обычно во всех домах имелась если не кухня, то по крайней мере закуток, какое-то помещение для приготовления пищи. У бедняков это была настоящая душегубка, из которой при засорившемся дымоходе тяжелый чад пригоревшего жира распространялся по всему дому. Зато у зажиточных буржуа кухня сверкала столь безупречной чистотой, что больше походила на храм или музей. Вдоль стен сверкали надраенные до блеска медные и оловянные кухонные принадлежности; стол был выкрашен в розовый цвет; пол иногда выложен квадратами мраморных плит. За стеклом посудного шкафа

сложены приборы. В другом шкафу, называемом «сокровищницей», хранились продукты, столовые скатерти и салфетки, предназначенные для повседневного пользования, соусники, доски для рубки мяса. В широком зеве камина, в просмоленной глубине очага притаился горшок для тушения мяса — вид примитивной сковороды, открытой в верхней части. Время от времени вместо него можно было видеть горшочек для тушения мяса на углях и короб для готовки на торфе. Над медной раковиной открывался кран, вода в который подавалась насосом из цистерны. Кухня богатого горожанина, которую в 1663 году посетил путешественник Монконис, была оснащена мраморной раковиной, бронзовым насосом для подачи воды и чудесным приспособлением — вмонтированным в стену медным баком, в котором вода постоянно и незаметно подогревалась². Однако за всем этим великолепием не было заметно любви к собственно кулинарии.

«Они предпочитают умереть с голоду посреди своих сверкающих котлов и приборов, — писал аббат Сартр, — чем приготовить блюдо, которое хоть немного могло нарушить эту красоту. Мне с гордостью показывали чистоту кухни, столь же холодной за два часа до обеда, какой она была бы и два часа спустя»³.

Нередко хозяйка дома предпочитала готовить еду в каком-нибудь соседнем закутке, решаясь вскипятить в кухне лишь жбан воды.

Деревянная, редко — мраморная лестница, ведущая на второй этаж, давала состоятельным людям дополнительную возможность приукрасить свое жилище. Ее покрывали резьбой, изображавшей львов, растения, герб владельца дома. Именно в лестнице и заключалось главное отличие. На обычных лестницах, столь же узких, сколь и крутых, можно было запросто сломать себе шею. Винтовая в старых домах, прямая в новых, лестница выводила в коридор, в который выходили, как правило, две-три комнаты. Чаще всего это были спальни хозяев. В некоторых больших домах их, напротив, устраивали на первом или третьем этажах, второй отводился для парадных покоев.

Во времена «золотого века» собственно спальня оставалась новшеством, еще не получившим широкого распространения. У многих небогатых семейств кровати устанавливались в жилых комнатах. Скорее наспех сколоченные, чем сделанные по-настоящему, они утапливались в стену, наподобие шкафов, и были столь короткими, что спать на них приходилось чуть ли не сидя. В подобных «спальных шкафах» имелся выдвижной ящик, в котором спали дети. В семьях, слишком многочисленных для того, чтобы каждому хватило кровати, часть детей ночевала на чердаке.

Через дубовую дверь, которую украшает вырезанная или нарисованная мифологическая сцена, пройдем в спальню зажиточного торговца. На стенах квадраты керамических плиток, в зеркале играет чудом прокравшийся сюда солнечный зайчик, несколько картин. Семейные реликвии на каминной полке. Два низких стула с очень высокой спинкой, стол, большой бельевой шкаф, умывальник — таз и кувшин на доске. Четверть комнаты занимает прямоугольная кровать с колоннами и под балдахином, с занавесями из зеленой шелковой ткани. На узорчатый шелк полога откинута изящно вышитое покрывало. Это «современный» тип кровати, постепенно вытесняющий в глубокую провинцию прежний «спальный шкаф». Однако новая кровать унаследовала немало черт своей предшественницы — она была столь высока, что требовалось приставлять специальную лесенку, без которой до ложа не добраться; спальные места для детей также устраивали внизу, здесь же укладывались и гости. В богатых домах кровать ставилась в центре комнаты, иногда — на специальном возвышении. Гирлянды и фестоны украшали балдахин, верхушку которого венчал герб владельца. По четырем углам красовались пучки перьев. Столбы, поддерживавшие балдахин и занавеси, представляли кариатид, сатиров, ангелов... Обилие украшений никак не сказывалось на комфортности постели. Спать приходилось на перьевом матрасе и куче дряблых подушек, подголовник отсутствовал, в каче-

стве одеяла использовался еще один матрас, качеством ничуть не лучше первого. От такого изобилия перьев спать было невыносимо жарко.

Пол в богатых домах начала XVII века выкладывался в шахматном порядке разноцветной плиткой на итальянский манер, например, квадратными белыми и голубыми плитками, иногда мраморными в парадных залах. Позднее из Франции пришла мода на паркет. Но в большей части интерьеров сохранились более или менее грубые традиционные виды покрытия. Пол редко оставался немощеным. Часть плиточных полов покрывали испанскими циновками с черно-желтыми полосами и разноцветными полями; ковров встречалось немного. Иногда хозяевам хватало одного весьма скромного коврика, который раскатывали посреди комнаты для особо именитых гостей и немедленно убирали после их ухода. Если пол был деревянным, его посыпали мелким разноцветным песком, из которого в торжественных случаях выкладывали цветы и другие узоры.

Потолок образовывали незакрытые балки с поперечными перекрытиями. В богатых домах их отделявали лепными панелями и украшали картинами идиллического, мифологического, аллегорического и другого содержания. В некоторых комнатах к потолку подвешивали металлические или деревянные безделушки в виде кораблей, кочей, рыб, гербов и штандартов. На конце цепочки или ленты покачивалась бумажная корона, венчавшая голову хозяйки дома в день помолвки.

Господин средней руки довольствовался побелкой стен своей спальни. Более зажиточный буржуа шел дальше, отделявая комнату фаянсовой плиткой контрастных оттенков. Однако часть стен за шкафами и кроватями предпочитали закрывать деревянной панелью. В богатых домах начала XVII века лепными панелями отделявали и перегородки; впоследствии высота панелей уменьшилась, и верхнюю часть стены стали покрывать позолоченной кожей, на которой особо выделялись картины, вправленные в рамы резного дерева. Именно на таком фоне, теп-

лом и вместе с тем значительном, следует воспринимать желтые и синие краски Вермера, жгучий свет Франса Хальса. Но после 1660 года кожа вышла из моды. Предпочтение стало отдаваться настенной живописи, изображавшей сцены охоты, сложные аллегории, библейские сюжеты, сходные с мотивами гобеленов из парадных залов некоторых домов. Тем не менее излюбленным отделочным материалом остался фаянс — плитки мягких оттенков с голубым, желтым, оранжевым, сиреневым либо светло-зеленым рисунком на белом фоне, представлявшим собой стилизованное изображение букетов, картин идиллической жизни, герба владельца, запись поговорки, пословицы или чьего-нибудь мудрого изречения. Такие плитки были национальным продуктом, производство которого процветало в Гауде, Гарлеме, Делфте и Роттердаме. Все слабее становилась привязанность к необработанному дереву. Везде, где оно еще встречалось, будь то подоконник или дверь, дерево красили или покрывали позолотой. Люди, следившие за модой, называли комнаты своих домов по виду отделки — «комната с позолоченной кожей», «камчатая», «комната Адама и Евы».

Окна (рамы которых опускались вниз, наподобие гильотины) делали из цветного стекла. Дневной свет, смягченный крошечными разноцветными квадратиками, оправленными в свинец оконного переплета, создавал во всем доме атмосферу спокойствия и некоторой таинственности. Лишь у самых бедных семей в доме не было хотя бы одного такого окна со стороны фасада или разноцветного кружочка в центре переплета.

Почти по всему дому зажиточные горожане вывешивали зеркала. Сначала это были маленькие венецианские, в хрустальной раме и со стеклянными розами по краю, но во второй половине XVII века их вытеснили большие французские зеркала на ножках.

Под самой крышей, рядом с чердаком, служившим торговцам складским помещением, ютились клетушки мансардного типа — комнаты прислуги, чуланчики, кладовые для дров и торфа.

Отапливался дом камином, и нельзя назвать бедным то жилище, в котором был хотя бы один камин. Расширяясь под своим четырехугольным колпаком до внушительных размеров (позволявших легко прочищать дымоход пучком соломы), камин с очагом, отделанным железными пластинами порой весьма искусной работы (на которых летом выставляли большие вазы), стал для буржуа предметом семейной роскоши. Колпак покрывали резьбой, а на полке выставляли фарфоровые изделия и лакированные безделушки. Камин поддерживали в безупречной чистоте. Внутри никогда нельзя было заметить пепла, поскольку последний осыпался в специальное отверстие, проделанное под очагом. Иногда в камине потрескивали поленья букового дерева, чаще всего в нем тлел торф, который был воистину национальным видом топлива, общим и для города, и для деревни. Отопление торфом требовало особой вентиляции. Куски торфа помещали в огнеупорный горшок и ставили под каминный колпак или выкладывали из них небольшие полые круглые башни со множеством маленьких отверстий, из которых высовывались языки цветного пламени, что выглядело очень красиво. При этом не распространялось никакого неприятного запаха. Зато тепла такой камин давал немного. При посещении голландских домов у французов всегда складывалось впечатление, что помещения еле отапливаются. Зимой люди, ведущие оседлый образ жизни, ходили дома в халате. Женщины, практически всю свою жизнь проводившие взаперти, не расставались с грелками, на которые ставили ноги. В мануфактурах работницам их выдавали. Грелка представляла собой прямоугольный ящик из металла или твердого дерева пятнадцати сантиметров в высоту и со множеством дырочек. Внутри помещался кусок торфа, который медленно тлел, выделяя тепло.

Наиболее распространенным и дешевым средством освещения была масляная лампа — крошечный светильник в форме горелки, в которой дрожал слабый язычок пламени. Более яркие канделябры, а точ-

нее свечи, стоили дорого. В парадных покоях зажиточных домов их устанавливали на медной или хрустальной раме, образующей люстру, которую подвешивали к потолку на металлическом тросе или на штоке из позолоченного дерева. Кроме того, имелись настенные подсвечники, которые красовались и по краям камина.

Крестьянский дом отличался от городского прежде всего основным планом — один этаж, образуемый центральной комнатой, окруженной тесными клетушками. В деревнях, прилегающих к большим городам, дома в XVII веке строились не без влияния последних: здание строилось с узким фасадом, в глубину, с мансардным этажом или, по крайней мере, с каморками вокруг чердака. Обстановка, более скромная, чем в городских домах, была вполне патриархальной. Несколько стульев, стол, сундуки, прялка. Украшения, рисованные или резные, в традиционном духе. Камина в деревне не знали. Огонь разводили прямо на полу. Внутренние ставни из цельного дерева закрывали редкие окна. «Спальные шкафы», сокрытые от глаз дверьми или занавесками, стояли вдоль стен центральной комнаты (если только не были сколочены в смежных комнатках). Вдоль свободных стен у зажиточных крестьян стояли стеллажи, на которых выставлялись расписные тарелки, горшки и оловянные мерки.

Какое бы положение ни занимал нидерландец, он всегда питал к своему дому сильнейшую любовь. Для мужчины, экономного до скупости, благоустройство дома являлось единственной достойной причиной траты денег. Женщина вообще всю свою жизнь посвящала дому. Это была святая святых, храм семьи, который, в свою очередь, представлял собой центр общественной жизни. Жизнь замыкалась в семье, как устрица в раковине, в доме, в стенах комнат, надранных до блеска, среди натертой воском мебели, предметов, чистых до скрипа при прикосновении. Эта замкнутость сильно мешала чужестранцам, надолго поселявшимся в Голландии, завязывать контакты и поддерживать отношения с местным населе-

нием. На такое положение дел сетовали Ле Лабурер в 1642-м и Байль в 1684 году, объясняя его якобы мрачным и угрюмым характером голландцев⁴. Наиболее богатые торговцы и даже некоторые аристократы соперничали друг с другом во внутреннем убранстве жилищ. Мебель, светильники, ткани и предметы искусства загромождали дома, свидетельствуя скорее о толщине кошелька, нежели об утонченности вкуса их владельцев. Помимо того, что роскошь удовлетворяла амбиции хозяев, она еще и поглощала излишки доходов, которые некуда было девать. Но такое вложение капиталов без последующей отдачи со временем могло подорвать экономическую основу страны. К концу века об этом стали задумываться некоторые светлые головы, определившие, что корень зла заключается в тлетворном французском влиянии. Поговаривали, что мадам де Ментенон будто бы убедила Людовика XIV, что наилучший способ отвлечь голландцев от добродетели — распространить среди них парижскую моду.

Сады и цветы

Из «задней комнаты» или конца коридора лесенка в несколько ступеней выводила во дворик, огороженный забором, выкрашенным в зеленый или в коричневато-красный цвет.

Некоторые ремесленники превращали двор в своего рода продолжение мастерской, а лавочники — в склад под открытым небом. Однако большинство горожан, даже и с весьма скромным достатком, старались разбить на крошечном пятачке двора небольшой садик, несмотря на то, что его размеры часто не превышали нескольких десятков квадратных футов. И если не сад, то уж зеленая лужайка с цветочными клумбами и пятнами мха всегда радовала глаз хозяев. Когда позволяли размеры участка, возле стены сажали куст бузины, раkitник, два-три фруктовых дерева. По мере изменения социального положения владельца увеличивались и размеры сада, хотя все же они никогда не становились значительными: земли

в городе было слишком мало, а стоила она слишком дорого. Поэтому состоятельные люди, особенно во второй половине века, покупали на окраинах города еще один сад, где в теплое время года любили проводить с семьей свободные дни.

Типичный план нидерландского сада включал четыре прямоугольные лужайки, разделенные крестообразной аллеей. На лужайках — большие цветочные клумбы; вокруг — деревья; в центре — деревянная (впоследствии каменная) беседка под куполообразной крышей или искусственный грот, под сводами которых было приятно обедать на свежем воздухе, а после распространения моды на «файв-о-клок» — пить чай. Все упорядочено, ухожено, размечено, миниатюрно — этаким игрушечный садик.

Каждый владелец сада страстно желал собирать ежегодный урожай фруктов. Выращивали в основном яблони, около двадцати разновидностей (особо ценился сорт гауд-пиппинг), пятнадцать видов грушевых деревьев, а также вишни и сливы. На грядках наливались соком дыни, вызревала клубника. Вдоль изгородей росли ежевика, малина и мушмула — для бедноты. Многие любители садоводства строили деревянные теплицы и оранжереи, в которых пытались выращивать абрикосовые, персиковые деревья и даже виноград... Последний прижился неплохо, однако изготовить из него вино было невозможно. Любовь к растениям проявлялась у труженников пера во врожденной склонности к созерцанию природы. В результате садоводы получили в свое распоряжение изрядное количество руководств и научных изысканий, в частности труд Иона ван дер Мейерса «*Arboretum sacrum*»*, три тома которого вышли в 1643 году.

Вся нация, за исключением лишь немногих «белых ворон», испытывала к цветам настоящую страсть. Цветы занимали незначительное место во внутреннем убранстве дома, но тем пышнее был их ковер под сенью садов. Цветы высаживали в отдель-

---

* Тайны садоводства (лат.).

ные клумбы по видам: здесь — розы, там — ирис, за ними — лилии, дальше — гиацинты, а в глубине — шиповник. Желтые — справа, красные — слева. Фантазия в таком порядке отсутствовала напрочь, зато всю проявилась методичность. К тому же запахи цветов смешивались. Правда, в лилипутских садиках центра города к ним добавлялась, а в жару и часто подавляла их вонь стоячей воды канала.

Во всех городах можно было встретить лавку цветочника. Здесь продавались цветы и плоды из личного или арендуемого в окрестностях города сада хозяина. Если дела шли в гору и объем продаж увеличивался, хозяин заказывал товар в Гарлеме, земля которого оказалась столь благодатной для цветоводства, что сады там в конечном итоге утратили свое декоративное назначение и превратились в мощный источник дохода. Тут можно было найти нарциссы, шафран, фиалки, анемоны, крокусы, акониты, лилии всех оттенков и другие бесчисленные виды цветов, многие из которых еще не были тогда известны в других странах Европы. Цветы привозили из дальних краев, проводили с ними разнообразнейшие опыты, создавали новые виды с необычной формой и оттенком.

Вплоть до 1615 года бесспорной королевой цветов была роза, однако затем она уступила свое место тюльпану, завоевавшему сердца любителей лепестков и тычинок. Завезенный в Германию из Турции в 1559 году тюльпан в 1593-м был признан в Нидерландах «образцом экзотической флоры» благодаря натуралисту Клузиусу. Спустя немного времени чашечки тюльпанов стали все чаще встречаться в садах горожан. Однако, чтобы привлечь к цветку тот немисверный интерес публики, который прибавил славы Голландии, потребовалась парижская мода на тюльпаны в начале правления Людовика XIII. В один миг тюльпан был возведен в ранг элегантного цветка, придающего всему оттенок светской утонченности. По счастливому совпадению в это же время в голландских садах распространился вирус, вызывавший различные отклонения чашечки тюльпана. Цве-

товоды воспользовались этим обстоятельством, чтобы вывести целый ряд любопытных видов и поддерживать ажиотаж.

Французская мода на тюльпаны облетела всю Европу, и нидерландцы превратились в их главных поставщиков. С 1625 года луковицы *Semper Augustus**, пользовавшиеся особым спросом, ценились буквально на вес золота. (SA — большая белоснежная чашка, чуть голубоватая у основания и рассеченная вертикальными полосками огненно-красного цвета.) Тюльпаны выращивались розовые, лиловые, коричневые, желтые или представлявшие собой немыслимую комбинацию всевозможных оттенков, как «Лапрок», напоминающий пестрый шутовской наряд. Было выведено 30, а в скором времени целых 100 разновидностей. Бальи из Кеннемерландена назвал собственноручно созданный вид «Адмиралом». Вскоре полсотни других любителей-цветоводов подхватили его идею. В результате на свет явилась серия видов в одной цветовой гамме — «Адмирал ван Энкхёйзен», «Адмирал Поттебакер»... Образовалась и группа «генералов» — «Генерал ван Эйк» и др. Один садовник из Гауды назвал свой вид «Генералом из генералов». За неимением лучших идей сорта цветов называли и попроще — «Красный и Желтый Католейны». Насчитывалось пять видов «Чуда», четыре — «Морийона», семь — «Турне», тридцать — «Парагонов»... Настоящий поток, который было кому направить в нужное русло, — луковицы стоили баснословные суммы, а вырастить их не составляло труда даже в самом крошечном садике. Во многих добропорядочных горожанах и осторожных лавочниках неожиданно проснулась тяга к рискованным затеям.

Гарлемские ткачи, образовывавшие сильную корпорацию, с головой ушли в пучину спекуляции луковицами тюльпанов, несмотря на свое полное невежество в цветоводстве. Началась тюльпановая лихорадка. «Тюльпаномания» достигла своего апогея зимой 1636 года и завершилась грандиозным крахом

---

* Постоянный (неизменный) Август (*лат.*).

несколько месяцев спустя. Это всеобщее безумие приняло размеры эпидемии, охватившей все население поголовно — мясников, привратников, комиссионеров, трактирщиков, студентов, цирюльников, трубочистов, сборщиков налогов и торфянщиков. Ни одна социальная группа, ни одна секта или ассоциация не устояли перед этим бедствием. Жажда наживы объединила арминиан и папистов, лютеран и меннонитов, ночных сторожей и риториков! Сильнее других она затронула районы Амстердама, Гарлема, Алкмара, Хорна, Энкхёйзена, Утрехта и Роттердама. Редкие граждане, сохранившие хладнокровие, называли новоиспеченных цветоводов «околпаченными» (*kappisten*), намекая на колпак, что носили шуты. Они издавали памфлеты, распевали сатирические песенки, высмеивавшие «околпаченных» с каждым днем все более едко. В Хорне за три луковицы покупали дом. «Адмирал Лифкенс» стоил 4400 гульденов, а цена *Semper Augustus* колебалась от 4000 до 5500! Когда луковицу оспаривало сразу несколько покупателей, они могли попытаться настроить продавца в свою пользу, добавив сверх платы повозку и пару отличных лошадей. Таким образом, в Амстердаме сад приносил владельцу до 60 тысяч гульденов за четыре месяца. Известно, что с появлением денег пропадает сон. Цветочник прикреплял к своей кровати сигнальный колокольчик, от которого вдоль сада тянулась веревка, окружая золотоносные клумбы. Покупатели и продавцы встречались по вечерам в тавернах 2—3 раза в неделю и торговались до глубокой ночи. От детей «правду жизни» не только не скрывали, но, напротив, поощряли их участие в торгах, чтобы они с младых ногтей узнавали, как делать деньги. Даже проповедники влились в толпу торговцев и менял, из которой утром выходили миллионеры, чтобы вечером, возможно, оказаться нищими без гроша в кармане. Одна и та же луковица продавалась и перепродавалась раз десять на дню. Люди, целиком специализировавшиеся на предоставлении сведений о товаре, открыли самые интересные пути вытягивания денег. Поскольку большинство сделок за-

ключали зимой, стала процветать спекуляция на изображениях цветов. Из рук в руки переходили каталоги тюльпанов, иногда вызывавшие искреннее восхищение, как те, что вышли из-под кисти Джудит Лейстер, ученицы великого Франса Хальса.

Немало простых людей, приобретя луковицы в кредит и не сумев их перепродать, оказались неплатежеспособными. Участились судебные иски. Сотни семей потеряли все. Это не на шутку испугало муниципальные власти, поскольку коммерческая система, обеспечивавшая процветание страны, целиком основывалась на кредите. Беспокойство охватило и самих спекулянтов. Первый тревожный сигнал поступил 3 февраля 1637 года, когда «цветочник» не сумел перепродать луковицу, купленную им за 1250 гульденов. Профессионалов охватила паника. 24 февраля в Амстердаме собралась генеральная ассамблея цветочников, на которой была принята радикальная мера — оплате подлежали только договоры, заключенные до 30 ноября 1636 года. Все более поздние обязательства аннулировались, и покупатель мог освободиться от власти продавца-кредитора, выплатив тому 10% возмещения ущерба и вернув луковицу. 27 февраля Штаты Голландии ратифицировали это постановление. На следующий день стоимость луковицы тюльпана упала с 5000 до 50 гульденов! Нормальное положение вещей было восстановлено, хотя и за счет разорения множества людей. В числе жертв оказался живописец Ян ван Гойен, ставший впоследствии учителем Яна Стена.

Глава V

Туалет

Пробуждение и гигиенические процедуры

Каждые полчаса с момента выхода в ночной дозор стражники проворачивали колотушки. Они последовательно объявляли нараспев полночь, час, два ча-

са ночи... С дозорной башни к их голосам присоединялся звук трубы. Часы на главных воротах отбивали удары. Несколько минут этот гвалт раздирал ночной покой, затем над городом вновь воцарялась тишина. Городские власти, таким образом, определяли продолжительность ночи. За долготой же дня горожане следили сами, кто как мог. Для этой цели использовали песочные часы. Они составляли основной предмет обстановки коммерсанта, хотя фигурная колба часов появлялась и на столе студента, и на полке кухарки. Часы могли достигать внушительных размеров, при которых песок иссякал лишь через десять часов — целый рабочий день. Карманные часы с заводом или изящные часики-кулончик, покоившиеся на груди светской дамы на одной цепочке вместе с зеркальцем, оставались роскошью. Изобретение в 1657 году Нейгенсом пружины с маятником облегчило производство настенных часов, которые, однако, начали входить в обиход только к 1680 году. Пассажиры дилижансов и кочей довольствовались при необходимости импровизированными солнечными часами — соломинкой, поставленной вертикально на ладони.

Когда ночной дозор завершал свой обход, во многих цехах уже начинался рабочий день. Муниципальным властям потребовалось издать специальные постановления, чтобы запретить ремесленникам открывать мастерские ранее двух часов ночи, шляпникам — четырех утра, кузнецам (из-за грохота молотов о наковальни) не позволялось открываться раньше, чем колокол пробьет зарю и подаст всем сигнал вставать.

Глава семейства вскакивал с кровати первым. В ночном колпаке и туфлях на босу ногу, в развевавшейся ночной рубашке он бежал открывать ставни и дверь передней. Выглядывал на минутку за порог, чтобы посмотреть, какая на дворе погода, обменивался приветствиями с соседями, перекидывался с ними словечком о жизни и делах. Затем звали служанку. Во всем доме раздавались шаги, слышались голоса проснувшихся детей. Хлопали двери. Встре-

чаясь утром друг с другом, члены семьи непременно целовались. В Нидерландах целовались вообще со всеми. Лобызали друзей, гостей, да и просто первого встречного. Улица потихоньку оживала. Молочник и булочник выступали в свой ежедневный обход, таща корзины и громыхая тележками. Женщины уже ждали их на порогах домов. «Свежее молоко! Свежее молоко! Парное молоко!» — выкрикивал молочник, и тут же его голос перекрывал рожок булочника: «Свежие булки прямо из печки! Ржаные хлебцы! Овсяное печенье! С пылу, с жару! Прямо из печки! Свежие хлебцы!» Пока служанка накрывала на стол, члены семьи занимались своим «туалетом», хотя за столь звучным словом скрывалось не слишком много. По единодушному свидетельству иностранных путешественников, голландцы выглядели настоящими грязнулями. «Они содержат свои дома в большей чистоте, чем собственные тела, — написал один англичанин и добавил, конечно, не без преувеличения: — А тела у них более чисты, чем души»¹. Однако европеец XVII века в вопросах личной гигиены был вообще непритязателен. В 1660 году в Нидерландах все еще садились за стол, не вымыв руки, независимо от того, чем только что занимались. У французов это вызывало брезгливость². С картин мастеров тех лет на нас смотрят богатые дамы, омывающие из дорогих кувшинов руки или ноги, открытые только до запястья или лодыжки. Ночной горшок мог простоять под кроватью целую вечность, прежде чем служанка забирала его и выливала содержимое в канал. После 1672 года в элегантном обществе вошел в употребление ночной столик французского происхождения, так называемый «ночной букет». Это был изящный маленький шкафчик с зеркалом, подсвечником, пудреницей, расческами, щетками для одежды, ларчиками для иголок, шпилек и мушек. Никаких средств по уходу за кожей. Общественных бань практически не знали. Еще в 1735 году в Амстердаме было всего одно такое заведение. Моряки и рыбаки, насквозь пропахшие рыбой, распространяли невыносимую вонь.

Личный туалет носил чисто декоративный характер. Молодая женщина, даже из очень простой среды, обязательно прилепляла к щеке мушку. Особое внимание уделялось прическе. Вплоть до 1610 года мужчины стригли волосы коротко, позднее они стали отпускать их до ушей и завивать челку. Короткая стрижка стала считаться мужицкой. Мода на парики, пришедшая из Франции, прочно укоренилась к 1640 году и получила широкое распространение в среде зажиточной буржуазии, несмотря на возмущение протестантских проповедников, которые даже в конце века ходили стриженными под горшок. Спросом пользовались светлые парики из натурального волоса на шелковой основе³. По мере увеличения длины волос борода у следящих за модой мужчин укорачивалась. В начале века лишь старики носили бороду лопатой, молодежь оставляла на лице жалкий клинышек эспаньолки. Спустя 30 лет некогда пышные заросли сменила мушка на голом подбородке. Усы еще держались. К 1650 году лицо полностью очистилось от растительности. Бороды профессоров и священников превратились в знак профессиональной принадлежности. У женщин волосы приобрели декоративное значение (поначалу и только) лишь к 1600 году. До этого времени их убирали под чепец. Под несомненно итальянским влиянием у некоторых модниц из-под чепчика начала выбиваться челка или прядь волос. Дальше — больше. Локоны стали ниспадать на лоб, виски, сбегать на затылок, где их собирали в шиньон. С того времени мода с большим или меньшим опозданием следовала за французской. К 1610 году в моду вошли высокие и обильно украшенные прически, около 1620 года волосы стало модно гладко зачесывать назад. В 1635 году лицо обрамляли букли, спускавшиеся до плеч, отделенная пробором челка падала на лоб рядом «мерзавчиков». После 1650 года челка встречалась все реже, букли более не завивали, за исключением самых концов. У крестьянок местный национальный костюм сочетался с челкой, по большей части гладко зачесанными назад волосами, собранными в косу

или низкий узел. В некоторых небольших городках, таких, как Зуп и Алкмар, где женщины чепцов не носили, последние заменяли сплетение косичек и булавок, которое выглядело не хуже головного убора. В деревушках провинции Голландия волосы всегда охватывал позолоченный металлический обруч, надвинутый на лоб.

Одежда

Мужчины, женщины и дети одевались немедленно по пробуждении. Когда через несколько минут семья собиралась за завтраком, все уже были в полном облачении.

Одежда претерпела мало изменений. Около 1600 года любая изысканность считалась предосудительной. Этот предрассудок держался очень долго, вплоть до 1650-х годов. Внимание уделялось более материалу, нежели покрою одежды, избыточному орнаменту, нежели структуре. Мода сюда добиралась черепашим шагом. Если дворянство и армейские офицеры перенимали вкусы Парижа, Лондона или Германии, то новая аристократия и буржуазия оказались куда более консервативными. Именно они после исчезновения около 1600 года так называемого «испанского» костюма придали нидерландскому стилю «золотого века» его характерные черты. Этот стиль в одежде практически не изменился. Те немногие модели, что голландцы заимствовали у парижских портных, оказывались в Нидерландах с десятилетним, а то и двадцатилетним опозданием. К тому же невозможно обобщить все существовавшие тенденции — с 1630 года между разными поколениями одной и той же семьи стало проявляться несоответствие вкусов. «Влигер» — длинная накидка, которую в 1600 году носили все женщины, к 1640-му становится принадлежностью исключительно матрон. В одежде простонародья изменений почти не произошло. Рабочий, крестьянин или моряк покупал новый костюм только потому, что старый приходил в негодность (иногда через два или три поколения!), а не из-за того, что прежний вышел из моды.

Система отопления в нидерландских домах оставляла желать лучшего, поэтому голландцы, борясь со стужей, одевались, как капуста. В этом — одна из примечательных национальных особенностей, наиболее ярко выраженная у простонародья. «Настоящий голландец, — пишет Оливье Голдсмит, — это одна из самых чудных фигур в мире... Он не носит шубы, зато напяливает семь жилетов и девять штанов, так что ноги, кажется, выходят из подмышек... А у голландки на каждые портки мужа приходится по юбке...»⁴

Хотя элегантности голландцам явно не хватало, за состоянием своего гардероба они очень следили. Белье и одежда содержались в той же безупречной чистоте, что и дом, компенсируя немытость тел...

При всех этих оговорках историю одежды «золотого века» можно разделить на три периода. Вначале костюм отличался множеством внешних деталей, богатством красок, ломаными линиями, разделявшими различные части тела. Во второй четверти века все детали костюма, наоборот, слились в некое аморфное единство, в котором расплылись формы и цвета. В третьей четверти форма вновь обрела былую контрастность, создававшую бездну эффектов, — просторная мужская одежда нового типа, наподобие штанов-«рейнграфок», резко отличалась от обтягивающей, вроде узкого камзола, вошедшего в употребление около 1660 года. По сравнению с французской одеждой голландской не хватало живости красок. Так, на картине «Пир стрелков», написанной художником Ван дер Хелстом в 1648 году, видна унылая масса серых, черных, коричневатожелтых и белых тонов, чуть оттененная оранжевым или темно-синим узором. Красный цвет почти не встречался. Аристократы и аристократки предпочитали темные тона, одеваясь в черное и фиолетовое. Для главных частей костюма выбирали матовые ткани, для второстепенных — блестящие.

Мужская одежда состояла из двух основных предметов — безрукавки, отдаленно напоминавшей современный жилет, и штанов до колен. На безрукавку надевалась куртка вроде жокейской (иногда раскро-

енной под ризу), с рукавами или без, которую обычно не застегивали. Рукава куртки, выполнявшие у модников исключительно декоративную функцию, украшали розетками, эполетами, разрезами, эффектно открывавшими белоснежную рубашку. Форма штанов отличалась в начале века большим разнообразием — шарообразные от пояса до колен или, напротив, короткие в обтяжку, а также различные смешанные типы, с карманами и без. Впоследствии узкий обтягивающий тип взял верх и продержался вплоть до введения «рейнграфок» — коротких широких штанов, украшенных лентами и бантами, которые, без всякого сомнения, пришли из Версаля. Штаны продолжали чулки, обычно из вязаной шерсти, удерживавшиеся под коленями подвязками. Часто их надевали сразу две пары или же прямо на чулок натягивали обмотки — длинные полосы материи, туго оплетавшие ногу. Туфли, стянутые крест-накрест кожаными ремешками или закрытые розеткой, защищали от уличной грязи надеваемые сверху грубые башмаки. В первой половине века распространились сапоги, поначалу редко употреблявшиеся в повседневной жизни. В 1650 году их шили очень широкими, и голенища с отворотами открывали кружевную отделку штанин.

Около 1600 года мужчины носили большие конические шляпы, широкие мягкие поля которых поднимались спереди вверх; двадцать лет спустя появился вид жесткого цилиндра с узкими полями. Затем широкие поля снова вошли в моду, но их форма утратила единообразие. Шуб или пальто мужчины тогда не знали. Их заменял короткий плащ с капюшоном и разрезом от пояса для шпаги или рапиры. Зато домашний халат — традиционная местная одежда, сохранившаяся с незапамятных времен и счастливо избежавшая всех веяний моды, — не покидал нидерландского буржуа в течение всего холодного времени года ни в кабинете, ни в мастерской, ни в лавке. Халат, подбитый бархатом или мехом, надевался поверх полукафтана и спускался почти до пят. Часто рукав имел разрез на уровне локтя, через кото-

рый просовывалась рука, нижняя часть рукава свободно свисала.

Наибольшим разнообразием отличался корсаж — неотъемлемый предмет женского туалета. Корсаж с рукавами, строгий, часто украшенный вертикальными лентами, благодаря которым дамы казались полнее, чем на самом деле, или так называемый «безрукавный» корсаж с глубоким треугольным вырезом, отделка которого в основном приходилась на плечи: декоративные рукавички различных оттенков, погончики, плечики, открывавшие сквозь разрезы снежную белизну сорочки. Платье, надеваемое на одну или несколько юбок, в целом контрастировало с корсажем по своему цвету и фактуре. Оно доходило почти до пола, иногда заканчиваясь сзади небольшим шлейфом, который у некоторых модниц начинался с нижней юбки, образуя валик на уровне бедер. Чаще всего нидерландка надевала поверх платья кружевной передник белого, черного или фиолетового цвета, который пользовался особой любовью во всех слоях общества и превратился в украшение национального масштаба. Если передник был широким, его стягивали сзади за углы чуть пониже корсажа, узкий завязывали бретельками.

От верхнего платья XVI века произошел вид домашнего женского халата — *влигер* («волан»), почти всегда черного цвета, иногда на подкладке, с рукавами или без. Расширяясь книзу, он придавал фигуре коническую форму. После 1620 года его обычно носили распахнутым, широко открывавшим платье и корсаж. Некоторые дамы подкладывали на живот небольшую подушечку, чтобы подчеркнуть вырез на платье.

Характерной нидерландской одеждой считался *хэйк* («плащ») — длинная накидка из плотной ткани с высоким капюшоном, поддерживаемым жестким каркасом. Иногда капюшон принимал форму маленькой конической шапочки. После 1650 года хэйк исчез из гардероба зажиточных мещанок, но еще долго служил плащом женщинам из простонародья. Нидерландка редко надевала шляпку. В первой трети

столетия головные уборы женщин мало отличались от мужских. Высокие конические колпаки задержались надолго только у простолюдинок. Шляпку от солнца с широкими полями ждала та же участь. Встречались и маленькие шапочки с перьями, в подражание французской моде сорока- или пятидесятилетней давности. В 1640—1650 годах женская шляпка полностью вышла из употребления у аристократок и мещанок. Ее заменил платок, завязывавшийся под подбородком. Чулки и туфли на протяжении всего века ничем не отличались от мужских. Кожаные туфли без задника были в ходу у женщин всех сословий. В богатых семьях их носили главным образом дома. Для женщин с более скромным достатком это была обычная обувь.

Нательное белье было двух видов. То, что не видно, — сорочка (надеваемая на голое тело или ночную рубашку); кальсоны у мужчин и корсет китового уса у женщин. И то, что следовало показать, — воротнички и манжеты, а также чепчик, общераспространенное женское украшение.

В первой половине века плоский воротник, просторный или накрахмаленный, открытый или закрытый, более широкий у молодых женщин, соперничал с брыжами разных образцов, отличавшихся формой складок и высотой, которые предпочитали люди определенного возраста. Около 1610 года попадались брыжи высотой до восьми сантиметров, что, впрочем, не шло ни в какое сравнение с гигантами испанской Бельгии. После 1646 года они мало-помалу вышли из употребления. Плоский воротник торжествовал победу, а женские сердца завоевал шейный платок, который некоторые крахмалили, превращая во второй стоячий воротник, закрывавший первый, в то время как другим он служил косынкой. С 1620 года с такими воротниками полагалось носить широкие кружевные, иногда накрахмаленные манжеты. Крахмальный раствор придавал белью слегка голубоватый оттенок, ставший впоследствии, когда уже изменилась сама технология, признаком высшей элегантности.

За исключением некоторых светских модниц и мужичек все нидерландки носили чепчики, которые составляли единственный женский головной убор, носимый как дома, так и на улице. Этот предмет туалета был отголоском прежней общеевропейской традиции, сохранившейся в XVII веке только в Нидерландах. Около 1600 года чепец шили из двух накладывавшихся друг на друга кусков материи, по-разному отделанной. Он покрывал голову и закрывал уши. Позже чепчик превратился в тесный колпачок темного цвета, который стягивал узел волос и доходил до лба и ушей. В качестве домашнего убора распространился французский чепчик — большой и свободный, который полностью покрывал голову, а его крахмаленные тесемки ниспадали на плечи.

Одежда зажиточных мещан могла включать различные, более или менее дорогие, в зависимости от формы и материала, аксессуары — лайковые или шелковые перчатки; вышитый платок, который, правда, до конца XVII века встречался довольно редко; кожаный ремень с кинжалом у мужчин. Женщины иногда подпоясывались цветными кушаками. Реже — тяжелой золотой цепью с кулонами. В первой половине века мещанки носили, как знак отличия домохозяек, длинную, прикрепленную крючком к нижней юбке цепочку или шнурок со связкой ключей, ножом, игольником и ножницами. После 1650 года только немолодые аристократки не расстались еще с этим «исподним пояском».

Веер из разноцветных перьев, наклеенных на кружок раскрашенного или усыпанного жемчугом картона, был знаком лишь великосветским модницам. Отправляясь развлекаться, они, оберегая кожу лица, скрывали его под овальной матерчатой маской с прорезями для глаз, при этом нижняя часть лица оставалась открытой; вместо маски использовалось еще подобие козырька, похожего на те, что теперь носят теннисисты.

По дошедшим до нас описям можно получить представление о содержимом гардероба в зажиточной семье. Богатое приданое в Амстердаме могло

включать 150 сорочек и 50 платков⁵. Вдова одного магната имела в 1620 году 32 жабо. Бургомистр Ван Беверен располагал 40 кальсонами, 150 сорочками, таким же количеством галстуков, 154 парами манжет и платками в том же количестве, 60 шляпами (к которым добавлялись 92 ночных колпака), 20 халатами, дюжиной ночных рубашек, 35 парами перчаток. При этом в инвентарном перечне г-на Ван Беверена указывалось, что два раза в год приходилось звать кузнеца чинить шкаф, разваливавшийся под тяжестью белья⁶.

Городские низы, в отличие от буржуа, одевались с большей простотой и патриархальностью — льняная рубаха, полукафтан с узкими рукавами из толстого черного, синего, серого или коричневого сукна, защищенный кожаными фартуком. Женщины надевали поверх корсажа короткий жакет, а для работы по хозяйству натягивали нарукавники, которые шли от локтя до запястья. Расхожей обувью в непогоду служили перенятые у крестьян деревянные башмаки.

Обычная одежда моряков — шарообразные штаны до колен, короткий кафтан, войлочный колпак или меховая шапка — практически не отличалась от традиционной одежды прибрежных деревушек вроде Волендама или фризских сел. Во всех семи провинциях существовали свои традиционные виды крестьянской одежды, которые не были столь неизменны, как мы теперь, по прошествии многих лет, ошибочно полагаем. Городская мода, несомненно, оказывала на них свое воздействие. Но грубость ткани и стадное чувство, присущее крестьянам, во многом ограничили это влияние. Женские костюмы во всякой нидерландской деревне имели общие черты — длинное платье из толстой шерстяной материи и сильно облегающий корсаж, чулки ярких цветов — красного, желтого, ярко-розового, голубой или зеленый передник в широкую полоску. От района к району менялись узоры, игра оттенков и сочетания аксессуаров. В окрестностях Роттердама и по берегам Рейна крестьянки носили поверх юбок длинную

жакетку с жабо и небольшой саржевый плащ со стоячим воротником. В Пюрмере накрахмаленный воротник выходил, охватывая затылок, вперед и плотно застегивался на груди, нижние концы закрытой манишки спускались со спины до поясницы. В центральных и южных провинциях смеялись над бесстыдно короткими юбками северянок, приоткрывавших ноги даже чуть выше лодыжек! У фризов женщины ходили с оголенными ключицами. На побережье Зейдер-Зе тяжелый корсет давил и деформировал грудь. Повсеместно волосы убирала под тесный капюшон. В некоторых рыбацких поселках женщины надевали сверху большие черные шляпы с приподнятыми сзади и опущенными спереди полями. В течение века в Зеландии и районе Зейдер-Зе появились «ушные железа» — пластинки золота или позолоченного металла, намертво крепившиеся по обе стороны чепца.

К штанам до колена и кафтану крестьяне добавляли подобие редингота — *paltrock*. Костюм не отличался живостью красок, яркими были только кушак и кайма. В некоторых деревнях кафтан заканчивался фалдами, которые приподнимались и пристегивались большими пуговицами. Короткие широкие штаны, украшенные бахромой или позолоченными пуговицами, заменялись иногда длинными брюками, более удобными в грязных болотистых районах. На голове обычно носили чрезвычайно высокую шляпу с окаймленными бахромой полями, маленькую плоскую шапочку или картуз с небольшим козырьком.

Единственным видом обуви на селе служили продолговатые деревянные башмаки, выкрашенные в черный или желтый цвет. Такую роскошь, как туфли, позволяли себе только богатые фермеры, и то по воскресеньям. В 1600 году в деревне Ланге Дук на всех приходилось всего три пары туфель, которые надевали помощники бургомистра, отправляясь в Гаагу.

Члены некоторых цехов и представители определенных профессий носили костюмы, подчеркивав-

шие их исключительность; об этом будет говориться в последующих главах: о парадной униформе гильдий; маскарадных нарядах риториков; «зазывном» костюме медиков, хирургов и аптекарей; эксцентричных одеяниях ярмарочных шарлатанов. Священники, преподаватели и юристы носили (как символ достоинства и высокой морали) тогу или *tabart* — парадный вариант халата черного цвета, ниспадавший до пят, образуя на спине одну или несколько вертикальных складок; квадратный воротник закрывал плечи. Черная шапочка довершала этот странный наряд.

Глава VI

Питание

Убранство стола

Отец семейства заправлял трапезой, как богослужением. Никто в мещанских семьях не смел отлучиться в этот час без уважительной причины. Весь клан собирался вокруг стола, служанка садилась в нижнем конце, детей пристраивали немного поодаль, на стульчиках или прямо на полу. Пищу принимали обыкновенно в «повседневных» комнатах, оставляя парадные покои для праздничных застолий.

До и после еды всегда молились, стоя возле своих мест (реже сидя), мужчины — с непокрытой головой. Отец читал утреннюю молитву, остальные вторили ему вполголоса, смиренно сложив ладони. Произнеся «аминь», мужчины натягивали шляпы, и все рассаживались по местам. Окончив трапезу, снова молились, вознося хвалу Господу. По завершении обеда во многих семьях за молитвой следовал разбор отрывка из Писания, затем отец или один из сыновей читал вслух несколько страниц из этой основополагающей книги. Во время еды взрослые говорили мало, нередко вовсе хранили гробовое молчание. От детей требовали соблюдать тишину.

Стол покрывала иногда роскошно вышитая скатерть. В некоторых семьях ее убирали и ели на голом столе. К столу подавали стеклянные и хрустальные кубки, оловянные или серебряные тарелки и плошки, фарфоровые блюда и доску для резки хлеба или мяса. У богачей в центре стола помещался колокольчик, которым подзывали лакеев. Столовые ножи вошли в обиход более чем за 100 лет до рассматриваемого времени, но ложки встречались еще довольно редко. Во многих мещанских семьях их считали чуть ли не украшением, ценным подарком, который бережно хранился в шкафу или комод. Ели руками, помогая себе ножом. Вилка появилась только к 1700 году и долгое время оставалась роскошью. Поэтому без салфетки было не обойтись. Еще до окончания трапезы она превращалась в сальную тряпку. Некоторые буржуа, заботясь о внешних приличиях, вытирали пальцы о маленький кусочек ткани, спрятанный под безупречно чистой салфеткой.

Сам стол выглядел одновременно громоздким и торжественным, изобильным и не слишком приспособленным для каждого едока в отдельности. В нагромождении кухонных принадлежностей трудно было различать личные приборы и особые места каждого члена семьи. Однако богатство, разнообразие, удобство и красота посуды даже в домах самых простых людей составляли в глазах иностранцев одну из характерных черт нидерландской культуры. Блюда, горшки, тарелки, кувшины и даже сахарницы, масленки, соусницы, солонки, супницы, подставки для яиц, водочные графины, кубки и пивные кружки с крышками изготавливались из олова, которое с XVI века было наиболее популярным домашним металлом (серебро оставалось редкой роскошью). Только самые бедные продолжали, как в Средневековье, пользоваться деревянной посудой. Олово считалось красивым. Его любили обрабатывать, как драгоценный металл — гравировали декоративные сюжеты, семейные гербы. За неимением других предметов искусства мещане выставляли в своих гостиных горки с посудой. Олово имело практиче-

ское преимущество, плавясь при легко достижимой температуре в 250 градусов. Зато оно было ломким, и сделанная из этого металла утварь часто приходила в негодность. Бродячий лудильщик сзывал на улицах домохозяек, которые несли ему в передниках пришедшие в негодность тарелки, пробитые горшки и погнутые черпаки. Весь этот хлам лудильщик увозил в мастерскую на углу улицы и сбрасывал в нишу под каменной печью. Затем он расплавлял металл в бронзовых или железных формовках, и на новых кастрюлях, тарелках и половниках появлялась его торговая марка с традиционной виньеткой или фигуркой ангела. Счастлива была та хозяйка, которой не доводилось встречаться с нелегальными лудильщиками; их всегда хватало в больших городах. За работу они брали меньше, чем члены гильдии, зато бессовестно обворовывали на сплаве и весе изделия.

В изготовлении емкостей для питья стекло не уступало олову¹. Круглая чаша на широкой ножке рейнского образца или высокий узкий фужер, оба украшенные латинскими или нидерландскими изречениями, библейскими или историческими сценами, гербами, пейзажами (продукция стеклодувных заводов Зютфена, основанных французом из Турне), пользовались заслуженной славой. В отношении блюд, горшков и тарелок богатые буржуа все более оказывали предпочтение фарфору. Последний считался дорогим экзотическим товаром, импорт которого оставался существенной частью торгового оборота². Фарфоровые изделия поступали прямо из Китая и в виде традиционных поделок, и — чаще всего — в виде готовых заказов. Искусство дальневосточных художников ценилось мало, и любители фарфора сами решали вопросы, связанные с росписью изделий. Заказ направлялся при посредничестве агента Ост-Индской компании в Кантоне, в нем как можно более четко определялись форма изделия и декоративные сюжеты, которые должны его украсить. Чаще всего от художника требовалось не изображать «ни драконов, ни других зверей», избегать «китайских фантазий». На белом фоне тарелки заказ-

чики обычно хотели видеть хорошо прорисованные красивые цветы, растущие в Голландии; фамильные гербы; собственные инициалы меж двух ангелов с трубами у надутых от усилий щечек; изречения или пословицы, которыми голландцы любили украшать посуду, скатерти, столовое серебро и стены; исторические и религиозные сцены; портреты Лютера или Молчаливого*. Но их ожидания были обмануты. Ангелы смотрели раскосыми глазами, а мифологические персонажи щеголяли в шелковых нарядах и китайских шляпах. Тамошние умельцы так странно воспринимали указания заказчиков! Одна домохозяйка, желая обновить столовый сервиз, отправила в Китай в качестве образца слегка надколотую чашку. Когда через несколько месяцев заказ был доставлен, она с удивлением обнаружила, что все предметы сервиза были с аккуратным треугольным сколом! Иногда макет оформления поручали голландским художникам. Так, Пронк выполнил для одного китайского фабриканта серию тарелок с видами Амстердама. По кайме же шли цветы и птицы восточного типа. На медальоне — человек с зонтиком от солнца; в центре блюда голландец собирает вишни.

Фарфор оставался предметом роскоши. Он украшал стол, горки, придавал шик застольям богачей. В повседневной жизни на кухне олово соседствовало с медью, фаянсом и обожженной глиной. В большинстве городов имелись мастерские горшечников — широкие ангары, выходившие на улицу. Прохожие могли видеть длинные ряды полок, на которых сушились кувшины и вазы; у одной из перегородок — массивную кирпичную печь с зевлом, внутри которого гудел огонь; подмастерья, крутящего ворот, что приводил в движение гончарный круг. Котлы и металлическая посуда местного производства или привезенные из Германии³ стоили дорого, и гордость их владельцев-мещан вполне понятна.

Нидерландцы любили поесть. Их пресловутое

---

* Речь идет о Вильгельме I Оранском (Нассауском), убитом испанским агентом в 1584 году.

воздержание понималось в качественном отношении. Большинство из них поглощало огромное количество пищи. Ели нидерландцы четыре раза в день. Первый — рано утром, в пять или шесть утра, летом за стол садились, едва продрав глаза. Завтрак долгое время оставался весьма скромным, даже у богатых, — хлеб, масло и сыр; еду запивали молоком или пивом, после 1670 года их сменили чай и какао; иногда к завтраку подавали и остатки вчерашнего ужина. Единственным социальным отличием было качество хлеба. Но во второй половине столетия у высшего сословия вошло в привычку употреблять уже с этого раннего часа дичь, паштеты и жареную рыбу.

Затем следовал «полдник», то есть обед (*de noen*), когда ели более всего. Обычно он включал в себя два или три блюда (суп и мясо или суп, рыбу и мясо) и заканчивался салатом или фруктами. Иногда на полдник подавали еще блины, вафли или рисовое пюре. Суп готовили главным образом из овощей и свиного сала, сваренных в молоке. Простые люди большую часть недели питались холодным мясом.

К трем часам пополудни, если позволяла работа, нидерландцы подкреплялись легкой закуской — хлебом и сыром, миндалем, изюмом или другими сладостями. Все это заливали пивом, иногда разбавляемым холодной или горячей водой. В конце века пиво вытеснил чай.

В восемь или девять вечера подавали ужин. У богатых буржуа он, как и полдник, обычно состоял из нескольких блюд. Но в большинстве случаев это были остатки блюд, подававшиеся на полдник, к которым при необходимости добавляли масло, сыр или тюрю из черствого хлеба, размоченного в молоке.

Голландская кухня

Пища была тяжелой, очень насыщенной, и готовили ее кое-как. «Масло, сыр, солонина — вот блюда, не требующие большого внимания, — отмечает аббат Сартр. — А бульон у них — не что иное, как вода, в

которую вволю набросали соли и муската, риса и рубленого мяса, не имеющего вкуса, и эта бурда ясно доказует вам, что на ее приготовление ушло не больше часа»⁴.

Эта цифра — один час — щедрое предположение. Парижские кулинары тратили на свой бульон полдня. Что до муската, то его добавляли только по торжественным случаям, поскольку, несмотря на оживленную торговлю, пряности стоили по-прежнему чрезвычайно дорого⁵.

Нидерландская домохозяйка, независимо от социального положения, сама занималась готовкой, но при этом не испытывала большой любви к кулинарному искусству. Во многих семьях стряпали один раз в неделю, в остальные шесть дней разогревали уже готовые блюда. Только очень высокопоставленные дамы держали метрдотеля и повара, во второй половине века — француза. Богатые хозяйки с утонченным вкусом черпали знания в кулинарных книгах, например в «Ловком поваре, или Аккуратной хозяйке, описывающих наилучший способ готовить, варить и жарить все виды блюд»⁶, вышедшей в 1668 году в Амстердаме. Попадались и французские издания — «Французский кулинар» Ля Варена, «Превосходная школа слугителям чрева». В этих книгах содержались отличные французские рецепты, но им редко отваживались следовать, а если и пытались, то скорее на словах. Тем не менее их влияние способствовало некоторому разнообразию рациона питания крупной буржуазии после 1660 года.

Испанский посланник увидел однажды в Гааге группу депутатов Генеральных штатов, мирно сидевших на лавочках и уминавших краюшки хлеба с сыром в ожидании начала заседания. «Такой народ победить нельзя!» — вскричал испанец. Подобных анекдотов много. Этот относится к 1610 году. Полвека спустя аристократы жили уже намного лучше. Но крестьяне питались почти исключительно овощами и молочными продуктами; матросы — рыбой, крупяной кашей и сыром. Стол мещан едва ли отличался многообразием. Неимущие довольствовались репой,

жареным луком, черствым, если не заплесневелым хлебом и пивом. Социальные различия, ярко выраженные в обстановке дома и условиях жизни и почти незаметные в одежде, в питании также едва проявлялись. Национальным блюдом, чаще всего готовившимся на обед, можно назвать хютспот (*butsepot*). Его приготавливали из мелко нарубленной баранины или говядины, зеленых овощей, пастернака или слив, сбрызнутых лимонным или апельсиновым соком и пропитанных уксусом, которые тщательно перемешивали и долго варили с добавлением жира и имбиря... Существовало несколько разновидностей этого блюда, в частности луковый хютспот. Более изысканный олипотриго, пришедший из Испании, заменял хютспот по праздникам. В течение трех с половиной часов варились кусочки каплуна, ягненка, телятины, говядины, колбасы, свиной ноги, баранины, свиной головы, цикорий, артишоки и различные пряности. В полученный сок добавляли желтки четырех или пяти яиц, кислое вино и топленое масло. Соус варили отдельно, а затем поливали блюдо, которое подавалось с жареными каштанами⁷...

В 1631 году в лейденской школе Штатов учащимся давали на воскресный обед суп с хлебом, горячее мясо или хютспот; в обычные дни они получали все тот же суп с хлебом, рубленое мясо, капусту, хютспот, белую фасоль или копченую либо свежую рыбу с хлебом, маслом и сыром — четверть фунта масла и один пшеничный каравай на четверых. Ужин состоял из хлеба, масла и коровьего сыра. Вот, пожалуй, и все.

Молоко, основа детского питания и многих блюд, доставлялось в города из окрестных деревень. Качество этого скоропортящегося продукта питания никто не проверял, что говорит о весьма любопытной непоследовательности⁸. Горожанину ничего не оставалось, как довериться честности крестьянина. Зато масло поступало по торговой сети. Его употребляли в свежем виде, намазывая на хлеб, но главным образом оно служило основным жировым компонентом всех блюд. Голландское масло (особенно делфтское и лейденское) славилось своим качеством. Экспор-

тируя его за рубеж по высоким ценам, сами голландцы довольствовались дешевым английским или ирландским маслом.

Немцы окрестили своих соседей-нидерландцев «сыроглотами». Несмотря на огромное потребление этого продукта, нидерландские желудки все равно не могли вместить все запасы сыра, производимого в стране. Сыр стал чуть ли не единственной статьёй непосредственно нидерландского экспорта, и это способствовало улучшению технологий сыроварения. Некоторые виды пользовались особым спросом — сыры Текселя, Гауды. Лейденский сыр ароматизировали тмином, старый эдамский был с пармезаном.

Зато при недостатке зерновых в Нидерландах пекли хлеб, который французы единодушно признали несъедобным⁹. Черный, клеклый, вязкий, плотный, камнем ложившийся в желудке голландский хлеб приготавливался из ржаной, ячменной, гречишной, овсяной муки и даже из бобов. Очень дорогой пшеничный хлеб причисляли к сладостям, которыми наслаждались по воскресеньям и праздникам. В обычные дни его могли себе позволить лишь состоятельные люди. В зависимости от ситуации булочки пекли различные варианты того, что принято называть хлебом. Кроме того, по древним традициям в дни некоторых религиозных торжеств — на Рождество, праздник Святой Епифании, Пасху, Троицу — или ярмарок угощались особенной выпечкой, когда-то, быть может, имевшей символический смысл. Бесчисленные предписания гильдий регламентировали вид, состав, вес и стоимость этой кондитерской роскоши.

Нидерландцы были самыми крупными потребителями овощей в Европе. Почва в деревнях была более чем пригодной для огородных культур, не слишком разнообразных, но игравших одну из основополагающих ролей в сельском хозяйстве. Горох, бобы, белая капуста, морковь, брюква, репа и огурцы вместе с молочными продуктами составляли основу рациона простого народа. Миланская капуста, цветная капуста и испанский козелец ежедневно подавались на столы богачей. Артишок, зеландская и голланд-

ская спаржа заслужили международное признание и экспортировались в Англию. Лук-шалот служил приправой. Зато картофель, завезенный в конце XVI века в лейденские ботанические сады Клузием, считался ядовитым; богатые любители выращивали его нарядно с помидорами как декоративное растение...

В городах было очень много торговцев овощами: то были крестьяне, имевшие палатку на рынке, разносчики с тележками и корзинами, лавочники, восседавшие под карнизами своих домов меж кочанов капусты и связок лука. Все они торговали также и фруктами. Последние не всегда шли в пищу свежими, чаще их готовили (особенно сливы) вместе с овощами — суп из гороха и слив, сдобренный имбирем; белая фасоль в сливовом сиропе; жареная свинина со сливами и изюмом; баранина в сливах и под мятным соусом; рубленое мясо со сливами, изюмом и под патокой; рубленый телячий язык с зелеными яблоками... Шли они и на варенье, которое приготавливали иногда по довольно сложным и несколько странным рецептам — фрукты в белке, смоченные дождевой водой; варенье из ореха.

Яйца входили в большинство блюд, главным образом в многочисленные и крайне популярные разновидности блинов. Их жарили на растительном, реже сливочном масле. «Яичница — бедняков утешительница», — гласит пословица¹⁰. В Голландии и Хелдере процветало птицеводство, и яйца были одним из самых дешевых продуктов питания.

Рыба — речная, морская, свежая, засоленная, жареная, вареная, под соусом и без — дополняла этот по большей части вегетарианский рацион. Карпы, лещи, плотва и морской окунь — виды исчислялись десятками. Сельдь превратилась в национальный символ. В конце весны в первые дни по окончании ежегодного лова пробовали свежачок из только что вытащенных сетей. Затем ели копченую сельдь. Засушенная или засоленная треска пользовалась не меньшим спросом. «Дары моря» — улитки, устрицы и крабы также хорошо шли под нежным соусом, как в жареном, так и вареном виде.

Мясо ели реже. Люди со скромным достатком позволяли себе такую роскошь не более одного раза в неделю, за исключением ноября во время праздника мясников, который будет описан позднее. Мало того что мяса не всегда было вдоволь, его редко употребляли свежим, довольствуясь солониной или копченостями. Кусок свежей убоины в двух случаях из трех попадал на стол в виде рубленых котлет. Птица и дичь оставались пищей и крестьянина, и помещика.

Природа Голландии была скупа на питьевую воду. Приходилось ставить цистерны, рыть колодцы и, отчаявшись, ходить с ведром к каналу. Поэтому воды пили очень мало, а самые бедные использовали ее для того, чтобы разбавлять молоко и пиво.

Пиво считалось национальным напитком. Даже когда среди богачей распространилась мода на вино, подавляющее большинство населения не могло представить себе жизнь без пива. Его пили во время, до и после еды, дома и в тавернах. Существовало два вида пива — «простое» и «двойное», в зависимости от содержания алкоголя. Очень крепкое двойное быстро и надолго отключало мозги, побуждая к дебошу. Национальное потребление пива достигало грандиозных масштабов. К 1600 году только посетители пивных Гарлема выпивали 250 тысяч гектолитров¹¹ в год! Большинству городов, несмотря на трудолюбие собственных пивоваров, приходилось импортировать пиво из Англии и немецких княжеств.

Пища нидерландцев сдабривалась разнообразнейшими лакомствами. Аптекарям принадлежало монопольное право торговать тортами всех видов — фруктовыми (такими же, как в наше время); с сыром, с рыбой, мясом, вином и марципаном. «Пирожники», образывавшие иногда собственную гильдию, отдельно от корпораций булочников и кондитеров, продавали пирожки и выпечку. Они также готовили десерты с кремом — на молоке, с сахаром, с корицей, взбитым белком и яблоками. Нидерландцы, а голландцы в особенности, обожали пироги. Состоятельные люди наслаждались пирожками с сыром, дичью, а также глазированными каштанами по-французски.

Тем, кто имел более скромные возможности, оставались бесчисленные виды выпечки любых форм и состава — с анисом, маслом, шпиком, сахаром, патокой, цукатами, вишней, изюмом... Франкен¹² приводил сорок одну разновидность, представляя только самые основные шедевры этого кулинарного искусства.

Патока готовилась дома, и без нее праздничный стол был просто невыносим. Согласно традиционному рецепту на одни сутки замачивали миндаль, затем из орехов отжимали сок и добавляли к нему равное количество сахара, затем все перемешивали и растирали, подливая розовой воды. После чего смесь варили на огне, добавляя розовой воды с сахаром.

Нидерландцы любили подслащенные вино и водку, а на праздник Богоявления в кабаках подавали подслащенное пиво. В особых случаях, например, на свадьбу, готовили «гиппокрас», рецептов которого существовало великое множество, в частности, требовалось смешать подслащенное и слегка разбавленное водой рейнское вино с корицей, имбирем и гвоздикой. Упрощенным вариантом был кипяток из белого вина, в котором размачивали палочку корицы.

Глава VII

Вечер в кругу семьи

У ремесленников, крестьян и мелких лавочников рабочий день длился до самого ужина. Богатые же буржуа приобрели в течение века привычку освобождаться от деловых забот после полудня. Праздничные люди начинали попадаться уже с полудня — старики, любившие отдыхать после обеда; женщины из зажиточных семей; молодые люди из высшего общества. По окончании рабочего дня, когда бы оно ни наступало, нидерландцы предавались всяческому увеселению. Вплоть до 1670 года эти маленькие радости вкушали почти исключительно в кругу семьи.

В среде крупной буржуазии любили ходить друг к другу с визитами на полдник, что делало последний еще более плотным: гости приносили с собой рыбу,

буженину, сладости. Если позволяла погода, полдничали под открытым небом в саду. После того как распространился обычай пить чай, друзей охотно звали к двум или трем часам «на чашку чая» (с печеньем или другими лакомствами).

Когда в пять, шесть или семь вечера в городе стихала деловая жизнь, буржуа уходил из конторы, выбирался из склада или возвращался из порта. Он надевал свою шапочку, запахивался в уютный домашний халат и, если было не слишком холодно, присаживался на скамеечку возле дома под козырьком навеса. К нему присоединялись жена и дочери. У дома напротив образовывалась такая же группа. Дети носились взад-вперед, перекликаясь между собой, гоняли по воде канала деревянный башмак. Мать семейства выносила на порог колыбельку с новорожденным. Отец читал газеты. По завалинкам обсуждались последние события, мужчины поднимали политические проблемы, сетовали о всеобщем падении нравов... Их мудрость находила выражение в половицах и поговорках, на которые голландцы были большие мастера: «Карты, танцы да вина стакан немало душ поймали в капкан», «Что плохо лежит, воров плодит»¹... Женщины, поставив на грелки ноги в домашних туфлях, закутанные в *buik* или *vlieger*, вязали или чинили белье, разговаривали об уборке и служанках. Подобное бдение продолжалось до наступления сумерек и времени ужина. Тогда же возвращались и богачи, имевшие сад в окрестностях города, где час-другой отдыхали после работы. В Гааге буржуа немного прогуливались вдоль «Леса», чтобы полюбоваться на красивые экипажи. Никакой элегантности — мужчины в халатах, женщины в неглиже. Из ближайших таверн доносились звуки музыки...

В плохую погоду посиделки устраивали в «жилой комнате». Вокруг стола с шитьем рассаживались мать и старшие дочери; в уголке крутила веретено служанка; сыновья что-либо мастерили, стругали, сучили сеть; орлом восседая на своем стуле, отец семейства вслух читал Библию или какое-либо историческое произведение. От торфяной печки разливалось теп-

ло, подрагивало пламя свечей. Иногда этот семейный покой нарушался стуком в дверь пришедших с визитом друзей. Они входили, гасили благоразумно прихваченные с собой фонари. Конечно, это была молодежь, солидные люди предпочитали сидеть дома. В Дордрехте или Гааге среди гостей наверняка попала бы молодая девушка, сжимавшая в руке деревянный туесок с песенником — сборником песен о любви, написанных и проиллюстрированных знаковыми молодыми людьми, или крошечным томиком, отпечатанным в типографии. За неимением подобной «девичьей книги» хозяйка дома доставала из шкафчика «Голландского адмирала 1-го ранга», или «Аполлона среди богинь пения», или же «Чудную обитель» — сборники, без которых не обходился ни один голландский очаг. Их насчитывались целые сотни. Некоторые предназначались специально для той или иной социальной категории граждан — сборники матросских песен («Нептунова колесница»), песенники для купцов («Новый Гермес Амстердама»), крестьян («Веселый поющий селянин»), пастухов и даже цветочников!²

Содержание такого рода произведений могло быть самым разным. Некоторые от начала до конца были выдержаны в наставительном тоне, иногда с примесью туманного мистицизма. Другие, напротив, были абсолютно пусты и легковесны. В большинстве же случаев смешивались оба эти направления, при этом оставалось место и двусмысленностям, и откровенным непристойностям. Но по крайней мере свежесть, некоторая наивность и юношеская бодрость придавали в первой половине века этой огромной песенной индустрии оттенок непринужденного веселья и непосредственности, утраченный после 1650 года с переходом к более-менее слепому подражанию французским или итальянским текстам и мелодиям.

Под аккомпанемент флейты, скрипки, лютни, а у богачей — клавесина или спинета, пели дуэтом, хором. Пение и музыка оживляли в зажиточных семьях долгие зимние вечера. Уровень исполнения практически всегда был отнюдь не посредственным, а по-

рой и высокопрофессиональным: музыкальным образованием подрастающего поколения в середине века занимались очень серьезно. С приходом из Англии модой умножились ряды учителей музыки, дававших по домам частные уроки. Преподавание пения, игры на флейте и клавесине стало обычным делом. Наряду с посредственными наставниками находилось немало знатоков высокого класса, чьи произведения дошли до нас в виде нотных тетрадей, составленных ими для своих учеников. Церковь, враждебная всем видам искусства в целом, принимала музыку и даже способствовала ее распространению. В школах были введены занятия пением; во многих городах организовывались общественные музыкальные курсы.

В семьях, где не упражнялись в музыке, гости развлекались играми. Особой любовью пользовались азартные. Нидерландцы были такими заядлыми игроками, что и на войне бы заключали пари об исходе очередного сражения. Только противодействие Церкви и властей могло обуздать эту врожденную склонность; но по сравнению с нравами высшего французского общества Париваль нашел, что в Нидерландах играют мало³. Древняя игра в кости, давно вышедшая из моды у богачей, оставалась распространенной у простонародья, несмотря на официальный запрет. Существовало множество вариантов этой игры, из которых «пасс-дис» пришел из Франции. Стаканчиком служил настоящий стакан. Кости бросали по очереди. Если игроком был мужчина, он должен был сразу выпить столько чарок, сколько ему выпадало очков; если это была дама — она раздавала поцелуи.

К играм в кости относили очень популярного «гуська». Кости также использовались во многих разновидностях «марелли» (игра в камешки). Распространена была и игра в «бабки», но больше всего любили, конечно, карты. В них играли везде — дома, в кабаках, садах и просто на улице. Распространенность карточных игр была такова, что аристократы запрещали их своим домашним, считая эту забаву мужиц-

кой и к тому же расточительной. Священники громили картежников в своих проповедях. Генрих де Фрейн не без патетики обличал с высоты своей кафедры в Мидделбурге игроков, раскинувших картишки на ковре: «...Эти девицы, разряженные словно куклы, с висюльками на ушах и декольте ниже пояса, видом своей греховной плоти отвращают юношей от путей, подсказанных собственным сердцем, и заставляют их забыть в чадю нечистых видений, сулящих мерзостные наслаждения, о том, что придет день, когда они предстанут перед судией...»⁴ Повсеместно ему вторили другие священники, сетуя на то, что в некоторых семьях на картежную игру убивают даже воскресный вечер! Власти обложили карты высоким налогом. Ничего не помогало.

Существовало около двух десятков карточных игр — в «рёмштекен» (*roemsteken*), который французы переняли под именем «ромстек» (*romestecq*), играли с колодой в тридцать шесть карт, раздаваемых поровну игрокам, чье число могло меняться от двух до шести; для «омберна» (*omberen*) требовалась колода в сорок карт при трех игроках; кроме того, знали «фараона», «пикет» и «ландскнехта». В других играх применялись образные карты, из которых главными были Смерть, Жизнь и Король.

Дворянство сохранило средневековые традиции шахматной игры, но в обиход крупной буржуазии она вошла лишь около 1700 года. Зато шашки в этой среде были в почете с давних пор.

После 1650 года растущее французское влияние и увеличение числа кофеен в корне изменили старые традиции вечернего отдыха в кругу семьи. С этого времени один или два раза в неделю, а то и чаще, буржуа норовил прийти домой как можно позже, и то только, чтобы поужинать. Жену и дочерей, в свою очередь, также потянуло отдохнуть от домашней обстановки. Затем примеру взрослых последовали и дети. Это не могло не вызвать беспокойства у серьезных людей. Праздношатание и толкотня в курительных и кофейнях потрясли социальные устои общества и нанесли сокрушительный удар по бого-

боязненности и почитанию. Прежняя буржуазная сдержанность, строгая экономия времени и денег, набожность и консерватизм, все то, что составляло силу нидерландского народа, исчезало или деградировало. Семья больше не была семьей, дом — домом.

В десять вечера звон колокола оповещал о наступлении ночи, слышалась дробь барабана стражников. Каждый торопился домой. Нидерландцы любили поспать и ложились рано. После десяти на улицах не оставалось никого, кроме ночных патрулей, разбойников, притаившихся по темным углам, и гуляк, тайных или явных. Буржуа гасил огонь. Все опускались на колени для вечерней молитвы. Отец благословлял детей перед сном. Целовались, задували свечи и шли спать. Город погружался в сон.

ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ

Глава VIII

Религия

Религиозная атмосфера плотно окутывала Нидерланды, пронизывая существование всей нации. «Вера этого народа, — замечает Темпл, — исходит из самой глубины сердца, черпая в нем свои силы»¹. Силы, но не страстность. После 1620 года столкновения между приверженцами враждующих конфессий происходили все реже; диспуты противников протекали без особой враждебности; согласие, если таковое достигалось, совсем не обязательно означало союз. Вера, глубокая, начисто лишенная мистицизма, требовала от самых благочестивых неукоснительного соблюдения канонов и внешних проявлений религиозности; они должны были вдохновляться Священным Писанием, образный стиль которого повлиял на разговорный язык, обозначив пределы его риторичности, а также, безусловно, оказал определяющее воздействие на образ мышления. Богу молились на заре, до и после еды, перед сном. Вечера коротали за чтением благочестивых книг. На рассвете и закате из окон святош доносилось пение псалмов. Церемонией «богослужения» руководил отец семейства. Религиозность голландцев всегда носила семейный характер. Семья образовывала естественные рамки всей религиозной жизни. Это частично объясняет ту терпимость,

которая царила в стране на уровне государственных структур.

Молитвам ребенка учила мать. С ее помощью он постигал азы божественного учения. Чудо-ребенок Анна-Мария Шурман знала катехизис наизусть уже в три года. К моменту поступления в школу вера в Господа прочно укоренялась в душе ребенка. Власти строго следили за тем, чтобы закон Божий занимал ведущее место во всех учебных программах. Занятия по этому предмету обычно проходили в среду вечером и в субботу утром, начинаясь и заканчиваясь молитвой, если не чтением Писания. Накануне великих праздников детей заставляли заучивать наизусть текст грядущей службы. В своей деятельности преподаватели опирались в основном на катехизис Гейдельберга, ставший после Дордрехтского синода 1618 года официальным пособием по закону Божию. Но катехизис, дававший догматическое определение протестантского вероисповедания, не отвечал нуждам начальной школы. Адаптированные варианты этой книги ходили в списках; некоторые из них были опубликованы. Плохо продуманные, перегруженные абстрактными понятиями и ненужной полемикой, они искажали содержание, по сути, не упрощая его. Все это сказывалось на состоянии теологической подготовки в самой середине «золотого века». К недостатку педагогических способностей и узости мышления нередко добавлялась лень преподавателей. В деревне учителя прекращали занятия на все лето. Впрочем, зачастую они вообще сводились к пустопорожним спорам (от чего вкусила Ева, от яблока или груши?) или простому перечислению заповедей. Священники же занимались только с верующими, готовящимися к исповеди, после которой те допускались к Святому причастию. День первого причастия был одним из самых крупных событий в жизни. Открывались двери в мир взрослых, отныне юноша считался способным занимать государственный пост, а девушка — вести домашнее хозяйство.

Нидерландский кальвинизм, очевидно, пришел из Франции, добравшись к середине XVI века сначала

до современной Бельгии. Именно там зародилась первая нидерландская организация, проповедовавшая реформатское вероисповедание. Первый по-настоящему нидерландский церковный собор был созван только в 1571 году. Но в ходе освободительной войны кальвинизм выступил движущей силой масс и во многом обеспечил успех восстания. Тем не менее главная идея этого учения, представлявшая собой некое подобие теократии, так и не была реализована, ибо ей воспрепятствовали только что завоеванная политическая свобода и неожиданно бурное экономическое развитие, не говоря уже о личном неприятии верующих.

Вплоть до 1612 года власть предрержащие аристократы проявляли в отношении кальвинизма холодное безразличие, если не враждебность, склоняясь к более либеральной религиозной концепции. Конфликт разразился в 1618 году. Кальвинистская церковь получила поддержку у светской власти в лице могущественного принца Оранского. Казнь Олденбарнефельде ознаменовала ее победу. Однако на протяжении жизни еще целого поколения в обществе сохранялась сильная напряженность, имевшая и некоторую социальную окраску²: строгий кальвинизм Гомара приобретал сторонников по большей части среди наименее обеспеченных слоев населения; более либеральное протестантство Арминия привлекало крупную буржуазию. Противостояние проявлялось также в культурном и психологическом плане. Нидерландский кальвинизм выступал против главных тенденций гуманизма. Он требовал умеренности в самовыражении, сдержанности, недоверия к явному проявлению непосредственности, искусству ради искусства, а то и к самому воображению в его иррациональных проявлениях. Серьезность, привязанность к земле, тем более сильная, что она была связана с чувством быстротечности земной жизни, — все эти черты, присущие средневековому христианству, сохранились в кальвинизме. Противостоявший ему гуманизм представлял собой модернистское направление.

Только после Великой ассамблеи 1651 года кальвинистская реформатская церковь (*Hervormde Kerk*) получила статус и полномочия государственной. Ей одной давалось право на служение в общественных храмах и официальное преподавание закона Божиего. Ее катехизис читали во всех школах. Ее пасторы и проповедники получали жалованье чиновников. Но свобода церкви теперь ограничивалась государством, которое взяло на себя управление церковным имуществом и контролировало назначение преподавателей на кафедры теологии. Реформатская церковь не имела клира как такового. Высшее положение в ее инфраструктуре занимали синоды; кроме них существовали светские Церковные советы (*Kerkeraden*). На наследство папистов рассчитывать не приходилось, поскольку бывшие владения католической церкви практически повсеместно были конфискованы государством в годы войны. В обителях разместились коллегии, административные учреждения и больницы. В Утрехте часть земных владений слуг небесных попала в руки частных лиц. К тому же те средства, к которым прибегала церковь для давления на умы, были духовного свойства и отличались по тем временам большой деликатностью.

С 1637 года у церкви появился официальный перевод Священного Писания «Библия Штатов», выпущенный по указанию Дордрехтского синода. Появилась собственная литургия: в храме с голыми стенами, лишенными католической роскоши, куда даже музыка проникала лишь понемногу в течение века, на скамьях сидели замерев прихожане, не снявшие шляп. Здесь пели псалмы и гимны, более всего близкие душе простого народа. Того впечатления, которое католический культ производил обращением к чувствам, кальвинистская литургия достигала силой мысли, облеченной в форму проповеди. Святое причастие (для которого причащающиеся выстраивались вокруг специально принесенного стола) происходило редко. Большую часть долгих воскресных служб (два, три часа) занимала проповедь.

От той поры до нас дошли сборники проповедей — пышные произведения, в которых литературная высокопарность стиля сочетается с ученостью и схоластикой. Но основным для нидерландских проповедников оставалась непринужденность, сопровождавшаяся порой резкостью высказываний, и крайняя простота изложения. Отсюда и необычайная популярность некоторых из них. Когда знаменитый Борстий из Дордрехта объявлял, что будет читать проповедь в девять часов, уже с пяти перед церковью собирались его почитатели.

После того как прихожанам читали отрывок из Библии, на кафедре поднимался проповедник. Свое выступление он начинал с обыденных сообщений — о торгах местных купцов, мелких происшествиях в квартале. Затем следовала сама проповедь. Опираясь на Священное Писание, оратор читал нравоучения, написанные ярким, образным языком, не стесняясь каламбуров и вставляя в речь пословицы и поговорки. «Слова проповедников, — иронически замечает Симон Стевин, — так же прикипают к сердцу, как парша к овце»³.

Предмет проповеди мог касаться как общественной жизни — за исключением чистой политики, — так и поведения отдельных лиц, будь то даже весьма влиятельные люди. Менторские наклонности народных проповедников подталкивали их к тому, чтобы осуждать любые проявления роскоши и любви к удовольствиям по-детски наивно, с нашей точки зрения. Около 1640 года они яростно обрушились со своих кафедр на обычай мужчин носить длинные волосы. Скандал дошел до того, что Брильскому синоду было запрещено заниматься волосной проблемой. А прославленный Полиандер посвятил этому вопросу целую научную диссертацию на латинском языке.

Но праведный гнев не всегда направлялся на столь ничтожные предметы. Одно время осуждалось ношение драгоценностей. На протяжении всего столетия реформатская церковь устанавливала свои правила в том, что касалось общественных нравов, через выступления проповедников, работы теологов, реше-

ния синодов и советов. Однако вне узкого круга верующих влияние такой цензуры не было заметно. Но к 1660 году ей все же удалось придать нидерландскому обществу относительную внешнюю строгость. Некоторые обличения основывались на буквальном восприятии Библии. Меры, направленные на борьбу с эпидемиями, отвергались в силу высказывания: «Господь сохранит Вас от напастей чумы». Случалось, крестьяне отказывались от лекарств, считая их прием оскорблением божественной силы Провидения. А патриархальные представления о морали настраивали верующих против любых развлечений.

Церковь никогда не уставала воевать с театром. Даже школьные постановки вызывали нарекания. Козни церковников привели к снятию с показа великолепной пьесы Вондела «Люцифер» после двух представлений. Городские власти далеко не всегда разделяли предрассудки консистории, но необходимость жить в мире с Церковью заставляла их идти на запреты и меры, унижающие достоинство свободомыслящих граждан. Когда в 1668 году комедианты французской королевы испросили у принца Оранского право играть в Гааге, консистория направила к будущему Вильгельму III делегацию с требованием, чтобы он наложил запрет. Принц уперся. Дело уладили полюбовно: французам запретили ставить фарсы и скандальные пьески, давать представления во время службы, а плату за вход удвоили.

К танцам отношение было не лучше. Бывало, накануне свадьбы кто-либо из церковного совета направлялся к жениху и невесте, чтобы упросить тех отказаться от танцев в день бракосочетания. Когда в университет Франекера был приглашен на работу учитель танцев, среди проповедников поднялся такой крик, что дело пришлось рассматривать в Генеральных штатах. В июле 1640 года синод Южной Голландии вынес постановление не допускать к Святому причастию лиц, запятнавших себя посещением бала или переодеванием на маскараде.

Проповедники поносили табак и кофе. Не без основания они выступали против народных праздни-

ков, сохранивших память о католических торжествах — Дне святого Николая, святого Мартина, Крещении, Масленице. Под давлением церкви городские власти шли на уступки. Так, в 1607 году в Делфте была запрещена традиционная для Николина дня продажа пряников и фигурной выпечки; в 1657 году муниципалитет Дордрехта попросту отменил этот праздник. Даже ярмарки выглядели в глазах некоторых ортодоксов ненавистным наследием папистского идолопоклонства: разве корни их не лежали в старых престольных праздниках? Во многих местах накануне праздника читали нравоучения, призванные напомнить, каким соблазнам подвергнутся на нем христиане. Избрание королевы мая считалось не менее предосудительным.

Если вся жизнь подпадала, таким образом, под церковные каноны, то воскресенье — день Господа и веры — регламентировалось еще строже. Проповедники замахивались даже на загородные прогулки, ведь «отдых предназначен не для удовольствия плоти греховной»⁴. Поэтому воскресенье было воистину ужасным. Замирала торговля, не проводился ни один платеж, не принимался ни один вексель. Закрывались театры, пустели улицы (за исключением нескольких минут перед началом службы). Из дома выходили только, чтобы отправиться в церковь: так, утром, около восьми, затем после полудня, в сопровождении учителей или учительниц по мостовой семенили школьники. По возвращении наставники спрашивали своих учеников, хорошо ли те слушали проповедь. В Амстердаме на время службы закрывали городские ворота. Чуждые столь ревностного усердия в служении Богу, богатые буржуа затемно уезжали в свои загородные дома и возвращались только в понедельник к открытию биржи.

Несмотря на давление, которое проповедники оказывали на общественную и личную жизнь, они не образовывали отдельный класс священнослужителей. По всей стране их бы набралось не более двух тысяч⁵. Будучи выходцами из небогатых слоев общества, они сохранили присущие им нравы и образ мы-

шления и не могли избавиться от чувства собственной неполноценности в отношении аристократии. В первые годы Реформации чувствовалась большая нехватка священников. Проповедников и преподавателей катехизиса приходилось набирать чуть ли не из первых встречных — бывших монахов, светских добровольцев, не имевших необходимой подготовки (такие местами встречались почти до 1650 года). Интеллектуальный уровень служителей культа долгое время оставлял желать лучшего. Когда в 1575 году при Лейденском университете открылся теологический факультет, профессорам потребовалось выписывать из-за границы. Но еще много лет прихожане большинства деревень жили без пастора. Получение знаний, требовавшихся от будущего проповедника, было длительным и довольно дорогостоящим процессом. Обучение молодого человека начиналось в «латинской школе» или частным образом, у настоящего священника, для которого уроки составляли значительную статью дохода, и немало их готовили к поступлению на факультет: шесть, восемь, а то и десять учеников за раз. В целях облегчения подготовки кадров священнослужителей центральное правительство основало в 1592 году в Лейдене в качестве факультета Школу Штатов, в которую принимались бедные студенты, питавшиеся и обучавшиеся теологии за счет государства или городов. Эта Школа, которой был придан штат репетиторов, образовывала центр подготовительного обучения и впоследствии переросла в семинарию реформатской церкви. Вслед за тем теологические факультеты стали открываться по всей стране. Закончив курс, новоиспеченный священник регистрировался в церковном совете родного города и, сдав экзамен, получал право на отправление службы. Как полагалось, он устраивал банкет, который в деревнях мог вылиться в народное гулянье и часто вынуждал беднягу влезать в долги. Все протесты советов против этого обычая не смогли ничего изменить.

Большинство священников жили на грани бедности. Не получая ни подношений прихожан, ни цер-

ковной десятины, они относились к категории средних или мелких служащих. Размер жалованья определялся церковным советом. В гронингенской глубинке, где умели считать деньги, ставки были наиболее справедливыми — 28 мер ржи и примерно 75 гульденов звонкой монетой в год. В Дренте случалось, что жалованье выдавали исключительно натурой. А жить было надо, и жизнь порой становилась несладкой, особенно когда в доме семеро по лавкам — реформатские священники имели право жениться. Часто проповедник становился писателем, целителем, а то и трактирщиком; жена содержала лавку. Борясь таким образом за хлеб насущный, он должен был помнить о своих прямых обязанностях — пище духовной для прихожан: отправлять службу, читать проповеди и посещать больных⁶. В городах помимо священника совет содержал ризничего, которому доверялось открывать и закрывать двери, звонить в колокола, следить за часами, прибирать церковь, выгонять из нее собак и шумящих детей.

Плохое материальное обеспечение священников компенсировало их социальное положение. Окруженный почетом и особым уважением политических властей проповедник сидел на официальных банкетах выше эскулапов. В больших городах, как пишет аббат Сартр, он ходил в своем черном плаще по правой, приподнятой стороне мостовой, предоставив жене идти по левой, низкой⁷. То была настоящая привилегия, поскольку в этих краях было принято как раз обратное.

Потомки протестантских беженцев из Геннегау и французской Фландрии пребывали в лоне «валлонской церкви», у которой не было догматических противоречий с протестантизмом. Ее отличие состояло в литургических традициях: служба велась на французском языке, пасторами были французы, бельгийцы или швейцарцы. С 1606 по 1699 год, в подражание Школе Штатов, валлонская церковь содержала собственную бурсу для семинаристов, направляемых учиться на теологический факультет. Благодаря возникшей моде ей удалось найти сторонников и

среди аристократии, представители которой охотно принимали участие в работе ее руководящих органов — Школах Древних и Школах Дьяконов.

Помимо этих двух официальных церквей в атмосфере беспримерной терпимости сосуществовало множество религиозных сектантских реформатских меньшинств. Забытые государством и не допущенные к управлению общественной жизнью, эти инакомыслящие сами содержали собственных священников и места своих собраний, зато в частной жизни пользовались неограниченной духовной свободой. Если какая-либо группа желала нанять пастора или профессора проводить общественные собрания, в муниципалитет подавалось соответствующее прошение; убедившись, что исповедуемая религия не противоречит конституции, и установив сумму налога, власти предоставляли новому вероисповеданию полную свободу. Кое-где последняя все же ограничивалась запретом возведения настоящих церквей. Кроме того, муниципальная администрация требовала для своих уполномоченных свободного доступа на все собрания. На благодатной почве такой юриспруденции религиозные секты росли как грибы после дождя, удивляя своей многочисленностью заезжих иностранцев и немало способствуя репутации либерального государства, закрепившейся за Нидерландами.

Ремонстрантам, вышедшим из либерал-кальвинистов Арминия и отлученным от церкви Дордрехтским синодом, пришлось испытать на первых порах немало лишений. В 1620—1621 годах они подверглись политическим преследованиям. Затем ситуация стабилизировалась. «Арминиане, — отмечает Темпл, — образуют скорее партию в Государстве, чем секту в Церкви»⁸. Около 1660 года ремонстранты проникли даже в некоторые муниципальные организации.

Движение анабаптистов и меннонитов — ветвей одного дерева — зарождалось в длинной череде кровавых пыток и преследований. Анабаптисты были весьма многочисленны в среде простонародья и мо-

ряков, имевших большую силу в Фрисландии и Северной Голландии, и отличались чрезвычайно развитым коллективным сознанием. Им были свойственны терпимость, отвержение всякого насилия и неприятие буквального прочтения Библии. Из общей людской массы анабаптисты выделялись также своей одеждой, ставшей знаком принадлежности к их среде, — долгополый кафтан, широкие штаны до колен, украшенные бахромой, и бархатная шляпа, наподобие конусообразного цилиндра.

Обыкновенные, ничем не примечательные городские дома, одинокие фермы или замки с радушными хозяевами почти повсеместно служили пристанищем представителям движений более или менее еретического толка, как, например, коллегиянтам Рюнсбурга, молившимся воистину как Бог на душу положит. Вся страна была охвачена религиозным брожением. Многочисленные ассоциации, даже те, что регулярно устраивали собрания верующих протестантов и сектантов, легко скатывались к иллюминатству. Сходки именовались «занятиями», на них читали Библию, разбирали проповеди или теологические труды. Иногда на занятия молодые люди обоого пола изучали под руководством наставника библейские языки — латынь, греческий и древнееврейский. Нередко разгорались дискуссии. Некоторые занятия посещали «благочестивые», обладавшие если не подмоченной, то двусмысленной репутацией в обществе, которое щедро раздавало презрительные прозвища этим наивным мистикам или невеждам с их приторно-елейными обращениями вроде «братец», «сестрица», «душечка». Они открывали Библию, читали несколько стихов и предавались своему дару толкования, пророчествовали, впадали в транс. В роли теоретиков этого учения выступили Фома Кемпийский, Бунюан и Омис. Их оппонентами стали такие теологи, как Бракель и Хеллебрёк. Оставаясь редким явлением, иллюминатство тем не менее беспрестанно давало о себе знать. Хулигельница любого внешнего проявления культа француженка Антуанетта Буриньон нашла теплый прием сначала в Амстердаме, затем

во Франекере. В 1625 году жители Гарлема выступили против сношений членов общества «Крест и роза» Франции и Голландии. В Лейдене Николя Барно призывал к союзу всех теософов и приверженцев каббалы с целью открытия общими усилиями истины...

По оценке одного французского офицера в 1672 году⁹ треть населения Нидерландов принадлежала к реформатской церкви, другую треть объединяли различные протестантские секты и, наконец, последнюю составляли католики.

Католики находились в особом положении. Оставаясь вплоть до конца XVI века¹⁰ самой многочисленной, католическая церковь лишилась своих владений и утратила даже саму иерархию как раз в то время, когда Контрреформация осуществляла внутреннюю чистку. С 1592 года папский викариат заменял в Нидерландах прежние епархии. Победа воинствующих кальвинистов в 1618 году и восстановление власти аристократии препятствовали возможному обновлению. В обществе вошло в привычку отстранять католиков от важных постов. Им не разрешалось преподавать в школах, ибо для этой профессии требовалось протестантское вероисповедание. Службу разрешалось проводить исключительно частным образом. Церкви скрывались под крышами личных особнячков, внутренняя планировка которых специально менялась в связи с новым назначением: здание выдалбливали сверху донизу, как ореховую скорлупу. Впрочем, богатые коммерсанты и владельцы замков могли позволить себе возвести собственную небольшую часовенку. Внешне ничто не говорило о ее культовой принадлежности. И в то же время никто ни от кого не таился. Из часовни доносились звуки органа и голоса певчих. Дом-церковь мог принадлежать кюре или быть совместной собственностью группы богатых прихожан. Случалось, его снимали в аренду у хозяина-протестанта. Заботы о церкви принимали на себя сами верующие, которым Папа Римский давал разрешение даже на отправление службы. К 1700 году в Амстердаме насчитывалось 20 подобных приходов. Власти смотрели

на это сквозь пальцы. Они довольствовались запретом на все публичные проявления культа, такие, как собрания и процессии, а также налогом на вероисповедания с души или семьи, кстати, довольно высоким. Предписания полиции ограничивали число лиц, допускавшихся на мессу, которое, однако, обычно превышалось. Но так или иначе стороны всегда могли договориться: кюре подносил бальи свои «заверения в почтении», бальи периодически взимал в пользу государства положенный штраф.

Духовенство жило исключительно щедротами прихожан, с которыми его связывали тесные узы. Святые отцы отличались от горожан своей «униформой» — черная одежда, галстук, трость и гривастый парик. Иезуиты, изгнанные из провинции Голландия, нашли сочувствие в Утрехте, где они держали несколько приходов. Примерно в середине века два французских кармелита осуществили миссионерский поход в Лейден и Гаагу, не встретив каких-либо препятствий со стороны властей. Правда, в те времена реформатская церковь благожелательно относилась к французским расстригам, предоставляя им материальную и моральную поддержку, как, например, бывшему иезуиту Пьеру Жаррижу в 1648 году.

В Землях Генеральных штатов католики составляли подавляющее большинство. Несмотря на правительственные запреты, крестьяне приграничных районов отправляли своих детей в бельгийские школы, чтобы уберечь их от протестантского образования. Преобладая на селе, в городах католики оказывались в меньшинстве. Но будучи хорошо организованы и пользуясь экономической свободой, они спокойно выносили свое положение людей второго сорта, не вступая в политическую борьбу. Отношение населения зависело от места, колеблясь от враждебного в Лейдене до доброжелательного в Роттердаме¹¹.

Католики встречались во всех слоях общества. Они образовывали значительную группу среди лейденских текстильщиков. Католическими оставались дворянские фамилии; к ним, кстати, принадлежали и

Ван Форесты, у которых останавливался Декарт. Даже проповедник Ян-Альберт Бан был принят в довольно закрытый католический кружок Мёйдена. В католичество перешел и знаменитый Вондел. К 1650 году шесть из почти ста книжных магазинов и типографий находились в руках католиков. В период с 1646 по 1690 год Вульгата или католическая Библия издавалась ими четыре раза¹².

Кое-где сохранились монастыри бегинок — несколько флигельков вокруг церкви за общей оградой. Здесь небольшими группами или отдельно жили монахини. Они хранили обет целомудрия, проводили дни в молитвах и физическом труде. Выходя в город, бегинки закрывались черной вуалью. Каждый вечер в девять часов наставница запирала ворота обители. В конце века одному протестанту случилось приобрести дом на территории амстердамского монастыря бегинок, и в первый же день, задержавшись чуть больше положенного, он обнаружил ворота на замке. Затеянный им было судебный процесс выиграла настоятельница.

Помимо прочих, в Амстердаме имелась армянская церковь, которую посещали христиане из восточной колонии, а иногда даже и голландские католики. Для отправления культа в ней был нанят монах из обители Святого Василия. Один раз верующие застали его мертвецки пьяным и собственной властью отстранили от службы на три месяца, а все это время ходили в католическую церковь.

В конце века в Амстердаме насчитывалось более двадцати тысяч иудеев. Еврейские колонии, только менее многочисленные, возникли также в Гааге, Роттердаме и некоторых других городах. Духовное и социальное положение этих этнических групп было далеко не всегда одинаковым. Не имея доступа к государственным должностям и членству в гильдиях, евреи в основном занимались торговлей, и если некоторым из них удавалось сколотить приличное состояние, как это случалось в Амстердаме, их влияние, а также престиж могли стать довольно значительными. Однако иудеям не хватало сплоченности. Их об-

щество разделилось на два противостоявших друг другу клана как по географическому происхождению, так и по времени проникновения в нидерландское общество. Сефарды, выходцы из Португалии и Испании, беспрепятственно утвердившиеся здесь с конца XVI века, к 1600 году уже начали внедряться в Амстердаме во многие важные отрасли внешней торговли. Их сила была столь велика, что в 1612 году они смогли построить большую синагогу, не поинтересовавшись на этот счет мнением властей, которым пришлось примириться со свершившимся фактом. Позже в Голландию стали прибывать немецкие евреи, не имевшие ни гроша за душой и преисполненные ничемной гордостью за синагогальные традиции, которые считали наиболее древними. Они влачили обособленное и довольно жалкое существование.

Все еврейское население Амстердама проживало в одном квартале, впрочем, не имевшем ничего общего с гетто. Хотя на улицах слышался еврейско-испанский говор, идиш или португальский, множество красивых зданий выгодно отличалось от мрачных лавок ремесленников и перекупщиков. Напротив Монтельбанской башни возвышалась большая синагога, возведенная по образу и подобию храма Соломона на основе леонской реконструкции — высокое прямоугольное здание с тройным нефом, окруженное трибунами. Во время субботней службы здесь уже с восьми часов утра толпилось от пяти до шести тысяч человек. Каждый вечер около шести сюда приходили на молитву набожные иудеи. Сообщество «немцев» имело собственную синагогу, поменьше и победнее, но скопированную с большой. Под сенью этих культовых заведений существовали раввинские школы, где юным евреям преподавали Закон, литургию и пение. В других городах иудейские колонии были не столь сильно разобщены. В Роттердаме они всем были обязаны влиянию и денежному мешку богатейшего Абрама де Пинто. Последний устроил синагогу сначала на чердаке собственного дома, затем в специально арендованном для этой цели здании. Он создал школу, разместившуюся опять-таки под

крышей его дома, содержал у себя учеников и подкармливал раввина, выплачивая ему пенсию.

Культурная жизнь иудеев быстро развивалась в благоприятных для духовной жизни условиях. Такие заметные фигуры, как Гроций или Ван Баерле, не чурались поддерживать тесные отношения с амстердамскими раввинами, один из которых, Менассех бен Израиль, чрезвычайно образованный человек, писатель и основатель первой еврейской типографии в Нидерландах, по образу мыслей был близок некоторым теологам-реформатам. Евреи содействовали переводу протестантом Суренхёйсом на латынь части Талмуда. Но не стоит преувеличивать вклад иудеев в нидерландскую экономику «золотого века». В числе 1500 самых крупных налогоплательщиков Амстердама в 1631 году указаны только шесть еврейских торговцев.

К середине столетия в Гааге, помимо официальных храмов, насчитывались одна ремонстрантская, одна лютеранская, три католические церкви и три синагоги. Многообразие «молитвенных домов» свидетельствовало о поразительной веротерпимости. Тем не менее внутри религиозных общин церковные власти не стеснялись притеснять тех, кого считали «паршивой овцой». За сожительство со служанкой, не освященное узами брака, вдовец Рембрандт предстал перед церковным советом; его подругу отлучили от причастия. Еврейская община Амстердама изгнала Спинозу. Безверие в активных формах выносили с трудом. В 1642 году некто Франсуа ван ден Мёрс был брошен в тюрьму за отрицание бессмертия души и божественности Христа. Правда, после семимесячного заключения он все-таки вышел на свободу.

В стране, пронизанной религиозным мышлением, отдельное место занимала определенная группа людей — аристократов, ученых, писателей, подпадавших под общее определение «вольнодумцев». Само понятие вольнодумства весьма расплывчато, к тому же это явление никогда не было подкреплено какими-либо догмами. Оно охватывало широкий

спектр духовных концепций, от философского скептицизма до sentimentalного отвержения всех проявлений нетерпимости. Вольнодумцы (это единственное, что их объединяло) представляли собой гуманистскую оппозицию Церкви. Противодействие, проявляемое через рационалистскую критику, или даже простое проявление чувств были и в самой Церкви. Это движение в большей или меньшей мере было связано с эразмовскими традициями. Но в действительности вольнодумцы составляли ничтожное меньшинство, неспособное противостоять эволюции общества, в котором, по мере приближения к концу века, затвердели социальные структуры и возросла непримиримость воззрений.

Глава IX

Дети

В доме зажиточного буржуа ожидают прибавления семейства. Несколько месяцев назад молодая женщина почувствовала недомогание. Перед ней сожгли шнурок, ей стало дурно — это свидетельствовало о начале беременности. С седьмого месяца и до родин будущая мать постилась. Теперь она лежит на широкой кровати, прикрытые шторы и ставни создают мягкий полумрак. В центре комнаты уже ждет специальная кушетка, на которой пройдут роды. Другие необходимые предметы также под рукой. Сушилка для белья из дерева или прутьев, убранная за ширму, направляющую на нее тепло камина. Колыбель в форме лодки, тоже деревянная или из ивовых прутьев, покоится на полумесяцах подставок, позволяющих укачивать младенца. Вышитое по краям сатиновое одеяльце прикрывает постельные принадлежности. В корзинах у подножия кровати сложена одежда для ребенка: пышный наряд для крещения, распашонки на каждый день. На мебели и каминной полке расставлены стаканы, горшочки, коробка с пряностями, бульонная чашка с ложечкой и кувшин для горячей воды. Время от времени в дом заглядыва-

ет сосед, чтобы удостовериться, что все в порядке. Хождение взад-вперед создает чрезвычайное оживление. В полдень или вечером за стол с семьей усаживается несколько «тетушек». Идет празднество, все пьют и едят пироги.

Женщины квартала несколько месяцев помогают семье готовиться к великому событию. При первых схватках одни бегут за повитухой, другие обходят с радостной вестью и приглашением на торжество всех дедушек, дядюшек и кузенов по степени родства: малейшее опоздание или не вовремя переданная новость — и семейным дрязгам не будет конца.

Сиделки при роженице следят, чтобы пламя свечей в канделябрах было голубым — знак, что помещение не осквернено присутствием нечистого духа. Когда на свет появится новый человек, во дворе зароят плаценту. Повивальная бабка завернет младенца в теплое белье и понесет показать бабушке или будущей крестной. По этому случаю повитуху ждет вознаграждение. Затем она перевяжет мать, оденет новорожденного и передаст на руки отцу с традиционным обращением: «Вот Ваш ребенок. Да ниспошлет с ним всемогущий Господь Вам много счастья и даст его Вашему потомству». Новые чаевые.

Малыш вторгся в жизнь. Его окружили родители и соседи, восхищенные его красотой, силой, пытаясь определить, на кого он похож. Между тем помощница повитухи готовила «кипяток» — кипящее молоко с сахаром и пряностями, которое помешивали длинной палочкой из коричневого дерева в ленточках. Цвет лент и длина палочки зависели от пола ребенка. Счастливый отец напяливал на голову пикейный сатиновый колпак с перьями, свидетельствующий о том, что он муж роженицы. Пока жена подкрепляла силы хлебом с маслом и овечьим сыром, в соседней комнате, куда уже начинали стекаться гости, помешивали «кипяток». Иногда вместо него пили водку, закусывая засахаренным миндалем. Люди попроще довольствовались подслащенной можжевеловкой. Торжества заканчивались довольно шумно. Церкви удалось расправиться с давней традицией застолий при рож-

дении, но в хорошем обществе в этот день или немного спустя устраивали праздник для соседских детей. Им показывали новорожденного, объясняли, что его нашли под пальмой или в капусте, если это был мальчик; или в зарослях розмарина, если это была девочка. Их угощали традиционными булочками в форме полумесяца — «круассанами».

Если, к несчастью, женщина не выдерживала родов, этот день, обещавший радость, заканчивался бдением у тела покойной. В руки усопшей, вытянувшейся на кровати, вкладывали ее дитя.

Немедленно после рождения ребенка в Амстердаме, Харлеме, Дордрехте и некоторых других городах на дверь дома вешали маленькую табличку, которая представляла собой обтянутую красным шелком планшетку в обрамлении кружев. В случае, когда рождалась девочка, середину планшетки закрывал прямоугольник из белой бумаги. Эта табличка составляла настоящую семейную драгоценность, которой нередко обзаводились чуть ли не со свадьбы. Если младенец умирал, вместо красного вывешивали черный шелк. В некоторых богатых семьях использовали две таблички — одна для рабочих дней, другая для воскресенья; иногда их заводили даже три, выделяя одну на время дождя. У простых людей вместо шелка был холст. В деревне то же самое символизировали ветки, привязанные к ручке двери. Вместо них могли быть корзины цветов, раковины. По сути, это были настоящие уведомления. Возле них застывали прохожие, изучая содержание; собирались соседи, обсуждая событие. Порой помощницу повитухи посылали подслушать эти разговоры.

В день родин повивальная бабка чувствовала себя в семье королевой. Суеверная, но хорошо знавшая себе цену, она пользовалась у клиентов большим доверием, которым легко злоупотребляла. Принять роды у супруги регента или богатого буржуа означало для нее возможность получить реальную власть над простыми людьми, составлявшими ее обычный круг. Повитуху уважали даже врачи, которые втайне ее побаивались. Смешивая достижения медицины с тем-

ными крестьянскими традициями, она располагала средствами, в которые верили все. Часто в случае болезни первым делом обращались к ней. В социальном отношении она пользовалась большими привилегиями. Во многих местах повитуха освобождалась от налогов на пиво, чай, кофе и даже водку. Местные власти очень ценили повитух. Во всех городах и некоторых деревнях повивальных бабок с хорошей репутацией приглашали в муниципальную службу. В случае согласия повитуха давала присягу муниципалитету, который устанавливал ей постоянное жалование и давал бесплатное помещение с вывеской — крест с младенцем в ореоле девиза. Когда старость вынуждала теперь уже муниципальную акушерку уйти в отставку, власти дарили ей небольшой домик, где она могла мирно окончить свои дни.

Первые недели жизни младенца были сплошной чередой праздников и торжеств. На девятый день по старому обычаю устраивали большой прием. Отец в последний раз надевал свой колпак с перьями; повивальная бабка показывала собравшимся ребенка, одетого в праздничный узорчатый наряд, обычно темных цветов — гранатового, зеленого. В богатых домах устраивали банкет, в остальных подавалась более скромная закуска. Языками работали везде, и кумушки во всех подробностях обсуждали прошедшие роды.

Церковь желала, чтобы крещение происходило как можно скорее после рождения. У простых людей действительно почти так и было. В среде крупной буржуазии обычно ждали, когда мать сможет выходить на люди. Церемония крещения проходила в церкви, обычно во второй половине дня, до или после проповеди, но никогда — без нее. Присутствие отца было обязательным, равно как и свидетелей, братьев и сестер новорожденного, при условии, что они принадлежат к реформатской церкви. Приглашенные одевались в лучшие наряды. Те, кто не мог позволить себе церемониальный костюм, приходили в своих свадебных одеяниях. Младенца укутывали в праздничное платье, дополненное аксессуара-

ми, которые имели символическое значение, — шапочка мальчика включала в себя шесть элементов, тогда как головной убор девочки состоял всего из трех. Если мать умерла родами, одеяние младенца было белым с черной окантовкой. Чтобы ребенок не нарушил торжественности церемонии своим криком, ему давали пососать кусочек сахара, обмоченный в молоке. В зависимости от благосостояния кортеж возвращался из церкви пешком или в карете. Отец благословлял своего ребенка. Затем следовали пир с песнями и вручение подарков.

За редчайшими исключениями мать всегда занималась своими детьми сама, даже в богатых семьях. Если по причинам ее недомогания все-таки требовалась кормилица, та оставляла дом немедленно, как только ребенка можно было отнять от груди. Зато очень часто за детьми постарше присматривала старая служанка, прожившая в семье долгие годы и почти ставшая ее членом. Она их одевала, купала, пела колыбельные и рассказывала сказки.

Заботливые нидерландцы всеми средствами пытались уберечь своих крошек от холодного уличного воздуха. Запеленутых так, что они не могли пошевелиться, укутанных в распашонки, рубашки, шапочки, шерстяные платья, малышей запирали в спальне с закрытыми окнами, и они посапывали там в колыбельке под несколькими одеяльцами в обнимку с грелкой из бутылки, наполненной горячей водой. Несмотря на рекомендации врачей, применение снотворных было в порядке вещей. Как только ребенок выучивался стоять, его сажали на передвижной стул в форме усеченной пирамиды на широких колесиках, сооруженный из деревянных брусков, тесно обхватывавших корпус; или за что-то вроде столика, за которым ребенок держался прямо благодаря высокой спинке сиденья. Чтобы научить ребенка ходить, его поддерживали на помочах, веревке или ленте, обвязанной вокруг пояса. Вскоре он дорастал до своей первой игрушки — деревянной резной и расписной фигурки неопределенного существа, выдаваемого за лошадь.

Пока поступь малыша оставалась нетвердой, его одежда не становилась более легкой. Стремясь защитить чадо от ушибов и травм, любвеобильные родители облачали его в варварское снаряжение — кожаный шлем, тесно сшитый корсет китового уса, усиленный железными и свинцовыми полосами, поверх которого натягивалось шерстяное платье. С 1620 года против такого режима стало выступать все больше знающих людей, но потребовалось более столетия, чтобы искоренить глубоко въевшийся предрассудок. Подрастая, ребенок без всякого перехода получал одежду взрослых: чулки, штаны до колен, камзол — для мальчиков; жакет, корсаж, длинное платье — для девочек. Ничего специфически детского. В некоторых деревнях мальчишки почти до семи лет носили платьица.

Ожидая достижения школьного возраста, дети играли чаще всего на улице. Ребенка отправляли гулять, если позволяла погода, вернее, если это только было возможно. В богатых домах дрожали за сохранность обстановки, чистоту и сухость полов, в бедных просто не хватало места. Поэтому с раннего утра нидерландские города кишели карапузами от трех до пяти-шести лет, игравшими на крыльце, под навесом и просто на улице. Во второй половине дня, после окончания занятий в школе, к ним присоединялись детишки постарше. Такое воспитание на пленэре было весьма необычным для Европы. Ему поразились все иностранцы, к тому же оно подразумевало разболтанность и грубость, на которые они не переставали сетовать. Не испытывая ни к кому уважения, готовые насмеяться над всем и вся, стайки подростков преследовали на улице тех, кто казался им чуждым, кидаясь камнями, осыпая комьями земли и оскорблениями. В 1642 году такое положение дел, общее для страны, привело к общественному скандалу в Зандаме. Церковный совет обратился к эшевенам. Было извлечено на свет старое полицейское предписание о поведении на улице. Все напрасно: корень зла заключался в отношениях между родителями и детьми. Патриархальный культ главы семейства, бур-

жуазная словесная дистанция, окружавшая родителей, братьев и сестер (сударь батюшка, сударыня матушка, мадемуазель сестрица), не подкреплялись авторитетом. Обожаемые, избалованные чада пользовались почти неограниченной свободой. Избыток снисходительности делал родителей бессильными в отношении своих отпрысков. Если сочувствующий посетитель-чужеземец предлагал им бороться с некоторыми недостатками распоясавшегося потомства, ему отвечали поговоркой: «Подрежь нос — испортишь лицо».

Дети вырастали капризными и непостоянными, истинными домашними тиранами. Девочки из буржуазных семей, с которыми матери держали себя на равных, часто становились невыносимо претенциозными. «Излишнее мягкосердие к чадам своим суть частью корень, — пишет Париваль, — мерзости поступков оных. Тем паче дивно, что не пали они ниже, и не есть ли сие лучшее доказательство сих людей врожденного благочестия и примерного добронравия»¹.

Заботы о сиротах принимал на себя муниципалитет. В маленьких городках их отдавали на попечение буржуа, известных своей порядочностью, в больших же имелись приюты, где потерявшие родителей дети и найденыши росли в лоне реформатской церкви. Имуществом богатых малолетних наследников управляла опекунская палата, других сирот обучали ремеслу. В главном приюте Амстердама нашли кров почти 1200 детей. Жизнь в казенных домах была несладкой. Размещаясь вместе с преподавателями в огромных общих спальнях, подвергаясь тяжелым телесным наказаниям, дети ко всему прочему зачастую жестоко эксплуатировались под прикрытием профессионального обучения. Чтобы удержать на плаву бельевую и шелковую мануфактуры Амстердама, основанные гугенотом Пьером Байем и пришедшие в упадок, опекуны в конце века не постеснялись выделить предпринимателю 240 сирот, дешевую и беззащитную рабочую силу.

В следующей главе мы проследим за занятиями ребенка, достигшего школьного возраста; но и в годы

учебы, до тех пор, пока время не заставляло ребенка остепениться, родители и власти не могли вздохнуть спокойно. Никогда еще в истории Нидерландов пьянство не было так распространено среди подростков, несмотря на самые крутые меры, периодически применяемые полицией. За девицами в порядочных буржуазных семействах, естественно, присматривали, — им разрешалось выходить только в сопровождении матери, даже в церковь. В среде простонародья их держали дома хозяйственные заботы. Но мальчишки не имели другого прибежища после закрытия школы или мастерской, как дом — слишком маленький или слишком строгий, улица или таверна. Их детские развлечения составляли пьянство и игра в кости — неискоренимое зло, от которого не защищали даже университетские стены. Только исключительное влияние семьи могло совладать с этими нравами.

У аристократов в обычае было отправлять молодых сыновей по окончании учебы за границу. Путешествие снимало с них домашнюю копоть и помогало приобрести ценный опыт для работы на ожидавших их государственных должностях. Чаше всего их отправляли прогуляться в Англию или Францию, много реже — Италию. В то же время только молодые атташе посольств могли иметь возможность побывать в Испании или Скандинавии.

Конфликты отцов и детей были в порядке вещей. «Неисправимые» ставили перед добропорядочными семьями проблемы, которые невозможно было разрешить при царившем тогда положении дел. Вернее, существовало одно радикальное решение, к которому обычно и прибегали, — высылка в индийские колонии, «воистину отхожее место, — пишет Париваль, — куда стекаются нечистоты со всей Голландии»². Экипажи судов, уходивших на мыс Доброй Надежды или Яву, в большинстве случаев включали группу мятежных сыновей, которых отцы своей законной волей отдали в матросы. В самых тяжелых случаях, когда не оставалось никакой надежды на исправление сына или дочери, отец имел право заточить неслуха в тюрьму.

Гранит науки

В некоторых состоятельных семьях для преподавания детям разных наук нанимали «гувернера» — учителя, который оставался при них долгие годы. Так, Герман Бруно занимался обучением детей Константина Хейгенса. Гувернер давал своим ученикам образование, которое мы теперь называем начальным и средним. Позднее он сопровождал воспитанников в университет или на учебу за границей. Но такой случай оставался исключением из общего правила, по которому ребенок с малых лет подпадал под школьную дисциплину.

«Малые школы»

В Нидерландах не было центрального органа, который бы направлял и контролировал процесс обучения. Создание и поддержание «малых школ», заменивших в те времена детские сады и начальные классы, предоставлялось инициативе частных лиц или ассоциаций, заручившихся одобрением муниципалитетов. Власти ограничивались эпизодическими инспекциями неопределенного характера, которые поручались членам церковного совета. Там и тут создавался штат «инспекторов преподавательского состава», подчинявшихся дирекции местной латинской (средней) школы. В городах, где существовала гильдия школьных учителей, она сама контролировала деятельность своих членов. Случалось, гильдия отклоняла по негодности преподавателя, принятого муниципалитетом. Компетенция этих ревизоров распространялась более на учителей, нежели на школы как таковые. Преподаватели обоего пола должны были письменно подтвердить исповедание реформатской веры и принести присягу, взамен им выдавалось свидетельство, которое следовало вывесить на двери своего дома. Ни уровень образованности, ни характер по-настоящему не выяснялись. Напрасно консистории направляли протесты — отчет

за 1611 год сообщает о школьных учителях, не знавших всех букв алфавита и неспособных обучить воспитанников их произношению¹.

Со всех сторон от родителей поступали жалобы. Но требовался настоящий скандал, — например, заметная нетрезвость учителя при исполнении своих обязанностей, — чтобы убедить вмешаться инспекционную комиссию и в этом случае примерно наказать виновного. В некоторых сельских районах дела обстояли еще хуже. В Брабанте учителями нередко нанимали молодых калек из буржуа или лакеев, неспособных нести иную службу. В деревнях, где школа в основном была придатком церкви, обучением ведали приходские служки.

Женщины, которым препоручались подобные «школы», зачастую проявляли себя на педагогическом поприще хуже своих коллег-мужчин. Набираемые иногда в городских трущобах, эти бедные создания были раздавлены свалившейся на них задачей и сочетали профессию учителя с ремеслом портнихи, вязальщицы и кружевницы. От них не требовалось даже умения читать и писать. На занятиях они ограничивались заучиванием наизусть «Отче наш», десяти заповедей, символа веры и названий букв алфавита. Только в 1665 году вышло предписание, согласно которому кандидаты в учителя должны были уметь писать, читать печатные и прописные буквы; знать четыре арифметические операции, петь псалмы и... иметь хорошую методику преподавания!

Вопиющие недостатки системы и тот факт, что школьные учителя составляли наиболее бедную профессиональную категорию, не помешали, однако, относительно широкому распространению некоторого базового образования, и число неграмотных в Соединенных провинциях было меньше, чем где бы то ни было в Европе. Обучение оплачивалось частью деньгами (символической суммой), частью натурой — кусок торфа в день, сальная свеча в неделю (зимой). Эти расходы обеспечивали существование только разве что самых обездоленных.

С трех до семи лет дети ходили в «школу», которая располагалась в каком-нибудь доме, о функциональном назначении которого говорила вывеска с именем учительницы или собственным названием здания: «Школа Гритье на рыбном рынке», «Школа у «Яблока». Занятия обычно проходили в «задней комнате», часть которой занимала постель учительницы или очаг, на котором она готовила себе еду. Выбеленные известью стены, голый кирпичный пол. Дети рассаживались кто как хотел, на корточках, лежа на полу. Девочки и мальчики играли, дрались среди нечистот, оставляемых самыми маленькими и наполнявших через несколько часов этот вертеп своим зловонием. Скупой свет, дым и запах жира. Окрики учительницы и удары линейкой были единственными инструментами, с помощью которых поддерживалась весьма относительная дисциплина. Самые старшие, раскачиваясь, тянули псалмы, читали алфавит или «Отче наш». Два-три раза в неделю девочки постигали азы вязания и шитья.

В богатых кварталах больших городов «школы» представляли собой менее прискорбное зрелище и располагали даже некоторой обстановкой. Учительница восседала за партой, ученики размещались на лавках; в углу стояло проявление высшей роскоши — отхожее ведро.

Ребенка, достигшего семилетнего возраста, передавали в руки учителя, у которого он должен был получить подобие современного среднего образования. Здесь он зависал на пять лет.

Заведение учителя обозначала вывеска. «Адриан Вутерс, сын Кёйпера. Здесь учат детей». Иногда надпись имела более литературную форму. Один роттердамский учитель выполнил ее в форме двустижия:

Кит изрыгнул Иону, и пошел он в Нинивы учить.
Читать катехизис здесь учат и Божьи молитвы творить.

В другом месте роль вывески играла картина, изображавшая г-на учителя в кругу воспитанников. Или в ход шел лозунг, призванный привлечь любопытство бережливых родителей: «Великая наука за малые деньги».

Школьные помещения устраивались либо на более просторном первом этаже дома, либо на самом тесном, в зависимости от социального уровня учеников. В большинстве своем помещения состояли из двух комнат, позволявших разбить учеников на две группы по различным критериям — большие и маленькие или, скажем, богатые и бедные. Одна из групп доверялась заботам жены учителя или даже лакея. В каждой комнате детей рассаживали в зависимости от пола, иногда возраста, но не в соответствии с нашим современным делением на классы.

В деревне все обстояло проще. Во Фрисландии или Хелдере под деревенские школы выделялись конюшни или амбары. Иногда это были просто саманные хаты, холодные зимой и душные летом.

В широкой камилавке и накинутой мантии, из-под которой выглядывали штаны до колен и жилет, учитель восседал в тяжелом кресле. На расстоянии протянутой руки от него на столике или этажерке лежали Библия, Псалтырь, песочные часы, несколько учебников, запас гусиных перьев, перочинный ножик, бутылка чернил и коробка с песком вместо промокашки. К этим профессиональным принадлежностям добавлялась металлическая расческа, которая предназначалась для неряшливых учеников и чье усердное применение рассматривалось как наказание. В углу, иногда посреди комнаты в зимнее время чадила торфяная печка, жар которой в спертom воздухе скоро становился невыносимым. По стенам висели картинки из букваря, десять заповедей, «Отче наш», основы вероисповедания и самое главное «Предписание» — сборник правил поведения на занятиях, в церкви и на улице, который учитель обязан был повесить на видное место.

Каждый день урок начинался с молитвы и чтения главы из Писания. Затем следовало пение псалма. После дети занимались индивидуально. Ученики поочередно подходили к кафедре, снимали шляпу и получали от учителя задание или же отвечали наизусть выученный урок. Затем они надевали шляпу и возвращались на свое место на скамье (они были разного

размера, с партами и без) или за один из свободных столов. И так в течение всего долгого дня, 330 раз в году! Около 1600 года школа летом открывалась в 6 утра, зимой — в семь, и закрывалась в 7 часов вечера. В течение учебного дня было два больших перерыва — с 11 до часа и с четырех до пяти. Дети могли подкрепиться дома или съесть в классе захваченные из дому бутерброды. В течение века продолжительность занятий сократилась — с 8 до 11 или полудня в первой половине и с часу до 4 или 5 вечера. Один раз в неделю, в среду или четверг, занятия заканчивались на час раньше обычного; в субботу уроки полностью отменялись во второй половине дня; но эти отдушины заполнялись пением псалмов и изучением катехизиса. Каникулы в городских школах обычно составляли две недели. Кроме того, власти разрешали предоставлять ученикам дополнительные свободные дни при условии, что они не будут совпадать с папистскими праздниками. Именно поэтому школы закрывались, например, на время скотных ярмарок. Часто семьи испрашивали освобождение от занятий для своих детей по случаю дня рождения или семейного события, и учитель обычно удовлетворял такие просьбы. Зато к прогульщикам снисхождения не было, их примерно наказывали ударами гибкой линейки.

Учитель располагал разнообразнейшей гаммой орудий воспитания. Кнут, линейка и ремень обрушивались как на одетого шалуна, так и на его оголенные части. В некоторых школах, особенно для детей бедноты или сирот, применялся позорный столб или деревянная колодка, в которую заковывали ногу ребенка на определенное время, часто на целые дни, чтобы жертва таскала за собой этот груз по улице и в церковь. «Ослиный колпак» по сравнению с прочими выглядел мягким наказанием. Его носили на шее — виновный выставлялся на стуле с надписью, сообщавшей о совершенном проступке.

Программа занятий сводилась главным образом к изучению житий святых, чтению, письму и арифметике. К девочкам относились с еще меньшей требовательностью, и умение пользоваться иголкой с нит-

кой считалось достаточным опытом для дальнейшей жизни. Чтение букв преподавалось в алфавитном порядке от А до Z, не рассматривая их сочетаний в словах. Последние произносились учителем целиком и прилежно повторялись (и искажались) учениками на манер псалма. Если детишек было много, производимый ими гомон долетал до улицы к вящему неудовольствию прохожих. «Лучше, — говорили они, — пройти мимо кузницы, чем мимо школы!»

Простейшая арифметика в силу своего практического применения в торговле представляла собой предмет особого внимания со стороны большинства наставников, которые в свободное от занятий время выполняли функции муниципальных бухгалтеров. Их методика преподавания опиралась более на практику, нежели на теорию. Они предлагали ученикам решать задачи следующего рода: «Два человека купили в складчину восемь пинт мальвазии и хотели бы разделить их поровну. Но чтобы разделить купленное вино на равные части, у них нет другой меры, кроме одной бутылки в пять пинт и другой в три. Вопрос: как следует им поступить?»²²

Правописание, считавшееся самым полезным из прочих предметов, пользовалось огромным престижем. Некоторые аристократы превращали каллиграфию в настоящее искусство. Они писали, как чеканят граверы. Слава голландцев и зеландцев как мастеров письма распространилась за пределами страны. Красивого почерка было довольно, чтобы учитель мог найти клиентуру по своему выбору, какими бы убогими ни были его педагогические таланты и каким бы дурным ни был характер. При письме использовалось птичье перо или тростинка и черные чернила из сажи, разведенной в масле. Детей обучали выводить романские и готические буквы, наклонные и прямые. Ежегодно муниципалитеты устраивали для городских школьников конкурсы чистописания. Победителям вручали серебряное перо, письменный прибор, книгу или же выбивали их имена на почетных досках.

Для чиновников, коммерсантов и юристов упражнения в каллиграфии имели чрезвычайно большое

значение. В кругах буржуазии, мелкой и крупной, все писали очень много, эпистолярное творчество прочно вошло в обиход. Со школьной скамьи ребенок одновременно с правописанием постигал азы риторики. Если, став взрослым, он находил свои знания недостаточными, их можно было расширить, купив соответствующие дидактические пособия и даже сборники образцов писем, включая любовные³. В особых случаях обращались к общепризнанным авторам, специализировавшимся в цветистой прозе или стихосложении и умевшим ловко состряпать красивое объяснение в любви с предложением руки, уведомление о крестинах или похоронах, приглашение на торжество.

Такая программа, плохо подкрепленная скверными учебниками⁴, не обеспечивала хороших знаний. Кроме того, учителя жаловались, что многих детей родители преждевременно забирают из школы, желая скорее направить энергию своих отпрысков на созидательный труд. Система образования была явно недостаточной, и параллельно «малым школам» создавались другие, не слишком отличавшиеся от первых, но обещавшие специальную ориентацию на коммерческую карьеру.

Беженцы-гугеноты основали «французские школы», которые с середины столетия получали финансовую поддержку муниципалитетов. Помимо алгебры и каллиграфии здесь обучали еще и французскому, считавшемуся языком международного общения. Некоторые из этих школ, содержащихся не особенно сведущими дамами, специализировались на воспитании девочек из хороших семей, которых обучали (часто с недопустимым пренебрежением синтаксисом и орфографией) женскому эпистолярному стилю.

Несмотря на их посредственность, число французских школ на протяжении века непрерывно росло. Впрочем, если французский язык занимал в Нидерландах «золотого века» привилегированное положение, то этим он обязан семейным и политическим традициям и менее всего французским школам. Семьи образованных французских эмигрантов всеми силами поддерживали чистоту родного языка,

который, со своей стороны, оберегала валлонская церковь. В высшем нидерландском обществе было принято завершать обучение молодых людей, часто сильно офранцузенное, длительной поездкой во Францию или романскую часть Швейцарии.

На правительственном уровне французский служил не только для внешних сношений, но и для общения с иностранцами, приглашенными на различные должности Республикой. Заведенный в армии обычай отдавать команды по-французски был упразднен только в 1609 году. Принц Фредерик-Хендрик, сын Луизы де Колиньи, написал свои «Мемуары» на французском. Вильгельм II пользовался двумя языками.

Тем не менее популярность французского языка не выходила за пределы аристократических кругов и среды крупной торговой буржуазии. Даже в последней четверти столетия, когда французское влияние достигло апогея, Ренэ Ле Пэи потребовался переводчик, чтобы отправиться в путешествие по нидерландским провинциям. К тому же большинство нидерландцев говорило на искаженном французском, и даже сами французские эмигранты, если они, конечно, не обладали устойчивой культурой, быстро подпадали под влияние среды и корежили родную речь.

Английский преподавался лишь в нескольких школах. Этот язык, равно как и немецкий, не был распространен. Итальянский и испанский пользовались некоторым успехом среди щеголей. Португальский имел гораздо большую ценность, особенно для моряков и негоциантов, связанных с Дальним Востоком, — долгое время он служил языком общения при сношениях нидерландцев с яванцами.

Нидерландский язык как таковой не был предметом обучения. Однако именно в «золотом веке» он сложился и именно тогда появились в Нидерландах первые классики. В устном употреблении простонародья он распадался на значительное число разнообразных диалектов, сильно отличавшихся друг от друга, так что в северных провинциях диалекты образовывали практически независимые языки, располагавшие собственными структурами, разительно

отличавшимися от нидерландского и связанными с семьей германских языков. Особенно выделялся нижнесаксонский диалект Гронингена и фризский — носители культуры, которая характеризовалась яркой оригинальностью в Средние века⁵. Но в этой области Реформация и война за независимость привнесли с собой упорядочение и стандартизацию употребления национального языка. Три поколения писателей и ученых-гуманистов, влияние «Библии Штатов» и проповедей породили общую идиоматику и привели в ходе XVII столетия к формированию общенационального языка.

Высшее образование и науки

Мальчик, чьи родители желали дать ему классическое образование (считавшееся необходимым для высших государственных должностей), поступал по окончании «малой» или французской школы в латинскую. Согласно предписанию 1625 года для учебы в ней требовалось всего только уметь читать и писать. Скромность этих требований проистекала из презрения высших заведений к «малым школам». До 1625 года во многих латинских школах приходилось тратить год, если не два, на восполнение пробелов в знаниях новых учеников. В Хелдере и Гронингене неграмотных подростков принимали в школу распоряжением местных властей⁶.

Вплоть до начала XVII века в организации среднего образования царил полнейший хаос. Никакой общей программы, методики и учебных пособий. Поскольку латинские школы возвращали элиту страны и представляли собой, таким образом, общественную службу, синоды время от времени проявляли беспокойство в связи со столь плачевным положением дел. На почти двадцати синодах с 1570 по 1620 год поднималась эта проблема. Предписание, подготовленное в 1625 году по просьбе Штатов Голландии и принятое мало-помалу во всех провинциях, внесло наконец относительное и для того времени замечательное единообразие.

С того момента латинская школа разбивалась на шесть классов (или четыре), в которых дети обучались с двенадцати до шестнадцати или восемнадцати лет⁷. Девочек в такие школы не допускали. Аристократки, желавшие получить классическое образование, брали частные уроки. Административное управление латинской школы поручалось штату «кураторов» из числа членов местных органов власти и священников. В их компетенцию входили назначение преподавателей и контроль за переходом учеников из класса в класс, а также за предоставлением премий и установлением штрафов. Бразды педагогического правления находились в руках ректора⁸.

Дисциплина была строгой, телесные наказания не были упразднены. Занимая чаще всего помещения бывшей обители, школы располагали квартирой для ректора и спальнями для учеников-пансионеров. Изгородь разделяла монастырскую галерею надвое — частный сад ректора с одной стороны, рекреационный двор — с другой. Здание редко могло порадовать глаз — унылое, обставленное несколькими скамьями и грубыми столами, плохо освещенное высокими и узкими окнами-бойницами, зимой — задымленное торфом.

В 8 утра летом и в 9 — зимой порталый колокол оглашал начало занятий. Уроки заканчивались в одиннадцать и возобновлялись в час или два дня вплоть до четырех-пяти вечера. Каникулы, кроме трех недель в августе, были представлены чередой праздничных дней, щедро разбросанных по всему учебному году, — государственные праздники, день рождения ректора, чрезвычайная распродажа книг, смертная казнь.

Латинский был основным предметом обучения. При еженедельном количестве учебных часов от тридцати двух до тридцати четырех на него отводилось 20—30 часов в течение первых трех лет и 10—18 — в течение трех заключительных. Остальное время распределялось между законом Божьим и каллиграфией, в старших классах — греческим и основами риторики и логики.

Методика преподавания сводилась к запоминанию и упрощенным производным состязательности в виде, например, награждений по итогам экзаменов, проводившихся каждые два года. Результаты не поднимались выше средних. Преподаватели жаловались на отсутствие у молодежи тяги к знаниям. К концу века латинские школы находились в полном упадке, во всяком случае в небольших городах⁹. Ко всему прочему, французский язык и французская культура вытесняли у богачей латинский и античную культуру — латинской государственной школе предпочитали частные высшие школы, содержащиеся французскими эмигрантами, или, если позволяли средства, гувернера-швейцарца.

По окончании латинской школы ученик был готов к специализированному обучению, которое по традиции разбивалось на четыре факультета — «искусство» (иначе говоря, естественные науки и словесность), теология, право и медицина. Это обучение занимало от четырех до пяти лет, и таким образом, молодому человеку, готовому к профессиональной деятельности, было 20—25 лет¹⁰.

Соответствующий уровень образования обеспечивали университеты и «прославленные школы». Они отличались друг от друга только историческими и юридическими нюансами. Университеты, созданные изначально для подготовки кадров реформатской церкви, возникли на заре Республики: Лейденский университет основан в 1575 году, Франенкеркский — в 1585-м, Гронингенский и Хардервюкский — в начале XVII века. Затем начиная с 1630 года соперничество подвигло другие города на учреждение собственных высших учебных заведений, но звание и привилегия университетского положения, ревностно защищаемые первыми, не могли распространяться на остальных. По этой причине в Дордрехте, Мидделбурге, Бреде, Хертогенбосе, Неймегене, Девентере, Роттердаме и даже самом Амстердаме пришлось довольствоваться названием «прославленной школы», ограничить число факультетов тремя и обязать не присваивать выпускникам докторскую

степень. Замечательным исключением стала «прославленная школа» Утрехта, что добилась подлинной славы, перейдя в 1636 году в ранг университета после двух лет существования.

Образование в большинстве университетов и «прославленных школ» в «золотом веке» было поднято на большую высоту, что сделало Нидерланды маяком в море международной науки. Основным центром стал Лейденский университет. Основанный Штатами Голландии, он с самого начала своей деятельности пригласил, помимо теолога, присутствие которого должно было оправдать предназначение заведения, девять профессоров, представлявших различные гуманитарные и естественные науки. Это ядро значительно разрослось в течение века и стало образцом для подражания для многих нидерландских университетов.

Являясь общественным учреждением и имея своих кураторов, Лейденский университет управлялся в учебном плане ректором, которому помогал в его деятельности сенат, состоявший из всех профессоров. Университет располагался сначала в бывшем монастыре Святой Барбары, затем в обители «белых сестер», сгоревшей в 1616 году, восстановленной и многократно перестраивавшейся на протяжении века. Посетителей всегда поражали суровая строгость архитектуры здания и его превосходное оснащение. Вместе с дочерними институтами, школой Штатов, жилищами студентов и большим монастырским двором (бывшие кельи которого муниципалитет продавал за «честную плату» профессорам) университет действительно был городом Науки.

Преподавательский состав включал определенный процент иностранцев. С 1575 года среди университетских профессоров были два француза и один немец. Затем число приглашенных французов и бельгийцев значительно увеличилось, но после 1609 года этот рост начинает спадать. Стремясь привлечь в Лейден самых знаменитых профессоров, кураторы не скупались на соблазнительные финансовые предложения. Случалось, гонца торопили и обещали на-

граду в случае успеха, как это было при переговорах с Жозефом-Жюстом Скалиже. В 1578 году сенат направил физика Ратло на «разведку» в Германию.

Немало было чужестранцев и среди студентов. Париваль встретил на факультетах Лейдена немцев, французов, датчан, шведов, поляков, венгров и англичан, «меж коих часто доводилось видеть принцев»¹¹. Число студентов-французов, достигшее высшей отметки — 50 человек в 1621 году¹², обычно колебалось от десяти до двадцати, что было относительно много. В Лейдене в свое время учились Ге де Бальзак, Теофиль де Вио и Декарт.

Ни один университет и ни одна «прославленная школа» не могли сравниться с университетом Лейдена по богатству знаний и незапятнанности репутации. Сенат Хардервюка, по слухам, торговал дипломами докторов. Неймеген со своими тремя профессорами походил на бедного родственника. Зато Франекер, несмотря на необычное географическое положение, был достаточно привлекателен, чтобы туда в 1629 году перевелся Декарт.

Высшие учебные заведения Нидерландов по сравнению со всеми другими в Европе имели преимущество новизны. Созданные на пустом месте, они были свободны от тягостного средневекового наследства. В них все дышало новой мыслью. Естественно, церковь желала удержать главенство теологии, но, внешне оставаясь в центре, она не довлекла над другими предметами. Науки, чем блистали нидерландские факультеты, представляли собой самые последние завоевания разума — греко-латинская филология, изучение восточных языков, анатомия, астрономия, ботаника и зарождающаяся химия, те отрасли современного гуманизма, которые основывались на лингвистике, истории и естественных науках.

Соединенные провинции, как недавно народившееся государство, имели органическую потребность в создании собственной культуры в меру своей политической и экономической самобытности. Основные качества нидерландской интеллигенции составляли любовь к конкретике, тяга к знаниям и их

практическому применению, реализм. Все свидетельства того времени подтверждают наличие у нидерландских бюргеров трогательной любви к науке, смешанной с жадным и отчасти наивным любопытством. Не страшили умы даже великие грядущие потрясения — Декарт отмечал, что с 1630 года все голландские ученые приняли идеи Коперника. Беспрецедентная веротерпимость способствовала оживлению атмосферы факультетов. От студентов даже не требовали присяги в исповедании Реформатства.

Умы и их образование, бесспорно, суть разные понятия. Стиль преподавания может рождать иллюзию. Тем не менее цепи традиционной науки распались, появились оптика и метеорология, завоевала независимость математика. Медицина сблизилась с физикой, и часто докторскую степень присваивали сразу по обеим наукам. Правда, в университете читали только теоретическую медицину, и в народе докторов считали неопытными буквоедами (им предпочитали практиков со стажем, которые не заканчивали университетов), однако продолжала существовать общая тенденция рассматривать медицинские проблемы под научным углом.

В 1587 году на пустыре за Лейденским университетом французом де Леклюзом (Клузием) был основан ботанический сад, призванный дать первое представление студентам медицинского факультета о простых формах. Это дело успешно развивалось, и впоследствии здесь образовался исследовательский центр, где в теплицах выращивали экзотические растения. В 1631 году свой ботанический сад появился в Франекере; этому примеру в дальнейшем последовали Утрехт, Хардервюк и Гронинген.

В 1632 году в университетских корпусах Лейдена была построена астрономическая обсерватория. В Утрехте для этой цели использовали одну из городских башен. Анатомические кабинеты, полные скелетов, мумий и чучел животных, предоставляли наглядные пособия для обучения медиков. Существовали также кабинеты математики и физики, где можно было видеть инструменты, применявшиеся в те годы

в данных науках. Пристроенная к лейденскому ботаническому саду галерея вмещала в себя музей антиквариата и раритетов. Нидерландцы с самого начала века проявляли страсть к коллекционированию — минералы, ракушки, растения, рептилии, птицы, эмбрионы и «кабинеты» для них были в домах многих любителей всяческой экзотики. Фредерик Рёйш коллекционировал трупы; около 1600 года один капитан дальнего плавания устроил у себя дома в Эдаме музей навигации; медик Палуданий после долгих странствий по Европе и Ближнему Востоку создал в Энкхёйзене музей экзотических редкостей от райских птичек, отравленных стрел, индейских золотых украшений, китайского фарфора и античных монет до горсти красной глины из окрестностей Дамаска, которая, по преданию, послужила Богу материалом для создания Адама!

Лейденский университет располагал обширной библиотекой, богатой редкими рукописями. Фонды образовывали еще из старых монастырских книгохранилищ и периодически пополняли по дарственным и завещаниям. Неоднократно кураторы делали значительные закупки. Так, в 1629 году была приобретена партия восточных трудов стоимостью 4500 гульденов; в 1690 году за 33 тысячи гульденов приобрели домашнюю библиотеку Исаака Воссия¹³.

Преподаватели и профессора факультетов пользовались в государственных инстанциях высоким моральным авторитетом. Как правило, вне учебного процесса над их работами не довлело никакого контроля. Иногда догматическая свара ученых мужей заставляла помощника бургомистра урегулировать конфликт частным порядком. Случаи официального вмешательства были крайне редки¹⁴. Зато в материальном отношении профессора, не имевшие личного состояния, находились в незавидном положении. Жалованье каждого определялось в контракте, общего для всех правила в этом отношении не существовало. Среднее статистическое жалованье было скромным (тысяча гульденов в год); в некоторых особых случаях допускались существенные отклоне-

ния — в Амстердаме Воссию предложили 2500 гульденов и дом, плата за который составляла 900 гульденов. К этим суммам могли добавляться различные компенсации — за переезд, за дорогу, наградные. Кроме того, преподаватели, равно как и студенты, освобождались от налога на алкогольные напитки в пределах шести бочек пива и двухсот литров вина в год.

Обучение делилось на две части — лекции и диспуты. Каждый преподаватель давал в неделю от двух до пяти часов занятий *ex cathedra*, которые проводил на латинском (за некоторым исключением) и чередовал с организованными дискуссиями (*disputationes*). Преподаватели естественных наук устраивали, кроме того, экскурсии в ботанический сад или музей.

Экзамены на докторскую степень проходили в виде диспута на тему работы, представленной кандидатом. Эта церемония обычно проводилась в июне или июле в присутствии публики и представителей местной власти. Иногда о ее начале город оповещали трубы. Оканчивалась же она парадом и застольем, которое, по утверждению Париваля, часто затягивалось на два дня¹⁵.

Редко бывало, чтобы молодой человек из аристократической семьи не получал высшего образования. Определенное число богатых студентов всегда образовывало высший слой, противопоставлявший себя скромным бурсакам теологического факультета и кочующей массе бедных студентов, чье существование подтверждают академические реестры. В последних сообщается о лишении прав поступления «по причине бедности», штрафах «в пользу нуждающихся студентов», вмешательствах сената в случае неплатежеспособности. Некоторые студенты подрабатывали, например, цирюльниками.

При поступлении на факультет абитуриент записывался у *pedel*, фактотума университета, являвшегося одновременно сторожем, привратником, лаборантом, секретарем — царем и Богом. Помимо академических привилегий, запись давала в Лейдене пра-

во ходить по улицам в домашнем халате и туфлях при условии ношения парика и шляпы. Если молодой человек жил не с семьей, он искал квартиру в городе. Перед ним открывалось множество возможностей. Снять комнату с полным пансионом у профессора, который был бы рад пополнить таким образом свои доходы; стать на постой к старой деве, которая бы закрывала глаза на беспорядок; осесть на постоялом дворе; снять одну из тех частных квартир, которые в университетских городках составляли предмет оживленного торга. Владельцы жилья не всегда принадлежали к лучшей части человечества. В бытность свою студентом в Амстердаме Тристан Лермит, напившись как-то пьяным, был ограблен собственной хозяйкой, сдававшей ему чердак.

Студенты-иностранцы как в городе, так и в провинции любили объединяться в землячества. «Аборигены» в свою очередь образовывали «национальные коллегии». Внутри таких ассоциаций устанавливались самые дружеские отношения. Студенческая жизнь была довольно бурной. Гвалт на лекциях и даже на торжественных диспутах, шумные выступления против профессоров, не пользовавшихся уважением, — привычки, не имевшие серьезных последствий. Зато «крещение» новичков отличалось иногда такой жестокостью, что в 1606 году Штаты были вынуждены своей властью запретить этот обычай в Франекере. Частые попойки также могли зайти слишком далеко. В Лейдене студенты братались с преподавателями в кабачках «Кедровая шишка» и «Сражающийся лев», что нередко заканчивалось потасовкой. Студенческое пьянство, подстегнутое налоговыми льготами, превратилось в общественное бедствие. Власти были вынуждены многократно запрещать ношение оружия. Дуэли между студентами, запрещенные в 1600 году, на деле никогда не прекращались. Университет действительно отправлял гражданское и уголовное право над своими выпускниками. Ректор и ассессоры вместе с бургомистром и эшевенами образовывали академический трибунал. Применяемые наказания — от штрафа до исключе-

ния или помещения под стражу на хлеб и воду. Эти силовые меры не могли обуздать рвавшейся наружу энергии студентов, которая выливалась в настоящие мятежи, когда какой-либо конфликт противопоставлял их властям: Лейден — 1594, 1608, 1632, 1682 годы; Франекер — 1623 год; Гронинген — 1629 и 1652 годы.

Ориентированная на практику нидерландская наука выходила за рамки университета. Вне факультетов, за пределами лекционного обучения она выражала себя в технике. Телескоп, микроскоп, термометр, барометр, часы с маятником, логарифмы, интеграл и дифференциал, изобретенные в «золотом веке», достойно представили Нидерланды в истории европейской цивилизации. К ним следовало бы добавить многие достижения в области анатомии, биологии, космографии и географии. Большая часть этих открытий явилась плодом как терпеливого наблюдения, трезвых умозаключений, систематического поиска, так и изобретательного воображения. Увеличительное стекло родилось в темной лавочке оптика. Изобретатель микроскопа Антоний Ван Левенгук из Делфта выставлял свой инструмент на ярмарках. Один лейденский врач случайно наткнулся на это открытие и запустил его в международный научный мир. Телескоп, изобретенный бродячим ученым богемного склада Корнелием Дреббелем, позволил Кристиану открыть в 1655 году пояс Сатурна, а позднее — газовые облака Ориона. Сам он был домоседом, просвещенным любителем, изобрел часы с маятником и создал первую теорию света. Медик Шваммердам использовал микроскоп для изучения мелких насекомых. Дальние путешествия коммерческого или дипломатического характера во многом способствовали такому развитию науки.

Ботаник Бонтий сопровождал Кона на Яву в 1627 году; медик Пизо отправился вместе с принцем Иоганном-Морицем в Бразилию. «Индийские» флора и фауна вошли в область науки. Восток уже с конца XVI века привлекал внимание нидерландских лингвистов и историков. В Лейдене была организована кафедра арабского языка, которую ее выпускник

Эрпений благоустроил типографией, специализировавшейся на семитских языках, а также эфиопском и турецком. Его последователь Голий, получив аккредитив в 2 тысячи гульденов, был направлен кураторами в экспедицию, в результате которой три года провел в Османской империи и вывез оттуда самую большую из существовавших в Европе коллекцию восточных рукописей, насчитывавшую 300 томов. По возвращении он составил арабско-латинский словарь, при работе над которым пользовался услугами приглашенных им восточных коллег — дьякона из Алеппо, персидского и армянского ученых. Около 1600 года Голландия стала центром восточных исследований всего мира.

Глава XI

Стрелы амура

Уильям Темпл, обожавший медицинскую терминологию, отмечал, что характер нидерландцев, по природе умеренный, недостаточно «воздушен» для изысканных проявлений радости и не слишком горяч для любви. Конечно, молодые люди поддерживали в себе это чувство, но «знали его скорее понаслышке, а не питали искренне сами, рассматривая любовь как непреходящий, но не волнующий предмет разговора... Встречаются, — продолжает посланник, — любезные кавалеры, но нет пылких влюбленных»¹.

Свидетельства большинства иностранцев подтверждают эту точку зрения. Нидерландские мужчины, обычно высокие, сильные и крепкие, обладали физической красотой, отличаясь белизной кожи, здоровым румянцем и правильными чертами. Но сексуальные игры их не занимали. Дела в их глазах стояли выше любви, а как развлечение алкоголь имел то преимущество, что обходился дешевле, чем женщины. Жеманство и кокетливость не привились нидерландцам не только в силу безудержной тяги к независимости, которая настраивала их против лю-

бых заигрываний, но и потому, что холодность мужчин отбивала к тому всякую охоту. Отсюда возникла поразительная свобода женщин в отношениях с противоположным полом. В вопросах эротики сохранялась полная свобода выражений, которая поражала заезжих французов. Около 1600 года в Париже ходило шутливое выражение «любить по-голландски». Ренэ Ле Пэи, посетивший Нидерланды в то время, весело иронизировал: «Голландки по глупости делают то же, что парижанки от ума». «В момент наивысшего наслаждения, — утверждал он, — они грызут яблоко или щелкают орехи»². Шутки, достойные своей эпохи. Сент-Эвремон кажется более утонченным. «Холодность ко всему, — говорит он, — отличает мужчин и женщин, достигших степенных лет, — скорее виной тому женитьба и зрелость. Молодые холостяки, напротив, люди другой закалки»³.

Относительная суровость нидерландских нравов пресекала распущенность, царившую в других краях. Препоны всякого рода значительно усложняли несанкционированные встречи. Были также официально признаваемые традиции. На острове Тексель молодые люди ходили компанией в гости к той или иной местной девице три раза в неделю. Ели, пили сладкое вино, шумели, барабанили, резвились, заводили новых друзей.

Проповеди были обычным поводом для знакомства или randevу. Пастор Елизарий Лотий клеймил эту традицию. По его словам выходило, что церковь посещали исключительно ради того, чтобы завязать интрижку. Вне дома можно было встретиться также в театре, где в темноте зала не стеснялись даже целоваться! Отличным местом для свидания мог служить и каток. Скользили парами, под ручку. В хорошее время года прогулки открывали и другие возможности. По праздничным дням компании молодых людей, в каретах или верхом, высыпали за город повеселиться вдали от нескромных взглядов, направляясь в деревенские трактиры, леса и на пляжи. Когда, громыхая и подсакивая, карета проезжала по мосту через ров, обычай требовал, чтобы парень, держав-

ший вожжи, крикнул: «Гей!» и девица, в свою очередь, должна была его поцеловать.

Если на прогулку ехали на берег моря, обычай предусматривал более рискованную игру. Каждый из ребят хватал по визжащей девчонке и забегал по колёно в воду, как раз под набегавшую волну, затем, не выпуская из рук драгоценную ношу, мчался обратно, вскарабкивался на вершину дюны, с которой вся компания кубарем скатывалась вниз, с криком, смехом и задравшимися юбками. Такие игры, чьи истоки терялись, похоже, в весьма отдаленном прошлом, считались испытанием — девица, которая сносила все мужественно, могла стать хорошей супругой... Но при этом были нередки несчастные случаи.

Первого мая, в официальный праздник, молодые люди обменивались подарками; вечером они встречались вновь на игрищах. Ухаживания шли своим чередом, заходя порой так далеко, что в наказание власти запрещали время от времени отмечать этот день в следующем году. По деревням сохранились обычаи, восходившие к древнему весеннему фольклору более или менее эротического характера. На Текселе в ночь на 30 апреля молодежь обоего пола танцевала вокруг разложенных в чистом поле костров. В Лаге Звалюве 1 мая на заре парни залезали на крыши домов своих зазноб и привязывали к коньку зеленую ветку дерева. Едва проснувшись, деревенские барышни бежали убедиться, выразил ли им кто-нибудь свои чувства. В других местах, тоже ночью и тоже на крыше дома девицы, устанавливалось выкраденное из сада пугало, если, по мнению озорников, та корчила из себя недотрогу.

За исключением этих редких случаев, строгая голландская семейная жизнь накладывала свой отпечаток на общение молодых людей, которое находило опору в материнской заботе. Нидерландские матери рано проявляли стремление спихнуть дочерей замуж. Когда девочка еще пищала в колыбели, мать начинала готовить ей приданое и складывать в копилку деньги на будущую свадьбу. Порой помолвка значалась, не дожидаясь, пока новоиспеченная чета

выйдет из детского возраста — семьи по какой-либо причине считали для себя выгодным такой заблаговременный союз. Но в основном первому сватовству предшествовала удивительная для иноземцев свобода. С непосредственностью, свойственной этому народу, матери часто сами брались обучать дочерей искусству «честной» обходительности, то есть заманиванию мужа. «Искусство любви» популяризировалось обширной литературой, прозаической и поэтической, но больше все-таки поэтической. Формы заимствовались у Овидия. Вера в то, что браки заключаются на небесах, была непоколебимой. Наверху все уже решено, осталось только поспособствовать выполнению воли Провидения на земле.

Молодой человек с честными намерениями, желавший познакомиться с девушкой, подсовывал под дверной молоточек цветок или пучок листьев. Если на следующий день цветок валялся на земле или листья гонял ветер, ухажер не отчаивался, — на этот раз он оставлял букет, перевязанный ленточкой. Видимо, попался трудный случай. К четвертому или пятому букету прикладывалась уже визитная карточка.

Так или иначе, девушка отвечала на эти знаки внимания. Примет ли она их? Смекалка помогала поставить на подоконник в нужный момент корзинку со сладостями или цветами. Игра продолжалась. Выбор цветов составлял своеобразный символический язык. Если у девицы хватало смелости прикрепить к корсажу поднесенную обожателем белую веточку, нельзя было лучше признаться в пылкой любви. Или же обретающие форму чувства выражала тайная записка, скрытая среди цветов на окне. Стихи, сочиненные экспромтом или списанные с книги, производили самое сильное впечатление. Между делом влюбленный юноша покрывал заветным вензелем стволы деревьев и прибрежный песок. В деревушках Северной Голландии процедура ухаживания была более простой. Два вечера подряд молодой воздыхатель скребся в дверь любимой, на третий — стучал. Если в ответ ему отвечали таким же стуком, значит, дело в шляпе. Пришло время для первых разговоров у окош-

ка или порога. Иногда кавалер прихватывал одного-двух музыкантов, чтобы вызвать даму сердца незатейливой серенадой. С этого момента родители девушки ждали визита кандидата в зятя. Но дождавшись, ограничивались приветствием, оставляя ему самому улаживать свое дело с их дочерью. Из любезности они могли выйти прогуляться, предоставив парочке непринужденно ворковать в самом темном углу комнаты. В некоторых местах особое значение имело первое движение девушки при входе поклонника. Если она встанет, поправит платок или чепец, значит, согласна; если, напротив, девушка, нагнувшись, брала каминные щипцы, это означало обдуманый отказ.

В первом случае паренек устраивался поудобнее. Начинался тет-а-тет, иногда совершенно безмолвный, который мог продолжаться пять-шесть часов сряду, если не всю ночь, не нанося вреда репутации девушки ни словом, ни делом. С этого времени влюбленный приходил каждый вечер. На Текселе он пролезал через окно, поднимая шпингалет через разбитый им квадратик стекла. На этом острове было мало домов с целыми окнами. Визит продолжался... в постели девицы. Соблюдая приличия, девушка лежала под пододеяльником, парень пристраивался рядом, между пододеяльником и покрывалом. На расстоянии вытянутой руки барышня прятала котел — при малейшей опасности она ударяла по нему каминными щипцами и на звон сбегались соседи. Этот обычай, так называемый *queesten*, был распространен и на фризских островах, в Вирингене, Оверэйсселе и других местах. Родители ему благоприветствовали, считая за честь для своих дочерей. К тому же *queesten* дозволялся только местным ребятам. Иногда дело заходило слишком далеко, и, хотя девицы стеснялись сразу переходить к делу, добрых беременностей было немало, особенно в рыбацких поселках. Ребенок, родившийся до брака, участвовал в свадебной церемонии. Из притворной стыдливости его прятали под плащ матери. Тут и там практиковалось «пробированное» замужество — девица «пробовала» разных кандидатов, пока не беременела, после чего ос-

тавалась верной отцу своего ребенка и выходила за него замуж.

Зато в Шермергорне старались избегать довременных свиданий. Молодые люди, желавшие найти подругу жизни, периодически скидывались на своего рода маклера, который оповещал, когда девушки, желающие обрести супруга, могут собраться в какой-либо таверне, где их бесплатно угостят пивом и водкой. Кавалерам оставалось только прийти и сделать выбор. В Шагене ежегодно накануне традиционных народных гуляний проходила «ярмарка невест». Разряженные девицы собирались в гроте за кладбищем. Смотритель собирал плату за вход в размере двух штёйверов и заворачивал слишком юных и слишком старых соискательниц. Через час подтягивались «купцы». Каждый находил себе девушку по вкусу и беседовал с ней. В принципе речь шла лишь о совместном времяпровождении в период народных гуляний, но обычно все заканчивалось свадьбой.

Старых холостяков недолюбливали. Во многих местах их сорокопятилетие отмечали оскорбительным гвалтом — ударами щипцов по металлической балке в сопровождении хора козлиных голосов... Что касается дев, которых было нелегко пристроить, то их родители искали жениха через особого посредника, если, конечно, в их местности такие люди водились. Тот собирал в воскресенье несколько молодых людей и зачитывал список претенденток. Сделав выбор, жених в тот же вечер, с последним ударом часов, пробивших девять, стучал в дверь избранницы. Если жених запаздывал, считалось, что он уже побывал в другом доме и получил отказ. Девушка выходила на порог. Завязывался разговор. Если первое впечатление складывалось в пользу кандидата, его просили войти. Поприветствовав близких невесты и сказав несколько дежурных фраз, жених бежал сообщить приятную новость друзьям. Приличия требовали, чтобы до официального предложения он приходил еще три воскресенья подряд.

Помолвку праздновали очень торжественно. В Брёке молодые садились рядышком на кровать и

впервые целовались на людях — в присутствии своих семей. Обмен кольцами, массивными, сделанными иногда из двух параллельных ободков или украшенными аллегорическими изображениями — только самые бедные их не носили, — составлял чинную церемонию обручения. Иногда величественность события поднимал на еще большую высоту символический акт — жених и невеста, сделав небольшие надрезы, выпивали по капле крови друг друга или обменивались частями распиленной надвое монетки, или подписывали кровью изложенную на бумаге клятву верности. Во Фрисландии жених передавал невесте денежную сумму, иногда довольно внушительную, которая была завернута в тонкое полотно с инициалами дарителя и вышитой красным датой помолвки. У богатых будущий свекор дарил невесте дамский набор в футляре — ножницы, пилочку, иголку и зеркало из золота или серебра.

Разрыв помолвки представлял из себя преступление, которое подлежало рассмотрению у мирового судьи. Доказательством служил контракт⁴, или им могло быть обручальное кольцо. За неисполнением таких в ход шли любовные письма.

Время между помолвкой и свадьбой, часто непродолжительное, отмечалось визитами, прогулками и праздничными пирушками. Среди приятелей жениха и невесты выбирались «товарищи по игре» — дружки, которые должны были помогать в приготовлениях к свадьбе. Украшали лучшую в доме комнату, шили подвенечное платье и фату, выставляемые в двух более или менее богато украшенных корзинах из ивовых прутьев; опутывали листьями трубку новобрачного, которую он должен был выкурить в день свадьбы.

Муниципальные чиновники брачных поручений вели реестр помолвок и контролировали регулярность последующих браков. Также они отвечали за торжественное уведомление — три прилюдных объявления либо в реформатской церкви, либо в городской ратуше.

Тотчас после помолвки матери назначали день свадьбы и рассылали приглашения. Неподходящими

для свадьбы считались: воскресенье — день, не предназначенный для веселья, и месяц май, который по народным поверьям приносил несчастья. Жених и невеста составляли список своих шаферов, а также детей, которые должны были усыпать цветами дорогу перед свадебным кортежем.

Официальная церемония проходила в церкви с проповедником или в ратуше перед эшевенном — помощником бургомистра. И в том, и в другом случае брак нужно было зарегистрировать. Соответствующий чиновник открывал свое окошко только в определенные дни, и в большинстве случаев бракосочетания шли потоком. Однако для важных персон, не желавших толкаться в очереди среди черни, муниципальный «гименей» легко переносил церемонию на неурочное время, естественно, за хорошие чаевые. Церковная церемония иногда проходила вечером — нидерландцы очень любили эффектное пламя факелов. Обычно же сочетались браком в середине дня. Здание украшалось ковровой дорожкой и цветами; гирлянда из листьев овивала кресла молодых. Сказав свое «да», муж надевал супруге на средний палец или мизинчик правой руки обручальное кольцо, которое теперь соседствовало с подаренным при помолвке. У католиков было иначе. Надев при помолвке кольца на левые руки, молодые обручались ими же, только теперь жена подставляла правую.

Новобрачных до их общего очага провожал кортеж (небогатые семьи играли иногда свадьбу в трактире). Он двигался под дождем из цветов, в каретах или пешком, молодожены — впереди, толпа сопровождающих — сзади. Если супруг был из судейских и принадлежал к магистратуре, городские власти выделяли ему эскорт алебардщиков. В аристократических фамилиях такие кортежи давали повод выставить напоказ богатство, и делалось это с таким размахом — до четырнадцати карет, первые две запряжены шестеркой, — что, в соответствии с уложением о торжествах, с этим пришлось бороться с помощью высоких налогов.

Новобрачных и гостей с почестями встречали на пороге и вели в празднично убранные покои, отмеченные дурным вкусом и привычной тяжеловесностью, — увитые цветочными гирляндами с вплетенными золотыми или серебряными полосками стены покрывали зеркала с девизами и изречениями, собранные по этому случаю со всего дома. В передней протянулся туннель из зеленых веток. Там и тут с потолка свисали восковые короны, купидоны или ангелы. Если возле дома имелся садик, в нем возводилась зеленая беседка, в которой меж свечей помещалось изображение горящего сердца; или же в центр кругового канделябра ставилась статуэтка Венеры. Молодых усаживали в кресла, украшенные цветной бумагой и превращенные в троны, которые помещали в середине парадной комнаты. Платье новобрачной открывалось взглядам во всем своем великолепии. У богачей любили тяжелые ткани контрастных оттенков (фиолетовый и белый, бледно-зеленый и гранатовый), иногда золотую или серебряную парчу. Более скромные семьи выбирали материю черного цвета, чтобы впоследствии платье могло согдиться в случае траура или участия в похоронах. Беднота довольствовалась белым цветом.

Позади четы натягивали гобелен или ковер, на фоне которого новобрачные выглядели эффектнее. Иногда над их креслами устанавливали балдахин. Вокруг супругов размещались шаферы. Родственники и друзья по очереди подходили с поздравлениями и подарками — предметами мебели, столовым серебром или кухонной утварью. Молодым подносили кубок «гипокраса» — вина с добавлениями корицы, ванили, гвоздики и сахара (у самых скромных — водки), мужу протягивали украшенную трубку. В провинции Гронинген двое гостей подавали новобрачным пюре, обильно заправленное солью и сахаром. Это несъедобное блюдо символизировало горести семейной жизни. В соседней комнате пили и курили мужчины солидного возраста. На круглых столиках были выставлены тарелки с пирожными и вареньем.

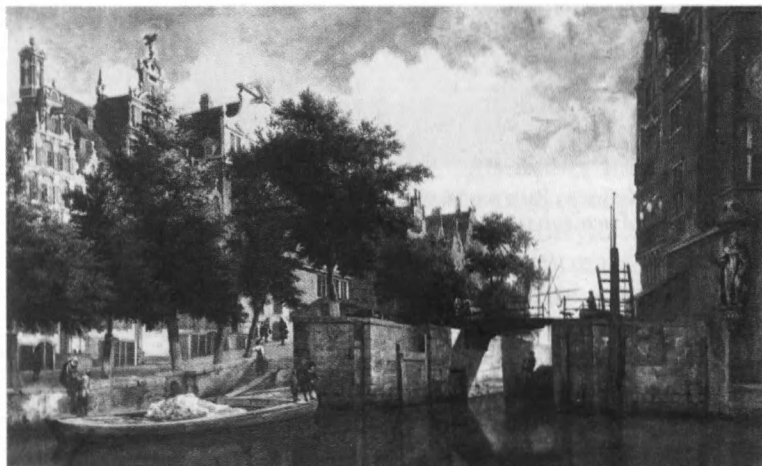

Ян ван дер Хейден. Вид на дамбу Амстердама.
Около 1650. Амстердам, Рейксмюсеум.

Я. ван Рейсдаль. Мельница у Вейка. 1670. Амстердам, Рейксмюсеум.

Ян ван дер Хейден. Вид на канал Амстердама.
Около 1650. Амстердам, Рейксмюсеум.

И. Бекелар. Сельский праздник. Фрагмент. 1863.
Санкт-Петербург, Эрмитаж.

Ян Стен. Веселая семья. 1668. Амстердам, Рейксмюсеум.

П. де Хох. Материнский долг. Около 1660.
Амстердам, Рейксмюсеум.

Г. Терборх. Портрет
Елены ван дер Шальке.
Около 1650. Амстердам,
Рейксмюсеум.

Ф. Хальс. Портрет
супружеской пары.
1621. Амстердам,
Рейксмюсеум.

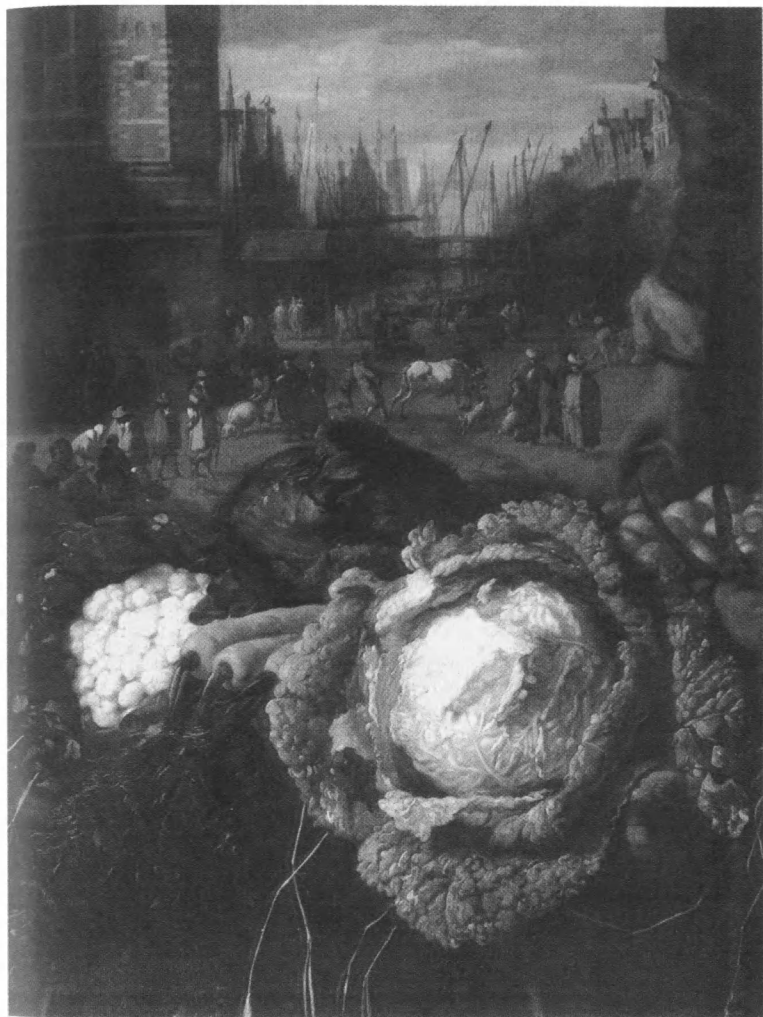

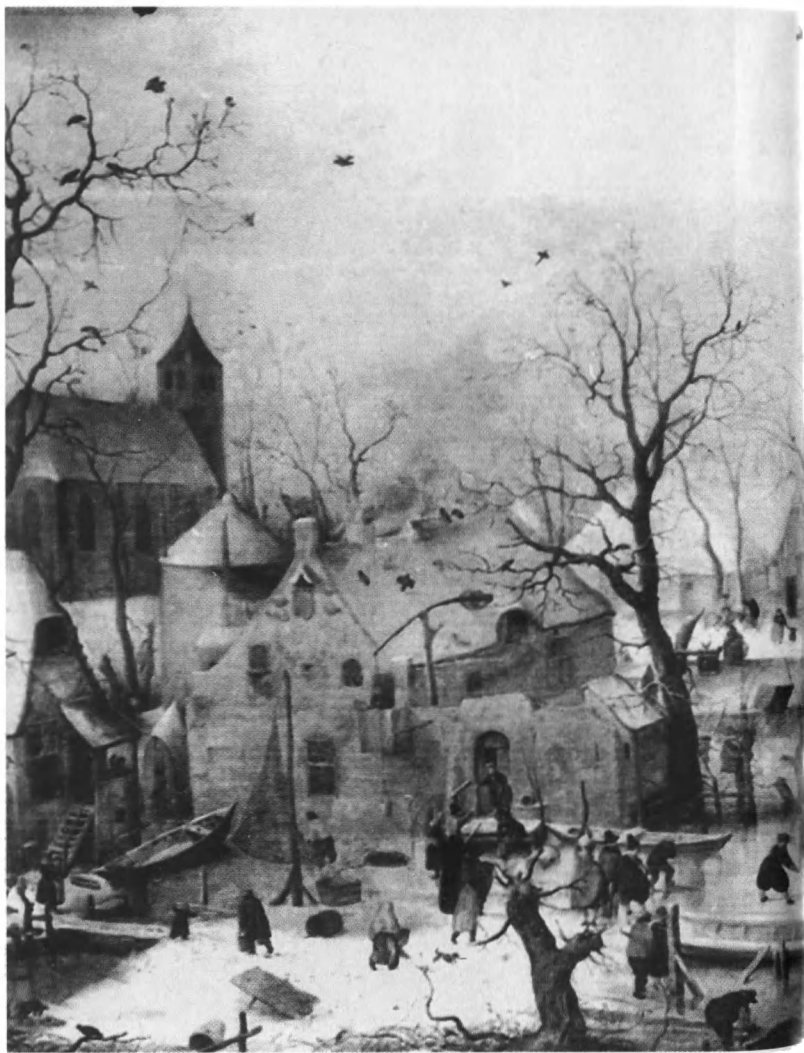
Ян Вермер.
Служанка
с кувшином молока.
1658. Амстердам,
Рейксмюсеум.

А. ван Остаде.
Торговка рыбой.
Около 1650.
Амстердам,
Рейксмюсеум.

Б. ван дер Хельст. Новый рынок в Амстердаме.
Фрагмент. 1666. Амстердам, Рейксмюсеум.

Х. Аверкамп. Зимняя сцена. Начало XVI в.
Амстердам, Рейксмюсеум.

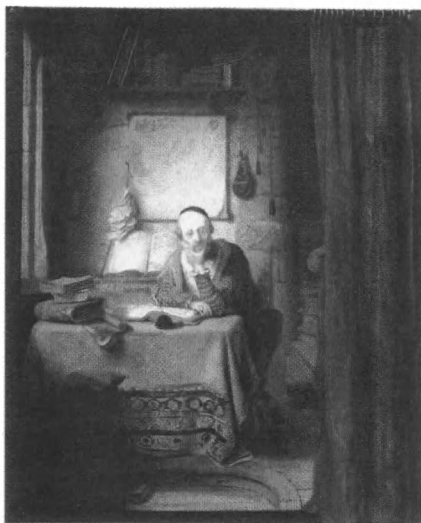

М. ван Роймерс-
вале.
Меняла с женой.
Около 1550.
Санкт-
Петербург,
Эрмитаж.

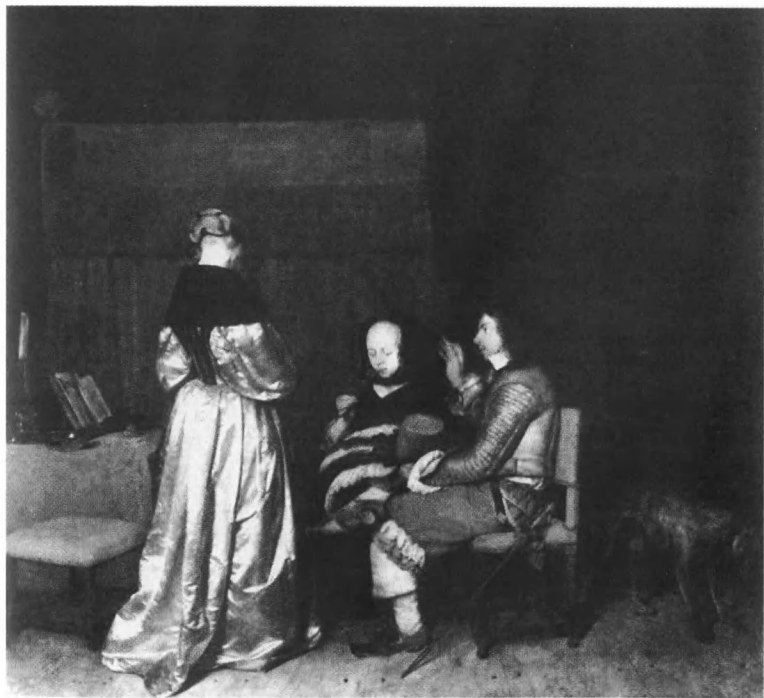

Ян Стен.
Больная дама
и врач.
Около 1650.
Амстердам,
Рейксмюсеум.

Г. ван ден Эйкаут.
Ученый в кабинете. 1648.
Санкт-Петербург,
Эрмитаж.

Г. Терборх.
Отцовское наставление.
Около 1655.
Амстердам,
Рейксмузеум.

Ф. Рейкхальс. Ферма. 1637. Санкт-Петербург, Эрмитаж.

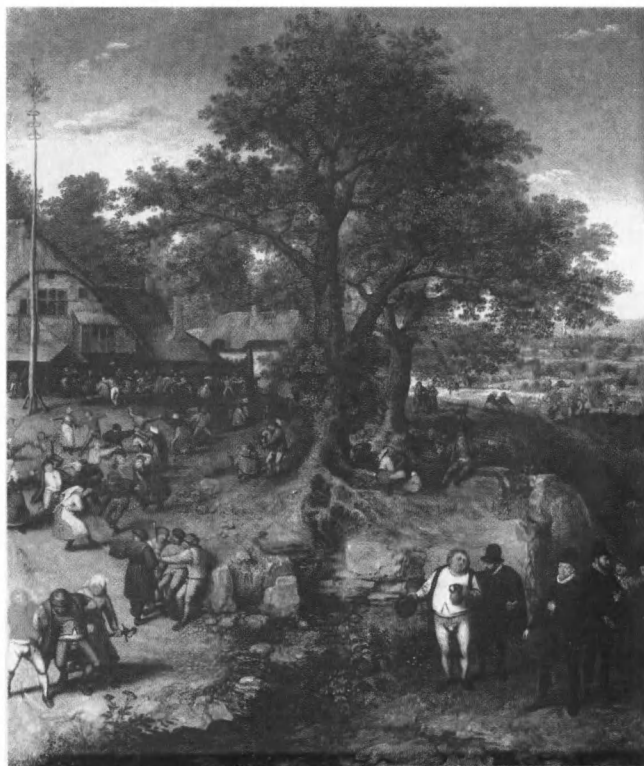
П. де Хох. Кладовая. Около 1658. Амстердам, Рейксмюсеум.

Ян Стен.
Туалет.
Около 1650.
Амстердам,
Рейксмюсеум.

Л. ван
Фалькенброх.
Пейзаж
с деревенским
праздником.
Фрагмент.
Около 1550.
Санкт-
Петербург,
Эрмитаж.

Ян Молинер.
Дама
с ребенком
у клавесина.
1635.
Амстердам,
Рейксмюсеум.

Г. Терборх. Туалет дамы. Около 1660.
Детройт, Институт искусств.

М. Свертс.
Игра в шашки.
1652.
Амстердам,
Рейксмюсеум.

Мастер женских полуфигур. Музыкантши. Начало XVI в.
Санкт-Петербург, Эрмитаж.

Р. Кампен. Мадонна с младенцем у камина. Около 1433.
Санкт-Петербург, Эрмитаж.

Вечером гостей ждал свадебный пир, скорее торжественный, нежели по-настоящему веселый. Народу всегда было очень много, так что иногда издавались специальные полицейские предписания (например, в Амстердаме в 1665 году), ограничивавшие число приглашенных и даже кушаний. В некоторых меню предусматривалось до пятидесяти перемен блюд! Даже семьи с самым небольшим достатком считали долгом чести закатить соседям пир.

В разгар застолья кто-нибудь обязательно читал в честь новобрачных поэму. Независимо от уровня образованности семьи это было оригинальное произведение, которое для большего эффекта порой сочинялось на французском, английском, итальянском, греческом или арабском! Автор преподносил свое творение на бумаге, украшенной гербами и вензелями. Люди, лишённые поэтического дара, могли воспользоваться сборниками свадебных поэм. В перерывах при смене блюд из-под стола вытаскивали на свет корзину с песенниками, заблаговременно спрятанную матью молодого. Пели хором. Когда возвращались к еде, играл небольшой оркестр (полиция запрещала приглашать более двух-трех музыкантов) — клавесин, виола да гамба, лютня, гобой, гитара, виолончель, арфа или китара; в деревне то была волынка или свирель, под которую не пели, но мертвецки напивались. Затем танцевали.

Праздник заканчивался по традиционному сценарию. Дружки пытались вывести новобрачных незаметно для гостей, те же должны были помешать этому или, по крайней мере, поулюлюкать вслед беглецам. Молодую брали в полон и прятали где-нибудь в доме, соглашаясь вернуть законному супругу только после того, как он волей-неволей обещал устроить для всех через несколько дней прогулку, банкет или какое-нибудь развлечение; или же молодому заявляли, что его туфлям надо обновить подошвы и, сорвав их, кидали на пол и молотили свою добычу, будто свай забивали. Нарезвившись вволю, все поднимались и становились вокруг короны новобрачной. Срывались гирлянды, и гости расходились.

В других местностях молодую ловили в момент побега и завязывали ей глаза; после этого она должна была возложить свою корону на голову того, кто подвернется, считалось, что этот счастливчик сыграет свадьбу первым из гостей. Или же вся честная компания провожала, танцуя, новобрачную до супружеской кровати, возле которой ее ждала для прощания мать. Молодая женщина поднимала юбку, отстегивала подвязку и дарила ее одному из гостей по своему выбору или даже позволяла ему самому снять этот предмет туалета. Избранник прятал свой трофей под жилет. Наконец все расходились. Такая свадебная канитель длилась долгие часы.

Перспектива подвергнуться ей казалась некоторым столь ужасной, что они выпрашивали у соседей комнатку, чтобы тайно провести с любимой первую ночь. Но горе тому, чей секрет становился известным! Гости высыпали на улицу и со свечами устраивали шествие к тайному убежищу несчастных под грохот прихваченной с собой металлической кухонной утвари. Окружив дом, где спасались молодожены, сельчаки зажигали вязанки хвороста и поднимали неимоверный гвалт, не утихавший, пока беглецы не сдавались и не выходили. В наказание их водили вокруг костра, пока не догорала последняя веточка.

Часто супруги бережно хранили рубашки, которые были на них в брачную ночь (никто не осмеливался лечь в постель голым); их надевали еще один раз — уже на мертвых, готовя их в последний путь. В Северной Голландии брачное ложе использовали только три раза: в первую ночь и затем для гроба одного и второго супругов.

На утро после свадьбы муж делал жене подарок. Затем день превращался в праздник. Вчерашние приглашенные приходили доедать остатки яств. В зажиточных семьях такое «отдание свадьбы» продолжалось несколько дней. Затем еще недели визитов, игр и развлечений отдаляли возврат к серьезной жизни⁵.

С теплыми воспоминаниями о свадьбе, короной новобрачной и трубкой новобрачного молодая су-

пруджеская чета вступала в суровую совместную жизнь. Голландские пары являли иностранцам картину крепкого союза, лишённого напускного целомудрия (муж и жена целовались даже на людях) и отмеченного стойкой верностью. Последняя столь поражала чужеземцев, что они начинали гадать о ее истоках. Одни видели их в кальвинизме, другие — в темпераменте. Неблагополучных браков было крайне мало. Полицейские предписания грозили суровым наказанием за жестокость, проявленную одним супругом в отношении другого. Некоторые муниципалитеты налагали на грубого мужа штраф в размере стоимости одного свиного окорока, на драчливую жену — двух. Адюльтер карался безжалостно. Застигнутую на месте преступления жену оставляли на суд отца или мужа.

Одним летним утром 1656 года крестьянами из Воршотена была найдена зарезанной в собственной постели молодая женщина; муж даже не думал отпираться. Уже на следующий день он был отпущен — право было на его стороне. Подобное законодательство не менее, чем структура голландской семьи, превращало супружескую измену в редчайшее явление — за исключением портовых городов, где проживали жены моряков. Мужчина мог позволить себе связь только с незамужней. Но и тогда, если сам он был женат, это приключение подвергало его подругу определенному риску. Попавшись за «любовным разговором», мужчина платил крупный штраф, а его партнершу отправляли в исправительный дом. Применение этого закона давало почву для шантажа. Полицейские договаривались с проститутками, обеспечивая им пристанище и защиту, взамен те должны были заманить какого-нибудь толстосума, из которого вытягивали штраф, а девица при этом получала свою долю.

Немало любовных походов попадало в поле зрения полиции. Теолог Пино, сообщая Ривэ о дебатах на синоде 1645 года, упомянул: «Привели церковного служку за порочную связь с вдовой из епархии, хотя у него была жена, но то, что она может сама на-

ставить ему рога, его ничуть не беспокоило. Говорят, она не может отплатить ему тем же. Я не знаю, что он может делать с двумя женщинами, поскольку много его коллег испытывают множество огорчений и от одной»⁶.

Гросслей передает красноречивый, при всей его лаконичности, разговор:

- Добрый день, сосед.
- Тебе того же, сосед.
- Не знаю, можно ли без чинов.
- Валяй, будь как дома.
- Говорят, сосед, твоя служанка в тягости.
- Что мне до того?
- Но, сосед, поговаривают, что от тебя.
- Что тебе до того?

Затем действующие лица вежливо прощаются, сняв шляпы, и расстаются⁷.

На десятый месяц после ярмарки в местечке, где она проходила, наблюдался взрыв рождаемости от случайных связей. Во время своего пребывания в Амстердаме Декарт прижил со своей служанкой дочь Франсину, которую затем воспитывал. Николас Хейнсий соблазнил обещанием жениться одну молодую особу, которая родила от него двух детей. Привлеченный любовницей к суду, он проиграл процесс. Церковь заставляла повитух давать клятву сообщать в совет о незаконных родах. Но значительное число внебрачных детей матери попросту оставляли в общественных местах, когда никого не было поблизости. Это считалось преступлением, которое наказывалось позорным столбом. В большинстве случаев мать найти не удавалось, и младенец отправлялся в сиротский приют.

Во время чайного бума гулящие девицы из городских трущоб отдавались матросам с восточных рейсов за щепотку чая. В портовых городах с разношерстным населением из профессиональных бродяг процветала проституция. В Амстердаме этим промыслом занимались целые улицы, прилегавшие к причалам. Шлюхи посещали окрестные таверны, особенно те, где была музыка, и, подцепив клиента,

уводили его к себе, чтобы репутация заведения оставалась выше всех подозрений. Около 1670 года в Гааге проститутки приставали к прохожим в Лесе среди бела дня. К 1680 году в Амстердаме появились дома терпимости, где имелся целый штат девиц легкого поведения. У каждой была своя комната; клиент попадал в коридор, в который выходили двери покоев с портретами насельниц. Сделав выбор и заплатив, он входил. Похоже, часто художник оказывался льстивым подхалимом⁸. Этот разврат был скрыт от посторонних глаз. Городская проституция была в известном смысле организована — сержанты полиции обладали правом держать бордели в определенных кварталах города.

Закон предусматривал наказания за насилие и гомосексуализм. Что касается последнего, то здесь опускалась целомудренная шторка. По-видимому, это явление наблюдалось прежде всего среди моряков и неумолимо преследовалось. Виновного зашивали в мешок и бросали за борт или приговаривали к пожизненному заключению.

Глава XII

Женщина у семейного очага

По Ветхому Завету женщина — раба мужчины. Мужчина же должен уважать свою супругу, которая, в муках рожая детей, принимает на свои плечи основное бремя домашнего хозяйства. Останется ли супруга красивой и милой, его не волновало. Мужчина хотел, чтобы она была крепкой, разумной, тихой, обязательной, плодовитой, верной, детолюбивой, хозяйственной и способной противостоять жизненным трудностям. Господствовавшая строгость нравов происходила от глубинной тенденции национального характера, хотя, если верить «распутнику» Хоофту, на деле молодым людям приходилось мириться с большей свободой своих супругов. Еще Эразм в своей сатире указывал на духовное главенство женщины в нидерландской семье. Это главенство оправ-

дывалось ее трудолюбием и старательностью; ему же способствовала и определенная вялость мужчин. Женское господство легко выливалось в тиранию...

Кальвинизм привнес в эту древнюю традицию некий патетический нюанс. При церемонии бракосочетания проповедник теперь читал женщине наставления, напоминая о необходимости самых смиренных достоинств и предупреждая, что она произведет на свет «детей страха». Этот морализм выражался иногда довольно грубо. Любимый поэт мелкой голландской буржуазии Якоб Катс говорил о совместной жизни почти как о скотоводческой ферме. Такой стиль жизни женщины, возможно, повлиял на сам тип нидерландки. Девушки производили на иностранцев впечатление здоровой красоты — высокие, светловолосые, свежие и аппетитные. Существовали и местные нюансы. Идеалом стало бы сочетание «амстердамского личика, делфтской походки, лейденской осанки, гаудского голоса, дордрехтской талии, гарлемского румянца»¹. Девушки из Дордрехта считались особенно красивыми. Но замужество везде оставляло одни и те же следы — расплывались талия и лицо, накапливался жир. «Многие женщины, особенно селянки, — пишет Грослей², — отличаются шириной спины и зада, неграциозной походкой и досадной небрежностью к бюсту». Потеряв свежесть, они превращались в бесформенных обрюзгих матрон, чей характер не отличался порой от внешнего облика.

Малоподвижная жизнь нидерландских женщин давала повод обвинить их (совершенно несправедливо) в лени — пять-шесть часов в день жена буржуа просиживала дома, положив ноги на грелку. Она совершала лишь небольшие вылазки в церковь, опустив глаза долу и сжимая под мышкой Библию в бархатном переплете и окованными серебром углами. Мало-помалу она начинала выбираться за город, одна, без провожатых и «без скандала и неприятностей», что с удивлением отмечали французы, так священна была замужняя женщина в глазах нидерландцев³.

Хозяйка дома, независимо от социального положения, почитала выполнение своих обязанностей

как высшую добродетель. Только женщины, имевшие служанок, тратили время, которое можно употребить на благоустройство дома, на болтовню с соседками.

«Ах! Какие заботы могут сравниться с женскими? Дети путаются у нее под ногами; гвалт стоит с утра до ночи. Мыть, скрести, чистить; покупки, уборка, стирка — кошмар, пытка, которая превращает жизнь в ад»⁴.

Если не в ад, то по крайней мере в унылую череду скучных обязанностей. «Не эта ли монотонность, — вопрошает Темпл, — есть причина отсутствия воображения и, как следствие, их хваленного целомудрия?»⁵»

Лишь немногочисленная женская элита (численность которой, правда, на протяжении века существенно увеличилась) из среды дворянства и крупной буржуазии стремилась быть элегантною, хотя бы на людях. И совсем уж крохотная группка одаренных дам соперничала со своими друзьями и супругами в науках и искусствах. Хейгенс переписывался со многими из этих ученых в юбке, которые приобщились к французской «прециозности». В 1647 году он посвятил свой труд «*Pathodia sacra et profana*» Утриции Оле, жене кавалера Сванна.

Музыка составляла для этих интеллектуалок настоящую страсть. Франсиска Дюарт, по прозвищу «французский соловей», снискала в этой среде заслуженную славу. Сюзанна Ван Баерле, Мария Пельт, Анна Енгельс удостоились похвал Хейгенса, Хофта и Вондела. Мария Тессельшад Висшер была душой литературных и музыкальных кругов Амстердама. Анна Мария Шуурман из Утрехта, художница, миниатюрист, гравер, знаток восточных языков, «десятая Муза», вошла под именем Статиры в «Справочник прециозниц» Сомеза. Закрыв лицо вуалью, она посещала университетские лекции и диспуты. Придя с визитом, Декарт застал ее за чтением Библии на еврейском и с деланным удивлением спросил, как это столь одаренная особа может убивать время на «столь бесполезное занятие». Это замечание глубоко задело Анну Марию, которая записала в своем дневнике: «Господь изгнал из моего сердца этого пошлого

человека...»⁶ Но Анна Мария Шуурман и ей подобные оставались редчайшими исключениями, о существовании которых подавляющее большинство нидерландцев «золотого века» даже не слышали. Зато немало женщин, оставшихся одинокими по причине смерти или затянувшегося отсутствия мужей, управляли торговыми домами с неменьшими умениями и успехом, чем мужчины.

Использование слуг у нидерландцев было гораздо менее распространено, чем у других европейских народов. Тяга к независимости препятствовала проникновению в богатый дом горничных и лакеев, впрочем, обычно преданных хозяину. Государство осуждало содержание слуг мужского пола; это занятие облагалось весьма значительным налогом. В самых больших домах было не более двух-трех слуг — кучер и один или два лакея. Ни привратников, ни кого-либо из тех, что, встречая у дверей, свидетельствуют о состоянии владельца дома. Прислуга семьи добропорядочных буржуа ограничивалась крайне малым штатом горничных, чаще всего одной. Ей выделялась каморка возле кухни. Ее права и обязанности определялись соответствующими положениями. Новая служанка должна была явиться в назначенный день скромно одетой и предъявить свое свидетельство; ей запрещалось грубить и болтать, а ее хозяевам следовало воздерживаться от телесных наказаний, иначе их ждал мировой судья и штраф, равный годовому жалованью жалобщицы. Причиной увольнения могла служить только кража; сам же слуга мог попросить расчет когда угодно⁷. В глазах француза, в частности Париваля, в этом было что-то возмутительное: «Людишки подобного рода пользуются сим с наглостью и без меры, и невозможно встретить в Голландии должного услужения»⁸.

Получая хорошее жалованье и уход во время болезни, часто попадая в завещание и считаясь практически членами семьи, большинство слуг искренне привязывались к своим хозяевам. Отсюда легко вытекали распушенность и фамильярность. Де ля Барр, находясь с визитом в доме одного эдамского буржуа,

был поражен, став свидетелем следующей сцены: «Хозяйка без церемоний первой села за стол; служанка фамиллярно пристроилась рядом с госпожой; хозяин безропотно взял один из двух оставшихся стульев, вторым завладел лакей. Хозяйка и служанка положили себе первыми, взяв лучшие куски. Впрочем, все шло хорошо, и мы чувствовали, что в этом доме следуют давно заведенному порядку, пока хозяин не попросил неосторожно служанку за чем-то сходить. Хозяйка ответила мужу, что служанка должна отдохнуть, а нужную вещь он может найти сам. Разговор перешел на высокие тона. Служанка с жаром вступилась за добрую госпожу. Напряжение спало только когда признавший свою неправоту муж попросил прощения у жены, вымолив у нее поцелуй». Хозяйка объяснила гостю свое поведение тем, что эта служанка, «усердная и трудолюбивая», отлично моет посуду и чистит камины...»⁹

Обычно контракты истекали 29 сентября, в День святого Михаила. Но, раз войдя в семью, служанка часто оставалась там до конца своих дней. Случалось, после свадьбы она наставляла юную преемницу, которую знала с самого рождения. Когда возраст давал о себе знать, к ней приставляли молодую помощницу. С этого момента старая служанка становилась королевой людской или двора, где копошились ее подданные. Только богачи, заботившиеся о внешних приличиях, отправляли прислугу обедать на кухню и вызывали колокольчиком. Во множестве зажиточных семейств единственная служанка играла роль бонны и прислуги на все, которой изредка помогали швея, гладильщица и уборщица — на случай генеральной уборки.

Однако судебные архивы Амстердама свидетельствуют о некоторых пятнах на этой идиллической картине. Некая Трюнтъе Абрамс, шестнадцатилетняя служанка, решив отомстить за какой-то разнос, убедила своих хозяев, что в их доме нечисто. Ночью она шевелила занавеси хозяйской кровати, бродила по коридорам в простыне. Эти игры закончились для нее двумя неделями тюремного заключения и вы-

ставлением к позорному столбу. Девчонка двенадцати лет Веюнтье Окерсдохтер надрывалась на непосильной работе у людей, не делавших скидку на ее юный возраст, и в один прекрасный день, в припадке истерического безумия, отравила суп своих хозяев. Ее приговорили к битью кнутом и семидесяти годам лишения свободы...

Одной из хороших сторон лакейской жизни было обилие чаевых, требуемых нидерландскими обычаями. Стоило гостю взяться за шапку, на пороге его уже ждал слуга с красноречиво протянутой рукой. Иногда прислуга жила только на чаевые, принимаемые как должное. Любое поручение, любая услуга не чисто коммерческого или должностного характера требовали вознаграждения.

Репутация чистюль прочно закрепилась за нидерландскими домохозяйками. Хотя некоторые полотна Яна Стена дают понять, что она не всегда была равно заслужена¹⁰, во всех классах общества, как в деревне, так и в городе, любовь к чистоте поражала чужеземцев. Голландки «заботятся о чистоте своих домов и убранства так, — пишет Париваль, — что вообразить невозможно. Они скоблят и трут беспрестанно все деревянные предметы обстановки, вплоть до лавок и мельчайших досок пола, равно как и ступени лестниц, по коим поднимаются они в большинстве своем не иначе, как разувшись. Коль надобно ввести в дом чужих, всегда имеются соломенные чуни, что надевают на башмак, или щетки и тряпки, дабы с усердием стирать грязь. Никто не смеет плевать в комнатах; плевать в платок тоже не в обычае¹¹; смею судить, что люди флегматического нрава большие затруднения себе иметь будут»¹².

Темплу пришлось однажды убедиться в этом на собственном опыте. Будучи приглашенным на «мальчишник» к одному высокопоставленному голландскому чиновнику, Темпл, схвативший жестокий насморк, закашлялся и сплюнул на пол. Тотчас же возникла служанка и вытерла плевок чистой салфеткой. Обеспокоенный хозяин осведомился: не болен ли господин посланник? «По счастью, с нами нет мо-

ей супруги, — сказал он шутливо, — иначе посол не посол, а выставила бы она вас за дверь. Ужас как боится заразы». Темпл не мог скрыть удивления. «Представьте себе, — продолжал хозяин, — в доме есть две комнаты, куда я вообще ни разу не входил; думаю, она открывает их только в год два раза, да и то чтобы прибраться». Задетый ироническим восхищением англичанина, он настаивал на том, что все это к лучшему и что он благодарен небесам, пославшим ему идеальную жену, «нежную подругу сердца», о которой иной мог только мечтать... Вечером того же дня Темпл был с визитом в другой амстердамской семье и рассказал об этом случае, как о забавном приключении. Однако хозяйка этого дома заверила его, что все происшедшее в порядке вещей. В свою очередь, она поведала ему, как однажды сам бургомистр постучался в дверь дома одного буржуа. Открывшей ему служанке (крепкой фризской крестьянке) он сказал, что хотел бы видеть ее госпожу, и попытался войти. Но служанка заметила, что к его подошвам пристало немного грязи. Ни слова не говоря, она взяла его под локоток, взвалила себе на спину, как куль с мукой, и, пройдя через две комнаты, опустила свою ношу на ступеньку лестницы, ведущей в господские покои, после чего сняла с бургомистра башмаки и надела ему на ноги домашние туфли. Затем поднялась и только тогда сказала весьма любезно: «Конечно же, мадам будет счастлива вас видеть»¹³.

В некоторых домах вся семья ютилась за едой в тесной кухне, чтобы не пачкать «хороших комнат», где собирались только по праздникам. Убирали их не реже одного раза в неделю, и настоящая хозяйка никогда не доверяла этой работы служанке, наводя красоту самолично. Стирка и уборка составляли излюбленную тему разговоров дам любого круга. Различались два типа уборки. Текущая, еженедельная проходила у евреев по пятницам, накануне субботнего праздника, у христиан — по субботам, но очень часто вдобавок еще в какой-либо день недели, а в ряде городов уборку делали каждый день с перерывом на воскресенье. Мебель вытаскивали из дома, освобож-

дая полы, которые мыли, драили с песком и натирали воском. Повсеместно в городах толстые служанки, закатав рукава, стаскивали мешавшее влажной уборке рухля под навес. Времени едва хватало на еду. На ходу проглатывали несколько бутербродов, и работа возобновлялась. Мыли и фасады домов, для чего их поливали из специальных шлангов, струя которых доставала до самой крыши.

В некоторых семьях тридцать — сорок ведер воды ежедневно завозили исключительно для мытья; в других нанимали специальную служанку, занимавшуюся только уборкой, с утра до вечера. В результате во многих голландских домах было постоянно сыро, а сырость, как известно, вызывает тяжелое заболевание — ревматизм. Ежегодные генеральные уборки (весной или весной и осенью) подвергали дом, да и саму жизнь его обитателей еще большим потрясениям. Некоторые мужчины называли этот период «адом», а уборщиц «дьяволицами». Поэты и комедиографы высмеивали эту одержимость гигиеной. Но никакие насмешки не могли заставить женщин уменьшить свой пыл в борьбе за чистоту.

Каждый день хозяйка отправлялась на рынок за покупками — еще одна святая обязанность. Даже вдова адмирала Рёйтера, занимавшего весьма высокое положение в Республике, ходила туда через весь Амстердам пешком, без провожатых, с корзиной в руке. Г-жа Рёйтер исповедовала древнюю голландскую простоту. Когда, по смерти адмирала, особый уполномоченный пришел к ней с соболезнованиями от принца Оранского, она извинилась, что не может его принять, поскольку, стирая утром белье, упала и слегка поранилась.

Большинство женщин из зажиточных буржуазных семей брали с собой, отправляясь за покупками, дочерей или служанку, несших корзинку или сумку для провизии. После завтрака все женщины города спешили на рынок. Рынок располагался на центральной площади, над которой возвышалось здание палаты мер и весов, местная гордость, символ купеческого богатства — крепкое прямоугольное здание,

сочетающее красоту с массивностью в духе Возрождения, как в Амстердаме, или классики, как в Гауде, иногда надстроенное каланчой, как в Алкмаре.

Всю площадь загромождали прилавки, скамьи и тележки, в воздухе стоял немолчный гвалт зазывал. «Добрая водка! Анисовка, настойка аниса от брюшных недугов! Нежная коричневая вода! Сюда! Хлебцы, пироги, рожь, овес! Свежая сельдь! Самая свежая, сладкая, как сахар, сельдь! Возрадуйтесь сердцем! Изюм, душистые сливы! Груши! Морковь! Свежий редис! Зелень! Тому, кто найдет лучше, отдам задаром!»¹⁴ Шарлатаны, распространители альманахов и цыгане примешивались к толпе покупательниц, праздношатающихся и крестьян, торговавших фруктами, овощами и молочными продуктами. Муниципалитет брал в аренду у лавочников один ряд; случалось, его отдавали в бесплатное пользование.

В крупных городах между различными статьями торговли устанавливался определенный круговорот. В Гааге рынок общего назначения работал во все дни недели; в Лейдене — только по субботам. Но в понедельник и пятницу открывался продуктовый рынок. Чаше устраивались специализированные рынки — масляный, сырный, овощной, мясной и рыбный. В некоторых местах мясо продавали в особых рядах, где осуществлялся контроль за качеством продукта. Алкмар и по сей день славится своим сырным рынком, открытию которого предшествует обставленное как священнодействие взвешивание сырных голов, которые на носилках приносят члены специальной корпорации. В Амстердаме имелся бисквитный рынок, служивший отдушиной для заводов Вормера и Йиспа и приносивший городу немалый доход, поскольку торговцы платили сбор в 8 штэйверов за партию товара.

Время от времени неимоверное оживление вносил в городскую жизнь скотный рынок. В этот день, как только открывались городские ворота, по улицам растекалась блеющая и мычащая река животных, направляемая окриками погонял к центральной площади. В пересекаемых стадами кварталах

устанавливался веселый беспорядок. Школы закрывались, дети и взрослые шныряли меж рядов скота, привязанного к стволам лип или каменным столбикам. Толстые разодетые купцы в сопровождении мясника выбирали животных, прислушиваясь к советам прихваченного с собой «консультанта». Распив с продавцом магарыч, уводили приобретенную скотину домой. В тот же вечер или на следующий день ее забивали во дворе, а разделанную тушу, как трофей, подвешивали под навесом.

Глава XIII

Корпорации

Корпорации, или — иначе — гильдии, определяли профессиональную деятельность нидерландского мастерового, рабочего или мелкого лавочника. Выросшие из старых средневековых «братств», гильдии полностью контролировали производство промышленных товаров и их оборот. Права гильдий основывались на коллективной этике, призванной защищать своих членов. Старинные привилегии гильдий, усложненные множеством новых постановлений и правил, породили конфликт между профессионалами с патентом и «вольными тружениками», между традициями и личной инициативой. Начало работы ранее предписанного времени и продажа товара по цене ниже установленной считались проступком, если не преступлением, который выявляла и за который примерно наказывала канцелярия гильдии.

Распределение полномочий и ответственности корпораций различалось в разных городах, и это произвольно разобщало экономическую деятельность в целом. В Утрехте насчитывалась двадцать одна гильдия, пять из которых охватывали представителей только легкой промышленности — портных, скорняков, перчаточников, шляпников и башмачников. Наличие разных гильдий подтверждало психологическое и социальное неравенство их членов. Так, гильдия кожевников-отдельщиков, обрабаты-

вавших тонкие кожи, была на лучшем счету, чем корпорации шорников, имевших дело с грубыми кожами. Специализация некоторых работ осуществлялась без дробления гильдий. В гильдию столяров, например, входили также краснодеревщики и токари. Булочники объединялись с мельниками, портные — с кожевниками. Отличия находили свое выражение в драконовских уложениях. Ремесленник мог, скажем, иметь право пришить новый рукав к старому полукафтану, но не имел права шить новый полукафтан целиком. Гильдия лудильщиков протестовала против продажи книготорговцами чернил в приборах из олова.

Член гильдии не мог открывать более одного магазина, держать более одной лавки на рынке; лоточная торговля позволялась только тем, чьи запасы стоили не более определенной суммы. Некоторые гильдии запрещали своим членам торговать на рынке, чтобы не допустить соперничества между братьями по профессии. Запрещалось ткать или чесать шерсть летом; варить пиво более одного раза в неделю; выполнять более трех разных операций (для ткачей); придавать пирогу форму, не зарегистрированную официально. Товары проштамповывались, и все, что не было отмечено печатью, беспощадно отвергалось. Обработка сельди регламентировалась тридцатью предписаниями. В известной мере такое дотошное упорядочивание всех и вся положительно сказывалось на качестве товара, но темп производства эти регламентации значительно снижали.

«Старшина» или старшины вместе с «присяжными» и иногда инспекторами образовывали канцелярию гильдии. Эти лица назначались муниципалитетом, ежегодно частично обновлявшим их состав¹. Канцелярия собиралась раз в неделю в определенном месте — гильдейском доме или зале часовой башни, таверне, выбранной за ее удобство или элегантность, иногда — в здании ратуши. Заседания сопровождались пирушками. Гильдия располагала собственной обстановкой, посудой, бокалами с собственным гербом, таким же, как на печати и значке.

Власть корпораций трудящиеся чувствовали уже с юных лет. Учебу можно было пройти только у мастера — члена гильдии. Продолжительность обучения значительно колебалась — от общепринятых двух до трех лет у хирургов и четырех у амстердамских шляпников, зато пильщиков леса готовили всего за полгода. Мастер не имел права принимать на работу более двух учеников. Последние попадали в ученье еще малыми детьми, примерно двенадцати лет, заплатив вступительный взнос, который иногда мастер засчитывал в счет их будущей заработной платы. Таким образом, они практически теряли всякую свободу. Живя у мастера, они могли его покинуть, только возместив расходы на свое содержание, и рисковали остаться без места. Выбрать мастера значило решить свою судьбу. Ученичество не было определено строгими правилами. Некоторые ученики годами прибирали мастерскую и следили за инструментом, прежде чем получали возможность подготовиться к выпускному экзамену.

Сдав экзамен, ученик становился «подмастерьем», сиречь рабочим. И ему необходимо было найти себе работу у другого мастера. Прихватив с собой диплом, подмастерья бродили из города в город в поисках работы. Явление бродячих подмастерьев, впрочем, менее развитое в Нидерландах, нежели во Франции, представляло собой узаконенную безработицу. Когда наконец какой-нибудь мастер принимал его на работу, подмастерье записывался в гильдию. Спустя более или менее продолжительное время он мог (по крайней мере в некоторых гильдиях) сдать экзамен на «мастерство» и получить звание «мастера», которое позволяло содержать собственную лавку или мастерскую. Но новоиспеченный мастер обязан был иметь достаточно средств, чтобы заплатить пошлины и устроить банкет или хотя бы в знак признательности угостить вином экзаменаторов. Немало подмастерьев не могли себе этого позволить и на протяжении всей жизни оставались на положении рабочих, получающих жалованье.

Члены гильдий платили взносы, за сбор которых отвечал служащий, выполнявший секретарские

функции — рассылка вызовов, оповещение о похоронах старейших членов, уборка помещения собрания и т. п. К его постоянному жалованью добавлялись проценты от штрафов, наложенных старшинами. Ежегодно в день празднования дня своего святого покровителя гильдия устраивала официальный банкет, который затягивался дня на два, сопровождаясь такими излишествами, что власти неоднократно пытались запретить проведение таких банкетов или хотя бы ограничить их продолжительность. Члены богатых гильдий организовывали прогулки с приглашением дам или дружеские вечера. Бюджет на развлечения всегда был немаленьким.

Экономический размах грозил разорвать старый круг корпораций. Их практически бессменное руководство, формировавшееся городскими властями, цеплялось за старые порядки — власть над гильдиями позволяла держать под пятой местную экономику и обезопасить себя от конкуренции. Тем не менее признаки эволюции множились. В первой половине века появление новых отраслей привело к созданию не существовавших до того гильдий — ткачей льна в 1614 году, лесоторговцев в 1615-м и бумазейщиков в 1631-м. Но такое развитие было показным. В отраслях, переживавших экономический бум, как, например, в текстильной промышленности, мануфактуры стали создаваться вне юрисдикции городов, в селах, не имевших гильдий и предоставлявших дешевую рабочую силу. Крупные предприниматели выигрывали от слепого соперничества гильдий, представлявших одну и ту же отрасль в разных городах. В Амстердаме расширение города вызвало дробление гильдий. Большая торговля, равно как и новые отрасли, вышла из-под их контроля. Гильдии пытались защищаться средствами, которые легко можно было обернуть против них самих. Они добивались от муниципальных властей усиления контроля, окружали себя преградами, превратившими гильдии в своего рода касты, войти в которые разрешалось только детям усопших членов. Ко всему прочему пышным цветом расцвел черный рынок, несмотря на самые

крутые меры. В тисках гильдий предприятия сохраняли ремесленный характер, и установление размеров жалованья жестко зависело от прибыли. Развитие крупного предпринимательства капиталистического типа нанесло двойной удар по этой архаической структуре. К 1680 году борьба старого с новым привела к отмене ряда корпораций, таких, как гильдия шляпников. Во многих городах после 1660 года гильдии представляли собой не более чем профессиональные страховые общества. Каждая из них имела свою кассу вспомоществования, предназначенную для оказания поддержки пожилым, больным или нуждающимся членам. Кое-где случалось, что дипломы гильдий продавали лицам, чуждым данной профессии. Уплатив взнос в кассу, такой новоявленный член гильдии получал право на ее помощь. Традиционно гильдия требовала от своих членов поочередного выполнения общественных поручений, как-то: дежурство у постели больных и участие в проведении похорон. Но этот обычай был настолько непопулярен, что к концу века пришлось ввести штрафы за уклонение от подобных обязанностей.

В каждом городе из членов гильдий формировались отряды городской милиции, некогда выполнявшей оборонительные военные задачи. В XVII веке эта милиция утратила свое военное значение, хотя во время гражданских волнений или пожаров она оказывала серьезную поддержку полиции. Милиция переродилась в представительскую и мирную ассоциацию, которая устраивала красочные парады и состязания в стрельбе. В Амстердаме еще в 1672 году в милицию входило не менее 10 тысяч человек.

Коммерсанты в основном объединялись в «гильдию торговцев», но от нее по-настоящему зависели только мелкие лавочники. По мере роста товарооборота и расширения связей на мировых рынках, а тем более при переориентации на транзитную торговлю или операции с капиталами, негоциант выходил, де-юре или де-факто, из-под контроля гильдии. По самому стилю жизни крупная акула капитала уже выделялась в стайке мелкой буржуазной рыбешки. Неред-

ко это был относительно культурный человек. Сорбьер знал таких купцов, проводивших свободные вечера за чтением серьезной литературы². Некоторые в молодые годы учились в университетах. Зато у всех у них профессиональные навыки были весьма слабо подкреплены теорией. Будущий негоциант начинал ученье в качестве служки в конторе своего отца или его собрата. После нескольких месяцев уборки помещений, замены свеч в канделябрах и поддержания огня в камине он становился клерком, затачивал перья, бегал за покупками, переписывал книги, осваивал бухгалтерский учет и учился пользоваться альманахами.

Последние, ежегодно предоставлявшие сведения о ярмарках и рынках, расписаниях кочей и кораблей, а также о часах приливов и отливов, составляли главный инструмент торговой культуры. Издавалось великое множество альманахов, дававших более или менее исчерпывающую информацию и обычно связанных с тем или иным городом. Один из альманахов Дордрехта указывал на уровень компетентности различных городских чиновников. Иногда авторы разбавляли такие сведения теоретическими изысканиями, как, например, Гаспар Коолхаас, ниспровергший в 1606 году заблуждения католической церкви.

Как правило, коммерсант (опасаясь создать беспорядок в доме) устраивал свою контору — *kantoor*, как говорили голландцы, не умея правильно произнести французское *comptoir*, — в полуподвале, но иногда и на чердаке, рядом со складом. По правде говоря, не столько сам он решал перебраться в подвал, сколько его туда выпихивала жена. Действительно, голландские коммерсанты объединяли под одной крышей жилые покои и рабочие помещения. Со временем бурное развитие потребовало из прежнего страха нарушить установленный порядок в жилой части дома, установить внутренние перегородки, образовав коридоры, ведущие в контору, и проделать в одной из стен отдельный вход.

Рабочий день негоцианта начинался около десяти утра. Деловые операции отнимали не более четырех

часов в день. С десяти до полудня он восседал в своей конторе. Ученики и клерки приходили раньше хозяйина, спустившись из чердачных каморок, обычно служивших им ночлегом, и занимали свои места. Обстановка конторы была самой что ни на есть простой — тяжелые массивные столы со свинцовыми чернильницами, стулья с кожаными сиденьями. На стенах — ряды полок с реестрами, песочные часы. Сам хозяин в ночном колпаке работал за столом, стоявшим чуть выше других. Ниже скрипели перьями сидевшие попарно клерки в люстриновых нарукавниках.

В полдень открывалась биржа, где собирались городские купцы и множество празднующихся, пришедших на них поглазеть. Именно здесь проводились крупные дела. Маклеры с перьями и чернильницами сновали по зданию и в мгновение ока состряпывали контракты. Два купца ударили по рукам — груз меди на пути куда-то идет против партии ценных пород дерева и определенной суммы в придачу. Подписав контракт, они направляются в банк, где хранятся их капиталы, чтобы перевести оговоренную сумму с одного счета на другой. Возможно, речь идет о тысячах гульденов, но им не приходится прикоснуться даже к одной монетке — нужно уложиться до двух часов, когда закроется биржа. Если дело требует дополнительного времени, надо уплатить специальный сбор. Таким образом, биржа, обеспечивая выгодную концентрацию представителей большой торговли, ускоряла деловые операции, упрощая этим кредит.

С XVI, а иногда даже и с XV века, во всех крупных торговых городах уже были свои биржи. Изначально биржевые операции проводились прямо под открытым небом, на площади, улице или просто в случайном месте. Только в 1611 году в Амстердаме было построено для этой цели первое здание. Оно представляло собой просторную прямоугольную коробку в два этажа, в самом центре города. Внутренний двор площадью 500 квадратных метров был окружен аркадами с лавками, в которых можно было свободно

перемещаться за счет широких входов с каждого угла. Возведенная на берегу канала биржа служила еще и портом: большие суда, убрав мачты, могли войти под ее свод.

Голландская торговля настолько выиграла от такой организации в гибкости, а кредитная система набрала (особенно после 1650 года) такую силу, что амстердамская биржа превратилась в центр мировой коммерции. Во время кризиса 1672 года австрийский посланник ежедневно отправлял своему монарху биржевые сводки.

Глава XIV

Болезни и смерть

Болезни и врачи

Частоту эпидемий Темпл относил на счет скверного нидерландского климата с его влажностью и нездоровой жарой в летнее время¹. Лейден, испытывавший недостаток в проточной воде, а следом за ним непомерно разросшийся Амстердам подвергались им критике более других. Не проходило и трех лет, чтобы на эти города вновь не находило моровое поветрие. Эпидемии отличались большим многообразием. Одна из них описана как мозговая горячка, разная и способная привести к летальному исходу. В XVII веке, по средневековой привычке, словом «чума» называли многие инфекционные, эндемические и смертельные заболевания.

Больше всего от них страдала недоедавшая и ютившаяся в трущобах беднота. За один год в Лейдене эпидемия унесла 13 тысяч жизней — четверть или треть всего населения, Амстердам потерял 18 тысяч своих жителей. Количество погибших тогда достигло рекордной отметки. Трагическими датами отмечен весь «золотой век»: 1597, 1601, 1602, 1604, 1617, 1624, 1635, 1636, 1639 годы. Почти всегда мор свирепствовал только в городах. В Амстердаме в 1601 го-

ду, в Зволле в 1602-м, в Лейдене в 1635 и 1639 годах кладбищенской земли не хватало, чтобы похоронить все трупы, и многие умершие нашли последний приют в валах укреплений. Городские власти намеренно не вели точных записей погибших. С приходом «чумы» замедлялась экономическая жизнь, снижался объем биржевых операций. Моровое поветрие 1636 года привело в полный упадок ткацкие мастерские Хелмонда.

Хотя слепая вера в Провидение удерживала некоторых от необходимых мер предосторожности, местные власти при первых же признаках надвигавшейся эпидемии набирали среди хирургов, врачей или целителей так называемых «докторов от чумы». Им выдавалась спецодежда, которую надевали, входя к больному, и снимали, выходя, а у себя держали на отдельном стуле, обрекаемом тем самым на последующее уничтожение. Некоторые из этих «специалистов» занимались той или иной формой заболевания — оспой, золотухой или язвой. Что же в точности означали эти слова?² Во всех случаях лечение ограничивалось некоторыми элементарными мерами гигиены, контролем за развитием болезни и выносом тела. В 1655 году в Зволле муниципалитет, находясь на грани отчаяния от моровых опустошений, учредил «Совет чумы», при котором открылся специальный госпиталь. Летальный исход, даже в среде буржуазии, был таким частым, что пришлось пересмотреть законы о наследстве. Крепкие телом и духом, не поддававшиеся болезни, в течение своей жизни неоднократно становились наследниками.

Время от времени болотистые районы посещала малярия. Типичными для Нидерландов заболеваниями считались цинга и подагра³. Иностранцы, проживавшие в этой стране, сетовали на «меланхолию», болезнь желчи, причина которой могла заключаться в режиме питания. По словам Темпла⁴, нидерландцы быстро старели, и бодрых семидесятилетних стариков было не сыскать, особенно в городах.

Народная медицина в обилии предлагала свои средства и эмпирические методы лечения. Некото-

рые из них унаследовали черты дедовского колдовства. В большинстве семей на кухонных полках всегда стояли горшочки с китайским вином, настоем алоэ, миро, шафраном, наливкой из горечавки и мазью, которая на три четверти состояла из оливкового масла и на одну — из марсельского мыла, окрашенного суриком или свинцовыми белилами.

От зубной боли применяли можжевельное масло; против кожных раздражений в дело шли компрессы из трав и ржаной муки, растертых в молочко; с обморожениями боролись жидкостью на основе анисовой воды, от ангины спасались горячим соком моркови или репы; при кровотечениях из носа проливали несколько капель крови на раскаленное докрасна железо. Коровьи моча и навоз входили в состав многих деревенских снадобий. Паучьи головы в ореховой скорлупе, положенной на грудь больного, слыли за лучшее жаропонижающее. Эстеты заменяли пауков библейскими стихами.

Наиболее распространенное целебное средство производилось из смертного пота, собранного со лба повешенного или умершего в жестоких мучениях и смешанного с двумя унциями человеческой крови, несколькими каплями топленого свиного сала, льняного масла и пряными добавками. По всей Европе народный менталитет плохо соотносился с научными и критическими изысканиями медицины. Несмотря на распространение просветительских идей в определенных кругах общества и борьбу реформатской церкви с суевериями, в Нидерландах сохранились многочисленные пережитки средневекового анимизма. Власти добились того, что корабли более не «крестили» именами святых, а давали названия, почерпнутые из географии, недавней истории или зоологии. Это, пожалуй, единственная область, где просвещение достигло своей цели. Но даже на судне с именем «Роза», «Семь провинций» или «Слон» экипаж ни за что не рискнул бы поднять якоря в ночь на Ивана Купалу или перед Рождеством. Кроме того, никому в голову не могло прийти отправиться в путь, пусть даже посуху, в пятницу, особенно в Страстную.

Рассыпать соль, уронить нож, перевернуть на столе каравай — все это сулило несчастья.

Разбитое зеркало, тиканье невидимых часов, зажженные три свечи предрекали скорую смерть. Люди следили за дрожанием язычков пламени, вслушивались в лай собак, пение петуха, карканье ворон, уханье филина — во всем им чудились знамения свыше. Критический возраст — 63-й год жизни — составлял тяжелый барьер, преодоление которого без затруднений обещало отдалить уход в мир иной еще на много лет. Путешествуя в дилижансе, следовало обращать внимание на волосы попутчиков: если они крашенные или накладные, следовало готовиться к встрече с разбойниками.

Считалось, что в рождественскую ночь пчелы в ульях жужжат гимн. Аистов охраняли как священных птиц; разорять их гнезда запрещалось полицией; в городе цена дома, на крыше которого устроились аисты, возрастала вдвое. Когда приходилось принимать тяжелое решение, водили наугад по страницам Писания концом ключа и силились узреть в выбранной строфе указание Божественного Провидения. Будущее предсказывалось небесами — кометы и затмения предвещали войну или иное общее бедствие. Прорицательниц, карточных гадалок, хироманток и ясновидящих посещали самые высокопоставленные государственные деятели. «Колесо приключений», «Гадания по планетам и звездам» и сонники на любой вкус не сходили с прилавков книготорговцев. Никто не осмеливался приходиться на кладбище ночью. Все знали, что дьявол может лично явиться за первым телом, погребенным на новом погосте. По всей стране встречались дома с привидениями.

Вера в колдовство была столь велика, что в катехизисе от 1662 года выделялась целая глава, доказывавшая греховность обращения к его чарам. Правда, честные христиане могли легко обезопасить себя от их губительной силы, повернув свои туфли носами от кровати, перед тем как лечь спать. И потом, существовало два наивернейших способа распознать слуг дьявола — обнаружение ненормальных роди-

мых пятен на их теле (следов когтя Лукавого) и взвешивание. Колдун и колдунья отличались весом меньшим, чем им полагалось иметь при их росте и конституции. Этим довольно неубедительным критерием руководствовались почти вплоть до 1610 года. Выявление «колдунов» производилось в городской палате мер и весов. Подозреваемого или подозреваемую приводили в одной рубашке и с распущенными волосами; осмотр тела и взвешивание осуществлял муниципальный гонец или повитуха, в зависимости от пола объекта исследования. Если вес признавался нормальным, испытуемого после уплаты штрафа отпускали на волю. В противном случае, установив причастность к колдовству, виновного живьем сжигали на костре. Взвешиватели из деревни Одерватер прославились своей либеральностью; к их суду прибегали люди со всей Европы, зная, что обвинение в колдовстве никогда не будет подтверждено. Там и тут прибегали к испытанию водой. Связав бедолаге большие пальцы рук с большими пальцами ног, его бросали в предварительно освященную воду. Если подозреваемый оставался наплаву, его вина считалась доказанной, если же он честно шел ко дну, становилась явной его невиновность. Эта процедура имела и другой вариант: непричастность к колдовству устанавливалась в церкви погружением руки по локоть в кипящую воду. Иногда первыми признаками принадлежности к темным силам выступали миниатюрность, худоба, черные волосы на голове или теле. Именно они помогли в начале века разоблачить Клааса Ариенсзена и его жену Неелтье в Одерватере. Процессы над колдунами проходили в то время и в Шидаме, на острове Гёре. Но среди просвещенной общественности уже росло и силилось возмущение. Якоб Катс встал на защиту женщин, обвиненных в колдовстве. Ни одна из них не была казнена после 1595 года, а начиная с 1611-го практика судебных процессов над колдунами в Нидерландах вообще сходит на нет. Однако этот факт отнюдь не говорит об исчезновении веры в колдовские чары, зато нидерландцы стали первыми в Европе, кто отменил

одну из самых отвратительных форм традиционно-уголовного права⁵.

Шарлатаны всех мастей колесили по стране, предлагая порошки, помады и травы волшебного свойства. Власти относились к их коммерческой деятельности с настороженным спокойствием, пытаясь в то же время внести в нее некоторый порядок. Торговля снадобьями разрешалась (после уплаты сбора гильдии медиков) на рынках, ярмарочных полях и народных гуляньях, на которых живописные костюмы и зазывные прибаутки самозванных лекарей составляли дополнительное развлечение. Укутавшись в докторскую мантию с отложным воротником и нацепив парик, облаченный в пестрый костюм арлекина или вырядившийся в восточные одежды мошенник вырывал зубы, открывал секреты философского камня, расхваливал свой товар. Часто он забирался сюда из Италии, Германии или Польши, и его непривычное лицо чужестранца придавало представлению еще больше интереса. Случалось, не умея объясниться по-голландски, знахарь прибегал к языку жестов или обращался к толпе через помощника. На селе чудодейственные средства подобных обманщиков вызывали большее почтение, нежели лекарства, прописывавшиеся докторами и изготовлявшиеся аптекарями. Особенно популярным продуктом этой незаконной фармакологии стал так называемый «любовный порошок»⁶, который получил широкое распространение даже в армии.

В большинстве деревень имелся собственный костоправ или знахарь, умевший очищать кровь и сращивать переломы и лечивший хвори прикосновением либо чудодейственной силой своего дыхания.

Медицина

Тем не менее нидерланды не отставали от прогресса. Здесь развивалась вполне современная научная медицина. Но штат лекарей отличался сильной разнородностью. Несмотря на учреждение медицинских факультетов, интеллектуальный уровень эску-

лапов в среднем оставался невысоким. Доктор как комедийный персонаж встречался в Нидерландах не реже, чем в мольеровской Франции. Однако некоторые немногочисленные исследователи и практикующие врачи отдавали себе отчет в сложившемся положении дел и восставали против него. Разнообразные доктрины, основанные на учениях Гиппократ, Галена, Парацельса или Сильвия, противопоставлялись друг другу. В Амстердаме руководствовались теорией Везаля, первого из «нового поколения», который низвергал все авторитеты. Ван Хелмонт выступал против кровопускания, поскольку Господь не велел лить людскую кровь; его последователи шли дальше, вплоть до запрета слабительных, разжижавших кровь.

Тем не менее в медицинских кругах обнаружилась общая тенденция — одновременно с отходом от всякого рода теоретических спекуляций прогресс в развитии естественных наук открыл новые горизонты. На опытах основывалась методика. В частности, велись исследования в области анатомии человека. Когда Свамердам получил от амстердамского муниципалитета разрешение на вскрытие трупов в больницах, улетучились давние предрассудки, бытовавшие в остальных странах Европы. Простонародье могло сколько угодно шутить и сочинять глупые рассказы про докторов, ковырявшихся в мертвяках, но с начала века вскрытие вошло в практику факультетов и вызывало интерес у просвещенной публики. Анатомия стала модной наукой: даже в городах, не имевших университетов, таких, как Дордрехт или Гаага, открывались общественные курсы. Хотя, в принципе, они предназначались для подготовки хирургов, там всегда было не протолкнуться из-за обилия любопытных. Университеты, со своей стороны, публично оглашали время занятий по вскрытию, открывая двери всем желающим, что иногда мешало учебе студентов, растворявшихся в толпе любителей. «Урок анатомии», который был написан Рембрандтом в 1632 году и представлял доктора Тульпа на одном из его уроков в Амстердаме, свидетельствует об

этом увлечении. В то время Амстердам стал центром анатомических исследований. Новая теория кровообращения разбила последние очаги сопротивления прошлого. Одновременно с анатомией совершенствовалась техника сохранения отмерших органов — упражнения во вскрытии создавали ценные коллекции, которые становились затем предметом специального изучения. Эта практика была распространена и на строение животных. Ученые приобретали у матросов морских чудовищ.

Медики пользовались весомым положением в обществе, как социальным, так и моральным. Происходя, как правило, из среды крупной буржуазии или аристократии, они нередко совмещали свою профессию с высокими государственными должностями. Николас Тульп, ставший знаменитым благодаря своим «Медицинским наблюдениям», четыре раза избирался бургомистром Амстердама. Своих больных он объезжал в карете, что, впрочем, выделяло его из массы докторов, в большинстве своем до конца века следовавших правилу великой простоты. Доктор Ван Хогеланд, снискавший в свое время славу чудотворца, сортировал свои лекарства и принимал больных с безупречной пунктуальностью, ежедневно, с восьми до девяти и с часу до двух, встречая посетителей в домашних туфлях, халате и ночном колпаке. Плата за консультацию зависела от благосостояния больного, колеблясь от 4 шгёйверов с мелкого буржуа до гульдена с богача; священники, адвокаты и аптекари обслуживались бесплатно.

Медики и хирурги образовывали одну гильдию, в которой первые составляли своего рода аристократию. Их университетская степень давала право экзаменовать собратьев-хирургов и контролировать наиболее сложные из выполняемых теми операций, таких, как удаление камней или катаракты и сращение переломов. Это сосуществование было не безоблачным. В 1635 году по инициативе Тульпа в Амстердаме была создана отдельная школа медиков и аптекарей.

В рядах медицинского корпуса городские власти избирали одного или более эскулапов, которые ста-

новились муниципальными докторами. В Энхёйзене их было двое; Амстердам располагал довольно многочисленной командой — два обычных лекаря, два внештатных, профессор анатомии, хирург, один «оператор» и «доктор от чумы». Все они получали жалованье, при этом им позволялось держать частную практику, причем официальная должность становилась неплохой рекламой. В их задачи входило как оказание помощи, так и осуществление контроля — наблюдение за хирургами и акушерками, лечение больных из богаделен.

Каждый более или менее крупный город содержал один или даже несколько госпиталей и лепрозорий. В Амстердаме помимо этого имелись лазарет для «зачумленных» и сумасшедший дом; в Лейдене был устроен приют для престарелых инвалидов. Эти заведения страдали одним «врожденным» недостатком — они одновременно служили пристанищем обездоленным и местом лечения больных. Поэтому многие отказывались от госпитализации из предрассудка. Попасть в больницу означало социальное падение⁷. В 1623 году из семисот больных лечебницы Амстердама только один оказался обывателем из этого города.

Хирургия

По давней традиции, хирурги выполняли еще и обязанности цирюльников. В их компетенцию входило врачевание ран, сращение переломов, кровопускание, а также стрижка бороды и волос. Мало-помалу последний вид работ перешел к специализированному парикмахеру, который часто был всего-навсего лакеем хирурга. К концу века большинство хирургов забросили ножницы и помазок. Тогда в городах появились цирюльни на французский манер. Политические власти не менее руководства гильдии были заинтересованы в том, чтобы возвести хирургию в разряд науки и привнести в нее достижения медицины. Это, в частности, послужило причиной создания анатомических курсов. В Гааге хирурги города на свои деньги создали «Анатомический театр».

Хотя юридически гильдия хирургов принадлежала к разряду ремесленных, она отличалась от последних заменой посвящения в мастера сдачей экзамена. Доктора и опытные хирурги задавали кандидату теоретические вопросы по анатомии и ставили перед ним различные практические задачи — прижечь рану, изготовить бинты и скальпель, пустить кровь⁸. От судовых хирургов знаний требовалось меньше; для них считалось достаточным уметь врачевать болезни, свойственные простым морякам — огнестрельные ранения, контузии, ожоги, переломы, гангрены... Но упрощенный экзамен лишал судовых хирургов права на частную практику, навсегда привязывая к кораблям.

Другие, «домашние» хирурги устраивали приемную в одной из комнат собственного жилища. Здесь же хранились и инструменты (многие из них были изобретены в XVII веке). Они делались из железа, меди и кости — хирургические ножи, прямые и изогнутые, с зубчатым лезвием, иглы для кровопускания и щипцы для вырывания зубов. Помимо инструментов кабинет хирурга украшали различные атрибуты — череп, склянки и профессиональное свидетельство. В то же время операционный стол заменял простой табурет, а крепкого кулака лакея хватало, чтобы бездвигать больного в отсутствие наркоза.

Комедийные авторы не уставали насмехаться над этой профессией. Хирурги тяжело переносили привычку общества равнять их с цирюльниками. Университетов они не заканчивали, — ведь двух лет практического обучения было достаточно, — отличительной одежды, как медики, не носили. Тем не менее из их рядов выходили важные государственные деятели. Во многих городах приведенных к присяге хирургов приглашали на муниципальную службу. Они получали привилегию присутствовать в качестве контролеров на всех операциях, осуществляемых их приезжим коллегой.

В то время существовали и бродячие хирурги, отбившиеся от гильдии, на которых охотно взваливали надоедливую рутину или, напротив, рискованные,

крайне болезненные операции, которые могли подпортить репутацию оседлого эскулапа-буржуа. Наконец, в гильдии хирургов случались и члены второго ряда, которые освобождались от уплаты взносов, но могли оперировать только в присутствии муниципального доктора. К этой категории относились окулисты, костоправы и извлекатели камней.

В начале века аптекари принадлежали к гильдии бакалейщиков. Впоследствии они были слиты с медиками. От этого пострадали их коммерческие привилегии — москательщики, оставшиеся в гильдии бакалейщиков, торговали некоторыми лекарствами, которые таким образом выходили из-под фармацевтического контроля. С другой стороны, аптекарей ненавидели медики, видевшие в них своих коварных конкурентов. Не только потому, что те и другие носили одинаковую одежду (черные балахон и плащ, шляпу с заостренным верхом и отложной воротник), но и в силу того, что в своих конторах под набитым соломой чучелом крокодила, служившим традиционной вывеской, аптекари тайком давали медицинские консультации. Соответствующие теоретические познания они получали еще при подготовке к экзамену для вступления в гильдию. Некоторые аптекари занимались научными исследованиями, как Якоб Ле Мор, преподававший в Лейденском университете химию и фармакологию. Впрочем, медики сумели настолько отравить ему существование, что он вынужден был сдать экзамены на степень доктора медицины, чтобы вернуть себе спокойную жизнь.

Со смертного одра на погост

Итак, болезнь или старость сделала свое дело. Мужчина или женщина готовится отойти в мир иной. Домашние сообщают об этом соседям, зовут священника. Духовный отец читает молитвы, которые повторяют за ним все присутствующие.

Когда с последним вздохом жизнь покидает тело, умершему закрывают глаза, набрасывают на лицо покрывало и задвигают полог его кровати. Прино-

сятся первые соболезнования. Затем близкие омывают тело, одевают и кладут на постель, приподняв голову. Зеркала и картины повернуты к стене. Многочисленные местные обычаи определяют способ закрытия окон, предписывают обустройство комнаты — передней или одной из прилегающих, — где будет проходить бдение у гроба. Обычно из комнаты выносили всю обстановку кроме кровати. Сменявшие друг друга посетители прощались с покойным стоя. Если умерший — ребенок, его показывали малолетним приятелям, которых затем угощали сладким рисовым пюре (обычай, оставшийся от языческих времен). Тело выставлялось на несколько дней, до и после помещения в гроб. В Лейдене последнее обязательно должно было происходить в присутствии двух свидетелей, не принадлежавших к семье усопшего. Гроб покоился на козлах, ногами умершего к двери. Только самоубийц и преступников выносили головой вперед.

Раздается погребальный звон — ризничий бьет в колокол. Семья составляет или заказывает специальному писцу текст уведомления о кончине, которое затем отсылается кому следует:

«11 числа сего месяца, в пять часов утра, вечной и неизменной Мудрости нашего Всемогущего Создателя было угодно принять в свое вечное Царство, полное благословенной радости, душу моей дорогой супруги госпожи Н., которая оставила этот свет, юдоль скорбей, пробыв в постели 10 дней из-за тяжелой болезни, хотя, впрочем, несколько раз нас озарял луч надежды на улучшение ее состояния»⁹.

Некоторые украшали сообщение, облекая его в форму стихов. Обычай письменных уведомлений, однако, не был общим правилом. Многие прибегали к услугам «общественных молельщиков»¹⁰ — десяти специальных гонцов, создавших свою гильдию и носивших одежду, напоминающую облачение священников. Они передавали печальную новость «вживую». По числу молельщиков, нанятых семьей, судили о ее богатстве и благополучии.

В большинстве случаев похороны организовыва-

ли общества взаимопомощи, которые могли быть представлены либо ассоциациями гильдий, либо «соседскими общинами», существовавшими во многих местах. Их главной задачей было обеспечить каждому члену достойное погребение с многочисленным кортежем и добровольными носильщиками. Эти общества имели свою кассу, пополнявшуюся взносами; из кассы, если позволяли собранные средства, помимо церемонии похорон оплачивались и поминки.

В установленный час в доме умершего собиралась толпа провожающих. Священник читал несколько стихов из Библии. Крышку гроба заколачивали. Гроб покрывали черным сукном, украшенным гербом гильдии, к которой принадлежал покойник, или осыпали цветами, если усопший отошел в мир иной еще ребенком. Под звон церковного колокола шесть носильщиков поднимали гроб и ставили его на носилки. За ними в порядке, определяемом местным обычаем, выстраивался кортеж. Процессия двигалась в полном молчании. Все шли по двое, неторопливо, внешне не проявляя своих переживаний. «Слезы тихо катились по щекам», — отмечает Грослей¹¹. Все были одеты в длинные черные плащи до пят, которые обычно брали напрокат.

Во время отпевания гроб покоился на катафалке. Богачи находили последний приют прямо в церкви. Уплатив сбор, их можно было захоронить в боковых часовенках. Часто состоятельные граждане заранее приобретали себе могилу, которую украшали своими гербами и девизами, вырезанными в камне или оттиснутыми на плите. Но в основном погребение проходило на кладбище, в центре которого стояла церковь. Могилу рыли таким образом, чтобы покойник лежал головой на восток. Траурный кортеж один или два раза обходил кладбище и наконец останавливался перед разверстой могилой. Когда гроб был уже опущен на дно ямы, все по очереди подходили посмотреть на умершего в последний раз, после чего расходились по домам, раздав чаевые носильщикам. Случалось, в память о покойном выбивали медаль с

его именем или изображением, которую дарили всем, кто пришел с ним проститься.

Не меньше, чем свадьба, похороны увеличивали сплоченность семьи и способствовали росту престижа семейного клана. Похороны служили поводом для проявлений неумеренной гордости, а у богатых — и приверженности к роскоши: полностью одетый в черное дом, гигантский кортеж, поток карет (к середине века стали делать похоронные дроги). Самым шиком считалась ночная тризна при свете факелов. Такие нравы шокировали благоразумных людей. Власти несколько раз предпринимали попытки пресечь подобную кичливость или хотя бы получить от нее прибыль. В 1661 году муниципалитет Амстердама запретил ночные погребения, но уже в следующем году вновь разрешил их за 150 гульденов. В Дордрехте к концу века налоги на похоронные катафалки достигли 125 гульденов за кортеж из шести карет с гербом покойного.

Возвратившись с кладбища домой, семья весь день принимала соблезнования. По случаю каждого такого визита полагалось выпить. Даже у бедняков за несколько часов могло перебывать тридцать, шестьдесят, сто человек — все население улицы или квартала. С каждым посетителем пропускали по две-три чарки. Купцам, бывшим поставщиками покойного, предлагали пиво с белым хлебом или рисовым пюре.

К вечеру горе тонуло в море поглощенной за день жидкости. С хозяевами оставались лишь близкие друзья, с которыми делили по возможности обильную трапезу, затем пели, а после — снова пили. Такие поминки, запрещенные церковью и государством, тем не менее оставались повсеместным обычаем вплоть до середины века и жили еще долгое время спустя в традициях северных районов. После 1650 года воздержание в еде компенсировалось обилием выпивки. Дом погружался в довольно грубую пьяную одурь. Чтобы избавиться себя от присутствия такого числа выпивох, богачи одаривали носильщиков, соседей и мелких клиентов вместо кубков монетой, предлагая тем выпить за упокой души преставившегося в таверне.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Глава XV

Спорт и игры

Еще со времен раннего Средневековья любимым видом спорта для европейцев была охота. В XVII веке охота, казалось, утратила свое прежнее значение в общественной жизни Нидерландов. Феодалное право на лесные угодья было отменено. За лесами следил главный лесничий, охранявший дичь с помощью стражей. В частности, запрещалась охота на кроликов¹, которую крестьяне вели тайком и отнюдь не ради спортивного интереса. Зимой в погребе оставляли несколько кочанов капусты и приоткрывали вентиляционное оконце; голодные кролики забирались в эту нехитрую ловушку и не могли выбраться назад. «Охотнику» достаточно было время от времени заглядывать в погреб и преспокойно убивать попавшихся зверьков.

Зато в прибрежных дюнах от Хелдера до Гааги охота на птиц велась безо всяких ограничений, что объясняет постоянное изображение пернатой дичи в натюрмортах художников того времени. Дюны, равно как и фризские островки и болотистые края Северной Голландии, представляли собой промежуточную остановку для перелетных птиц — цапель, бекасов, диких гусей и уток. Лейденские студенты устраивали зимой охотничьи походы. В другое время года не было недостатка в дроздах, куропатках и

жаворонках. Вдоль озер и каналов Фрисландии гнездились стаи чибисов, ставшие одним из символов провинции.

Еще больше, чем охоту, голландцы любили рыбалку. Озера, реки и даже каналы буквально кишели рыбой. В прудах приморских провинций в обилии водились щуки, окуни, карпы и щиповки. Время от времени по рекам поднимался лосось; миграция угрей проходила через весь край.

В хорошее время года национальным спортом становилась прогулка. По воскресеньям и праздникам горожане высыпали на дорожки, тропинки и набережные каналов, спеша насладиться деревенским пейзажем или полюбоваться на морские волны. Всю Голландию, все классы, охватывала жажда зелени и свежего воздуха «так, что куда ни пойдешь, — пишет Париваль, — везде встретишь столько же людей, сколько в других местах бывает разве только на торжественных церемониях»².

Кто-то шел пешком. Большинство же предпочитало повозки, прозванные «игровыми», — что-то похожее на деревянную шайку устанавливалось на колеса и пускалось во весь опор по рытвинам и горбатым доскам мостов с грохотом и скрипом, заглушавшим голоса. Иностранцы плохо переносили неудобства этого вида передвижения; голландцы же сызмальства привыкли к ним, катаясь в своих детских «игровых повозках», запряженных козой или собакой. Неженкам более была по вкусу лодка. Они поднимались под парусом вверх по Амстелу, Вегту или Рейну, ходили из озер в каналы. Когда никуда не спешишь, лучше воспринимаешь красоту проплывающих мимо пейзажей и больше чувствуешь радость общения с приятной компанией. «К 1640 году, — рассказывает Сорбьер, — благородные дамы изобрели новое развлечение — прокатиться на судне из Гааги в Делфт или Лейден, переодевшись в мещанок и смешавшись с простонародьем, чтобы подслушать разговоры черни о власть предержащих. Поездка к тому же носила необычный характер приключения, поскольку проказницы ни разу не возвращались, не подцепив

кавалера, чьи надежды на роман с легкодоступными дамами рассеивались по прибытии при виде карет, которые поджидали дам на пристани»³.

Весной лейденская молодежь отправлялась в лес Зевенхёйзен за двадцать километров от города, где предавалась невинному удовольствию — разорять гнезда цапель; летом она предпочитала дюны Катвика, пробуя морепродукты в местных кабачках. Схевининген и его пляж привлекал жителей Гааги, с которой его соединяла отличная прямая и тенистая дорога всего в один лье. Менее выгодно расположенным амстердамцам приходилось преодолевать добрых два десятка километров к востоку или западу, чтобы добраться до радующей глаз зелени.

Прогулка начиналась рано утром. Завтракали час-тенько в придорожном трактире — сметана, вишни, клубника, пеклеванный хлеб, масло, сыр и печенье, залитые вином. Затем снова пускались в путь. Собирали цветы на лугах, играли, пели хором. В полдень устраивали пикник на природе, захватив с собой ящик с провизией, или делали вторую остановку в таверне. Находясь на берегу реки, непременно заказывали рыбу. Вечером, по возвращении, перед тем как разойтись, компания пиновала еще. Перо Париваля становится удивительно нежным, когда он идилично и пространно описывает эти «невинные удовольствия»: «Все прогулки заканчиваются в кабачках, которые поэтому встречаются на каждом шагу... Повсюду устроены зеленые беседки, куда не проникают лучи солнца; иногда попадаются деревья, стриженные с поразительным искусством, которые дарят прохладу или просто радуют глаз... Здесь скрываются машины, одни — чтобы подвешивать людей в воздухе, другие — чтобы вращать их, и третьи — чтобы управлять куклами наподобие марионеток... Слышен приглушенный рокот множества голосов, звучащих одновременно, как это бывает в присутственных местах, поскольку кабачки всегда полны людей. Эти удовольствия обходятся недорого, и их себе позволяют все, вплоть до самого бедного мастерового сословия...»⁴

Впрочем, случалось, что такие вечеринки заканчивались опасными играми. В некоторые праздники компании молодежи в двенадцать — пятнадцать человек с невероятным гвалтом направлялись в своих повозках в местный кабак. Орали от восторга, ели блины и накачивались можжевельной. Внезапно кто-нибудь из этих сорванцов выхватывал нож и, подбросив, с размаха втыкал в потолок. Другие кидались к нему, стремясь вытащить нож. Первый «игрок» не давал им это сделать. Из карманов вылетали другие ножи, начиналась свалка. Кровь заливала исполосованные лица. Единственным правилом этой игры было не резать по глазам. Когда зрители насыщались этим увлекательным зрелищем, они кричали: «Довольно! Довольно!» и назначали победителем показавшего наилучшую технику боя.

Зимним видом спорта было катание на коньках, столь часто изображаемое художниками. В это время года дела обычно шли медленнее, и у каждого оставалось больше свободного времени. В те дни и недели, когда озера и каналы стояли скованные льдом, никто не расставался с коньками. Молодежь и старики, мужчины и женщины, проповедники, бургомистры, принцы — буквально все жили на льду. Таким образом, в спортивном увлечении ежегодно устанавливалось народное единство на один сезон. Все предавались азарту борьбы, восхищались рекордами. Были и свои знаменитые чемпионы — Корнелий Цветок, Юдит Иоханнес, Мария Шолтус... Скользя на деревянных коньках с металлическим лезвием, загнутым у носа, в два раза длиннее ступни, люди катались либо в одиночку, заложив руки за спину, чуть наклонившись вперед, либо парами, сцепив крендельком руки, либо гуськом, положив руки на бедра впереди скользящего, когда вся длинная цепочка тел на большой скорости, как одно целое, наклоняется то влево, то вправо. Ни шуб, ни меховых плащей. Все катались в обычной домашней одежде, под которой скрывались шерстяные поддевки. Зрелище от этого только выигрывало в колорите. В толпе катающихся раздавался перезвон колокольцев празднично убранных

лошадей (головная даже была украшена плюмажем), которые тащили расписные деревянные сани. В креслах на полозьях везли малышей и стариков. Мальчишки скользили в санках, отталкиваясь палками; другие упражнялись, толкая перед собой стул. У края катка трактирщики разбивали палатки и зажигали огни. Здесь можно было пропустить стаканчик, погреть руки на огне и вновь вернуться на лед.

Ловкость нидерландцев в этом виде спорта доходила до того, что крестьяне, встав на коньки, бесстрашно перевозили корзины с яйцами. Частые несчастные случаи, жертвами которых по большей части становились дети, ничуть не охлаждали их пыл. Некоторые «фигуристы» отваживались и глубокой ночью летать на своих коньках по неосвещенным каналам. Благоразумные крестьяне катались, положив на плечо длинную пешню, чтобы та удержала их, если они ненароком провалятся в прорубь. При хорошем льде от Амстердама до Лейдена можно было домчаться на коньках за час с четвертью. Один девятнадцатилетний крестьянин хвастал, что делал 6 лье в час. Однажды почтенный отец семейства, спеша к своему заболевшему ребенку, за день одолел 40 лье. Проводились и состязания конькобежцев, самое значительное из которых — знаменитое «Кольцо одиннадцати городов» — в лучшие годы могло охватывать более двухсот километров. Так, в субботу 19 декабря 1676 года полдюжины конькобежцев покинули Зандам в четыре утра, пронеслись по каналам через Амстердам, Наарден и Мейден и по замерзшему заливу Зейдер-Зе направились к Моникендаму, Медемблику, а затем к Алкмару, откуда вернулись в Зандам в половине девятого вечера, совершив только одну остановку после полудня. В Гааге молодые дворяне организовывали гонки на санях по прилегающим к дворцу каналам. Иногда гонки проходили ночью при свете факелов и заканчивались балом.

В День святого Мартина в Амстердаме устраивали лодочные гонки по Амстелу. От четырехсот до пяти-сот шлюпок под парусом или на веслах соревнова-

лись в быстроте перед абсолютно бесстрастной огромной толпой, собравшейся на берегах.

Дух соперничества в таких состязаниях преобладал над желанием получить выигрыш. Победенный оплачивал выпивку и был в расчете. Нидерландцы любили такие развлечения, при которых укреплялось тело и демонстрировались ловкость, сила и стойкость⁵.

Зимой на льду, летом на песчаных пляжах горожане и крестьяне «катали колеса» — соревновались, кто отправит дальше других некое подобие колеса легким движением кисти. Помимо этого существовало более пятнадцати вариаций игры в мяч. Наиболее популярной был *kaatsen* — «долгая лапта». Игра проходила на деревянной или булыжной дорожке, разделенной цветными полосами на несколько полей, на которых размещались две команды. Руководствуясь нехитрыми правилами, игроки перебрасывались мячом из очень прочной кожи. Популярность этой игры в течение века возросла настолько, что многие трактирщики пристраивали к своим заведениям крытые дорожки для долгой лапты, рядом с традиционными кегельбанами.

«Игра в пас» (*klosspel*), прародительница крокета, хотя шар в ней бросали рукой, требовала большой физической силы. Существовали различные варианты этой игры. Согласно одному из них — «майлу», шар продвигали ударом молотка с рукоятью длиной с хорошую трость. В майл играли на очень широкой одноименной дорожке, в большинстве городов превосходно благоустроенной. «Клюшка» (*kolf*), аналог современного хоккея, зимой проходила на льду, а летом — на ровной площадке. Ударом изогнутой клюшки нужно было посылать к колышку, являвшемуся целью, маленькие деревянные шарики. В «клюшку» играли все, от мала до велика, отдавая ей особое предпочтение. Если «майл» требовал от игроков силы, то «клюшка» всего лишь точности удара.

Городская милиция, образованная гильдиями (утратив прежнее значение, она превратилась в декоративный элемент городской жизни), поддержи-

вала традицию средневековых воинских состязаний в стрельбе из лука. Обычно лучники демонстрировали свое искусство перед широкой публикой воскресным утром или в канун некоторых корпоративных праздников. Утром, когда начинались торжества, милиция парадным маршем, с барабанщиками впереди, пестря разноцветными мундирами ремесленников, вооруженных до зубов, и сверкая касками офицеров, проходила через весь город к площади, на которой устанавливался столб, увенчанный деревянной фигуркой птицы — «попугаем». Тот, кто с первой стрелы сбивал мишень, провозглашался «королем стрельбы». Ему надевали на голову символический убор и предоставляли право выбрать себе подружку на время праздника из числа самых красивых девушек города. В промежутке между церемониями такого рода стражи порядка тренировались в тирах (*doelen*), нередко роскошно обставленных и превратившихся в центры развлечений буржуазии. В Гааге было два таких тира, считавшихся подсобными помещениями городской ратуши.

У каждого региона были свои традиции. В Фрисландии устраивались игры в кольца, в других местах — соревнования бегунов, конные состязания. На острове Терсхеллинг, служившем пристанищем котиков во время сезонных миграций, переодетые крестьяне смешивались с этими животными и участвовали в их веселой возне, чтобы, сойдя за «своих», потихоньку оттеснить их подальше от берега и схватить.

В большинстве народных развлечений проявлялась варварская жестокость по отношению к животным. Взять хотя бы «гусиную охоту». На веревке, натянутой горизонтально на определенной высоте, за лапки подвешивали живого гуся, шею которого смазывали жиром. Молодежь во весь опор проносилась в повозках или просто на своих двоих под веревкой и пыталась сорвать гуся, ухватив его за скользкую шею. Иногда веревку протягивали над каналом, и полуголые игроки проплывали под ней в лодке, стоя на корме. В случае промаха их ждала холодная ванна. В «подстриги птичку» нужно было с завязанными гла-

зами отрезать ножом голову слепой утке или курице, подвешенной на веревке за лапы. В тавернах играли в «кота». Живого кота подвешивали в бочонке на веревке, натянутой меж двух столбов. Игроки платили взнос, который составлял приз победителя. По очереди они бросали в бочонок с обезумевшим от страха котом тяжелыми дубинами, от ударов которых трещали доски. Наконец тот рассыпался, и полуживой кот падал на землю. Но дубины продолжали падать на него градом, пока несчастный зверек не погибал... Эта отвратительная забава пользовалась такой популярностью, что к концу века ею развлекались люди из хорошего общества, заменив, правда, из эстетических соображений, кота на павлина.

Во всех этих играх принимали участие и дети, которые от такого времяпрепровождения явно не становились чувствительнее. Стаи подростков забавлялись ловлей бродячих собак, которых с соблюдением всех правил подвергали пытке на дыбе — наказанию, применявшемуся во флоте. Жертву подвешивали к столбу, а затем резко отпускали и вновь поднимали воротом, и так много раз подряд. Такие игры приходились по вкусу и детям из состоятельных семейств. Любвеобильные родители не жалели денег на игрушечные доспехи и арсеналы из картона, дерева и олова — сабли, пики, барабаны и трубы, но их ангелочки предпочитали арбалет и рогатку собственного изготовления, отличавшиеся большей эффективностью, о чем свидетельствуют нередкие несчастные случаи. В Брабанте малолетние команды вели потешные бои по всем правилам военной тактики, под треск барабанов, передвигаясь при этом на ходулях. В детских играх того времени находили свое отражение не только войны, но и политические кризисы. Во время событий 1619 года одним ясным утром жители Гааги стали свидетелями следующей картины — на Ворхауте толпа мальчишек расстреливала пять снеговиков, изображавших Олденбарнефельде и других вожakov арминиян, громко распевая при этом: «Арминиянин — как зараза, дом его — для змей жильё, угостим его, мерзавца, перекладной с петлей»⁶.

В одном реестре, составленном на французском языке в конце столетия, представлен перечень детских игр, существовавших в Нидерландах: «В большой шар, в муху, в щелчки, в старый башмак, в битую, в трещотку, в бабки, в палочки, в квадратики, в чет-нечет, в орех, в разбитый горшок и в лошадку»⁷.

Добавим к ним жмурки, мельницу, чехарду, волчок, лук и, наконец, шарики, в которые играли на кладбищенских могильных камнях, если не в самой церкви, поскольку уличная мостовая не была столь крепкой и ровной. Девочки водили хороводы и играли в куклы. Куклы делались всевозможных форм, из дерева, тряпочек, бумаги и даже из серебра, некоторых кукол одевали в традиционные костюмы разных провинций, и они могли открывать и закрывать глаза. Богач покупал своей дочурке кукольную чету с атрибутами из фарфора, меди, железа и серебра. Кукольные домики насчитывали от шести до восьми комнаток с обстановкой из дерева или ценных металлов. Игры менялись в зависимости от сезона. Весной девочки прыгали через скакалку, мальчишки — через ямы; осенью запускали летучих змеев. Сохранилось множество считалок и названий тех игр (часто нам уже неизвестных), для которых они служили⁸. В каждой провинции и на каждом островке водились свои игры, отличавшиеся и названием, и определенными деталями, но в целом все они походило одна на другую, поскольку основывались на детском фольклоре, общем для всей Европы.

Несмотря на церковные запреты, танцы пользовались народной любовью на протяжении всего века. Танцклассы и танцмейстеры процветали. Ни один общественный праздник или частная вечеринка не обходились без бала. В то время существовало два противостоящих друг другу танцевальных стиля. Один восходил к давним фольклорным традициям, другой опирался на подражание современной иностранной моде. В провинции мелкая городская буржуазия танцевала «топни ножкой», «шляпную плясовую», «семь прискоков», «Жако, отдохни», «башмак» и

немало других произведений народных хореографов, иногда известных только в пределах определенного местечка. Аристократия же предпочитала менуэт, курант, скарамуш, гальярду, «красавицу новобрачную» (*la belle mariee*), фарлан, альсид и «любезного победителя» (*l'aimable vainqueur*), чьи французские имена сами говорят о своем происхождении. Но каким бы ни был стиль бала, он почти всегда заканчивался хороводом.

Глава XVI

Застолье и выпивка

Традиционное обжорство

Нидерландец «золотого века» в обычной жизни всегда соблюдал относительную умеренность, но на больших торжествах поглощал невероятное количество пищи и напитков. Строгая экономия требовала вознаграждения, и накопленные сбережения улетали на «разрядку». Застолье и выпивка, независимо от повода, на время раздвигали тесные и давящие рамки семейной жизни, являя собой основное проявление общественной связи. Отмечали рождение ребенка, его крещение, отнятие от груди, выздоровление матери после родов, семейные торжества, Масленицу, отъезд, возвращение, получение должности или вступление в цех, помолвку, свадьбу, справляли поминки. Все протесты церкви против такой чрезмерной привязанности к земным благам, а государства — против расточительства не смогли одержать верх над этой традицией, которая практически оставалась неизменной в течение всего века, особенно в среде буржуазии и крестьян. Беднота, не имея средств на разносолы для своих посиделок, от этого лишь больше пила. За праздничным столом встречались не только родственные семьи или соседи, но и люди, объединенные различными ассоциациями. Бургомистр угощал служащих муниципалитета, рек-

тор университета — преподавательский состав. На банкеты «палат риторики» каждый член мог привести с собой одного гостя, который получал право на три «захода» за счет кассы.

Члены Музыкального общества города Арнхема по очереди принимали у себя своих собратьев. Положение обязывало их подавать гостю баранью ногу, «плута», два салата, масло, сыр, груши, яблоки или сливы, а также вино. Этот ограничительный перечень был призван воспрепятствовать излишествам, недостойным искусства, на страже которого стояло общество. Банкеты же гильдий, напротив, славились изобилием, вошедшим в поговорку. Кутеж иногда затягивался дня на два, если не больше. Гильдия хирургов Энкхёйзена была вынуждена выпустить специальное постановление, чтобы запретить своим членам напиваться до бесчувствия; постановление содержало требование немедленно доставлять домой всех, кто сползал под стол.

В Амстердаме богатая купеческая гильдия Святого Мартина подавала утром первого дня своего банкета телячьи ноги и потроха с горошком, жирный хьют-спот, жаркое с маслом и сыром; вечером доедали остатки, к которым добавлялась солонина с рисом; на следующий день на стол ставились паштеты, блюда из кролика, цыпленка и гусятины. Обилие ставилось выше утонченности. Меню некоторых застолий состояло исключительно из мяса, паштетов и засахаренных фруктов в неограниченном количестве. Торжественный пир, данный Николасом Тульпом на свой юбилей, продолжался с двух часов дня до одиннадцати вечера, и все это время непрерывно подавались новые и новые блюда.

Один раз в год, когда позволяли финансы, «Общества добрососедства» устраивали банкет, на который приглашались главы семейств квартала вместе с супругами; вдовцы могли прийти со спутницей по своему выбору. Эти дружеские пирушки проходили обыкновенно осенью, когда падали цены на продукты. Празднество продолжалось, как правило, три дня, из которых один полностью посвящался

рыбным блюдам. Удовольствие от еды разряжалось бурным весельем, шумихой и дурачествами. Самый большой обжора из присутствовавших взбирался на стол и венчался, как короной, чутунком, а вместо скипетра получал в руку черпак. Случайные прохожие от души веселились, глядя на эти чудачества через окно...

Часто застолья устраивались в тавернах. Если гостей приглашали домой, главные блюда заказывали трактирщику-кондитеру. Когда муниципалитет принимал принца или иностранного посланника, бургомистру поручалось подготовить меню и протокол пиршественного стола.

Этот протокол обязывал соблюдать сложные правила, которые менялись в зависимости от обстоятельств, но которые уважались во всех слоях нидерландского общества. Зимой мужчин сажали поближе к огню, женщин с их грелками — подальше. Перед началом трапезы хозяин говорил приветственное слово, в котором звучала здравица в честь каждого из приглашенных. Традиция определяла порядок этих тостов за здоровье, выбор «посуды» и уровень ее наполнения. Пили голландцы крепко. Иностранцы поражались чудовищным размерам кубков и фужеров. Нидерландский буржуа относился с недоверием к тем, кто пил меньше него, а если ему не удавалось основательно напоить гостя, он чувствовал себя посрамленным как хозяин.

Лемэтру довелось побывать в 1681 году на свадебном пиру, что называется, «комильфо», на который были приглашены «несколько супружеских пар, богомолки из местного прихода и пара монахов. Все пять часов, которые длилось торжество, гости хлестали рейнское, шумно чокаясь, выпивая на брудершафт, разбивая стаканы и заливая стол. Некоторые осушали до пятидесяти кубков. Лица у всех горели, но никто не казался по-настоящему пьяным»¹. На банкеты гильдий вино заказывали бочками. По предположению Темпла, «сама природа воздуха в этом краю располагала к пьянству, и алкоголь в суровом климате был необходим для поддержания работы

мысли, поэтому его последствия не были в Нидерландах столь разрушающими, какими могли бы оказаться где-нибудь еще»². «Действительно, аристократы выпивают исключительно на банкетах, — продолжает Темпл. — Но нет такого голландца, который хоть раз в жизни не надрался бы до положения риз»³. «В своей полной ограниченной жизни этот народ имеет только одну радость и позволяет себе только одну роскошь — алкоголь, без которого они казались бы жалкими и несчастными, даже достигнув настоящего богатства»⁴.

Женщины пили не меньше мужчин. Даже молодые девушки уже с утра соглашались пропустить стаканчик, и многие из них, продолжая накачиваться пивом, принимали со временем не самый лучший вид. Что поражало иностранцев, так это систематический характер, который приняло пьянство в буржуазных кругах. «Все эти господа из Нидерландов, — пишет Теофиль де Вио, — придумали себе такую массу правил и церемоний опьянения, что строгая дисциплина в этом вопросе мне столь же отвратительна, как и невоздержанность»⁵. Бедняки не знали ничего, кроме пива и водки, буржуа добавляли к ним вино, употребление которого увеличивалось по мере продвижения по социальной лестнице. В нидерландской экономике, почти исключительно основанной на транзите, вино было единственным импортируемым продуктом питания, в больших количествах отводившимся для воистину внутреннего потребления.

Основным поставщиком вин, помимо Рейнской области, была Франция, в особенности Анжу и Бордо. В порты Нанта, а затем, после 1630 года, Бордо, свозили товар, который доставляли на голландских судах в Роттердам (в 1618 году винная торговля считалась наиболее прибыльным предприятием в этом городе). В осенние месяцы, по завершении сбора винограда, перевозки становились столь оживленными, что роттердамским предпринимателям уже не хватало собственных кораблей и они нанимали дополнительные суда в Зеландии. Гол-

ландские купцы, утвердившиеся на берегах Луары и Жиронды, контролировали множество виноградарников. В Пон-де-Се голландцы сортировали виноград и распределяли урожай, отправляя в Роттердам самые лучшие ягоды⁶ и предоставляя парижанам довольствоваться остатками. Вино импортировалось также из Испании и Рейнской области. У португальцев закупалась критская мальвазия. Поскольку считалось, что это вино от долгой дороги становится лучше, португальские негоданты отсылали его из Канди в заморские колонии, а оттуда — снова в Европу, где голландцы платили до двухсот дукатов за бочку в 450 литров.

Вино (облагаемое высоким таможенным сбором) продавалось в розницу у аптекарей. Его хранили в бочках, глиняных кувшинах или кожаных бурдюках. Трактирщики подавали вино в оловянных кувшинах, чья емкость колебалась от литра с четвертью до семи. Только к концу века в изысканных кафе и богатых домах появились специальные ящики со льдом, в которых охлаждались наполненные вином бокалы.

Виноградная водка, импортируемая из Франции, соперничала с местной алкогольной продукцией из зерновых. В Роттердаме и Виспе были построены огромные винокуренные заводы. Эта промышленность процветала, а при заводах зачастую выращивали свиней, быстро набиравших вес на отходах производства. Овсяная и рисовая водка, а также домашние настойки образовывали гамму крепких алкогольных напитков широкого потребления. Можжевельника, известная с XVI века, получила по-настоящему народное признание лишь в XVII, и только на заре XVIII века она добралась до стола богачей. Уже к 1660 году винокурни Шидама сбывали немало этой продукции⁷.

Словом «таверна» назывались сильно отличавшиеся друг от друга заведения — крестьянский шинок, где можно было посидеть за кружкой пива в углу подвальчика или полутемной кухни; небольшой городской кабачок, расположившийся на первом этаже

дома его владельца; просторный зал, выложенный плиткой с раскрашенными окнами и навощенными балками, чей хозяин не кто иной, как художник и пивовар Ян Стен; шикарное заведение с богатыми завсегдатаями вроде «Человека науки» в Беннебрёке, известного своим лососем под зеленым соусом; элегантный трактир с роскошной обстановкой и потрясающими приборами, который посещали судьи, магистры гильдий и где давались официальные банкеты. Каким бы ни был характер заведения, его посетители редко выпивали в одиночку. Туда заваливались веселой компанией или обретали ее, подсев за чей-либо столик. Чокались. По очереди говорили тосты. Пели хором. Хозяин и половой старались услужить, служанка строила глазки. Эти люди, заслуженно или незаслуженно, считались не слишком чистоплотными. По мере того как клиент доходил до нужного состояния, у них появлялось больше шансов воспользоваться случаем. Говорили, будто они разбавляли вино и подкрашивали его подсолнухом, скатывали салфетку и бросали на дно кувшина с пивом, уносили фляги еще до того, как их опорожнили, неоправданно завышали цены, писали на счете два вместо одного...

Тем не менее кабаки исправно посещало все мужское население и немало женщин легкого поведения. В них можно было встретить подростков, детей. В течение века принимались различные постановления, с помощью которых власти пытались обуздать то, что в высоких кругах принято считать чуть ли не бичом общества. Так, в 1631 году вышел эдикт Генеральных штатов Голландии, предписывавший закрытие таверн и харчевен на время отправления церковных служб и после девяти часов вечера, а также запрещавший продажу водки молодежи.

Таверны, содержавшие оркестр, называли «музыкалками». Некоторые из них, предназначавшиеся для богатой публики, давали в хорошее время года концерты, и порой превосходные, удовольствие от которых сочеталось с обильной выпивкой. Но по большей части это были притоны, облюбован-

ные моряками и проститутками, где пиликанье скрипки более походило на «скрежет зубовой», нежели на музыку. Оркестр играл с четырех или шести до девяти или десяти часов вечера. Вход был бесплатный, но подавалось только вино, напиток дорогой и отдающий сивухой. В табачном чаду, в зальчике с низким потолком, на деревянных скамьях сидели толстые шлюхи, ожидая, когда их пригласят на танец. Визжали скрипки. Пьяные голоса перевирали припев. На полках, прибитых вдоль стен, пропойцы оставляли пустые кружки, облапывали партнерш и вталкивали их в толпу танцующих, занявших середину зала. Договорившись, парочка исчезала, но поскольку девица обычно жила где-нибудь поблизости, она вскоре вновь оказывалась на «рабочем месте».

Модные напитки

В течение второй половины века в голландском обществе получили распространение три новых продукта, чье употребление глубоко изменило его нравы, — чай, кофе и какао.

Около 1640 года некоторые медики-травники рекомендовали как жаропонижающее или укрепляющее средство отвар редкой и очень дорогой травы, вывезенной из Китая, а именно — чай⁸. Вскоре высшее общество Гааги пристрастилось к нему и уже не нуждалось в совете врача, чтобы купить у аптекаря на вес золота несколько сухих листиков, чей отвар дегустировали в кругу друзей, считая это аристократическим удовольствием. Мода на чай начала стремительно распространяться. В 1660 году его употребляли в богатых семействах по всей стране; десять лет спустя чай узнали и мещане.

В 1700 году чай, вывозимый из Индии или Китая, занимал в нидерландской торговле импортными продовольственными товарами одно из ведущих мест. Тем не менее он оставался дорогим. Хотя цена на него упала, а прежде она составляла сотню гульденов за фунт, чай все еще оставался предметом рос-

коши, проявлением своего рода снобизма. Любители говорили о чае, как знатоки вин о винограде, толковали о способах посева и сбора, обсуждали влияние характера почв на качество урожая. Отклонив предложение выпить чашечку чая, гость нанес бы хозяину такую же смертельную обиду, как если бы отказался от вина. Закоренелый чаевник легко поглощал за вечер двадцать — двадцать пять чашечек, а наиболее крепкие опорожняли и все пятьдесят! В результате эскулапы, сами проложившие чаю дорогу, вынуждены были изменить былое мнение и начать говорить о негативном воздействии этого напитка на организм, особенно на нервную систему женщин.

Изначально чай пили прямо у продававшего его лавочника. Но весьма скоро зажиточные семьи завели в своих домах специальные «чайные» комнатки, из числа тех, что примыкали к прихожей. Здесь домашние собирались на чашку чая, как правило, в определенное время — во второй половине дня или вечером, перед тем как ложиться спать. В летние месяцы чай предпочитали пить в саду. К предметам чаепития относились церемонно и с почтением, как к святыням. Чайные столики и буфеты стояли порой не меньше драгоценностей и жемчуга (они ими же инкрустировались). Чашки и чайники копировали китайские и японские образцы. Коробочки с герметическими крышками содержали пять или шесть разновидностей чайных листочков. Заварочный чайник имел форму пузатого сосуда с двумя отверстиями — в одно лили воду, из другого вытекал отвар. Обжигающую жидкость прихлебывали, положив в рот кусочек тростникового сахара, который постепенно таял в горячей напитке. Хрустели «чайным печеньем», выпуск которого своевременно наладили булочники, или же ели хлебцы, а может, варенье и вафли. Прежде чем покинуть «чайную», пропускали стаканчик сладкой водки или сухого белого вина.

Кофе, известный голландским ботаникам с конца XVI века, вошел в употребление только после 1665 го-

да и то лишь в светском обществе. Также рекомендуемый медиками как укрепляющее и тонизирующее средство, он получил действительно широкое распространение в последние годы века. На заре XVIII века крестьяне его еще не знали. Но в это же время нидерландские плантаторы сумели акклиматизировать арабийский кофе в восточных индийских колониях. В 1711 году в порт Амстердама прибыл первый груз этого кофе с острова Ява.

Между тем люди, следящие за модой, взяли привычку принимать кофе поздним утром. На столик ставили, помимо чашечек, фарфоровый сосуд с холодной водой, который служил для охлаждения первых. В центре помещали высокий трехногий кофейник из меди или серебра, наполненный молотым кофе (порой с добавлением корицы, имбиря или гвоздики), на который лили кипящую воду. Три маленьких краника в нижней части кофейника позволяли разлить кофе по чашкам, в которых его подслащивали, иногда медом. Некоторые добавляли молока. Таким образом, то, что пили голландцы, было не более, чем «тинктурой» — настойкой на кофе в фармацевтическом и в ироническом значении этого термина, над чем так смеялись французы⁹.

К концу века чай и кофе подавали на собраниях во второй половине дня или вечером. Во многих городах были основаны «общества любителей чая и кофе». Они пользовались дурной славой, поскольку собирали любителей обоюдо пола непозволительным, по тогдашнему суждению, образом, что само по себе обеспечивало их взаимную склонность. Заведения, где сходились члены этих обществ, так называемые «кофейные дома» или просто «кофейни», мало отличались от таверн, за исключением того, что обслуживающим персоналом там были исключительно женщины. Кофейни работали по утрам, с девяти до одиннадцати. Посетители пили, дымя трубками и читая газеты. Мало-помалу здесь стали собираться и по вечерам, для игры. Помимо чая и кофе подавали вино, а в XVIII веке — горячий шоколад. Последний был известен при дворе в Гааге с конца XVII века, но

получил всенародное признание только к 1750 году. В 1719 году аббат Сартр пробовал какао у нотаблей и нашел, что оно «настолько же превосходно, насколько скверен голландский кофе»¹⁰.

Табак

«Травку Нико» знали в Нидерландах как лекарственное растение уже с конца XVI века. Нюханье и курение табачных листьев начались во времена перемирия и распространились с поражающей быстротой. К 1625 году этим поветрием было охвачено все население. Язык того времени приравнивал курильщиков к служителям Бахуса. Тогда говорили не «выкурить», а «испить трубку табаку». Поэты складывали гимны в честь табака. Во славу курения сочинялись песни. Вся медицинская литература была посвящена этому вопросу. Табак оказался в центре внимания всей нации.

Все любили табак. К концу века даже нищие имели свои табакерки, в которые совали пальцы, прежде чем протянуть руку за милостыней. Табак, продававшийся сначала у аптекарей, стал предметом особой коммерции¹¹. Трактирщики держали табачный склад для своих клиентов. Листья для трубок покупали высушенными, но не разрезанными. Их хранили дома в горшочках, а то и прятали от чужих глаз на себе, как утверждали шутники. Трубки курили длинные, из обожженной глины и с маленькой чашечкой. Пробовали делать трубки из серебра, но в них табак становился слишком едким. Производство трубок было налажено в добром десятке нидерландских городов, из которых самой большой известностью пользовалась Гауда. Развитие этой отрасли там достигло такого размаха, что в 1720 году ею кормилось 15 тысяч человек. Курение, как и выпивка, требовало времени, сосредоточенности и даже некоторой обрядности. Курильщик усаживался за стол, доставал табак, тонко крошил его особым ножиком, набивал трубку и зажигал ее от канделябра или специального горшочка с углями.

За раз выкуривалось четыре-пять трубок. Табак считался наиболее дешевым из всех удовольствий везде — дома, в присутственных местах, лавках, трактирах и кочах. Только церкви оградили себя от этой заразы. Все Нидерланды утопали в клубах табачного дыма. Грослей рассказывает, что, открыв дверь маленького роттердамского кафе, он поначалу ничего не смог разглядеть из-за сплошного непроницаемого облака — внутри дымили трубками три сотни курильщиков¹².

Правительственные органы были обеспокоены такими излишествами. Они обложили табачную торговлю тяжелыми налогами, печатали для граждан предостережения; принц Мориц запретил курить солдатам своей армии; Пит Хейн сделал то же самое для моряков вверенного ему флота; синоды грозили анафемой. Ничто не помогало. Только анабаптисты устояли перед табачной отравой, «гибельной для человеческого достоинства». Женщины из престолярства, крестьянки курили не меньше мужей. Дамы из хорошего общества не поддавались этому соблазну, от которого страдала их любовь к чистоте. Воистину требовалось совершать чудеса, чтобы выветрить гадкий табачный дух из милых покоев. Хозяйкам приходилось жертвовать одну из комнат, чтобы запирать в ней всех курильщиков дома. Некоторые даже вводили в свой брачный контракт особый пункт, согласно которому муж не имел права курить в доме. Такая реакция женщин лишь способствовала расцвету «курзалов». Чистоплюйки попали, что говорится, из огня да в полымя. Многие жены жаловались, что мужьям представился не только удобный случай посорить деньгами, но и повод для постоянного пьянства и аморального поведения. Эти «курзалы», в течение века наводнившие страну, были не больше чем разновидностью кабака, где пили и играли, куря трубку, которую пускали по кругу.

Опасения супруг не были напрасными. Рост числа курзалов, чайных и кофеен серьезно подорвал во второй половине века прежние семейные тради-

ции, поскольку с появлением этих заведений у мужчин обнаружилась привычка исчезать из дому по вечерам, а то и проводить в них все выходные дни.

Глава XVII

Общественные праздники

Традиции, дарящие радость

С рождения до самой смерти семейный покой голландца беспрестанно нарушали торжества, сопровождавшие важные события его жизни и являвшие собой периодические всплески общественного сознания. Их число увеличивалось по мере умножения и взросления членов семьи, поскольку, помимо общих праздников, отмечались дни рождения, что развилось у нидерландцев в своеобразный культ. Дальняя родня, соседи и друзья приходили с поздравлениями и подарками и веселились на праздничной пирушке.

Таким образом, продолжали жить очень древние обычаи, чей примитивный смысл был давно позабыт. В любой порядочной семье при таких встречах одно из любимых развлечений составляла игра на мехе, приводимом в действие ногой и издававшим, при определенной ловкости исполнителя, душераздирающий рев. Застолья, а еще больше подарки ко дню рождения, помолвке, свадьбе и юбилею стали почти законом. Кстати сказать, власти сами превратили их в традицию. На серебряную или золотую свадьбу, крещение или бракосочетание детей город подносил членам своей управы кубок с выгравированными гербами чествуемых. При рождении принцев или кого-нибудь из сильных мира сего муниципалитет или Генеральные штаты дарили им ценные бумаги в дорогой шкатулке, дававшие право на пожизненную ренту, окружая этот акт большой торжественностью. Будущий Вильгельм II еще в колыбели

получил таким образом три акции на годовую ренту в 13 600 гульденов... и по этому случаю правительство роздало 225 гульденов беднякам города Гааги! Вильгельм III удостоился пенсии уже в 18 тысяч гульденов. Организации-дарительницы назначались коллективными опекунами и участвовали в проведении церемонии крещения, украшая ее своим присутствием и придавая большую значимость собственным престижем.

Ноябрь скрашивался традиционным семейным праздником общественного и даже экономического значения — «мясоедом». Большинство буржуа в это время запасали мясо на зиму, если не на весь год. В зависимости от размеров и богатства семьи хозяин дома, в одиночку или в складчину с соседями, покупал на ярмарке свинью или корову. Животное забивали во дворе или перед домом; части туши подвешивали на крюках, вбитых по такому случаю в столб. Затем начиналось соление или копчение мяса, что занимало определенное время, и в течение этих двух-трех дней проходил истинно народный праздник. Днем все работали до седьмого пота, пропуская время от времени стаканчик можжевельовки, в полдень обедали на скорую руку куском хлеба с кружкой пива. На кухне колдовала хозяйка дома. Вечером шли от дома к дому и угощались нескончаемыми блюдами из жареного мяса и свежих копченостей, обильно приправленных хорошей выпивкой, и омлетом со свиным салом. Для многих простых людей это был единственный раз в году, когда они позволяли себе попробовать свежей убоины. Все следующие одиннадцать месяцев им приходилось довольствоваться запасенной солониной.

С 1635 года в буржуазных кругах проявился новый или очень хорошо забытый старый вкус к развлечениям вне семейного очага. Практически повсеместно стали открываться развлекательные «коллегии» (collegiën). Эти организации, имевшие надлежащим образом составленные уставы, проводили свои собрания в определенный день, чаще всего в понедельник или вторник. Они объединяли людей обо-

его пола по общим интересам, по профессиональному или возрастному признаку. Члены коллегий обращались друг к другу «собрат» и проводили время за чашей вина, пением и игрой в карты. Новая тенденция охватила все слои общества. Появились коллегии шикарные, и не очень. Париваль был приглашен в 1660 году в одну из них и описал ее следующими словами: «Шесть или семь человек распределили между собой дни недели, закрепив по одному дню за каждым членом. В шесть-семь часов вечера все собираются дома у «дежурного» и коротают время за разговорами или игрой. Такие встречи бывают и у юных девушек. В карты там не играют, но зато нередко попадают такие очаровательные и остроумные собеседницы, что нисколько не приходится жалеть времени, проведенного в их обществе»¹.

С появлением первых кофеен коллегии переместились туда, обеспечив завсегдаям новых заведений столь необходимое для их увлечения общественное признание.

Несмотря на противодействие реформатской церкви, многие старые католические праздники продолжали жить в народных традициях, найдя свое светское воплощение. С празднованием Крещения, Масленицы, Дня святого Мартина, Николы-Угодника и даже Троицы связан живой фольклор, одновременно семейный и общественный, который значительно отличался в разных районах страны. Эти праздники отмечала вся нация, за исключением кучки твердолобых пуритан. Темпл видел в них одну из притягательных сторон жизни нидерландцев².

6 января за завтраком выбирали королей, используя для жребия боб, абрикос или серебряную монетку, запеченные в хлеб, который затем разламывали. Выбрать следовало трех королей — два одевались в белые балахоны, а третий, с перепачканным лицом, драпировался в черное. Все трое, с прикрепленными бумажными звездами и высокими свечками в руках, шествовали в сопровождении кортежа детей, увенчанных корзинами, дурацкими колпаками и разряженных в невообразимые шутовские наряды. Про-

цессия распевала старые песни, рассказывавшие об Ироде и волхвах, и направлялась в кабак, где по такому случаю угощали пирогами на растительном масле.

В некоторых городах, таких, как Амерсфорт, местные старосты выбирали «королей» в самой мэрии. Кое-где в деревнях, вплоть до начала XVIII века, риторика представляли в этот день старую средневековую пьесу «Короли-волхвы». В других местах, по древнему обычаю, на полу комнаты устраивали часток из высоких свечей, через который прыгали малыши. В Нордвике Крещение или Праздник королей начинались вечером 5 января с колядования, когда дети с сумками у пояса ходили от дома к дому, выпрашивая хлеба, сыра или денег.

Первый понедельник после Крещения отмечался торжествами, происходившими от старого праздника Невинных. Типографские рабочие сделали этот день своим профессиональным праздником. Гильдии организовывали шествия, риторика ставили представление о Невинных, толстосумы устраивали банкеты, муниципалитеты делали подарки своим служащим, поднося вино, птицу, одежду, деньги...

Правительству удалось-таки запретить маскарады на Масленицу. Только риторика по деревням и некоторые дворяне при дворе в Гааге все еще отмечали этот день веселыми переодеваниями. Поэтому торжества сводились к поеданию блинов в тавернах, посетители которых на радостях оглашали, вернее, оглушали окрестности праздничным репертуаром из народных песен, одна другой скабрешней. В Дордрехте помимо пения сохранилась традиция особых танцев в честь этого события. В некоторых деревушках дети устраивали настоящий тарарам, носясь по улицам со своего рода «музыкальным инструментом» — вращаемым на палке горшком, который был обтянут пузырем.

На Троицу устраивались стрельба по голубям, танцы и пение. Кортеж из юношей и девушек, украшенных значками из позолоченной или посеребренной бумаги и увенчанных цветами и листьями, с песнями сопровождал через весь город «Божью невесту». По-

следняя выбиралась как королева красоты среди местных девиц и получала от общества белое платье, в котором и шествовала в окружении почетной свиты девушек, убранных таким же образом. По пути молодежь колядовала и на собранные средства отправлялась пить. Этот обычай сопровождался такими излишествами, а традиционные песенки настолько шокировали моралистов, что на протяжении века шествие на Троицу в большинстве городов было запрещено.

Вечером 11 ноября во всех голландских домах отмечали память святого Мартина³. Семья собиралась вокруг ярко освещенного стола. Ели блины, мушмулу, жареного гуся, пили молодое вино, припевая, как издавна повелось:

Святой Мартин! Святой Мартин!
Сегодня тесто, завтра блин!

Затем молодежь с бумажными фонариками в руках высыпала на улицы, горланя песни, и стучалась в двери богачей, выпрашивая поленья, из которых складывала веселый костерок. Ребятишки бросали в пламя корзинки мушмулы, каштанов и лесных орехов...

День святого Николая считался детским праздником. Он отмечался как минимум уже с XIII века и связывался с древней магией, которую символизировало появление подарков в носках, подвешенных в каминной трубе. С раннего утра до позднего вечера дети из близлежащих домов трудились у булочника, наклеивая украшения из серебряной фольги на традиционные пряники. Затем, как водится, ели, пили, танцевали и пели:

Николай, святой угодник,
Ты скачи к нам в Амстердам.
От яблони Оранского
Близко пали яблочки.
Тут много знатных кавалеров
И богатых милых дам
От шика своего барского
Носят двойные рукавчики.
Здесь красавице прелестной
Я свою любовь отдам⁴.

Эти сборища нередко поднимали такой гвалт, что кое-где власти были вынуждены потребовать от

родителей шалунов, чтобы те запретили своим отпрыскам в них участвовать. В Рюнсбурге все население сбегалось поглазеть, как крестьяне выгоняют коров пастись на луга. При этом бесплатно раздавали молоко и выпечку. В Рюнсатервуде глашатай сзывал детей младше четырнадцати лет и стариков старше семидесяти. Они направлялись на склон Вассенарской дюны, где их ждали семь больших ведер парного молока и пятнадцать дюжин сладких сухарей. По всей стране обитатели домов престарелых и сиротских приютов в этот день имели право на свою порцию лакомств — белую булку и подкрашенный сахар.

Майский праздник восходил к еще более древним языческим традициям. Вечером 30 апреля на площади устанавливалось «майское дерево», украшенное коронами, серпантином, позолоченными веточками и девизами. Утром 1 мая городская молодежь, одетая во все зеленое, собиралась вокруг дерева и с песнями водила хороводы. Пили. Молодые люди из хороших семей посылали друг другу подарки и поздравления. Много пели. Книготорговцы продавали сборники «майских песен». Вечером город зажигал огни, все высыпали на улицы, и в веселой неразберихе праздник длился допоздна. В Гааге торжества носили официальный характер. В парадном шествии проходили члены дома штатгальтера. Ставилось не одно, а несколько майских деревьев, посвященных Генеральным штатам Голландии, правительству Соединенных провинций и различным принцам из рода Оранских.

В большинстве городов существовали собственные обычаи, в связи с которыми возникали местные праздники. Так, в Амстердаме и его окрестностях отмечали «лэйлак» (*luylak*). На заре, в последнюю субботу перед Троицей, стайки ребятишек неслись по улице в венках из зеленых листьев и поднимали невообразимый шум, чтобы разбудить заспанных горожан, стуча в двери, кидая камешками в окна домов и выкрикивая стишки более или менее оскорбительного содержания:

Лёйлак!
Вставай тюфяк,
Спальный матрас,
Что в 9 часов
Не продерет глаз.

Иногда расшалившиеся подростки разбредались по окрестностям, делились на противоборствующие группы и дрались или устраивали набеги на деревянные мельницы, многочисленные в том краю, и портили сооружения. Муниципалитет Амстердама был вынужден приказать не открывать в этот день ворота до шести часов. Необходимость частого вмешательства полиции привела к тому, что празднование ограничилось пением куплетов.

Все в том же Амстердаме всю первую неделю сентябрьской ярмарки детям разрешалось входить в здание биржи. Мальчики отправлялись туда утром настоящей процессией, с флейтами и барабанами, и играли весь день напролет, за исключением двух часов, оставленных для ведения дел. В День святого Иова роттердамская молодежь отправлялась в деревню Схондерло, славившуюся обилием шинков, где поднимала невозможный гвалт. Эдикт 1625 года положил конец этой традиции. Во Фрисландии, в ночь святого Сильвестра, компании молодых ребят шатались по улицам, хватая все, что попадалось под руку — инструменты, тележки, — и в общей суматохе меняли добытые предметы местами или прятали...

Как и по сей день, 3 октября лейденцы отмечают годовщину освобождения своего города. Этот патристический праздник, который единственный имел четко установленный день, отличали ритуалы гастрономического характера — хьютспот и сельдь. Зато крупные исторические события или дипломатические успехи сопровождались рядом чрезвычайных торжеств, иногда принимавших грандиозный размах, как в 1638 году, при встрече королевы-матери Марии Медичи в Амстердаме. Шествия гильдий, военные парады, флаги — муниципальные власти впервые принимали у себя «настоящую королеву». Тщеславные амстердамские выскочки видели в этом

визите признание их успеха. От радости у них кружилась голова. Городская милиция наняла художника, чтобы тот запечатлел на стенах зала собрания парадный кортеж в тот знаменательный день. И в 1642 году, когда английская королева прибыла представить свою дочь ее жениху — Вильгельму II, и в 1689 году, при коронации Вильгельма III королем Англии, и в других случаях на протяжении почти всего века Амстердам брал на себя расходы по представительству Республики при дворах европейских монархов.

Во время визита Морица Нассауского в Амстердам в 1618 году, после ареста Олденбарнефельде, риторики поставили ряд аллегорических пантомим, в которых обыгрывались почетные титулы принца; затем проследовал кортеж повозок, отдававший дань Семи провинциям; и наконец, были даны «живые картины», представлявшие некоторые великие события не столь отдаленной национальной истории. Вестфальский мир отмечался по всей стране необычайно пышными торжествами — публичным чтением поэм, исторических рассказов, украшением зданий, знаменами, трубами, колокольным звоном, пиршествами, молитвами и салютом. На Соборной площади в Амстердаме была представлена аллегорическая пантомима, в которой принца окружали Мудрость, Осторожность, Справедливость и Смелость; Мориц Нассауский оказался Нумой Помпилием, Фредерик-Хендрик — Ганибалом, а Вильгельм II — Августом. Всюду горели праздничные огни. Такого рода торжества всегда сопровождала иллюминация. Ею обычно отмечали победы армии принца. Зажигались пучки хвороста, горшки со смолой или даже гудроном, несмотря на серьезную угрозу пожара. Богачи иногда устраивали иллюминации и фейерверки в своих личных садах.

Ярмарки

Немногие традиции так глубоко укоренились в душе нидерландца, как ярмарки. Вильгельм III, став королем Англии, передал однажды бразды правления (вместе с 200 тысячами гульденов за беспокойство)

своим лондонским приближенным, чтобы, сбросив с себя путы власти, поспешить на ярмарку в Гаагу. Раньше, бывало, он отправлялся туда со всем своим двором. Принцы и принцессы, высокопоставленные чиновники и офицеры мешались с толпой в едином радостном порыве. В 1654 году, в напряженнейший момент англо-нидерландского кризиса, Ян де Витт, на которого были возложены самые тяжелые общественные обязанности, обсуждал на ярмарке политические вопросы прямо возле лавки продавца вафель.

В старые добрые времена говорили «святая ярмарка», как говорят «святой Николай». На ярмарке еще явственнее, чем на любом другом празднике, забывались на время общественные инстинкты, на один день рождались настоящая свобода и истинное братство. Зародившись как «церковная ярмарка» — праздник прихожан одной церквушки или обители, — в процессе Реформации она утратила свой религиозный характер. Проповедники, пытавшиеся использовать веселые народные гулянья, чтобы лишний раз заклеить папизм, напрасно тратили красноречие. В XVII веке не было городка или села, не имевшего собственной ежегодной ярмарки, а то и двух. Местное население смешивалось на этих праздниках с жителями более отдаленных земель. На ярмарке веселились не меньше, чем торговали, что поддерживало не только экономические, но и культурные связи края. Однако на протяжении века проявились некоторые черты вырождения этой традиции — скатывание к распущенности, проявление грубых страстей, до того обычно подавляемых. В этой связи проявилось известное разделение общества — «порядочные» люди все больше предпочитали наблюдать за гуляньями со стороны, нежели смешиваться с толпой. Пуританство некоторых представителей крупной буржуазии оказало влияние и на дворян, всегда отличавшихся свободой нравов.

Ярмарка часто длилась одну, иногда две, а то и все три недели, как в Гарлеме. В Гааге майская ярмарка проходила пятнадцать дней, сентябрьская — восемь, впрочем, последняя была отменена декретом в 1643

году. В этом городе организацией праздника занимались сам двор и правительство, которые... делили между собой доходы от его проведения. Это придавало гаагской ярмарке отличавший ее относительно более официальный характер и особый лоск. Ярмарка устраивалась на просторной четырехугольной площади в центре города, возле палат принцев, и даже выходила за ее пределы. Начиналась она 3 мая, ровно в половине первого, перезвоном колоколов городской ратуши, не смолкавшим до часа дня.

На площади и близлежащих улицах купцы и балаганщики ставили палатки. В этом им охотно помогало население, хотя и не всегда задаром, вознаграждением служили льготные ярмарочные билеты. Весь город высыпал на улицы, охваченный праздничной горячкой. Воротные стражи, барабанщики и частные рекламные агенты, расхваливающие товар стихами, объявляли о начале великого события. Открывал ярмарку парад гильдий, за которым следовала потешная стрельба по «попугаю». Толпа напирала и толкалась. Улицы загромождали лавки, лотки и развалы. Булочники разворачивали торговлю традиционной ярмарочной выпечкой — плоскими слоеными пирогами овальной формы, глазированными розовым сахаром, с надписью белыми буквами: «с праздником», «с любовью» или «от всего сердца». Эти невинные кондитерские изделия служили для завязывания «романа» — пирог дарили понравившейся девушке; та хранила его до второго воскресенья с начала ярмарки; влюбленный приходил узнать, оставили ли ему часть пирога...

Таверны по-прежнему были полны народа. Многим крестьянам ярмарка в соседнем городе давала лишний повод выпить в непривычной обстановке. Перед дверью выстраивали длинные ряды столов. Места занимали, как повезет, — на лавке, на бочонке или просто на голой земле. Танцевали. Дети шумели, гоняли в салочки, играли на барабанах и флажолетах; среди разложенных товаров бродили музыканты, пиликаая на своих скрипках. Ради смеха кому-нибудь выливали за шиворот кружку пива или пачкали

лицо мукой либо ваксой. Ярмарка начинала походить на вакханалию. В некоторых деревнях по улицам торжественно проводили ярмарочного быка, украшенного цветами, которого затем забивали на рыночной площади и жарили, причем любой мог съесть кусок, уплатив определенную сумму. По городу шатались ярмарочные певцы с табличками, на которых можно было прочесть тексты исполняемых песен. Пели все. Визг женщин смешивался со скрипом карусельных лошадок. В палатках скоро становилось не продохнуть; стояла удушливая вонь, от которой дамы теряли сознание. В торговых рядах продавались пироги, керамика, ткани, поделки из стекла или серебра, игрушки и картины. Акробаты-канатоходцы соперничали с группами гимнастов, делавших «египетскую пирамиду». Здесь выставляли на показ ученую собаку, там — лошадь, умеющую считать. Балаганщики, собравшиеся со всей Европы, показывали чужеземные типы клоунов — Жана Потажа, Пенча и Гансвурста. В Голландии был свой народный любимец — Пекельхаринг. Это были персонажи шутовских фарсов, соседствовавших на подмостках с «шалостями» риториков. Ярмарочный балаган иногда поднимался на более высокий уровень. Так, на ярмарке в Гарлеме выступил Амстердамский театр, а в 1640 году там же дала представление французская труппа принца Оранского. «Механические театры» показывали кукол, приводимых в движение часовым механизмом, которые били в барабан или дули в рожок⁵. Заезжие иностранные «артисты» вливались в привычную толпу цыган и доморощенных скоморохов. Шведы опускали руки в тигель, полный расплавленного свинца; англичанин Ричардсон пил жидкую серу, расплавленное стекло и жевал горящие угли.

Среди шарлатанов, целителей, предсказательниц судьбы предлагал свой пирог на мышьяке «истребитель крыс», вывесив на веревочке жертв этого эффективного средства. Ремесленники забавляли публику творимыми тут же чудесами — мнимые богемцы выдували стекло. Хотя случай поглазеть на экзотических животных, вроде верблюда или слона, выпадал

не часто, на ярмарках не было недостатка в лошадях, козах, коровах, собаках и свиньях невиданной доселе окраски, с двумя, тремя головами или шестью лапами. Любопытные могли посмотреть, как по приказу дрессировщика пчелы покидали улей и возвращались назад. В другом месте выставлял себя на показ человек-туловище, способный без помощи рук, а только ртом шить, ткать или стрелять из пистолета.

Один из ярмарочных уродцев остался в истории. Рыбак по прозвищу Долговязый Геррит имел рост в 2,59 метра. И силой мог сравниться с лошадьёю. Слава его, конечно, вызвала зависть, и в 1668 году бедняга погиб в потасовке на ярмарке, где выступал перед публикой.

Ярмарки редко заканчивались мирно, особенно в деревнях. Когда после нескольких праздников голова находилась в диком возбуждении, подстегнутом алкоголем, достаточно было одного неосторожного слова, взгляда или вольного жеста в отношении к женщине, чтобы накопившееся прорвалось наружу. В ход шли кулаки и дубинки. Даже здесь были свои традиции. Для большей тяжести в кулаке зажимали глиняную трубку; в кармане держали горсть песка, чтобы в нужный момент сыпануть противнику в глаза; ногти заблаговременно остригали на манер зубьев пилы, обеспечивая наибольшую эффективность царапанья при сведении счетов. В некоторых селах драка была неотъемлемой частью иных удовольствий. Устраивались даже состязания, в которых противники были вооружены затупленными ножами, чтобы можно было наслаждаться видом крови, но при этом дело не доходило до смертоубийства!

ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

Глава XVIII

Искусства

Воинствующий кальвинизм времен революции и освободительной борьбы, выступавший противником гуманизма, но при этом испытывавший влияние последнего, породил оригинальную интеллектуальную культуру, которая дала свои первые всходы немногим ранее 1600 года. Явившаяся в результате усилий реформатских проповедников, как нечто доступное простому, малоприметному, рядовому человеку, эта культура на протяжении всего «золотого века» сохранила общую ориентацию, которая носила одновременно религиозный, народный и национальный характер. Когда около 1660 года до Нидерландов докатилась волна французского классицизма, его идеи и стиль остались чем-то инородным, декоративным и преходящим, как, впрочем, и другие предметы импорта.

Зато влияние пуританства, косвенное, то есть скрытое, никогда не ослабевало. Таким образом, устремления нидерландской души, дикие и необузданные, постепенно отделились от различных формалистских направлений, имперских и помпезных. Первые соответствовали тому, кем был нидерландский буржуа, последние — кем он мечтал стать в своем недавно свалившемся на него богатстве. Одни отвечали вкусам барокко, другие стилю «луи-каторж».

Но даже в пуританском классицизме доморощенная буржуазная аристократия видела себя не столько в королевской мантии французского искусства, сколько в ореоле античного героизма *civis romanus**.

Возможно, эти противоречия объясняют в какой-то мере отсутствие «стиля» в полном смысле слова, которое проявилось в нидерландском обществе «золотого века» и которое не дало развиваться таким формам искусства, как скульптура и архитектура¹.

Те виды творчества, где по-настоящему раскрылся талант мастера и проявилось что-то действительно глубокое, а именно поэзия, музыка и живопись, замыкались на внутренней жизни, вернее, жизни внутри дома, семейном очаге.

Живопись

«Во всем мире нет такой страны, — писал Париваль, — где есть столько всего-навсего превосходных полотен»². В истории найдется мало примеров поколений, столь богатых великими художниками, которых подарили миру Нидерланды в 1595—1630 годах. Ван Гойен родился в 1596 году, Альберт Кейп в 1620-м, Рембрандт в 1606-м, Ван Остаде в 1610-м, оба Ботса** в 1608-м, Ван дер Гельст в 1613-м, Метсю в 1629-м, Фердинанд Бол в 1616-м, Терборх в 1617-м, Вуверман в 1619-м, Поттер в 1625-м, Ян Стен в 1626 году. Этот небывалый расцвет практически полностью концентрировался в провинции Голландия, на жалком пятачке земли, отвоеванном у моря. Лейден стал родиной Рембрандта, Ван Миериса, Яна Стена; Гаага — Поттера, Ван Равенштейна и Ван Гойена; Делфт — Де Хоха и Вермера; Дордрехт — Кейпа; из Гарлема вышли Ван Остаде, Броувер, Вуверман³. Амстердам же был настоящим цветником живописцев.

Несмотря на разные школы, творчество этих художников отличается поразительной однородностью, а его основные черты объясняются социальным

---

* Римской общины (*лат.*).

** Автор неточен: Андре Ботс родился в 1612-м, Ян — в 1615 г.

предназначением. Идущая в гору буржуазия любила окружать себя предметами роскоши, как некогда дворяне и духовенство. На это их подталкивала экономическая необходимость, а именно необходимость вкладывать во что-то свободные средства, и это в значительной мере определило характер и развитие цивилизации «золотого века» и породило соответствующий спрос на рынке потребительских товаров, державшийся на протяжении жизни нескольких поколений. Так, структура общества и его мораль ограничивали выбор вещей, главным образом, тем, что служит для благоустройства и украшения дома.

Для нидерландского буржуа XVI века картина служила не только предметом обстановки, но и выполняла незаменимую функцию, заполняя свободное место на стенах, которое было для мещан как острый нож. В то же время картина, в особенности портрет или фрагмент интерьера, льстила несколько наивному самолюбию преуспевающего бюргера. В 1633 году один эдамский буржуа, владелец «Господского дома», потребовал от художника запечатлеть на холсте свою тучность, составлявшую предмет особой гордости заказчика, ведь в свои 42 года он весил 450 фунтов! И. Молинер изобразил богатого судовладельца, окруженного многочисленными чадами и домочадцами, который указывал перстом на принадлежавшие ему в порту 92 корабля. Около 1675 года одному зажиточному амстердамскому книготорговцу принадлежало 41 полотно, и его случай был далеко не исключением, хотя в эту уже позднюю эпоху серьезную конкуренцию картинам начинали составлять гобелены.

Вплоть до 1660 года даже самый мелкий лавочник старался приобретать картины. Он увешивал ими стены в своем доме. Что там лавочники — крестьяне и те тратили на живопись от 2 до 3 тысяч гульденов. Но несмотря на огромное число любителей изобразительного искусства, никто не задумывался над тем, каких высот достигла национальная школа. Манерный, но при этом вполне утонченный Мейденский кружок не признавал Рембрандта. Его члены почитали за образец работы фламандца Рубенса.

В глазах богатого буржуа, представителя новой аристократии, художник был таким поставщиком товара, как и обычные кустари. Меценатство отсутствовало как понятие. Делался заказ, оплачивалась работа. Все 40 известных полотен Вермера выполнены на заказ. В лучшем случае безработный или расточительный художник, оставшись без средств, мог рассчитывать на кредит, но на драконовских условиях. Рембрандт, на которого Корнелий Витсен держал на 4 тысячи гульденов векселей, имел в этом большой и горький опыт. Неплатежеспособность означала банкротство и долговую яму, пусть даже в ней сгниет гений. Алчность ростовщиков, не говоря уже о бессовестном вымогательстве перекупщиков картин, разорила Рембрандта и ускорила его конец. Питер Ван Лар нашел выход в самоубийстве; нищета превратила Эркюля Сегхерса в хронического алкоголика; Франс Хальс, Рейсдаль, Хоббема в конце концов попали в богадельню; несмотря на проданные 500 картин, Ян Стен не выбрался из бедности; Вермер, умирая, оставался должен своему булочнику 600 гульденов...

Тем не менее художник без особых проблем вписывался в социальный порядок. Нельзя представить себе что-нибудь более чуждое нравам того времени, чем бунт непризнанного гения или неумное стремление к оригинальности. Служитель искусства пытался использовать с бóльшим или мёньшим успехом перенятую у мастера технику исполнения, имея в виду ремесло и не задаваясь мыслью о ее скрытой природе. Художники образовывали гильдию, вступить в которую можно было, пройдя все обычные стадии, — побывав учеником у мастера, заставлявшего подручных мыть кисти и подметать полы; поработать помощником, выполняя декоративную отделку на картинах мастера, набрасывать фигуры второго плана и писать собственные картины по эскизам наставника. Став, наконец, мастером, художник выходил на рынок, управляемый в соответствии с общими правилами коммерции. Его работа как таковая не вызывала ни уважения, ни особого почитания.

Гильдия художников была довольно скромной. Хотя общественное мнение не принимало ее всерьез, члены гильдии не ощущали себя одиночками, отбившимися от общего стада. Другими словами, не испытывали того чувства, которое было для нидерландцев невыносимо. Пристрастия толпы во многом определяли вкус художника. Нидерландцы любили правильность линий, богатство красок и напроочь отвергали сентиментализм и тем более мистицизм. То, что сегодня называют реализмом великой голландской живописи, не более чем отблеск этого тесного союза художника и его окружения.

Работы живописцев доходили до покупателя через руки армии посредников. Картины продавались также на ярмарках и народных гуляньях. Дешевизна товара привлекала заезжих купцов. Хотя цена, на первый взгляд, могла показаться довольно высокой, в испанской Бельгии картины стоили много дороже. Этот экономический фактор, несомненно, способствовал развитию голландской школы. 600 гульденов не были чрезмерной платой за полотно средних размеров. Ван Миерис запросил за свою «Женщину у окна» целых 1200 золотых. Хотя, естественно, сделки нередко заключались на гораздо меньшие суммы⁴.

Пластика и тональность обнаженного тела не вызвали интереса. Единственный человеческий тип, заслуживавший внимания, это гражданин, мужчина в обычном платье и обыденном окружении. В этом отношении наблюдался полный отрыв от Возрождения, особенно итальянского, у которого, впрочем, голландские художники многому научились, по-прежнему отправляясь на этюды в Рим, где они изучали искусство пейзажа. Оставаясь чуждыми героической тематике, голландцы изображали на своих итальянских работах крестьянку с кувшином, торговца-разносчика, пастуха и стадо — живые типы, пришедшие из уличных впечатлений и вобравшие в себя горячие лучи южного солнца, которого так не хватало Нидерландам. Аллегория, мифология, символы и другие производные так называемой акаде-

мической школы играли в голландской живописи второстепенную, во многих случаях самую ничтожную роль. Пейзаж утратил аспект космической сутолоки и оживления, столь характерный для работ Брейгеля. В крестьянских зарисовках Ван Остаде он содержит лишь чуть заметное, осторожное приглашение заглянуть во внутренний мир человека, которому он служит обрамлением. С 1600 года основное усилие направлялось на поиск форм и красок, а также распределение декоративных элементов на площади полотна. Спустя тридцать лет повышенное внимание уделялось стиранию контуров и игре монохромного освещения. Усилилось внутреннее напряжение. Но около 1650 года проявился определенный вкус к театральщине. Время от времени на полотнах изображалась античность. Именно тогда начался закат голландской школы живописи. Вместе с тем глаз художника заострился и схватывал теперь отблески цвета, игру дорогих тканей; больше внимания стали привлекать детали фона, усилилось эмоциональное воздействие картины на зрителя. С уходом из жизни Рембрандта традиционная техника не исчезла, но последняя четверть столетия ознаменовалась упадком голландского изобразительного искусства. Успех Лересса и ему подобных явился первым признаком такого упадка.

Формы живописи раскрылись в небольшом количестве жанров, но надо всеми другими преобладал портрет. Спрос на портреты был огромен. Одна только мастерская Миеревельта произвела на свет 5 тысяч «шедевров». Иногда клиент заказывал сразу несколько экземпляров своего изображения — психология покупателей мало отличалась от современных посетителей фотоателье! Благодаря игре оттенков бескрайнего нидерландского неба пейзаж стал по-настоящему самой лиричной формой. «Жанровые» картины обязаны своим появлением запрету на изображение всего божественного, наложенному Реформацией. Сцены домашней жизни, народные ярмарки и натюрморты заменили «Снятие с креста», в котором более не нуждалась церковь, что отвечало

чаяниям нового общества. В таких условиях расцвели юмор, ирония и карикатура, отражавшие ту же тенденцию. Изображения городов, портов, кораблей и морских сражений, хотя и по-другому, также отобразили это новое общественное сознание. Воссоздание на основе библейских мотивов религиозной живописи, совместимой с кальвинистским мировоззрением, впоследствии стало заслугой Рембрандта.

Искусство гравюры, не без основания считавшееся наиболее типичным для Голландии XVII века, развивалось в том же направлении, оставив после себя богатое наследие — портреты, серии типа «сезонные работы», жанровые сцены, пейзажи, но главным образом картинки и карикатуры на злобу дня, дошедшие до нас на отдельных листах, в альбомах, в виде иллюстраций к памфлетам или литературным трудам, как, например, гравюры Ван де Венне к стихам Катса. В гравюре, как в зеркале, отражались все проявления общественной жизни, воображение шло рука об руку с обыденной реальностью. По некоторым аспектам гравюру того времени можно уподобить современной фотокорреспонденции. Она не обходила стороной ни одного события политической или военной истории. Еще более открыто, нежели живопись, гравюра выражала самосознание нации, то достигая высот великого искусства, то опускаясь до лубочной картинки. Народные умельцы старались использовать одни и те же таблички как можно дольше, ограничиваясь перебивкой основной фигуры. Отсюда старомодная наивность многих иллюстраций к памфлетам и дешевым изданиям.

Музыка

Музыкальные традиции Нидерландов имеют глубокие корни. Фламандская школа XV и XVI веков распространилась не только во Франции, но добралась даже до Италии, где через творчество таких артистов, как Клеменс Младший, ее влияние сказалось на Палестрине на заре расцвета местного музыкаль-

ного искусства. Реформация нанесла сильный удар и по этому виду искусства. После 1600 года в среде музыкантов не выделялось ни одной примечательной личности. Тем не менее общественная музыкальная жизнь протекала интенсивно, в музыке проявлялся глубокий вкус, несомненно характерный для нации, которая, помимо прочего, не отличалась артистическими наклонностями. Буржуа XVII века сумел найти применение этому пристрастию в рамках созданной им цивилизации.

Музыка представляла собой для него форму социальной связи: без песен не обходилось ни одно семейное или общественное торжество. Снобы с пренебрежением отзывались об этих мелодиях, и не потому, что те были достойны презрения, а в силу их все еще сильной приверженности к средневековым истокам. Любители итальянского или французского стиля не замечали в них скрытого очарования:

Здравствуй, милая моя,
Поцелуй скорей меня.
Зачем упрямитесь, Жози,
Ведь мы с тобою здесь одни...
...Я звал тебя «моей морковкой»,
Когда жениться обещал,
Здоровьем клялся кошки дохлой,
Ах, ловко ж я тебя поймал!⁵

Наивно вычурные, иногда моралистские или, напротив, непристойные, а также любовные песенки не могли нравиться членам Мейденского кружка, подражавшим изысканности особняка Рамбуйе. Хейгенс сочинил для них множество романсов на французском и итальянском, которые соединил в своем сборнике «Патодия»:

Ущелья дикая, бескрайние леса,
Свидетели моих мгновений торжества.
Как счастьем гордились вы со мной,
Ревниво обрегая мой покой!
Без вас мне не милы далекие края,
На зов любви откликнусь только я...

В конце XVI века во многих городах появились музыкальные общества, получившие широкое распространение после заключения мира. Их члены при-

надлежали ко всем классам общества. Наиболее выдающимися из этих *collegia musica* были общества в Арнхейме и Утрехте, основанные соответственно в 1591 и 1631 годах лучшими людьми этих городов. В Амстердаме подобная ассоциация появилась не ранее 1634 года.

Музыкальные общества объединяли от 15 до 20 человек, которые по очереди собирались дома друг у друга, чтобы поупражняться в пении, церковном или мирском, в один или несколько голосов. На музыкальных инструментах играли значительно реже. Эти собрания вызвали интерес муниципальных властей, которые не раз предоставляли для них общественные помещения. В подражание гильдии каждый такой клуб придумывал себе герб. Устав предусматривал минимум дисциплины, выражавшейся в регулярности и благопристойности собраний. Чересчур острая дискуссия или ссора наказывалась штрафом от четырех до восьми гульденов. За отсутствие без уважительной причины провинившийся обязывался поставить товарищам бутылку лучшего вина из своего погреба. Музыкальные упражнения заканчивались дружеской пирушкой. Когда часы били одиннадцать, лакей убирал бокалы и принимался протирать столы. По этому знаку гости откланивались, не забыв отметить перед уходом, разумеется, просто для порядка, сколько вина осталось в каждой бутылке.

Иногда общество давало особое представление, требовавшее, помимо хора, еще и небольшого оркестра. Под управлением местного капельмейстера собиралось несколько скрипачей, аккомпанировавших высоким голосам, и клавесинист. И все же вплоть до XVIII века, за исключением выступлений музыкальных обществ, в Нидерландах не проводили концертов в чистом виде, с платным входом и доступом широкой публики. Зато в некоторых городах появились муниципальные оркестры. С 1617 года такой оркестр существовал в Гронингене, причем музыканты имели собственную униформу. В Утрехте и других местах трубачи городской стражи ежедневно

играли в течение одного часа на площади перед ратушей.

Реформатская церковь запретила любую другую музыку на своих службах, кроме пения псалмов. Такая строгость стала вызывать с начала XVII века недовольство обывателей. К 1640 году под давлением общественного мнения возобновилась игра на органе. Проповедники скоро открыли для себя в этом выгодную сторону. Они приглашали органистов, дабы те, давая концерты по определенным дням, отвращали прихожан от посещения музыкальных обществ. Иногда по завершении службы или во время больших праздников организовывали особые концерты, когда хор пел псалмы, исполняя их в традиционной манере или в переложении на легкий светский мотив.

Из среды органистов выделились впоследствии знаменитости, вошедшие в историю нидерландской музыки той поры, — Виллем, органист из Новой церкви в Амстердаме; Иоган дю Сартр из Гарлема; Хендрик Спен из Дордрехта, который пользовался таким уважением, что городские власти платили ему 100 гульденов за каждый псалом, положенный на музыку; Свелинк, служивший органистом в Старой церкви Амстердама, которого Вондел называл «птицей Феникс от музыки», получил в подарок от группы нотаблей, желавших оказать ему финансовую помощь, целых 200 гульденов, но не живыми деньгами, а оформленными на имя музыканта акциями предприятий дарителей, которые ежегодно сообщали ему, насколько приумножился его капитал по биржевому курсу.

По всей стране кочевали маленькие труппы бродячих музыкантов, игравших по деревням, на ярмарках и свадьбах или нанимавшихся к влюбленным любителям серенад. Немало художников запечатлело на своих холстах их живописные фигуры в лохмотьях или маскарадных костюмах с немислимыми инструментами, которые дополняли привычные лютню и свирель — *бамбас*, высокая скрипка с одной струной и корпусом из свиного пузыря; *драайлер*, переносная шарманка.

Словесность

Риторики

Нидерландцы отличались особой приверженностью к стихосложению. От посвящения или поздравления в альбоме приятеля до бесчисленных песен или напыщенных надписей на общественных зданиях царили рифмы и размеры, которые каждый пытался пристроить куда только можно. Поэзия проникала во все уголки повседневной жизни. Обмен стихами являлся одной из форм, характеризовавших социальные отношения, даже среди мещан. Каждый город имел своих поэтов, слывших за таких или действительно озаренных искрой настоящего таланта. Большая часть служителей лиры стекалась в Амстердам, позднее — в Дордрехт. Профессиональные рифмоплеты трудились на менее способных любителей. Получившие образование творили на латыни, и Академия Амстердама ежегодно вручала премию за лучшее произведение на языке Овидия.

Эта традиция поддерживалась одним почтенным учреждением, а именно «палатами риторики». Выросшие из средневековых обществ исключительно религиозного характера, «палаты» переросли в товарищества, члены которых упражнялись в стихосложении, устраивали литературные состязания и занимались любительскими театральными постановками. Гуманисты презирали эти пережитки прошлого века, утверждавшие устаревшие вкусы, равно как и нескладные рифмы доморощенных сочинителей, не испорченных литературным образованием. При всем этом «палаты риторики» продолжали благополучно существовать до 1600 года (за исключением севера и востока страны).

Каждый город, если не поселок, учреждал свою «палату», заседания которой проходили в трактире или помещении, предоставленном муниципалитетом. У палаты был свой святой покровитель, покро-

вительница, девиз, печать, штандарт и символический цветок или дерево, от которого она брала свое название. Три лейденские палаты именовались соответственно «Белая акация», «Оранжевая лилия» и «Пальма», палата Алкмара — «Зеленый лавр», общества в Скиедаме носили названия «Красная роза» и «Смоковница». Стоявшие во главе палаты президент и ветераны организации созывали собрания членов, управляли финансами и взимали штрафы. Стремясь заручиться расположением и поддержкой сильных мира сего, руководство палаты предоставляло почетное председательство какому-нибудь аристократу, которого украшали титулом «принца», если не «императора». В числе должностных лиц палаты находился официальный поэт, «фактор», на которого возлагались редактирование наградных дипломов и сочинение виршей по особо торжественным случаям. Когда готовилась театральная постановка, фактор распределял роли и отвечал за режиссуру. Кроме этого, в его обязанности входило преподавание «риторики», то есть правил стихосложения, более молодым членам палаты¹. Помимо поэта имелся и шут, «дурак», одетый согласно старой традиции в желто-зеленый или бело-голубой костюм в черную полосу и веселивший собрание своими более или менее плоскими шутками. Принимая участие в общественных мероприятиях, «риторики» облачались в собственную униформу. Так, мидделбуржцы носили красную тогу, вышитую гербами палаты и серебряными девизами.

Собрания происходили по воскресеньям, после окончания службы. Присутствовавшим подносили вино и пиво. Говорили исключительно стихами, даже если требовалось всего-навсего подозвать полового. Счет также блистал рифмами. Уставом запрещалось играть в азартные игры, выражаться нецензурными словами, поминать нечистого (кроме как в песнях), пачкать стены и приводить гулящих девиц.

Поэтические упражнения заключались в сочинении рондо, баллад, песен, стихов с обратной рифмой или двусмысленным содержанием и других умопо-

мрачительных акробатических тонкостей, описанных в учебнике Маттиуса де Кастелейна. Устраивали также драматическое представление — фарс или «дурачество» средневекового толка, или аллегорическую «мораль», часто навеянную текущими событиями. Постановщики стремились вызвать у зрителя не столько новые ощущения, сколько радость от встречи с давно полюбившимися произведениями. В этих пьесах редко было более двух-трех-четырёх персонажей. Комическое передавалось более мимикой, нежели тонкой игрой ума или словесной пикировкой². Постепенно распространилась тенденция ставить комедии или трагедии современного стиля. Но предпочтение зрителей из народа прочно закрепилось за старыми жанрами.

В канун великих праздников, на Пасху, Троицу или по особо торжественным случаям риторики выступали перед широкой публикой. За несколько месяцев до того они бросали вызов другим местным палатам, приглашая их на литературное состязание. Определялись тема конкурса (например, «Любовь есть основа всего»), а также длина и размер стиха для ее раскрытия. Соперничество проявлялось и в украшениях, гербах и прочей мишуре, придававших соревнующимся палатам вес в глазах публики. Призами служили предметы из золота, серебра, олова, кубки, канделябры, трубки. Иногда устраивались состязания импровизаторов. Член жюри задавал вопрос; поэты, разложив листы бумаги на коленях, в стихах писали ответ. Сумевший закончить работу первым получал награду. Праздник вызывал скопление народа и сопровождался не меньшей пышностью — кортежи, музыкальные представления, подмостки и трибуны расцветивали его яркими живыми красками. Муниципальные власти снабжали приглашенных риториков всем необходимым и оказывали им финансовую поддержку³. Благотворительная лотерея, иногда в пользу городских больниц, придавала акции оттенок чинности и большой торжественности.

На протяжении первой трети столетия роль палат риторики постепенно сводилась на нет. Многие из

них закрылись. К 1660 году палаты оставались только по деревьям, и даже там выглядели в глазах иностранцев, в частности Париваля, анахронизмом, отходящим в прошлое⁴.

История двух амстердамских палат весьма примечательна. Самая старая из них, «Шиповник», была основана в 1517 году и соперничала с «Белой лавандой», созданной стараниями брабантских и фландрских иммигрантов. К 1614 году это противостояние стало столь острым, что несколько членов «Шиповника» покинули общество, которое, к слову, объединяло многих образованных людей, стремившихся порвать с инертностью традиции ради свежего ветра гуманизма — Хофта, Брееро, Вондела и Самюэля Костера. Перед угрозой раскола, нависшей над «Шиповником», Костер взял инициативу на себя и сколотил в 1617 году группу единомышленников из числа наиболее прогрессивных членов общества, отошедших от палат риторики, которую окрестил «Академией».

Устроившись в деревянном бараке, на клочке земли, арендованном у муниципалитета, «Академия» Костера отпраздновала свое открытие в 1618 году постановкой трагедии «Убийство Вильгельма Оранского». Договор, заключенный с попечителями муниципального сиротского дома, передал в руки последних управление финансами и доход, который не замедлил составить ренту в тысячу гульденов. Костер стремился не столько разрушить традицию риторики, сколько внести в нее свежую струю. Он хотел подарить амстердамской буржуазии достойное ее культурное учреждение, которое бы широко использовало классические литературные источники. Исходный проект предполагал в этой связи курсы истории, философии и эстетики. Дух этого предприятия склонялся к «либерализму». Церковные советы выразили недовольство. Сложившаяся ситуация вызвала обеспокоенность властей. Наконец в 1623 году, устав от склок, Костер решил выйти из игры. То, что было создано его усилиями, явилось зародышем первого нидерландского театра. Здесь играли пьесы Костера, Вондела и Хогендорпа, представлявшие ни-

дерландскую школу, скорее барочную, нежели классическую в современном понимании этого слова. Оставшиеся две палаты риторики не могли бороться с таким сильным соперником и в 1635 году объявили о самороспуске, влившись в состав «Академии».

Театр и комедианты

В это время Костер уже лежал в могиле, а деревянное здание его «Академии» было готово рассыпаться в прах от ветхости. В 1637 году опекунский совет сиротского дома решил вложить 20 тысяч гульденов в новый каменный корпус. Наспех построенный наперекор всем препонам со стороны церковников новый театр открылся представлением драмы Вондела «Гейсбрехт ван Амстел», превозносившей до небес и выше величие Амстердама. Помещение театра состояло из зала в полукружье двух ярусов лож, которые закрывались плотным занавесом, что было особенно удобно для флиртующих дам и кавалеров. Сцена внушительных размеров и без софита ограничивалась с боковых сторон стенами, символизировавшими две тюрьмы, и сужалась в глубине, где возвышался трон под балдахином. По бокам располагались две маленькие клетушки с частоколом колонн, призванные изображать жилые покои. Подмости, сами по себе лишённые декораций, образовывали в своем просторном центре некий пятачок, где в основном разворачивалось действие. У основания сцены размещался оркестр — труба, контрабас, скрипка и лютня, — сопровождавший игру актеров и заполнявший паузы в антрактах. В какой-то мере эта планировка наследовала традициям позднего Средневековья. В 1664 году здание театра было усовершенствовано. Искусство декорации также значительно продвинулось вперед. Сцена расширилась в глубину, появилось ощущение перспективы; при постановке пьес стали использовать «машины».

Театр, приносящий значительные доходы сиротскому дому, вскоре стал предметом заботы городских властей. Осуществляя некоторую цензуру программ

представлений, опекуны предоставляли театру взамен настоящую коммерческую монополию. Отсюда столь редкие визиты в Амстердам иностранных гастролеров. Вплоть до 1658 года Амстердам оставался единственным городом в Нидерландах, который имел собственный постоянный театр. Его исключительность была нарушена с появлением в вышеуказанное время такого же театра в Гааге. В 1664 году крупный лесоторговец из этого города перестроил помещение для игры в мяч под оперный зал «обычной формы и длиной от 30 до 32 футов»⁵. Это заведение просуществовало почти 40 лет. Если у театра не было постоянного здания, спектакли давались в палаточных балаганах, арендуемых помещениях, общественных или частных, ангарах, тирах, трапезных или, проще говоря, больничных столовых, где за несколько сотен гульденов плотник сколачивал сцену и скамьи. Театральный сезон, как правило, завершался по окончании ярмарки или народных гуляний, но иногда затягивался, и около 1660 года в больших городах актерские труппы заключали договоры на полтора месяца, а в особых случаях и на целых полгода.

Тем не менее театральная жизнь страны по-прежнему оставалась очень скудной. В самом Амстердаме театр работал только несколько месяцев в году два раза в неделю. Враждебность церкви к этому виду развлечения не ослабевала, создавая неблагоприятную моральную обстановку для развития драматического искусства. Под давлением слуг Божьих власти принимали против комедиантов унижительные меры. Запрещалось давать представления на Пасху или Рождество, в часы проповедей, в дни всенародного траура, в годы голода или войны. Любые предложения были хороши. Ко всему прочему налоговые службы не оставляли в покое голоштанную актерскую братию, столь влюбленную в свое ремесло, что никакие препятствия не могли ей помешать выходить на сцену и будоражить публику своей игрой.

Заплатив за место кассиру, устроившемуся у входа в зал, зритель попадал в храм Мельпомены. По центральному или боковому проходу он находил кресло,

указанное в билете. Может статься, что оно было уже занято: в погоне за барышом администрация могла продать его дважды. Невезучий заводил перебранку со своим более удачливым соперником, явившимся первым. Если свободных мест оставалось немного, спор переходил в потасовку. В конце концов все рассаживались, кто как мог. Торговка с кувшином в одной руке и кружкой в другой обходила ряды, предлагая свежее пиво любителям культурно отдохнуть. По залу разносился звучный голос зазывалы, распространявшего либретто на сегодняшнее представление. Зрители щелкали орехи, хрустели яблоками, смолили трубками. В Новом ковчеге зала смешались все классы общества. Юные девицы ожидали романтического приключения. Красивые женщины пришли показать себя. Карманники самозабвенно предавались любимому делу. Из лож, как и из партера, доносились радостные восклицания и веселый смех встретившихся друзей, звуки поцелуев. Актерам приходилось орать, чтобы перекрыть весь этот гвалт.

Своим успехом амстердамский театр был обязан нескольким выдающимся личностям из актерской среды, таким, как Адам Карелс Гермес, игравший с 1617 года все главные роли в «Академии» Костера и ставший после ухода со сцены преподавателем дикции; или Боер, племянник генерал-губернатора Явы, который презрел ожидавший его высокий пост ради божественной жизни; или Корнелий Бор, что сыграл Агамемнона в «Ифигении» Расина. Но в среднем уровень актеров оставлял желать лучшего. Поначалу профессионалы среди комедиантов были скорее исключением, нежели правилом. Впоследствии их количество возросло по причине чисто практического характера: играть каждую неделю новую пьесу, как это было принято в Амстердаме, было не в возможностях актеров-любителей. Временные или постоянные, имевшие свой театр или бродячие актерские труппы, в целом весьма малочисленные до 1650 года, набирались среди представителей любых профессий. На подмостках играли бывшие моряки, грузчики, парикмахеры и книготорговцы. Женские роли изначально

исполняли мужчины. Первая актриса, Ариана Ноземан, появилась в 1645 году в одной из бродячих трупп. И лишь через десять лет ей удалось поступить в Амстердамский театр. Несмотря на протесты консерваторов, это новшество имело такой успех, что актриса получила небывалое жалование в 4,5 гульдена за вечер⁶. Труппа делила свои доходы на две равные части — общую кассу и средства для бедных. Что до автора репертуара, то о бедолаге вообще никто не заботился. Вондел не получил за свои пьесы ни гроша.

Игра отличалась высокопарностью и пошлостью. К 1650 году большинство актеров оставались безграмотными. Нехватка квалифицированных кадров порой приводила к забавным ситуациям. В 1670 году при переводе латинской комедии для Амстердамского театра, Блазиус заменил персонаж старика-отца на старушку-мать, поскольку в труппе не нашлось подходящего кандидата на роль отца, а актер Баат специализировался на амплуа матерей. Зарубежные гастролеры были ничуть не лучше местных служителей Мельпомены. Сен-Эвремон, присутствовавший в 1669 году на гаагской постановке «Тартюфа», нашел актеров «вполне пригодными для комедии, но несносными в трагедии, за исключением одной актрисы, весьма талантливой особы»⁷. В 1687 году Миссон побывал в Амстердаме на посредственно поставленной французской опере, где наименее бездарно показала себя толстая голландка, игравшая мужскую роль и вполне сносно выговаривавшая французские слова, впрочем, не понимая значения ни одного из них.

Первая половина XVII века стала золотой эрой бродячих трупп всех национальностей из 10—12 актеров и — иногда — одного декоратора, которые колесили по всей Западной Европе. В 1598 году в Лейдене объявилась итальянская труппа. Но итальянцы оставались редкими гостями в Нидерландах, и их присутствие стало заметным не ранее 1670 года. Зато английские гастролеры прилежно навевались в северные и центральные провинции, забредая иногда в Лейден и Гаагу. Между 1590 и 1656 годами англичане побывали в этих краях более двадцати раз.

После 1660 года единственными иностранными актерами, регулярно посещавшими Нидерланды, стали французы. Впервые они познакомились с этой страной в 1605 году⁸ и с тех пор полюбили выступать перед местной публикой, особенно в Гааге, где благоклонно расположенный двор оказывал им покровительство. Принц Мориц выдавал разрешение работать, Фредерик-Хендрик одаривал деньгами, а Вильгельм II щедро оплачивал дорожные расходы любившимся труппам. Поэтому немедленно по прибытии в Нидерланды французы рвались на службу при дворе. Они представлялись, просили разрешение играть. Проблемы юридического характера затягивали процесс обустройства, но наконец труппа располагалась в выбранном месте, часто в Пикейщицкой — самом просторном зале Гааги, имевшем 112 футов в длину и 32 фута в ширину. Барабанщик обходил город и созывал посетителей. Последние особо ценили присутствие актрис, которое было обычным для французских актерских коллективов. Около 1622 года актеры труппы, собравшей таких знаменитостей, как Черный Шарль, Шарль Герен и Франсуа Метивье, получили титулы «комедиантов Его Высочества принца Оранского». Это почетное звание сохранилось за ними вплоть до 1655 года, несмотря на скитания по Европе. Немного спустя, в 1658 году, маленький гаагский балаганчик для игры в лапту был превращен в постоянный Французский театр.

От театра публика ждала или ухода в заоблачные дали фантазии, или, наоборот, сатирического представления актуальных событий общественной жизни. С самого своего появления классические трагедии с их долгими тирадами и тремя единствами места, времени и действия не пришлись ей по вкусу, к вящему сожалению немногих образованных гуманитариев. В начале века сценой прочно владели приключенческая драма и фарс, нередко острой политической направленности. Великие голландские драматурги Костер или Вондел обращались к античной школе скорее в английской, нежели французской интерпретации. Вдохновение черпали в елизаветинских драмах. Их

переводили и им подражали. Наиболее популярным автором того времени считался некто Ян Вос, стекольщик по профессии. Даже риторики играли на праздниках его леденящую кровь драму «Ариан и Тит». Актер замертво валился на сцену, обливаясь кровью, которая била струей из пузыря, спрятанного под одеждой. Автор многих чувствительных пьес Ян Вос завел дружбу с амстердамской «аристократией денежного мешка» и стал директором городского театра, где ставил Кальдерона и Лопе де Вегу, чей барочный стиль полностью соответствовал вкусам публики.

В серьезном жанре многие сюжеты нидерландцы заимствовали из Священного Писания — «Иоанн Предтеча», «Люцифер» Вондела, «Избиение младенцев» Хейнсия. В 1638 году французская труппа открыла для гаагской публики «Сида» Корнеля. Это стало настоящим событием. Ван Хемскерк перевел пьесу на голландский. Казалось, было положено начало новому движению. В 1639 году Херман перевел пьесу Метро. В 1647 году из-под пера самого великого пенсионария Яна де Вита вышел перевод «Горация». Но благородство и простота стиля, торжествовавшего тогда на французской сцене, плохо вписывались в буржуазное общество. Их влияние на нидерландскую драматургию долго оставалось весьма незначительным. Для его роста потребовались усилия общества «*Nil volentibus arduum*»*, основанного в Амстердаме в 1669 году для популяризации образцов французского классицизма. Члены «*Nil*» выпустили множество брошюр теоретического или критического содержания, перевели или адаптировали произведения Корнеля, Расина, Кино и Мольера, а также ставили их в городском театре. С 1680 по 1700 год ими было поставлено около пятидесяти французских трагедий и комедий. Цель была, несомненно, достигнута: старая голландская драма безвозвратно ушла в прошлое. Франкомания, обозначившаяся к 1670 году, одержала на сцене такую же полную победу, как до того в одежде и употреблении кофе...

---

* Упорным нет препятствий (*лат.*).

Придворные и некоторые представители новой аристократии осторожно развивали камерный театр, увеселительного или нравоучительного толка. Так, в 1605 году молодые Хейгенсы играли у себя дома перед светской публикой в «Аврааме, жертву приносящем» Беза. В 1641 году дочери вдовствовавшей королевы Чехии, нашедшей прибежище в Гааге, представляли «Медею» Корнеля.

В латинских школах следовали давней традиции использовать театр как способ преподавания языков. Там ставили, особенно при награждении лучших учеников, латинские (читай: греческие) классические трагедии или комедии, на которые приглашалась избранная публика; муниципалитет оплачивал расходы и устанавливал призы отличившимся актерам. Теологи задавались вопросом: наносила ли подобная практика ущерб морали? Целители общественной нравственности установили соответствующую цензуру. В школах, где преподавался французский, учащиеся время от времени играли в религиозных или нравоучительных пьесах на этом языке.

Драматические спектакли заканчивались балетом, которым иногда занимали зрителей и в антрактах. Голландский балет имел глубокие национальные корни и до XVIII века не испытывал почти никакого иностранного влияния. Он вышел из старых танцев на праздниках и гуляньях, устраивавшихся риториками. Хореографические темы воссоздавали народные крестьянские хороводы и танцы моряков под звуки волынки.

Что касается оперы, то она впервые появилась в Гааге в середине века вместе с французскими войсками, но далее этого города не распространилась.

Писатели и писательницы

Поэты, романисты и историки «золотого века» осознавали свою принадлежность к обществу, в котором они чаще всего были чиновниками или коммерсантами, не имея ничего общего с профессиональными писателями. Их стихи или проза служили

лишь украшением обыденной жизни и свидетельствовали о хорошем образовании. У наиболее начитанных культ античной красоты принимал абстрактный характер. Идеальный, героический, мраморно-холодный мир в их воображении заполнял пустоты между реальностью и сочинительством. В «Истории смутного времени» Хофт рассматривал недавние события в Нидерландах глазами Тацита. Тщеславие торжествующей крупной буржуазии 1640—1650 годов также наложила свой отпечаток на литературное творчество. Но сама нация во всей своей жизненной силе не нашла в нем своего отображения. Хейнсий, будучи влиятельной фигурой своего времени и поддерживая переписку со многими парижскими литераторами, походил на мольеровского Триссотена, пустозвона и всезнайку. Банальный нравоучительный реализм, грубоватое веселье палат риторики или пыл бродячих поэтов-гёзов XVI века лучше выражали народный дух той поры, когда в поту и крови создавалось здание Республики.

Буржуа не стал литературным типом. Писатели не нашли ничего лучшего, как представить его в каких-то обносках античной тоги или опустить до карикатурного персонажа. Во времена, когда аналитическая мысль была незрелой, чересчур идеологизированная литература не достигла того, что так блестяще удалось чистому искусству — живописи. Если и предпринимались какие-то попытки схватить живую реальность, все они скатывались к анекдоту. Эта беспомощность усугублялась тем, что, в отличие от художников, писатели в большинстве своем принадлежали к правящему классу и ясно обнаруживали откровенный политический конформизм. Популярность поэта Катса имела не столько литературную, сколько религиозную и духовную основу.

В первой половине века особенно сильно сказывалось влияние английского, итальянского и даже французского барокко. Была переведена, а затем и переделана «Аркадия» Сиднея. Голландцы подражали всем французским романам, от «Астреи» до произведений Ля Кальпренеды и Мадлен де Скюдери. Виньет-

ки мифологии и аллегории украшали этот упадочный стиль любовного романа. Таким образом, в поэзии и романической прозе выработался определенный вкус, который отвращал от палат риторики любого, кто обладал хотя бы относительной остротой ума. С течением времени форма еще более замкнулась на самой себе, тяготея к торжественности, переходящей в высокопарность и напыщенность.

Однако из этой толпы любителей выделилось немало писателей первого плана, чье творчество образовало настоящую нидерландскую литературу «золотого века». Гербранд Адрианс Бредеро (1585—1618) родился в семье богатого амстердамского сапожника и не получил хорошего образования, что не помешало ему пользоваться высочайшим уважением в литературных кругах города. Незнание латинского, возможно, еще крепче привязало его к родному языку и изъяснявшимся на нем простым, обыкновенным людям.

Эти люди, их кипучая жизнь стали для Бредеро и наставниками, и сюжетами произведений, и самим вдохновением. Отличаясь глубокой самобытностью, Бредеро, начавший свою карьеру как художник, унаследовал от первой профессии остроту глаза, чувство красок и форм, использование карикатуры и сочность выражения. Он был не чужд юмора и красноречивости. Бредеро обладал мышлением Возрождения, не зная законов последнего. Уйдя из жизни в 33 года, он оставил после себя значительное литературное наследие — любовные, крестьянские и сатирические песни; множество приключенческих драм; а также комедии и фарсы, чьи театральные постановки снискали ему продолжительный успех сначала в палате риторики, затем в «Академии».

Питер Корнелис Хофт (1581—1647) являлся полной противоположностью Бредеро. Родившись в семье бургомистра Амстердама, Хофт принадлежал к «вольнодумной» гуманистской аристократии «регентов». В семнадцать лет он отправился в путешествие по Франции, Германии и Италии. В последней он провел три года, покоренный ее искусством, пейза-

жами и языком. Он читал Петрарку, Тассо и Джуарини. Вернувшись на родину, Хофт изучал в Лейдене право и словесность. В 1609 году он занял должность бальи в Мейдене. С этого времени Хофт разрывался между летней резиденцией в мейденском замке и Амстердамом. Он знал, что такое вкус и любовь к истинно прекрасному. Отличаясь дружелюбием, Хофт окружал себя талантами, помогая им развиваться. Вскоре по возвращении из путешествия, он поставил силами риториков «Граниду» — пастораль собственного сочинения, навеянную итальянскими впечатлениями. Пьеса не имела успеха. В 1614 году Хофт создал первую трагедию нового типа на голландском языке «Герард ван Велзен». Полупрочвал. Зато комедия «Простофиля» получила большее признание. Но Хофт меньше прославился на театральной ниве, чем в жанре исторической прозы. Созданные им произведения богаты, остры и кратки до туманности, за которой чувствуется присутствие латинской модели — великолепного, витиеватого красноречия более, нежели исторической правды. Что касается эпистолярного творчества, Хофт — это нидерландский Гюи де Бальзак. Но более всего он был поэтом, воспевшим любовь. Песни, сонеты, в которых маньеризм не убил ни силы, ни огня. Писателя преследовала забота о формальной красоте, несомненно связанная с воспоминаниями об итальянском Возрождении в его наиболее изысканной утонченности.

Константин Хейгенс (1596—1687) был в какой-то мере близок к Хофту, правда, при меньшей гармонии и изяществе. Хейгенс происходил из богатой гаагской семьи, был удостоен звания доктора юридических наук. Его сын, Христиан Хейгенс, впоследствии стал знаменитым ученым. В молодости он находился при посольствах в Англии и Венеции. В 1626 году получил место секретаря штатгальтера и занимал этот пост при трех последующих правителях. Высокопоставленный чиновник, осыпанный почестями, он интересовался всеми искусствами и науками, не прося и тени высокомерия, — он был своим и для мещан, и для придворных. Его поэтическое творчество,

впрочем, весьма неравноценное, отличалось богатством образов, которые впоследствии заимствовал Вондел, и поиском максимальной выразительности при минимуме средств, смутностью и насыщенностью. Его стихи насыщены до предела, а размер сжат или вывернут, растворен в *soncetti*. Никаких великих тем, сюжеты черпались в обыденной жизни. В «Батавской Темпее»^{*} описывается пригород Гааги Форхаут в каждое из четырех времен года. «Прециозный пир» обличает никчемную, пустую любовь к моде и роскоши. В наследие автора вошло также не менее трех тысяч экспромтов или эпиграмм.

Йост ван дер Вондел (1587—1679), «принц среди поэтов», нидерландский Корнель, если не Шекспир, встал во главе амстердамской школы. Родился Вондел в Кельне, в семье антверпенского беженца-анабаптиста, перебравшегося к концу XVI века в Амстердам, чтобы основать производство чулок. Готовясь продолжить дело отца, Вондел уделял мало времени образованию. Уже в зрелые годы он выучил французский, немецкий, латинский языки и постиг основные науки. Став торговцем, он передал лавку жене и посвятил себя творчеству. Свою писательскую карьеру он начал около 1612 года. Позднее, разоренный сыном, он был вынужден поступить бухгалтером в Заемный банк и провел последние двадцать лет жизни в очень скромном достатке. Переход в католичество в 1614 году отдалил его от старых друзей — Костера, Баерле и Грота, возле которых прошла его молодость.

Будучи человеком ровного и мягкого нрава, хорошим гражданином, верным другом, образцовым мужем и отцом, чувствительным ко всем движениям века, типичным добропорядочным голландцем, Вондел как личность неотделим от своей эпохи. Но его творчество выражало нечто внешне не связанное с этой жизнью. Глубокое, пронизанное острым взглядом на мир, насыщенное высокой культурой и оживленное большой свободой языка, оно достигало в

---

^{*} Темпейская долина, расположенная в Греции между Олимпом и Оссой, была посвящена Аполлону. — *Примеч. пер.*

своих лучших проявлениях вселенских масштабов. «Золотой век» Соединенных провинций нашел в нем свое отражение, пробившись сквозь небожителей и повелителей преисподней. Стихи, исторические поэмы, политическая, социальная и религиозная сатира; ряд драм, глубоко лиричных и в то же время полных дидактизма, поднимавшихся порой до самых высоких проявлений созерцательности, — все эти произведения выражены чрезвычайно самобытным языком, неясным именно в силу своей изобретательности и ставшим воплощением творческого духа последних писателей времен войны — Марникса, Корнхерта и Шпигеля.

Амстердамской школе противостояла так называемая дордрехтская, более приверженная традициям и удаленная от современного гуманизма. Ее последователи сплотились вокруг Якоба Катса (1577—1660). В его славе есть что-то поразительное. XVII век не знал более блистательной карьеры и более тесной связи с историей целого народа. Зеландец Катс родился на острове Шовен-Дейвеланд, вырос в Зирикзе, учился в Лейдене, затем Орлеане. С 1626 года занимал высокие государственные должности — пенсионарий Мидделбурга, позже Дордрехта, затем провинции Голландия; многократно направлялся послом в Англию. Мирно окончив свои дни в загородном доме на Шевенингене, Катс оставил после себя огромное поэтическое наследие. Современные авторы могут сколько угодно потешаться над его пошлостью, монотонностью, размазанностью, полным отсутствием аллюзий и чувства юмора. «Папаша Катс», как его называли, не обладал ни силой Вондела, ни гармонией Хофта, ни насыщенностью Хейгенса. Но в глазах тогдашней нидерландской буржуазии он был поэтом с большой буквы. После Библии его произведения были самым любимым чтением всей нации, с которой Катс образовывал единое целое. Ему были присущи типичные достоинства и пороки нидерландцев, в нем говорила душа кальвиниста того времени. Его целью было не искание красоты, как таковой, но украшение семейной жизни среднего ни-

дерландца основополагающим и приятным чтением. Его темой была сама повседневная жизнь, чьи простенькие события и обычаи давали ему сюжеты для раскрытия семейных взаимоотношений, нередко в наставительной манере. Он превосходно умел выбрать правильный тон, подобрать образ, который показывал читателю его истинное лицо, естественные симпатии и антипатии, сформулировать мысль, обосновывавшую и усиливавшую уже установленный порядок. Этот синтез стал залогом успеха и величия.

К этим пяти именам можно добавить и другие. По всей стране существовали литературные кружки, члены которых переписывались и обменивались визитами, создавая мир слов и красивых идей. Складывались целые общества. В них трудились над сонетами и одами, которые затем печатали в сборниках; поддерживали литературу, занимались самокритикой. Резиденция общества чаще всего располагалась дома у кого-нибудь из членов. Устанавливали звания, вручали призы. Но такой клуб мало походил на парижский «салон», а уподоблялся скорее одной из тех маленьких «академий», которые были тогда нередки во французской провинции. «Благородные» считали за честь примкнуть к обществу; если они не чувствовали в себе поэтического дара, они по крайней мере платили взносы. Палаты риторики переживали упадок, объединяя только самое неотесанное мужичье. К концу века их полностью заменили литературные общества⁹.

Среди крупной буржуазии больших городов некоторые литературные кружки сохранили менее строгий характер. В центре кружка всегда стояла какая-нибудь крупная фигура, собирая возле себя одновременно светскую, литературную и артистическую компанию. К таким принадлежал Ремер Фишер, сын лавочника, разбогатевшего на торговле зерном, образованный и жизнерадостный человек, поэт-сатирик, чей образ жизни более подходит итальянскому аристократу. Состоя в членах «Шиповника», он принадлежал к его новаторской фракции. Его красивый

дом на Английской набережной оживляли дочери Анна и Мария Тессельшад¹⁰. Это были воистину удивительные женщины, которых, по желанию отца, обучали помимо каллиграфии, рисования, музыки, танцев и вышивания прикладному искусству моделирования, огранке стекла, плаванию, верховой езде, языкам и истории. Поэтессы, художницы, гравировщицы, музыкантши и, наконец, очаровательные и изящные дамы Анна и Мария создали в середине века самый яркий очаг просвещенной мысли Амстердама. Каждый, кто стремился в этом городе к литературной или философской славе, шел к ней через их салон. Вондел вспоминал о «благословенном доме Ремера, где полы затоптаны, а пороги оббиты башмаками художников, актеров, певцов и поэтов»¹¹.

Это движение вокруг Фишеров сохраняло, однако, в городе, жившем окупающимися операциями, некую деланность; культивируемая с благословения меценатов поэзия не выходила за рамки мадригалов. Анна и Мария, первая девственно-сдержанная, вторая понежнее, были настоящими прециозницами Нидерландов. Как и француженок, их отталкивали супружеские узы, и Мария засиделась в девицах до двадцати девяти лет.

Наиболее активным центром голландской прециозности стал Мейденский замок, после назначения туда в 1609 году на пост бальи Питера Хофта. В двадцати километрах к востоку от Амстердама на берегу Зейдер-Зе расположилась готическая крепость в зарослях великолепного сада. Литературные собрания проходили здесь регулярно с 1609 по 1647 год, что приходится на период господства в Париже оплота французских приверженцев этого направления — особняка маркизы Рамбуйе (1610—1652).

Мария Фишер, которая не прекратила его посещать даже после замужества, была душой кружка. Она ввела в него свою юную подругу Франсиску Дурарт. Вондел, Константейн Хейгенс, бывший губернатор индийских колоний ученый Раел, профессора Вос и Ван Баерле часто посещали устраиваемые обществом литературные вечера. Профессор универ-

ситетской кафедры латинской риторики Ван Баерле был типичным представителем литературного мира Амстердама — человек Возрождения, экспансивный, беззаботный, любящий общество красивых женщин, ищущий возможности показать свою эрудицию и остроту ума. Завсегдатаи Мейдена тяготели к странному, сложному, к игре слов и рифм. Хофт написал Марии целое послание, насыщенное мифологическими образами, чтобы сообщить, что она забыла у него свои домашние тапочки.

Впрочем, слова «прециозность» недостаточно для того, чтобы дать определение Мейденскому кружку¹². Вондел сопротивлялся этой тенденции. То, к чему стремились все члены, — элегантность выражения (в разговоре сохранялась крайняя свобода), изящество манер и самой души в противовес всеобщей грубости. В этом есть даже что-то от стоицизма. Кружок оказался на нидерландской земле единственным проявлением Возрождения. Возрождения артистического, но без лоска. Хофт и его гости, вполне состоятельные люди, обходились без роскоши и вели в целом вполне мещанский образ жизни. В рыцарском зале замка под высоким потолком из навощенных балок, в стенах, обитых тяжелыми гобеленами, у огня в огромном средневековом камине они читали Люсьена или кавалера Марена, и каждый предлагал на суд присутствовавших свою последнюю поэму; под аккомпанемент лютни или теорбы Франсиски Дуарт здесь пели сонеты Хейгенса; гуляли на природе, шая и резвясь; однажды был устроен грабительский поход за артишоками в сад некоего г-на Шаепа.

Книги и печать

Нидерландцы любили читать. Книга в этой стране была предметом широкого потребления, в отличие от большей части Европы, где чтению предавалась лишь элита общества. Объем продаж иллюстрированного издания стихов Катса, книги относительно дорогой, достиг в 1665 году 50 тысяч экземпляров,

что по тем временам просто невероятно¹³. Чтение, чаще всего сопровождавшееся обсуждением, составляло неотъемлемую часть семейной жизни. Покупая новые книги, семья берегла библиотеку, оставшуюся от предков, чьи потерянные тома перечитывали постоянно и с неизменным удовольствием.

Проповедники советовали читать Библию и основополагающие работы, которые действительно составляли основу библиотек многих мещанских семей. Были еще «Райский двор», «Сад сердца» — сборники клятв, аллегорических нравоучений, которые встречались и в армейских палатках, и в камбузах кораблей. Католики были более привязаны к «Золотой легенде». Но любовь к чтению выходила за эти пределы. Многим нравилась описательная нравоучительная поэзия, которая привлекала не столько содержанием, сколько формой. Одной из наиболее читаемых работ были «Размышления» Марка Аврелия в переводе с испанского Гевары. Сборники библейских афоризмов Эразма или изречений современных авторов отвечали национальному вкусу к пословицам, поговоркам, поддержанию которого способствовали такие издания.

Старые рыцарские романы оставались в чести. За семь лет, с 1644 по 1651 год, амстердамский книгопродавец Кол переиздал «Рыцаря с лебедем», «Сира Фредерика ван Йенена», «Разрушение Иерусалима» и «Семь римских мудрецов» — последний вздох литературы XIII—XIV веков. В школах все еще читали историю четырех сыновей Эмона. Современному вкусу отвечала «Астрея» и такие подражания ей, как «История Дамона», изданная в Хорне в 1634 году и развивавшая один из эпизодов романа д'Юрфе. Переведен «Дон Кихот». Читали также древних, в оригинале или переводе, в зависимости от образования — не только классиков, но и «Золотого осла» Апулея, «Жизнь Эзопа». Ничего, предназначенного специально для детей, если не считать нескольких «святых историй» на основе библейских рассказов или скучных нравоучений вроде «Лестницы юности» и «Зеркала молодежи нидерландских войн».

Научно-популярные брошюры расходились хорошо, но еще лучше — рассказы путешественников, основанные на бортовых журналах и воспоминаниях штурманов. «Журнал путешествия Бонтекё на Дальний Восток», вышедший в 1646 году, выдержал пятьдесят изданий. Амстердамский книготорговец Коммелин обеспечил себе успех, выпустив в 1644 году сборник из 21 рассказа о путешествиях в индийские колонии. Эти книги, написанные Бог знает как, лишённые и намека на литературную обработку, были ценны дотошным изображением реальности; их авторы стремились предоставить полезные сведения для навигации и торговли. Проявление некоторой любви к чудесам и библейского морализма пробивалось сквозь сухую прозу помимо воли авторов. Некоторые произведения такого рода имели научный характер, в частности, работы востоковеда Корнелиса де Брейна, посвященные поездкам по Ближнему Востоку, России и Средней Азии, которые он сумел осуществить благодаря финансовой поддержке бургомистров Амстердама.

Помимо рассказов путешественников выпускались карты, атласы, планы городов, выполненные с большой тщательностью и порой недюжинным художественным талантом. Классическим считался «Атлас» Меркатора, изданный в 1604 году в Амстердаме гравёром Хондием. Работы амстердамского географа и издателя Блеу получили европейское признание. За консультациями к нему приезжали из Парижа.

В XVI веке нидерландское книгоиздание оставляло желать лучшего. Хотя гарлемцы гордились тем, что изобретатель типографского дела Лоренс Янсен Костер родился в их городе, книг не хватало. Их приходилось привозить из Германии, Швейцарии, Франции и Италии, подвергая большому риску, поскольку при перевозке товара на кочах сырость была неизбежным злом. За исключением Лейдена ни один город не имел публичной библиотеки, если не считать собраний религиозной литературы. Но после 1580 года книжная индустрия стала развиваться семимильными шагами. В 1584 году знаменитый

Плантен из Антверпена получил место типографского мастера при Лейденском университете. В первой половине столетия в гильдии книготорговцев Амстердама состояло 244 человека, во второй половине их было уже 476. «Книготорговец» по большей части означал еще печатника и издателя. Все три действия выполнялись параллельно и не становились предметом специализации. У Блеу безостановочно работало 10 прессов. Профессиональные переводчики, такие, как Глэйзмейкер, обеспечивали бесперебойную работу станков, охватывая все жанры литературы, от философской до исторической и музыкальной.

Расцвет этой отрасли был связан с развитием бумажных мануфактур. Начиная с конца XVI века, в Дордрехте, Утрехте и Алкмаре заработали мельницы для производства бумаги. В первые годы XVII века они появились в Хелдере и районе Зандама. С 1672 года этот город стал центром бумажной промышленности. Хотя семья крупных книгоиздателей Эльзевиров продолжала закупать бумагу во Франции, голландские фабриканты заняли лидирующие позиции на внутреннем рынке и организовали широкий экспорт за рубеж. Сырье, собранное специальными заготовителями — растертые жерновом тряпки, — разлагалось в резервуаре с очень чистой водой, что не позволяло разворачивать производство в первом попавшемся месте. Полученную массу помещали в длинные, вытянутые деревянные чаны, где она сохла под прессом между кусками войлока. Затем, проветрив листы на воздухе в ангарах, их обрабатывали квасцами и клеем. Эти операции требовали весьма умелых рук, и члены гильдии изготовителей бумаги чрезвычайно гордились своей профессией. Выпущенная бумага носила герб мастера, выполненный водяными знаками. Собратья по цеху в поисках работы предъявляли при найме дипломы, составленные в стихах.

Печатник имел в своем распоряжении литейщика букв, корректора, типографских рабочих и переплетчика. Переплеты выполняли из приклеенной или прибитой кожи. Качество голландских книг было признано всюду. Около 1640 года один из братьев Эль-

зевиров часто ездил из Лейдена в Париж, разведывая французский рынок. Рост цен, исчезновение из продажи пользующихся спросом изданий, продажа из-под полы запрещенной литературы — все открывало большие возможности для спекуляции. Постановления, упорядочивавшие печать, продажу и распространение книг, показывали степень компетентности городских властей. Законодательство менялось в зависимости от интересов местной торговли. Результатом была большая свобода печати, несмотря на цензуру, — достаточно было знать подводные течения коммерции, чтобы счастливо избежать всех преград.

Такое положение, обеспечивавшее большой доход предприимчивым книготорговцам, объясняет тот факт, что с начала XVII века в Голландии издавалось определенное количество французских произведений. Это движение приняло размах после 1680 года с усилением антикальвинизма во Франции и увеличением числа нонконформистских работ. Но труды кальвиниста-диссидента Каstellьона, апостола терпимости, были опубликованы голландским книготорговцем еще в 1613 году.

В 1648 году Эльзевир издал «Избранные письма» Бальзака (автор жил в Голландии, и у него сохранились старые связи). Была опубликована присланная им из Франции рукопись. Иногда довольствовались воспроизведением французского оригинала, проданного, секвестированного или доверенного. Декарт написал свое «Рассуждение о методе», находясь в Голландии. Издание книги было доверено лейденцу Жану Ле Меру. До наших дней сохранился контракт, заключенный по этому случаю у нотариуса¹⁴. Автор обязывался сотрудничать с издателем в распространении своей книги во Франции; издатель получал право на два тиража, один из которых должен был быть осуществлен вне Голландии, при общем числе экземпляров — три тысячи. После полной распродажи этого выпуска или выкупа нераспроданных экземпляров автором последний получал право собственности на свое произведение. Вместо платы Декарт получил двести экземпляров своей книги.

ГОЛЛАНДСКОЕ ОБЩЕСТВО

Глава XX

Сила кастовости

Расслоение общества

В первые годы XVII века усталость, порожденная затянувшейся войной, и небывалый размах крупного предпринимательства значительно охладили революционный пыл народа. Тем не менее опыт освободительной борьбы наложил глубокий отпечаток на общественные структуры. Усмирение бунтарских настроений, накопление богатств и рост могущества усиливали расслоение общества. Те, кто встал у руля, тяготели к религиозной терпимости и олигархическому авторитаризму, стоявшему на страже местных экономических интересов. Они старались не замечать принца, который задевал их самолюбие. Зато в классах, занимавших нижнюю ступеньку социальной иерархии, по-прежнему теплились добрые чувства к семейству Оранских, потомкам героя-освободителя. Теологические диспуты вызывали живейший отклик у трудящихся, нередко решавших спорные вопросы путем физического устранения оппонентов. Сосредоточение политической и экономической власти в немногих руках усиливало остроту социальных противоречий в Республике, где все платили налоги и имели равное право приобрести акции Индской компании. Привилегии, которыми пользовались сильные мира сего без каких-либо юридических оснований, выглядели грубой формой тирании.

Опережая в этом отношении развитие европейских стран на целых два столетия¹, нидерландское общество в остальном оставалось архаичным, глубоко уходящим корнями в Средние века. В этом и заключается причина некоторых его противоречий. Города дорого заплатили за свою свободу, пройдя через долгие годы войн и раздоров, но пользовались ею в пределах вольностей прежних «коммун». Торговля, поднятая стараниями ловких предпринимателей на мировой уровень, осуществлялась прежними корпорациями. «Имущие», независимо от того, были это богатейшие финансисты или скромные лавочники, в равной мере унаследовали нравы и образ мыслей примитивного бюргерства с его консерватизмом, стремлением разложить все по полочкам, упрямством, приверженностью всяческим предписаниям, недоверием ко всему новому и кичливым признанием ограниченности собственных суждений.

Однако, по мере распространения нидерландского присутствия, общественные нравы начинают испытывать зарубежное влияние, которое, в разной мере воздействуя на разные слои населения, также усиливало социальную разобщенность. В частности, после 1650 года французская мода считалась невероятно престижной у дворянства, офицерства и части крупной буржуазии. Впрочем, это влияние не распространилось далее окрестностей Гааги, наложив особый отпечаток лишь на Южную Голландию; в остальной же части страны ей не придавали особого значения. К 1680 году мелкие лавочники образуют социальную группу, существовавшую отдельно как от узкой касты офранцузившихся крупных капиталистов, так и от замкнувшегося в себе рабочего люда, который, оставаясь чуждым любому иностранному влиянию вплоть до XVIII века, уже не являл собой воплощение отчаянной храбрости и непреклонности героев славного прошлого.

После 1610 года пропасть между классами росла из поколения в поколение. Автор одного амстердамского памфлета, выпущенного в 1665 году, сожалеет, что распространение некоторой элегантности в

одежде стирает в больших городах социальные различия. «Я не могу смотреть без возмущения, — пишет он, — как жена портного шуршит бархатом²...» Но не стоит обманываться. Определенное внешнее сходство в образе жизни представителей крупной и мелкой буржуазии действительно могло иметь место. Но каста капиталистов защищала себя от бургеров непробиваемой стеной этикета. Хотя человеческие отношения, конечно же, оставались по-прежнему мягкими, национальный темперамент стойко выдерживал любой натиск со стороны, а вечное добродушие все так же очаровывало иностранцев.

Социальная принадлежность подчеркивалась сложной системой титулов и обращений. К собственным словам, служившим для этой цели, добавлялись французские заимствования (*monsieur, seigneur* и др.). От «могущественных господ» — депутатов Генеральных штатов, «благородных и строгих господ» — членов Адмиралтейства и «благороднейших дам» — их супруг до «господина» бургомистра и «мэтра», которым мог быть хирург, адвокат или старшина гильдии, общество возводило преграды, которые почти невозможно было преодолеть. Профессор именовался не больше и не меньше как «почтенный и весьма ученый господин». Крупный, средний и мелкий торговцы имели разные звания, отличавшиеся тончайшими нюансами. Некому де Вриесу, сохранившему торговлю масличными культурами, писали следующим образом: «Г-ну Вриесу, владельцу масла». Мелкие ремесленники довольствовались французским «мсье». Но со временем блеск всех этих титулов потускнел, и к концу века «сеньором» (*seigneur*) называли даже простого цирюльника. Это слово (впрочем, никогда не имевшее аристократического лоска во французском языке, из которого было заимствовано) утратило свое значение, к вящему огорчению приверженцев порядка. В домашнем обиходе вычурные обращения обычно не употреблялись, но социальная функция имярека всегда подчеркивалась — «господин доктор», «господин пастор», «господин мастер»... Чиновники отказывались

принимать прошения, не содержащие положенного по их статусу обращения.

Таким образом, общество дробилось буквально на сословные группы, одну из которых, в соответствии с давней традицией, составляли французы. В действительности существовало лишь одно сословие, третья. Немногочисленному дворянству чудом удалось выжить, католическое духовенство перешло на полуподпольное положение, а кальвинистские проповедники не представляли собой едиnorodной группы. Поэтому социальные различия (как, впрочем, и политические), в отличие от остальной Европы, строились здесь почти исключительно на различиях материального положения. Эти различия было не так-то легко определить, даже приблизительно. Документов, из которых видно, как жили аристократы, сохранилось достаточно, зато далеко не всегда удается определить оборот средств и личную прибыль крупных негоциантов. На зарплату рабочих могут пролить свет договоры, или расчеты, проводимые гильдиями. Доход других категорий населения остается неизвестным³.

Как же можно представить себе структуру голландского общества? Вверху пирамиды — кучка финансистов, к примеру, некто Лорез Суассо, португалец по происхождению, который в 1688 году ссудил Вильгельму III два миллиона на его экспедицию в Англию. Будучи самым крупным налогоплательщиком Амстердама, в 1624 году он владел миллионным состоянием⁴. Но суммы, по местным меркам столь впечатляющие, были ничтожно малы по сравнению со стоимостью дворянских поместий в соседних странах.

В Нидерландах землевладельцы были не столь богаты. Больших поместий было немного, и земельная рента, по утверждению Темпла, редко превышала 2%⁵. Высокие государственные должности, которые занимали дворянство и крупная буржуазия, не приносили большого дохода, и чиновники, которые, как считалось, должны были жертвовать личным во имя общественного, занимали свои посты лишь до тех пор, пока им не удавалось войти в коммерческие кру-

ги, выгодно купив акции или получив управление семейным наследством. Адмирал, командующий флотом, получал накануне войны 1672 года пять тысяч гульденов в год; пенсионарий Голландии, который по сути являлся первым должностным лицом в Республике, имел годовой доход всего 2000 гульденов⁶. Таким образом, торговец со средним достатком теоретически мог иметь равную, если не бóльшую, покупательскую способность.

Процветающий амстердамский книготорговец платил в 1675 году 50 гульденов налога, что предполагало наличие капитала в 10 тысяч гульденов, к которому добавлялись ценные бумаги стоимостью в 11 тысяч. Такой коммерсант жил в полном достатке в красивом доме с отличной обстановкой и столовым серебром, заблаговременно приобретя для себя и своей жены участок на кладбище у Старой церкви. Каким мог быть его годовой доход? В налоговых отчетах Амстердама, составленных около 1630 года, упоминается примерно 1500 состояний от 25 тысяч до 50 тысяч гульденов. Компенсации, выплаченные некоторым сильным мира сего, лишившимся обстановки в результате стихийного бедствия, достигали 20—30 тысяч гульденов⁷. Богатство распространялось в буржуазной среде с относительной равномерностью. Возможно, среди зажиточных бюргеров имелось лишь несколько десятков очень богатых семейств. Зато служащие и рабочие, занятые в торговле и промышленности, находились на несравненно более низком экономическом уровне. На маленьких предприятиях, строго контролируемых гильдиями, размер заработной платы не был столь произвольным, как у владельцев крупных мануфактур.

Средний доход оставался чрезвычайно скромным. Плотник на судостроительной верфи зарабатывал в 1600 году полштёйвера в час. При средней продолжительности рабочего дня в 12 часов его годовая выручка (если у него не было периодов безработицы) составляла менее 100 гульденов. В 1662 году каменщик, трудившийся без выходных и отпусков, получал в день не больше 24 штёйверов, то есть около 360 гуль-

денов в год, но он должен был сам приобретать и ремонтировать свой инструмент⁸. Правда, следует отметить, что на протяжении всего «золотого века» заработная плата неуклонно росла. Суконщики, которые в 1608 году в Амстердаме имели ежедневный заработок в 14 штэйверов, считавшийся вполне приличным, в последующие годы добились ряда прибавок — в 1631 году они получали уже 18 штэйверов, что составляло около 270 гульденов в год⁹.

Тем не менее увеличение оплаты труда не означало повышения уровня жизни¹⁰. Без учета различий местного характера цены на продукты первой необходимости поднялись от 100% в 1580 году до 166% в 1620 году и до 250% в 1650 году. В период между 1650 и 1655 годами кривая роста цен достигла своей наивысшей точки¹¹. Из-за неурожаев и войн некоторые годы были особенно тяжелыми, в частности 1623-й и 1630-й. На протяжении всего века Голландия считалась дорогой страной. Так, в 1620 году жена французского профессора Ривэ воспротивилась тому, чтобы ее супруг принял кафедру в Лейдене, найдя тамошние цены слишком высокими, а гонорары чересчур низкими. Растущая дороговизна жилья стала одним из основных факторов такого положения. В 1631 году дом среднего буржуа стоил в Лейдене 145 гульденов в год. В 1675 году он обходился уже во все 700. Налог на жилье в размере 1/8 стоимости еще более утяжелил это положение. Развитие предпринимательства на протяжении века увеличило разницу в уровне жизни населения. Крупные состояния прирастали быстрее, чем средние. Служащие, по крайней мере в крупных городах, пополняли ряды пролетариата... и это в то время, как еще в 1690 году заработная плата в голландских корпорациях на 16% превышала оплату труда в Англии¹². По мере увеличения социального разрыва отношения между различными слоями общества стали напряженными, в среде «униженных и оскорбленных» старые духовные традиции сошли на нет. К 1700 году народная культура со всем, что с ней связано в общественном сознании, в главных промышленных центрах исчезла¹³.

Слово «двор», столь престижное во Франции XVII века, было хорошо знакомо и нидерландцам, которые, правда, не вкладывали в их «Het Hof» большого значения. Не обладая реальной политической властью и являясь скорее посредником, нежели хранителем суверенитета, штатгальтер, если бы у него и возникло такое желание, не сумел бы образовать вокруг себя какое-либо подобие Версаля. Его неопределенное положение плохо вписывалось в структуру государства. В течение пятнадцати лет, ловко играя на доверии народа, Фредерик-Хендрик управлял страной как монарх. Затем, в 1651 году, последовала отмена штатгальтерата. В 1672 году его вновь восстановили. И так продолжалось весь «золотой век».

Довлеющее влияние буржуазии навязывало принцам Оранским относительно скромный образ жизни. Из принадлежавших этой семье трех дворцов в Гааге один был не более чем небольшим загородным феодальным замком, похожим на крепость, впрочем, весьма импозантную, другой представлял из себя обычный аристократический особняк, а третий, носивший название «Лесной дом», несмотря на претензии владельцев, был похож не на Люксембургский дворец, а на живописную деревенскую усадьбу. Состояние принца, которое основывалось на доходах от личных владений и доли военных трофеев, положенной ему как полководцу, не позволяло содержать свиту. Набожные и безразличные к искусствам (за исключением Фредерика-Хендрика — великого созидавателя) принцы Оранские не обладали ничем таким, что позволило бы им собрать вокруг себя блестящее общество. Офицеры, благородные дамы, слуги, множество путешествующих иностранцев — никто из тех, кто сделал тот век «золотым», не вышли из придворного круга. Во второй четверти столетия Амалия Ван Сомис, супруга Фредерика-Хендрика, предприняла попытку создать двор, достойный не только этого великого человека, но и Нидерландов, которые в ту пору находились на вершине своего могущества. В

результате клан принцев еще больше замкнулся на самом себе и удалился от народа, превратясь в маленькую офранцузившуюся колонию, затерянную в море настоящей Голландии. Обитатели дворца разрослись за счет толпы пажей, разодетых в парадные камзолы и испанские панталоны, молодых французских и немецких дворян, получивших чины в нидерландской армии. Театральные постановки, комедии, концерты, маскарады, балы, скачки, охота и даже турниры действительно создавали подобие веселой, но ничем не одушевленной версальской суеты.

Все это было мишурой, которая раздражала привыкших к умеренности и воздержанию буржуа. Зато французский король именовал Фредерика-Хендрика «Ваше Высочество», а король Англии предложил сыну штатгальтера руку своей дочери. Придворные изъяснялись исключительно по-французски, одевались по последней парижской моде и даже ели «а ля франсез». Франкоманией заразились и некоторые представители буржуазии, которые обезьянничали, перенимая у дворян их манеры. Но никакой живой струи это течение не внесло. Вильгельм II, пренебрегавший политикой, любивший светскую жизнь, не пропускавший ни одной юбки, завязавший скандальный роман с французской актрисой по прозвищу «Девятый вал», перешел все границы. Штатгальтерат был упразднен на целых двадцать лет. Двор сократился и все это время жил замкнутым мирком своих интриг.

«Королевские игры» немного значили для простого народа, который все еще жил преданиями о Великом Молчальнике*. С картины Яна Стена, выполненной около 1660 года, на нас смотрят славные ребята, празднующие в кабачке день рождения принца¹⁴. Сам принц, будущий Вильгельм III, танцевал французские балеты в своем гаагском дворце на тягостных торжествах вроде годовщины мира 1668 года: всю долгую ночь надо было танцевать в переполненных залах бывшего манежа, где люди теряли сознание от духоты; есть в дрянных буфетах; орать слугам,

---

* То есть о Вильгельме I.

высунувшись в окно, чтобы заказать себе пива или вина, ибо они дежурили снаружи...

Дворянство, уходящее корнями в Средневековье, распределялось в Нидерландах «золотого века» крайне неравномерно. Дворянских семей почти не сохранилось во Фрисландии и на севере и они были относительно многочисленны и политически активны в сельских районах Хелдера и Оверэйсселя. На западе они были истреблены освободительной войной. В 1620 году в провинции Голландия насчитывалось не более 30 дворянских семейств. Дворянство представляло собой незначительную социальную группу, сумевшую приспособиться к новым порядкам и поставившую Союзу часть его военных и управленческих кадров. Но представительская система в парламенте умаляла реальную силу дворянства. Так, в Генеральных штатах Голландии депутаты от дворян имели только 1 голос против 18 голосов городской буржуазии. Возведение в дворянство не практиковалось. Благородные фамилии приходили в упадок или, несмотря на сильное предубеждение, рождались с богатыми буржуа. Униженное положение порождало ответную реакцию некоторых дворян, которые, явно в пику господствующему мещанству, обзаводились поварами, портными и архитекторами французской школы и перенимали версальские манеры. Они принадлежали к весьма малочисленной категории «счастливчиков». В то же время многие обедневшие мелкопоместные дворяне мало чем отличались от крестьян, среди которых жили. Они замыкались в своем одиночестве, и их амбиции простирались не далее звания сельского старосты. Дворянство, словно находясь в изгнании, жило в собственном мире, отдельно от общества, охваченного лихорадкой коммерции и предпринимательства. Оно категорически отказывалось добывать средства к существованию торговлей. Дворяне жили в своих замках или, в зимнее время, в городских домах, предавались литературным занятиям, изучению точных наук, охоте, ведению сельского хозяйства, а то и государственной службе. Благородное сословие всегда

добросовестно исполняло свои обязанности и пользовалось большим уважением. Париваль восхищался вежливостью, скромностью и умом нидерландских дворян. «Но зато если среди них случаются жестокие, гордые или надменные кавалеры, — добавляет он, — никто не выказывает к ним почтения, поскольку, не имея ни зависимости, ни подчинения, люди воздают почести только тем, кто заслужил их любезностями и приятным обхождением»¹⁵. Волей-неволей нидерландское дворянство втягивалось в мир буржуазных отношений. Дворяне приспосабливались к нравам нового господствующего класса и в какой-то, пусть самой незначительной мере к его практицизму, сохраняя память о своих древних титулах, но не выставляя их напоказ.

Правящий класс, вышедший из слоев богатой буржуазии и образующий своего рода патрициат, держал в своих руках рычаги политической власти. Являя собой жесткую олигархию, ревностно охранявшую свои привилегии, новая аристократия рассматривала выдвижение на правительственные посты как единственное средство получения доступа к командным должностям. Иногда этих новых господ именовали «регентами», поскольку они зачастую соединяли с выполнением политических функций председательство во множестве органов, представлявших государственные или частные интересы. Нередко даже их супруги входили в опекунские советы разных благотворительных учреждений. К середине века иностранцы окрестили представителей этого слоя общества словом «рантье».

В то время, окончательно отделившись от купеческой среды, они действительно жили на доходы от вложений в государственные ценные бумаги, акции компаний и не так давно приобретенные земли, заменив товарооборот движением капиталов. До 1650 года их стиль жизни еще почти не отличался от стиля жизни буржуа. Но затем он стал настолько похож на стиль жизни высшего дворянского общества, что к 1700 году эти два класса, объединенные многочисленными смешанными браками, практически слились воедино.

Противодействие политике Фредерика-Хендрика могло сыграть свою роль в становлении этого нового класса, ибо оно подразумевало в конечном итоге демонстрацию силы. Классовое самосознание патрициата сформировалось и окрепло. Оно часто проявлялось в осмысленной воздержанности и простоте, вызывавших неизменное удивление иноземцев и, возможно, объяснявшихся тщательно скрываемым тщеславием. Ян де Витт, в течение 20 лет правивший страной почти как диктатор, вел существование средней руки чиновника, о чем свидетельствует хорошо знавший его Темпл. Одеваясь со вкусом, но без особого изящества, он обычно предпочитал ходить пешком, оставляя карету для официальных церемоний. Ел он то же, что и обычный буржуа. Государство предоставляло в его распоряжение армию слуг, но он не считал ниже своего достоинства, следуя обычаям страны, сам выполнять работу по дому¹⁶.

Мало находилось чиновников, у которых была бы более внушительная свита. Большие города обеспечивали своих бургомистров штатом слуг, необходимых главным образом для представительности и не имевших отношения к их частной жизни. Отсюда и репутация неподкупности, которой пользовался патрициат. Такая репутация была необходимым фактором политического равновесия. Новая аристократия существовала скорее де-факто, нежели де-юре. Исторически ее основу заложили те фамилии, которые еще во времена средневековых «коммун» воспользовались муниципальными уставами для захвата власти. Благодаря войне «регенты» распространили свое влияние на правительство Соединенных провинций, полностью подчинив его себе с помощью уловок, к которым обычно прибегали дворяне и купцы. Режим, который они таким образом навязали стране, вынужден был бороться одновременно как с влиянием мелкой буржуазии, так и с противодействием штатгальтеров. Эта борьба определяет всю политическую историю Нидерландов «золотого века».

Самым мощным оружием патрициата было завоеванное им доверие. Коммерсанты немало пеняли на

такое положение. В 1652 году амстердамские купцы выразили сожаление, что ими правят мэры и префекты, которые, забросив торговлю, утратили представление об экономических проблемах. Тем не менее для открытой вражды не было никаких оснований. Ведь именно в среде самого богатого купечества, медленно, окружая себя стеной светских предосторожностей, патрициат черпал необходимые ему новые силы. Переход из одного круга в другой происходил посредством смешанных браков. Необходимыми условиями такого перехода были отказ от торговли, упорство и терпение.

Глава XXI

Народ

Буржуа

Состояние, личное влияние и связи превратили голландских торговых магнатов, принадлежавших в большей или меньшей степени к новой аристократии, в настоящих титанов мирового масштаба. Мюшерон, Исаак Лемер и Луи де Геер, все трое бывшие переселенцы, были вхожи во дворцы многих монархов и имели влияние на международную политику. Но среди торговой и ремесленной буржуазии такие фигуры являлись скорее исключением. Мещанская среда, от суконщика до пивовара и от модного портного до мелкого лавочника, бесспорно разнообразная в силу размеров состояния, сохраняла в целом семейный уклад и общие интересы (коммерческая специализация еще не зашла далеко вперед, и различные деловые направления тесно переплетались между собой).

Отсутствие политической ответственности, позволявшее буржуазии посвящать себя исключительно своим делам, усиливало ее индивидуализм. Торговля и развлечения, как правило, вполне невинные или поверхностные, — вот и все заботы среднего буржуа. Если его когда и посещала мечта, полет фантазии не

поднимался дальше брака дочери с человеком более богатым, чем он сам. Даже если, накопив деньжат и став владельцем нескольких складов и кораблей, он начинал выходить в люди со шпагой у пояса, дома он по-прежнему разгуливал в халате и туфлях. Однако тупым его назвать никак нельзя. Находчивость или даже лукавство заменяли буржуа остроту ума. Он обладал огромной восприимчивостью и значительными способностями к подражанию, причем почти во всех областях превосходил своих учителей, отличаясь большей оборотливостью. К этим качествам добавлялось непробиваемое упорство, — голландский негодичант никогда не сдавал своих позиций. Если он имел дело с достойным противником, нельзя было найти более лояльного человека. Но стоило ему нащупать малейшую слабину, и он не забывал ею воспользоваться. Его чувство справедливости основывалось не столько на честности, сколько на трезвой оценке обстоятельств.

Для большинства таких коммерсантов возможность обогащения, что характерно для всего «золотого века», явилась плодом беспримерного усердия, строгой экономии и тщательно взвешенного риска. Амстердамское семейство Витсенов положило почти шестьдесят лет, чтобы преодолеть все этапы этого нелегкого пути. Принадлежа к крестьянскому роду, эта семья отправила одного сына на службу во флот, другого — рабочим на рыбный рынок; затем ей удалось скопить денег на небольшое судно, уйти в Балтику с грузом сыра и вернуться с трюмами, полными зерна. Вскоре они приобрели еще несколько кораблей... Но успех вовсе не был гарантирован. Банкротства случались довольно часто и регулировались с безразличием, граничившим с бесчестностью, — случалось, что кредиторам возмещались лишь 3—4% от суммы долга. Погашение в 40% считалось почти чудом.

Низший слой этой буржуазии объединял мелких скромных торговцев, нередко нуждавшихся, в чьих руках почти полностью находилась продажа предметов потребления. К этой категории относились портные и те, кто давал напрокат готовое платье,

торговцы очками, лудильщики, точильщики, цветочники, короче, все, кто держал лавку или мастерскую, отводя под нее нижний этаж своего дома или часть двора. Продажа продуктов питания производилась в специализированных лавках. Мясо, хлеб, пирожки и торты продавали мясники, пекари и кондитеры; пряности и вино — аптекари, фрукты и овощи — зеленщики. В бакалейных лавках покупателю предлагались соль, мыло, сухофрукты, масло и сыр. Владельцы всех этих заведений не имели оснований рассчитывать на продвижение по социальной лестнице.

Представители свободных профессий не составляли особой группы. Проповедники и преподаватели, медики, адвокаты и нотариусы отличались от остальных людей скорее родом занятий, нежели происхождением. Однако их ряды пополнялись далеко не всегда на основе отбора по способностям. Возникали некоторые элементы кастовости. Эскулапы, как правило, принадлежали к крупной буржуазии, если не к новой аристократии. Проповедники же относились к самым низшим слоям общества. В целом нидерландская «интеллигенция» происходила из буржуазных кругов, унаследовав особенности их мышления и образа жизни. В результате получалась смесь добродушия и кастовости, учености и узости суждений, небрежности и чинности. Титулы, дипломы и знание латинского языка объединяли этих образованных бюргеров в социальную группу, уделявшую особое внимание своему профессиональному достоинству, но в то же время раздираемую изнутри завистью и соперничеством. В нее входили, по сути, добропорядочные мещане, нередко довольно тихого нрава, непритязательные, любившие банкеты и легко напивавшиеся в стельку подобно Бодию, чьи выходы возмущали спокойствие коллег по Лейденскому университету. В те же годы изобретатель микроскопа ученый-эмпирик Левенгук так и не был принят на университетскую кафедру, — незнание латинского и иностранных языков явилось для него непреодолимой преградой. Он не сумел подняться выше должности мелкого чиновника города Делфта.

Ниже мелкой буржуазии, отделенная от нее довольно размытой границей, располагалась огромная, экономически нестабильная масса тех, кто жил в постоянной нужде. Во времена, когда Нидерланды считались самой богатой страной Европы, на «чернь» не приходилось практически никакой доли национального капитала. Хотя экономическое и социальное развитие породило новые группы и обособило интересы этих групп, пролетариат по-прежнему отличался тем, что его почти не коснулось пуританство буржуазных нравов. При этом рабочие, слуги, простой грубоватый народ с грошовым заработком поражали иностранцев своей любезностью и добродушием.

Спросите в большом городе дорогу у какой-нибудь служанки или разносчика. К вам выйдут на порог, бросив свои дела, и чуть ли не за руку отведут до нужного места. Но при этом простой народ был ужасно жаден до наживы. Возможность немедленной выгоды взбудораживала целый квартал. Трактирщики, кучера, привратники, торговцы вразнос пытались содрать с незнакомого клиента по максимуму, невзирая на существующие расценки. Иностранцы были вынуждены постоянно защищаться от таких вымогательств. Некоторых это крайне раздражало — хотя подобные нравы были свойственны всей Европе в целом, нидерландцы выглядели скандными, алчными и просто влюбленными в деньги. Даже их скромность и непритязательность казались следствием все той же скупости.

Ко всему прочему, нидерландцы любили подраться. Верно, у богачей дуэли, кстати, запрещенные законом, случались довольно редко (в эти игры играли лишь офицеры да студенты), зато крестьяне, рабочие и моряки дрались отчаянно и обычно из-за какого-нибудь пустяка. Нередко драка переходила в поножовщину. Блестели клинки, текла кровь, полиция закрывала на все это глаза, а судьбы, несмотря на законы, каравшие потасовки тюремным заключением или крупным штрафом, проявляли крайнюю снисходительность.

Жилищный кризис, свойственный нидерландским городам на протяжении всего «золотого века», острее всего чувствовался в рабочей среде. В 1638 году из 20 тысяч работников текстильных мануфактур Лейдена большая часть проживала в жутких халупах, единственным предметом обстановки которых был соломенный тюфяк. Плотник из Зандама Геррит Кист, которого почтил своим посещением Петр Великий, ютился со своей семьей в одной комнатухе. Однако нищета не отменяла старых традиций гостеприимства. Бедная жительница Зандама Мария Нитманс, мать нанятого Петром рабочего, пригласила царя к себе на кружку можжевеловой водки, а жена другого рабочего угостила его «чем Бог послал».

Часы работы, а следовательно, и ритм трудовой жизни в большинстве цехов определяли уставы гильдий. Только городские суды имели право менять режим, но этому предшествовали длительные процедуры. Отсюда вытекала общая стабильность рамок существования, которую могла нарушить практически только безработица. Правда, в некоторых отраслях установленный порядок нарушали внешние причины. В транспортной промышленности и судостроении, тесно связанных с торговлей, при малейшем замедлении перевозок и товарооборота сворачивалась деятельность и увольнялся персонал. То же происходило и во время военных действий, пусть даже в отдаленных районах. На фабриках, использовавших силу мельниц, рабочий день при благоприятном ветре затягивался сверх всяких норм.

Старые ремесла, всего за несколько лет перешедшие в провинции Голландия в разряд промышленности, например текстиль, не подпадали под законодательство корпораций. Всплеск активности на мануфактурах Лейдена вызвал в этом городе значительную концентрацию рабочего класса. В XVII веке Лейден был вторым по величине индустриальным городом в Европе после Лиона. Приток беженцев позволил заменить традиционно женский труд на исключительно мужской, а увеличение предложения, который он вызвал на рынке труда, — поддерживать зара-

ботную плату на самом низком уровне. Затем на работу снова стали приниматься женщины, но уже за нищенское жалованье, и, переиначив положения устава гильдий об ученичестве, на фабрики начали набирать детей. Эксплуатация последних, иногда брошенных в цех с шести лет, уже к 1620 году обретает в Лейдене, а вскоре и в Амстердаме, Алкмаре, Утрехте и Гронингене тот бесстыдный характер, который она впоследствии примет в Англии на заре эры машин. Уже в 1597 году вышел декрет, направленный против некоторых промышленников, которые доводили детей до состояния полурабов под благовидным предлогом «ученичества»¹. Приводились примеры, когда хозяева отправляли подростков-подмастерьев после работы в город просить милостыню. Бывало, что возмущенные судебные власти вмешивались и наводили порядок, как это имело место в Делфте, в 1636 году.

Учениками брали детей рабочих, что делало положение последних практически безвыходным. Вербовщики подбирали на дорогах беспризорников, маленьких попрошаек, некоторые из которых забиралась сюда из Фрисландии, Фландрии и Германии. Сирот из государственных приютов частенько сдавали в аренду на производство, где они получали за работу жалкие гроши. Во время текстильного бума 1638—1648 годов владельцы лейденских мануфактур «приобрели» 4000 льежских детей, которых доставил один торговец. Муниципальные власти, не осмеливаясь раз и навсегда пресечь подобную практику, все же пытались ограничить ее. С 1641 года в Лейдене существовала инспекция труда, контролирующая применение детской рабочей силы. В 1646 году особым предписанием рабочий день для детей был ограничен 14 часами! В 1648 году город нанял учителя, который был призван дать хоть какие-то зачатки образования детям, занятым на мануфактурах.

Удел взрослых рабочих был столь же незавидным, как и у их детей. В отраслях, где еще сохранялся прежний ремесленный характер, человеческие отношения еще могли иметь определенную теплоту, однако условия труда в ходе века значительно ухуд-

шились. «Голландец, — утверждал Кольбер, — выполняет за день работы больше, чем француз за неделю». Трудовой задор, свойственный нидерландским рабочим, обеспечивал в сочетании с плотным графиком высокую производительность, которой так завидовал министр Людовика XVI. Количество часов работы в день и рабочих дней в году со времени Реформации значительно возросло. В частности, заметно сказалась отмена праздничных дней, установленных некогда католической Церковью. Воскресный отдых также более не был гарантирован. Кое-где трудились даже по ночам.

Вместе с тем говорить о «рабочем вопросе» или «социальной проблеме» в Нидерландах «золотого века» не приходилось, поскольку никто, похоже, не считал сложившееся положение несправедливым. Правда, время от времени все-таки налетал слабый ветерок недовольства. Так, в 1619 году синод Дордрехта официально выразил пожелание, чтобы заработная плата соответствовала выполненному труду и чтобы работники могли пользоваться правом на воскресный отдых. В 1601 году городские власти Амстердама запретили кондитерам чересчур пышно украшать торты, выставляемые в витринах, «дабы не огорчать бедных людей, у коих сие зрелище родит зависть и досаду»!² В действительности социальная политика муниципалитетов ограничивалась, как мы это увидим в следующей главе, организацией различных благотворительных учреждений.

Социальные потрясения, охватившие Нидерланды в XVII веке, отличаются разрозненностью, более или менее анархическим характером и полным отсутствием организованного движения. При этом демонстрации, забастовки, стычки происходили чаще в цехах корпораций, нежели на крупных мануфактурах. В Лейдене были зарегистрированы забастовки в 1637, 1643 и 1648 годах, а также бунт в 1638 году. Инциденты такого рода происходили время от времени в крупных городах, правда, без каких-либо серьезных последствий. В 1629 году вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну отрезало Нидерланды от

польской пшеницы, что вызвало подорожание хлеба. В Лейдене толпа бедноты разгромила и разворовала булочную. Муниципалитет ввел в дело полицию, схватившую трех зачинщиков, которые подверглись публичному наказанию кнутом, и спокойствие тут же восстановилось. В 1672 году хорнская «чернь» при подстрекательстве какой-то женщины взяла штурмом дом бургомистра, сокрушив мебель, выкатив из подвалов бочки и вылив их содержимое прямо на мостовую. При приближении отряда городской милиции все моментально разбежались.

Чаще всего причиной беспорядков оказывался уровень оплаты труда. Мастера гильдий, магистраты раскрывали «заговор» и пускали в ход средства подавления — тюрьму, штрафы или даже высылку в деревню, что в перенаселенной стране могло обречь на голод. Иногда предприниматели все же шли на уступки рабочим, повышая жалованье. Ставкой в этой борьбе являлся не столько уровень жизни, сколько экономическая монополия нескольких крупных капиталистов, стремившихся любой ценой поддерживать общественный порядок. С начала века применение предпринимателем оружия против собственных рабочих считалось чуть ли не его законным правом. Сразу после лейденских волнений 1638 года Генеральные штаты содействовали созданию ассоциации промышленников из десяти городов, занятых в текстильной отрасли. Это объединение позволяло, в частности, осуществлять контроль над перемещением людских ресурсов, рабочим начали выдавать «дневник» хорошего поведения. Принимая меры такого рода, власти исходили из собственных представлений о справедливости, не соответствовавших реальной жизни³.

Труженники моря

Моряки составляли в Голландии, Зеландии и Фрисландии особый класс, отличавшийся своей многочисленностью. Жизнь вдали от берега накладывала неизгладимый отпечаток на их характер и образ жиз-

ни, порождала собственные традиции, что превращало морских волков в легко узнаваемый человеческий тип. Род занятий, несомненно, имел значение, моряки разделялись на рыбаков и каботажников, корсаров и матросов компаний или адмиралтейств, но в целом все они имели и некоторые общие черты: в них было больше грубости и простоты, чем у обитателей суши. «Проводя все время в море, — писал Париваль, — они совсем не имеют сношений с внешним миром и не могут ни обрести вежливых манер, ни исповедовать другой добродетели помимо терпения; ветра и бури неотступно испытывают их. Им не занимать храбрости, но я не беру на себя смелость оспаривать утверждение, что их достоинства чаще надобно отыскивать, нежели видеть, как оные сами себя проявляют»⁴.

Уходя в плавание, эти люди, трезвые, крепкие, иногда суровые и вечно кочующие по волнам, покидали в прибрежных поселках жен и детей. Несмотря на долгие странствия, их половая жизнь оставалась упорядоченной, а сердце верным. Как-то раз, перевозноя естественные добродетели, Грослей противопоставил нидерландских моряков французским матросам из Прованса, имевшим по семье в каждом ближневосточном порту⁵. Даже капитаны, в большинстве своем весьма скромного происхождения, которым образование заменял огромный опыт, в отличие от своих французских, английских или датских коллег не заводили на борту ни любовниц, ни слуг, ни винных погребков. Сыр и пиво были их единственной пищей, собака — единственной компанией, поддержание в порядке корабля и экипажа составляло единственную заботу.

Постоянное соприкосновение с самыми грозными проявлениями сил природы сделало моряков суровейшими людьми. Если при штиле беспомощно опадали паруса, матрос играл на флейте волшебную мелодию, чтобы поднять ветер. Когда шторм грозил опрокинуть корабль, матрос колотил юнгу, пытаясь этим смирить свирепый нрав моря. Даже страдая от голода, матросы не пытались убивать морских птиц,

тучи которых всегда кружились над мачтами, поскольку, согласно поверью, в них нашли приют души утонувших моряков.

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия жизни, матросские мятежи случались редко. В ходе первых экспедиций к Дальнему Востоку и Крайнему Северу экипажи несли огромные потери, которые прекратились с адаптацией к суровым климатическим условиям и обретением необходимого опыта. Команды судов, уходящих в дальнее плавание, набирались в Нидерландах и частично прилегающих территориях из бродяг или полунищих рабочих за воистину смехотворное жалование (было важно максимально снизить себестоимость рейса, чтобы выдержать иностранную конкуренцию).

Матрос военно-морского флота получал в 1630 году каких-то 30 гульденов в месяц. Эта сумма не менялась в течение последующих 75 лет. Твердый и долгосрочный контракт оставался исключением из правил. Безработица дамокловым мечом висела не только над простыми матросами, но даже над младшими офицерами — лоцманами, судовыми врачами, боцманами, мичманами, лейтенантами и часто угрожала самому капитану, который, впрочем, в социальном отношении мало отличался от своих подчиненных. Постоянный корпус капитанов военно-морского флота сложился лишь после 1628 года. В то время как судовладелец выигрывал 100% и более с денег, вложенных в торговое или рыболовецкое судно, матросы и командный состав жили на грани бедности. Население прибрежных деревушек, таких, как Мааслэйс, считалось «нищим»⁶. Небывалая трезвость моряков, несомненно, была не столько добродетелью, сколько осознанной необходимостью.

Капитан лично отвечал за состояние вверенного ему судна и экипажа. Его репутация зависела от того, насколько разумно он распорядится суммой, выделенной судовладельцем или адмиралтейством, а его личный доход был пропорционален средствам, сэкономленным на приобретении съестных припасов, очистке судна и санитарных работах. Погреть

руки на казенных деньгах было непреодолимым искушением для матерых морских волков без гроша в кармане.

Хотя большинство нидерландских судов содержалось несравненно лучше и в большей чистоте, чем корабли других стран, служба на них превращалась в настоящую каторгу, — в трюмах и на палубе не протолкнуться из-за чрезмерного количества товаров, на борту царят грязь, грубость и голод. Время от времени, по прошествии нескольких лет, какому-нибудь капитану удавалось вылезти из массы моряков и подняться ступенькой повыше. Он правдами и неправдами мог сколотить небольшое состояние или получить часть прибыли своих хозяев. Такой капитан, уходя на покой, покупал себе уютный домик и — типичный признак буржуазности — заказывал свой портрет.

На протяжении столетия адмиралтейством принимались различные меры по социальной защите матросов, пострадавших за отечество в морских сражениях, — выплата пособий за увечье, пенсии вдовам и сиротам. Моряки, уволенные из флота по старости, находили приют в комфортабельной богадельне Энкхёйзена. Но эти счастливицы представляли собой привилегированное меньшинство в огромной массе «тружеников моря».

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в области морского судостроения, угроза кораблекрушения оставалась неотъемлемой частью повседневной жизни моряка. Хроника того времени свидетельствует о нескончаемой серии катастроф, порой потрясающих воображение. В 1657 году на китовой охоте исчезли сразу 50 шхун. Некоторые кораблекрушения стали знаменитыми. Например, случай с Бонтеко, происшедший в 1619 году. Бонтеко командовал кораблем водоизмещением в 500 тонн, с экипажем 600 человек. В разгар бури один матрос нечаянно поджег бочонок с водкой; несмотря на усилия команды погасить огонь пламя перекинулось на бак с маслом, а затем на бочки с порохом, которые не успели сбросить в море. Корабль взорвался и в одно-

часье затонул. Бонтеко, держась за обломки судна, сумел доплыть до кучки уцелевших членов экипажа, которым удалось спустить на воду шлюпку. Тринадцать дней их носило по волнам под палящим тропическим солнцем, без еды и компаса. Бонтеко смастерил из рубах грубый парус, а из дощечки — подобие секстанта для ориентирования по звездам. Люди ели рыбу, пойманную руками, пили собственную мочу. Обезумев от лишений, матросы попытались зарезать и съесть юнгу. Бонтеко удалось удержать команду от этого преступления и сохранить над ней контроль вплоть до того счастливого момента, когда они, наконец, достигли берегов одного островка в Индийском океане, откуда позднее вернулись домой на борту голландского судна. Были и другие похожие происшествия. Голландский корабль «Равен» перевернулся прямо под парусами, но не пошел ко дну. 83 человека экипажа из последних сил держались за киль опрокинутого судна под ударами волн бушующего моря. Когда спасательная команда смогла подойти к месту крушения, в живых оставалось только 20 человек...

Неспокойное море и малая глубина почти повсеместно делали прибрежные воды Нидерландов чрезвычайно опасными для навигации. Стоило кораблю выйти на мелководье, как он подвергался риску разбиться под ударами волн или перевернуться под сильным порывом ветра. С этим связано значение права на имущество, которое уцелело в результате кораблекрушения. Если судовой команде или ее части удавалось спастись, все, что осталось от корабля, возвращалось владельцу за вознаграждение; в случае гибели экипажа оставшееся имущество переходило к административному округу, на территории которого оно было найдено. И тогда перед судовладельцем вставала проблема возвращения собственности. В 1660 году в Зеландии была изобретена машина для подъема затонувших судов. В память этого события даже выпустили медаль, изображавшую новую машину, с девизом «Soli Deo honor et gloria» («Для чести и славы Всевышнего»).

Помимо уцелевшего в результате кораблекрушения имущества это право распространялось и на китов, которые временами выбрасывались на пляжи голландского побережья. Из одного такого животного деревушка, на чьей земле оно было обнаружено, могла получить ворвани на 500 полновесных гульденов.

Крестьяне

Крестьянство, и бедное, и зажиточное, было столь же неоднородно, как и городское население. Но это было не так заметно из-за их общности, основанной на постоянной работе с землей и невероятно косной приверженности к традициям.

Нидерландские крестьяне, как отмечают Париваль и Темпл⁷, отличались скорее большим упорством, нежели трудолюбием. Обыкновенно это были высокие и крепкие парни, с замечательно свежим цветом лица благодаря вегетарианской и молочной пище. Грубоватые и недалекие, при этом сами они не любили невежливого обращения. Обстоятельное увещевание имело над ними больше силы, чем ругань, конечно, если им давали достаточно времени, чтобы медлительные мозги смогли переварить все доводы. Близость больших городов нисколько их не манила. Безупречная честность и житейская мудрость, составлявшие их наиболее выдающиеся добродетели, сохранялись лишь в обособленных деревнях, отрезанных от разлагающей городской суеты. «Они довольствуются тем, что принадлежит им по праву, — пишет Париваль, — и если вы пожелаете заплатить им пять су за то, что стоит два с половиной, они примут только то, что им причитается, а остальное вернут обратно»⁸. Если бы щедрый господин попробовал настаивать, его приняли бы за сумасшедшего. Грослей описал церемонию, предшествовавшую покупке шерсти у крестьян северной части Голландии. Когда торг затягивался, продавец, говоря последнее слово, протягивал покупателю стакан, бросал туда дукат и наливал можжевелевой водки. Оба чокались, пили, смотря друг другу в глаза. Если поку-

патель мог ухватить дукат губами, сделка считалась совершенной, стороны били по рукам, и дукат доставался в награду покупателю. Если же монета оставалась на дне стакана, стороны расходились, но подобру-поздорову, с взаимными пожеланиями добра и счастья⁹.

Крестьяне деревень, лежащих поблизости от городов, лучше других постигли преимущества капитализма. До них дошло, что продовольственное снабжение города в большой степени зависит от них и что этой ситуацией следует воспользоваться. Поэтому среди них чаще, чем в глубинке, встречались зажиточные люди.

Бесподобная чистота, которая царила в крестьянских домах и даже в стойлах, приводила в восторг путешествующих иностранцев. Коров в этом краю чистили скребницами так, как в других странах ухаживали только за лошадьми. Им заботливо подвязывали хвосты, чтобы, избави бог, они ненароком не испачкались. Уже в XVI веке, по свидетельству Джикьярдини¹⁰, чуть ли не каждый нидерландский крестьянин умел читать и писать. Эти слова следует понимать буквально — читать и писать, ничего больше (сельскому священнику редко и с большим трудом удавалось вложить какие-либо абстрактные знания в дубовые головки учеников приходской школы); кроме того, речь идет о крестьянах, но не крестьянках (девочек в школу не отдавали). Но и при этом интеллектуальный уровень крестьянства в Нидерландах был по тем временам относительно высок.

Отношения с городом имели характер либо экономический (сбыт сельскохозяйственных продуктов), либо развлекательный (посещение церковных служб). Но крестьяне все еще испытывали смутное недоверие к городам, этим скоплениям людей и домов, где грехи глядят из каждого окошечка. Крестьянин неблагосклонно относился к ухаживаниям городского паренюка за своей дочкой. Последствия этого неблагоприятного тиранства легко предсказуемы.

Еще более, чем горожане, крестьяне держались культа семьи и общины. Во время своего прожива-

ния в деревушке Эгмонт великому Декарту привелось наблюдать крайнее снисхождение судей к молодому крестьянину, его соседу, обвиненному в убийстве второго мужа своей матери, которая, будучи не в силах выносить бесчеловечные побои, решила оставить любящего подраться супруга. После обмена угрозами клан потребовал, чтобы парень отомстил за мать, и в завязавшейся потасовке враг был повержен. На кого же следовало возложить ответственность за преступление? Стоя у гроба, члены семьи простили убийцу¹¹.

Освободительная война дорого обошлась деревне. Сезонные опустошения, тактические разрушения, карательные походы. За 25 лет район Эйндохвена менял хозяев 11 раз. Эти беды породили народную литературу, получившую название «жалобы крестьянина», и укоренили в деревне страх перед солдатней. Вместе с тем падение испанского режима впоследствии пошло на пользу зажиточному крестьянству. Фермеры брали в аренду бывшие владения католической церкви и некоторых дворян, отнятые в казну или выкупленные государством. Были отменены все прочие феодальные повинности, кроме денежного оброка. Юридический статус крестьянина более ничем не отличался от статуса буржуа. Этот класс, только вчера сбросивший с себя оковы, был окрылен проснувшимся диким духом свободы. Рассказывали, что один крестьянин выпроводил вилами со своего поля охотившегося там короля Чехии, «гостившего» в Нидерландах. Каждая деревня имела своих местных администраторов, собственного балья и третейских судей, назначаемых властями провинции или помещиком и являвшихся высшей судебной инстанцией. Учреждался свой ежегодный праздник, создавались местные общества развлекательного толка. Жители некоторых деревень, хорошо расположенных и умело управляемых, благодаря процветанию городов неплохо нажились. В Жиспе встречались великолепно одетые крестьяне, которые правили собственной четверкой лошадей, запряженных в шикарную коляску, и хлопали кнутами не хуже своих помещиков.

Особая ситуация сложилась во Фрисландии и, с небольшими отличиями, в Гронингене, которые не знали крепостного права. Земля там принадлежала свободным крестьянам, объединенным в независимые общины. Арендные в дальнейшем угодья управлялись чрезвычайно сложным правом, сходным с современными долгосрочными арендными договорами. Эта многовековая система взрастила кулацкую элиту, помыкавшую массой фермеров и батраков¹².

Поденщики и другие пролетарии села образовывали социальную группу бедноты, ведущей в основном кочевой образ жизни. Весной нестройные толпы сезонных рабочих с женами и детьми, таща за собой повозки с нехитрым скарбом, поднимались на север, чтобы наняться на выкорчевку дубов. Это ежегодное переселение сопровождалось большой детской смертностью. Месяцами рабочие жили в чаще леса, ютясь в убогих землянках, которые они оставляли после окончания сезона, чтобы вновь вернуться сюда на следующий год — в жалкие лачуги, заросшие сорной травой, обветшавшие от непогоды. Там и тут в течение века формировались общества сельскохозяйственных рабочих, платящих взносы в касу взаимопомощи, но они объединяли лишь наименее обездоленных.

Глава XXII

Бедность и преступление

Как мы уже могли видеть, часть народа периодически скатывалась к нищете. Но еще ниже, чем эта голь, жили маргинальные слои общества, находившиеся в постоянной экономической депрессии. Частые периоды безработицы и миграция людских ресурсов в ряде отраслей не дают провести четкой границы между самой необеспеченной частью рабочего класса и настоящими бродягами. Вместе они образовывали разнородную среду, к которой примешивались сопутствующие элементы и чьим главным отличием от других был постоянный голод.

Присутствие этой прослойки, неприемлемой обществу и в то же время страдающей от его экономических пороков, особенно заметно проявлялось в нищенстве. Эта неизлечимая болезнь городов и деревень с каждым годом обострялась. Штаты провинций время от времени пытались запретить нищенство, но процесс этот не могли остановить написанные на бумаге законы и предписания. Амстердам кишел попрошайками и лжекалеками. После перемирия и увольнения наемников из армии положение ухудшилось. Шайки подозрительных личностей кочевали с места на место, укрываясь по притонам и «малинам», обдeldывали разного рода незаконные делишки, воровали, а порой и убивали. Законы о высылке гнали работников большой дороги из провинции в провинцию. Говорили они на таком невообразимом жаргоне, что в 1613 году кто-то посчитал полезным издать специальный словарь. Кто мог отличить нуждавшегося от разбойника? Ко всем этим бродягам примешивались цыгане — хироманты, гадалки и, как считалось, похитители детей. Никакие меры не помогали выгнать их из страны.

Безоружного ночью в Гаагском лесу подстерегала опасность. Так в 1643 году там нашли голову недавно убитого, но полиция так и не смогла найти убийцу. А в 1661 году там же две девушки из хорошей семьи были похищены среди бела дня. Города, стремясь усилить эффективность действий полиции, издавали постановления об аресте не имеющих разрешения нищих, а также стимулировали граждан указывать на подозреваемых в воровстве и даже задерживать их. Группы «охотников за бедными» с помощью собак изгоняли бродяг из деревень.

Более или менее сознавая экономическую природу этого социального явления, муниципальные власти шли на бесплатную раздачу продовольствия в голодные годы и в периоды резкого подорожания жизни. Заказывалось судно с хлебом или овсом, из которого пекли хлеб для нуждавшихся. В 1634 году в Лейдене подобную помощь получили 20 тысяч человек¹. В Амстердаме раз в неделю проходила официальная

раздача денег неимущим. Реформатская церковь содействовала этим акциям, которые, впрочем, охватывали только тех отверженных, у которых было хоть какое-то пристанище, пусть даже и временное. В холодные зимние месяцы дьячок или служащий муниципалитета разносил по их лачужкам немного масла, сыра, хлеба и торфа. В теплое время раздача продуктов прекращалась. Каждый должен был выпутываться из беды сам².

В целях обеспечения подобных мероприятий городские власти или церковь периодически организовывали благотворительные сборы. Буржуа нередко проявляли большую щедрость. Случалось, что умело проведенный сбор приносил в большом городе до 15 и даже 25 тысяч гульденов. Традиционно пожертвования делались по особым случаям, например по случаю свадьбы в семьях богачей. Во многих городах по окончании похоронной церемонии сукно с катафалка поступало в пользу бедных. Кроме того, не бывало такого случая, чтобы, умирая, буржуа не завещал какой-нибудь суммы на богоугодные дела. Слава о милосердии нидерландцев облетела всю Европу. Людовик XIV накануне своего вторжения в Голландию уверял Карла II: «Не тревожьтесь об Амстердаме. Я глубоко убежден, что Провидение защитит его, хотя бы за одну только благотворительность...»

В Лейдене, где было особенно много промышленных рабочих, была учреждена особая инспекция по делам неимущих, которая располагала крупными суммами для вспомоществования. Во второй половине века во многих городах на личные средства частных лиц строились бараки, сдававшиеся за почти символическую плату малообеспеченным гражданам. Повсеместно существовали богадельни, оставшиеся еще от старых церковных орденов и управлявшиеся государством. Эти учреждения в наиболее крупных центрах имели разнообразную специализацию. В Лейдене имелись богадельня для бездомных, дом престарелых и сиротский приют. Но главной функцией этих прибежищ с начала XVII века было пресечение бродяжничества. В большинстве на-

селенных пунктов средней величины странник находил приемный центр, иногда при местной больнице, где мог бесплатно провести три дня. Утром четвертого он должен был уйти. Тем не менее в некоторых городах приток бродяг достигал таких масштабов, что с июня по октябрь приюты закрывались! Обустроены эти заведения были очень просто: большая общая комната с обогревом и рядами деревянных лавок; два спальных помещения, одно для мужчин, второе для женщин. После еды служители из предосторожности забирали у постояльцев ножи. Ночью ночлежки запирались, как тюремные камеры.

Помимо больницы в Амстердаме имелось несколько сиротских приютов и дом престарелых, где содержалось до 400 бедных старушек. В 1613 году был основан «Приют милосердия», где находили пристанище отверженные, жившие подаянием. Чтобы попасть туда, требовалось прожить в городе несколько лет и иметь тому соответствующее подтверждение. Но и нуждающимся странникам приют выдавал денежные пособия. Начальник (прево) и служащие, приданные этому заведению, обходили город, подбирая нищих. Впоследствии приют стал заниматься еще и беспризорниками, поступавшими в огромном количестве, а также отвечать за проведение похорон на казенный счет.

Управление всеми этими благотворительными учреждениями препоручалось городом комитетам, в которые входили уважаемые граждане, мужчины и женщины, считавшие такое дело богоугодным. Если на уровне простых служителей руководство богаделен оставляло желать лучшего, то высокопоставленные шефы, напротив, выполняли свои обязанности с безукоризненной точностью. Финансирование этих заведений осуществлялось за счет доходов от бывших церковных владений, к которым добавлялись, особенно во второй половине века, различные фонды и пожертвования. Сбор средств в пользу бедных проводился по домам раз в месяц и каждое воскресенье в церкви. В определенных местах города устанавливались ящики для пожертвований. Муниципа-

литет отводил в пользу приютов средства от различных налогов — на импортное зерно, на аукционы, на банкеты, на пышные похороны. Наконец, периодически проводились благотворительные лотереи, весьма почитаемые в обществе. Случалось, первый же лот приносил тысячу гульденов, когда билет продавался за 2 штэйвера³.

К концу века благотворительные учреждения уже не справлялись со своими обязанностями из-за все возрастающей массы нуждавшихся, их финансирование было недостаточным. Изобретались временные полумеры, как то: установление специальных налогов, увеличение числа лотерей и высылка немущих по месту рождения.

В начале века Амстердам располагал двумя приютами, каждый из которых служил одновременно и тюрьмой, и исправительным домом. Мужчины помещались в Распхёйс, женщины в Спинхёйс⁴. Фронтон первого украшала надпись по латыни, определявшая функции этого заведения: «*Virtutis est domare quae cuncti pavent*»⁵. Воспитанники, направленные сюда решением суда, приговаривались к ручному труду, главным образом очистке от коры древесины, как правило, бразильской (отсюда и название: *raspen* означало строгать). Того, кто отказывался работать, нещадно пороли. Если он продолжал упорствовать, упрямя бросали в подвал, который через трубу медленно заполнялся водой; чтобы не утонуть, заключенный был вынужден постоянно качать насос, против желания приобщаясь к труду. Бродяги, воры, подонки всех мастей соседствовали в Распхёйсе с «трудными» подростками, заключенными сюда по желанию родителей. В Спинхёйсе (доме, где прядут) содержались проститутки, девушки, сбежавшие из-под родительского крова, женщины, заточенные собственными мужьями за недостойное поведение или пьянство. Наиболее состоятельные из этих дам могли за определенную плату поселяться в отдельных камерах.

Несколько случаев, взятых из криминальной хроники Амстердама, позволяют получить представле-

ние о том, с какими делами приходилось сталкиваться органам правосудия. Тринтье Питерс, служанка, была приговорена к смерти за убийство собственного ребенка; Лоренс Корнелисс, воспитанник Распхёйса, был повешен за взлом сейфа бальи в окрестностях суда, вынесшего приговор; Жан Франкхойс был приговорен к позорному столбу за двоеженство; такое же наказание получил Абрахам Фредериксен, служивший у гравировщика надписей на могильных плитах при монастырском кладбище, — за обворывание трупов; солдат Эрнст Рип был приговорен к смертной казни за убийство товарища. Альберт Альбертс и его жена, скупщики краденого, были повешены за похищение из общей могилы головы и правой руки казненного — несомненно, их заподозрили в колдовстве. Перечень можно продолжать бесконечно. Убийство, кража, поджог и подделка не сходят со страниц судебных отчетов. Одна почтенная дама, Гриет Андриес, привлекалась к ответственности 32 раза. Уголовный кодекс был неумолим к нарушителям закона. Особенно сурово карались воровство, незаконное проникновение в чужой дом и подделка почерка. Наказания отличались жестокостью. Шестнадцатилетним мальчишкам клеймили лбы раскаленным железом; восьмидесятипятилетний капитан, виновный в убийстве, был сожжен заживо. Один рецидивист за год был 11 раз бит кнутом и пять раз клеймен железом. За последнюю четверть XVII века в Амстердаме вынесли 209 смертных приговоров.

Подобная жестокость объяснялась некоторой бесчувственностью, общей для всей Европы. Гроций оправдывал ее необходимостью запугать потенциальных преступников. Отсутствие единообразия в нидерландском уголовном кодексе еще ухудшало положение. Законы и обычаи отличались от провинции к провинции, если не от города к городу, и все попытки их унифицировать наталкивались на глухую враждебность местных судебных инстанций. В этом юридическом хаосе затерялось само определение преступления. Его критерием, оставленным на усмо-

трение служителей Фемиды, было решение, что «это не может остаться без возмездия в обществе, где властвует закон». Согласно такой формулировке богохульство или расчет фальшивыми деньгами были такими же неблагоприятными поступками, как убийство или государственная измена.

Считалось, что признание подозреваемого является неопровержимым доказательством его вины. Естественно, что при допросе полиция пыталась ускорить процесс, вырвав его пытками, хотя это и было незаконно. Обвиняемого растягивали на дыбе, заставляли принимать вещества, вызывавшие отторжение, били кнутом, жгли... Подобные методы установления «истины» процветали по всей Европе. Голландские юристы различали пять степеней пытки; в более милосердной Фрисландии их было всего три. Эти классификации служили основой для определения размеров наказания, поскольку пытка часто предшествовала вынесению приговора, после того как помогла выбить признание на допросе.

Судьи, слывшие за утонченных и цивилизованных людей, без малейших утрызений совести или отворачивания смотрели на работу палача, которая продолжалась порой столь долго, что слуги приносили им еду прямо в пыточный подвал, где «обрабатывался» очередной несчастный. Они лично выбирали вид наказания из привычного арсенала того времени, немислимого и кровавого. Отрубали правые руки, носы, уши; жгли языки, выкалывали глаза, рвали щеки, клеймили плечи раскаленным железом. За малейшие проступки виновного выставляли к позорному столбу в деревянной колодке, из которой торчала только голова, с надписью или символом, определявшим преступление. Или же его водили по всему городу в оскорбительно нелепом одеянии.

Торговца вразнос, продававшего запрещенные книги, таскали по улицам в докторской шапочке и со связкой злополучного товара на шее. Мелкие ворюжки «прогуливались» по городу с украденными предметами на голове под присмотром двух сержантов. Позорный столб — эшафот перед городской рату-

шей — не уступал по комфорту пыточной скамье. Выставление на публичное обозрение было глубоким бесчестьем, которое не пугало разве что самых пропащих.

Другие наказания носили социальный или экономический характер — лишение сословных прав, запрещение заниматься той или иной деятельностью, штрафы и пр. Изгнание позволяло под каким-либо предлогом избавиться от «опасных элементов». Их высылали на месяц, пожизненно или даже на сто лет и один день! Виновному в нанесении телесных повреждений запрещалось в течение одного года выходить из дома после восьми часов вечера или целых три года посещать трактиры. В годы большого строительства (возведение укреплений, разработка новых шахт в какой-нибудь дальней колонии) суды весьма охотно приговаривали провинившихся к «общественным работам».

Смертная казнь обычно совершалась через повешение, которому нередко предшествовали пытки. Часто петля заменялась более изощренной казнью. Приговоренного, привязав к стулу, обезглавливали ударом сабли, сжигали, топили в бочке или даже закапывали живьем. Иногда подобное проделывали уже с мертвым телом. Так, удачливых самоубийц привязывали к лошади, которая волочила их к виселице для торжественного повешения. Такие экзекуции представляли собой для горожан вполне заурядное развлечение, ничуть не считавшееся предосудительным.

Виселицы возвышались у всех ворот Амстердама. Подступы к большинству городов являли ту же картину: два мощных вертикальных столба высотой от четырех до пяти метров, стянутых сверху поперечной балкой, на которой свободно покачивалось полдюжины удавленников. К одной из опор приставлялась лесенка, позволявшая палачу крепить веревку и подтягивать узел.

Палач был заметной фигурой среди городских служащих. «Магистр высоких дел провинции Голландия с резиденцией в славном городе Гарлеме» — толь-

ко этот заплечных дел мастер мог официально приводить в исполнение приговоры суда на всей территории провинции. Оплата была сдельная — 3 гульдена за обезглавливание, к которым добавлялись 9 гульденов за погребение тела. Колесование приносило больше всего — 3 гульдена за удар, что давало в сумме до 30 монет; на битье кнутом по тем же расценкам можно было заработать не больше 24 гульденов.

К лишению свободы приговаривали относительно редко. Тюремное заключение рассматривалось не столько как наказание, сколько как мера содержания обвиняемого до суда. Заключение со средствами легко могли облегчить свое существование. Зато беднота оказывалась в ужасающей нищете. Недоедание и отсутствие гигиены превращали казенные дома в очаги заразы. Амстердамские тюрьмы располагались в подвальных помещениях городской ратуши и четырех самых старых ворот. Стены двухметровой толщины, зарешеченные окна, сырые истрепанные соломенные тюфяки. В течение века несколькими дерзким узникам удалось отыскать способ выбраться отсюда, как, например, Иоханесу Палмеру, бежавшему в 1652 году. Так и не сумев схватить его, судебские власти заочно приговорили Палмера к изгнанию.

Глава XXIII

Военные

В 1601 году штатгальтер располагал армией, едва насчитывавшей 20 тысяч человек. Ее большую часть составляли английские, французские, немецкие и шотландские наемники, объединенные в роты или полки по национальному признаку и под началом их собственных офицеров¹. Непосредственно нидерландские части были представлены фризцами принца Вильгельма-Людовика и кавалерийским полком принца Морица. Военный пыл Соединенных провинций остался в прошлом. Из двух способов пополнения рядов — привлечения на службу добровольцев и набора наемников — только послед-

ний позволил завершить военные кампании перед перемирием.

К тому же с 1600 года вплоть до французского вторжения в 1672-м все войны, в которых затрагивались интересы Нидерландов, не распространялись далее приграничных районов страны. Большая часть военных действий велась на море, далеко от территориальных вод. В глазах буржуазии, оценивавшей все события лишь с экономических позиций, сухопутные вооруженные силы утратили в это спокойное время свою необходимость. Наемников было вполне достаточно для выполнения тех незначительных задач, которые им доверялись. Тем более их требовалось не так уж много. После перемирия 1609 года из армии было уволено 1500 наемных солдат, а численный состав каждой из оставшихся рот сократился до 50 человек². Мы знаем, какими были социальные последствия этого шага. После заключения Вестфальского мира Генеральные штаты провинции Голландия нашли 50%-ное сокращение армии недостаточным и потребовали от принца довести его до 75%. Конфликт, вызванный отказом Вильгельма II, мог привести к гражданской войне, если бы не смерть штатгальтера и отмена расходов на его содержание, которые позволили регентам одержать победу.

Содержание армии стоило немалых средств, и Генеральные штаты неохотно их выделяли³. Буржуа плохо понимали необходимость этих затрат. А вот на военный флот денег не жалели, ведь процветание торговли в значительной степени зависело от его мощи. Идея использовать сухопутные силы в заморских колониях никогда не рассматривалась всерьез: за исключением бразильской, Великие компании содержали там собственные отряды.

Когда того требовала политическая ситуация, власти шли на набор дополнительных полков. Так, в 1666 году, в ходе войны с мюнстерским епископом, Штаты сформировали армию в 60 тысяч человек. Однако по окончании военных действий солдаты были распущены по домам⁴. Подобное положение дел привело во второй половине века к дезорганизации

военного аппарата, на которую иностранные дипломаты не замедлили указать своим правительствам. В 1670 году армия насчитывала 10 кавалерийских и 19 пехотных полков общей численностью немногим более 26 тысяч человек. Когда в 1672 году в Нидерланды вторглись французы, властям пришлось в спешном порядке завербовать у правителя Бранденбурга 12 тысяч солдат и нанять 10 тысяч лошадей.

Поступление пополнения обеспечивали офицеры-вербовщики. С ними заключался контракт на поставку такого-то количества рекрутов за такую-то сумму. Соглашения с иностранными государствами позволяли этим агентам проводить набор добровольцев на определенной территории. Но их задача далеко не всегда была легко выполнимой. Во время европейской войны людской товар становился редким и стоил больших денег. В других случаях желающие стать под ружье намеренно утаивались. Заставив волонтеров правдами и неправдами подписать договор, вербовщик окружал их надежным конвоем, который доставлял рекрутов к границе. Отсюда, набившись в кочи, будущие маршалы без малейшей задержки отправлялись прямо к месту сбора. В мирное время войска оставались в приграничных гарнизонах, вдали от больших торговых городов. В районах, где солдаты были частыми гостями, наемники образовывали чужеродный элемент, обособленный от остального населения скорее всего из-за предсудительной профессии, а не происхождения. Тем не менее браки между солдатами и девушками из простонародья были обычным делом, и Бускен-Гует даже связывал с этим распространение определенного физического типа человека — малорослого и чернявого⁵.

Гарнизон представлял для города мощный источник дохода — увеличение сбыта продуктов питания и развитие коммерции, вызванное расквартированием войск — казарм как таковых не существовало, солдаты занимали в городе особый квартал, по крайней мере на время зимы. С наступлением весны исчезала проблема фуража для лошадей, и войска разби-

вали лагерь в чистом поле. Вокруг высокого шатра командира и палаток штабных офицеров кварталами выстраивались артиллерийский парк, арсенал, саперный склад, палатки кавалеристов и пехотинцев. Этот сезонный городок сворачивался поздней осенью. Он имел строго установленный план. Одна рота образовывала улицу, в конце которой располагались палатки капитана, казначея, лейтенанта и сержантов. Рыночная площадь отводилась для кабатчиков, торговцев, ремесленников с «гражданки». Женщинам, кстати, здесь также всегда были рады. В этом лагере смешались бородатые ветераны и зеленые юнцы, лентяи, мерзавцы, игроки и пьяницы. Организованное мародерство, переходящее в откровенный грабеж, было неискоренимым злом, равно как потасовки и дуэли между солдатами разных национальностей.

Солдат покупал хлеб и пиво в интендантстве. Хотя он получал не столь нищенское жалованье, как его собратья в армиях других стран⁶, положение его все же было незавидным. Редко кому удавалось выпутаться из тенет профессии. Раз попав на ратную стезю, бедняга тянул ляжку до конца. Подписывая контракт, рекрут решал свою судьбу раз и навсегда. Нередко, задолжав капитану, он оставался в роте, пока еще мог нести службу. Раненые и больные предоставлялись самим себе. Несчастливым приходилось самим разыскивать лекаря и платить за лечение из собственных жалких грошей. Во время войны полевые госпитали превращались в настоящую клоаку, где свирепствовали эпидемии и больные умирали, как мухи. Солдат жил и встречал старость под ружьем. Если его увольняли из армии по старости или болезни, единственным средством к существованию оставалось попрошайничество. Немногим счастливицам удавалось получить место городского стражника.

Офицеры, напротив, занимали достойное положение в обществе, поскольку считались не наемными убийцами, а всего лишь исполнителями воли гражданских властей. Многие из них принадлежали к протестантским дворянским фамилиям из сосед-

них стран. К тому же офицерство, подверженное иностранному влиянию более других общественных групп, отличалось более элегантным и светским стилем жизни. Тем не менее армейские реестры свидетельствуют о вопиющем бескультурье его отдельных представителей, неспособных даже правильно вывести собственное имя!

Офицер являлся собственником подразделения или части, которыми управлял. Рота являлась основной ячейкой пехоты; 20 рот образовывали полк⁷. Рота давала своему владельцу значительный доход. К жалованью капитана добавлялся навар от продажи снаряжения своим солдатам. Кроме того, несмотря на контроль со стороны правительственных комиссаров, офицер, по мере возможности, «забывал» вычеркивать из списков на получение довольствия убитых и дезертиров, присваивая себе жалованье последних. Из сумм, предоставляемых командованием, капитан покупал продовольствие и снаряжение, выплачивал жалованье, пособия по болезни и даже выкупы. В мирное время существенную статью этого бюджета составляло жалованье добровольцам, которые соглашались нести службу вместо отсутствующих регулярных солдат, которые на более или менее продолжительное время исчезали из части, нанимаясь сезонными рабочими к крестьянам или ремесленникам. Униформы солдаты не знали. Из их облачения общими были только шлемы и кирасы. Иногда отличием служил шарф цветов роты. Во многих частях солдаты носили кожаные жилеты, служившие внешним признаком военного. Героический дух XVI века исчез без следа. Что солдат, что офицер были не более чем вооруженными обывателями. К 1640 году среди офицерства распространилась мода на белые галстуки с цветными узлами. Двадцать лет спустя этот элегантный атрибут переняло все порядочное общество.

В Бреде Морицом Нассауским была создана Военная академия, где фортификацию и стратегию преподавали такие знаменитые инженеры, как Стевин. Сюда стекались слушатели со всей Европы. Для дей-

ствующей армии неутомимый принц ввел упражнения с мушкетом и пикой — основным оружием пехоты. В течение месяцев, проводимых в военных лагерях, солдаты ежедневно оттачивали свое мастерство.

Значительную часть армии составляла конница — четверть, а иногда и треть войска. Технический персонал, возчики и кузнецы достигали 10% личного состава. В их число входили и артиллеристы. Нидерландская артиллерия считалась лучшей в мире. В то время 40 орудийных стволов представляли собой огромную силу. В 1627 году под Гролом Фредерик-Хендрик использовал батарею из 80 пушек, а в 1629 году собрал под Хертогенбосом целых 116 орудий⁸. Тем не менее артиллерия служила лишь при осаде укрепленных пунктов. Малоподвижные громоздкие бомбарды препятствовали продвижению войск в открытом поле. Перевозка одного орудия самого крупного калибра требовала 16 лошадей, а на отвратительных нидерландских дорогах превращалась почти в неразрешимую проблему. При спешном отступлении пушки приходилось бросать. Чрезвычайно низкая скорострельность (один выстрел за десять минут) делала орудие бесполезным в бою с подвижной пехотой противника. Орудийный расчет перевозился в зависимости от обстоятельств на подводках или судах, реквизированных или арендованных. Один раз Мориц задействовал до трех тысяч телег, а при осаде Рюнберга в 1633 году он собрал на Рейне флот из двух тысяч барж.

Сухопутные войны, которые велись Нидерландами на протяжении XVII века, были отмечены не столько походами, сколько осадами. В таких кампаниях большее значение придавалось занятию какого-либо населенного пункта на пересечении торговых путей, нежели вообще захвату территорий. Рентабельность предприятия оправдывала затраты. Взятие в 1603 году порта Остенде, самого защищенного места в Европе, обошлось в 4 миллиона гульденов. Но приходилось ли самим голландцам выступать в роли осажденных? При приближении вражеской армии крестьяне из окрестных мест сбегались под за-

щиту городских стен, гоня перед собой скотину и катя тележки со скарбом. Ворота закрывались. Отряды горожан поднимались на стены, втаскивая мешки с песком и зажигательные средства. Дозорные тревожно вслушивались в пока еще отдаленную канонаду. Когда враг располагался станом под стенами города, а сорокафунтовые ядра начинали превращать в щебень фасады зданий, осажденные принимались рыть подкоп. Но осаждающим эта мысль также могла прийти в голову. Так, в Маастрихте, саперы двух противоборствующих армий встретились под землей. Голландцы спешно ретировались, успев бросить в проход дрова, поджечь их и направить дым на испанцев при помощи мехов органа Большой Церкви. Женщины не оставались в стороне от событий, поливая противника со стен кипящим маслом. Когда в городе заканчивались боеприпасы и съедались последние крысы, осажденные разрушали плотины. Это отчаянное средство борьбы, сильно досаждавшее испанцам, прочно укоренилось в военной тактике. Так, в 1675 году, за отказ затопить провинцию с целью избавить наступавших французов от бремени плодов победы, депутаты Фрисландии были приговорены штатгальтером к расстрелу как изменники.

Глава XXIV

Иноземцы и беженцы

Еще более обособленно, чем служители Марса, в Нидерландах проживали многочисленные колонии эмигрантов. По данным одного француза, иностранцы и их потомки, осевшие в Голландии, составляли к 1685 году половину населения провинции¹. Эта колония была столь же разнородна по своему национальному составу (фламандцы, англичане, немцы, скандинавы, французы, швейцарцы), как и по социальному положению ее представителей. Брабантская и вестфальская голытьба пыталась вылезти из нищеты, вкалывая на отбеливании тканей в Гарлеме, а голыштинаец Якоб Поппен, прибывший в Амстер-

дам без гроша в кармане, окончил свои дни в 1624 году миллионером и бургомистром этого города. Франс Баннинг Кок, центральная фигура «Ночного дозора» Рембрандта, был в Амстердаме большим человеком, а происходил из семьи простого бременского рабочего. Регулярные торговые отношения, установленные между Нидерландами и восточным средиземноморьем, привлекли в Амстердам армянских купцов. С 1644 года в Лейдене проживали кефалонский архимандрит и митрополит Эфеса, которым патриарх Иерусалима, с подачи нидерландского посланника (пытавшегося таким образом помешать росту влияния иезуитов на Ближнем Востоке), поручил перевести на греческий основы реформатского учения и катехизис Гейдельберга.

Протестантские беженцы — фламандцы и валлоны, хлынувшие в Нидерланды в конце XVI века, образовывали самую многочисленную группу инородцев, которая сильнее других влияла на развитие страны. Ворвавшись в ее экономическую жизнь, они принесли с собой умение вести дела, равно как и значительные ресурсы, явившиеся решающим фактором на заре «золотого века». Эмигранты внесли живую струю в затхлое болото ремесленных текстильных мастерских Лейдена и отбеливающие мануфактуры Гарлема, внедрив на них новые технологии. Если Амстердам и сумел занять место Антверпена как торгового центра, то во многом лишь благодаря притоку тысяч антверпенских ремесленников и купцов после падения этого города в 1585 году. Наиболее предприимчивые из них заложили основы политики торговой экспансии, принесшей Нидерландам их могущество. Среди них особо выделяется Вильям Уссенликс, богатый купец, который первым ухватился за мысль основать нидерландские колонии в Новом Свете. Были и другие светлые головы — Мушерон, Исаак Лемер... Фламандская волна эмиграции выбросила на голландский берег писателей и ученых. Все эти Хейсиусы, Воссюсы были выходцами из Бельгии. В ходе века Нидерланды становятся излюбленным пристанищем беженцев со всей Европы. Гонимые, сбежавшие

из-под суда, ищущие свободы мысли встречались здесь с торговцами и ремесленниками, привлеченными жизнью, которая открывала для них — или только казалось, что открывала, — невероятные возможности. Для этих людей Республика предоставляла значительные преимущества: большинство городов, а Амстердам в особенности, считались неприступными; реальная политическая власть в руках муниципалитета была или, по крайней мере, выглядела гарантией против любого проявления тирании; торговая политика считалась по тем временам довольно либеральной; свобода совести казалась практически абсолютной; ничто не препятствовало ввозу капиталов, и любой желающий мог положить свои деньги в Амстердамский банк. Наконец, Штаты демонстрировали свое стремление гарантировать право убежища, — ни разу французским посланникам не удалось выторговать выдачу своего беглеца.

Большие города, особенно в провинции Голландия, обрели своеобразный космополитический характер, который был свойствен всем слоям населения. К середине столетия инородное население рабочих кварталов Лейдена, состоявшее ранее из потомков валлонов и фламандцев первой волны эмиграции, пополнилось французами, немцами, лотарингцами и англичанами. Интенсивная научная деятельность, развернувшаяся в нидерландских университетах, привлекла в их стены с 1600 года множество студентов со всей Европы. С 1615 по 1690 год на кафедрах Гронингена прошли обучение 2700 иностранных слушателей. Помимо зарубежных ученых, получивших кафедры в нидерландских университетах и в значительной мере представленных французами, в Нидерланды стекалось множество других служителей науки, искавших спокойного уголка. Декарт провел 30 лет (с 1618 по 1619 год и с 1620 по 1649 год) под гостеприимными сводами учебных заведений Лейдена, Амстердама и Франкенкерка, завязав знакомство со всеми выдающимися личностями Республики. Менард стал капелланом при Вильгельме II и официальным историографом. Среди бежен-

цев был даже один король — Фредерик Чешский, который, лишившись трона, попросил убежища у штатгальтера в 1619 году и избрал местом жительства Гаагу, где в 1632 году скончался. Его вдова с четырьмя очаровательными дочерьми и пятью сыновьями осталась без средств и была вынуждена вести скромное существование мещанки, однако продолжала пользоваться любовью и привязанностью писателей и артистов, которые составили ее «двор».

К середине века среди беженцев преобладали французы. Их число еще увеличилось с отменой Нантского эдикта. Многие гугеноты, которые могли заработать хлеб насущный исключительно благодаря родному языку, открыли «французские школы». Муниципалитеты распространяли на них действие общего права, требуя всего лишь принести присягу и предоставляя свободу выбора программ и методики обучения. Столь либеральный режим и хорошая репутация, которой пользовались учителя, способствовали широкому распространению таких школ в больших городах. После 1685 года их было уже столько, что, не в силах вынести жестокой конкуренции, многим пришлось закрыться. Другие французы зарабатывали на жизнь талантами, присущими, по господствовавшему мнению, только их нации. Одни преподавали фехтование, другие ходили со скрипкой под мышкой по дворам богачей, давая уроки танцев. Некоторые находили место шеф-повара у принцев или аристократов. Расположение модниц чуть позднее снискали французские парикмахеры.

Часть французских эмигрантов нашла радушный прием в так называемой «валлонской среде» — семьях хеннегауцев, льежцев и брабантцев. Сохранив, хотя бы частично, родной язык, эти семейства сплотились вокруг «Валлонской церкви», но образуемое ими общество далеко выходило за ее пределы. Эти круги особенно любил посещать Декарт. То влияние, которое картезианство стало оказывать с середины века на развитие голландской школы, следует вменить в заслугу именно стараниям ученых мужей из валлонской диаспоры.

Французские эмигранты, почти все родом из маленьких провинциальных городков, привнесли с собой в Голландию добродушие, любезность и жизнерадостность, которые невозможно было не оценить². Тем не менее привыкнуть к нидерландским порядкам им было труднее, нежели немцам или англичанам. По словам Париваля, французам требовалось не менее двух поколений, чтобы полностью адаптироваться к местным условиям жизни³. Трудности, которые многие французы, похоже, испытывали с голландским языком, или легкомыслие, проявляемое в этом вопросе, только осложняли их внедрение в местное общество. Пример Пьера Ле Жолля, женившегося на голландке и изучившего язык новой родины, при всей своей кажущейся естественности является скорее исключением, нежели правилом. И это при том, что маленький голландский народ абсолютно не владел иностранными языками. Когда Сомез высадился в 1636 году в Бриле, ему пришлось пробродить по городу три часа под проливным дождем, прежде чем он нашел трактир, где смог кое-как объясниться.

ГОЛЛАНДЦЫ ЗА РАБОТОЙ

Глава XXV

Богатый край

Несмотря на бедствия военных лет, Генеральные штаты нашли достаточно средств, чтобы выкупить у англичан в 1616 году порты Бриль и Флессинг. В «Трактате о политической экономике» Антуан де Монкретьен считал, что своим невероятным успехом Нидерланды обязаны усилиям людей, трудившихся не покладая рук в стране, едва пригодной для жизни¹. Темпл в свою очередь подтвердил это суждение². Процветание Нидерландов сначала приятно поразило Европу, затем заинтриговало и наконец испугало. Еще около 1700 года молодой герцог Роган обнаружил в этих провинциях больше признаков настоящего богатства, чем в Италии и Германии вместе взятых³. Именно анализ положения в Нидерландах послужил одной из основ экономической науки, разработанной английскими теоретиками XVIII века.

Организация богатства

Кроме трудолюбия и ловкости, благосостояние нидерландцев в не меньшей мере основывалось и на их умении разумно управлять своими доходами. Темпл пытался проанализировать положение вещей: «Нидерландец устраивает свое существование таким

образом, что всегда тратит меньше, чем зарабатывает. Государство со своей стороны действует точно так же — поглощая за счет налогов значительную долю частных сбережений, оно, в свою очередь, накапливает средства. Эта система стоит на страже как частного интереса, так и общих нравственных принципов»⁴. Семейный бюджет крупного буржуа делится на четыре составляющие: ведение хозяйства, приобретение обстановки дома, уплата налогов и прирост капитала. Всеми остальными расходами можно пренебречь. Налоговые документы позволяют проследить перемещение значительных средств в Амстердам и Гаагу между 1625 и 1675 годами. Благодаря такой системе накопления крупные состояния росли быстрее, чем небольшие. Капиталовложения крупных буржуа в целом ограничивались приобретением предметов роскоши, в то время как очень состоятельные люди вкладывали излишек средств в землю, а после 1650 года — преимущественно в ценные государственные бумаги.

В основе благополучия лежал кредит. Несостоятельных должников бросали за решетку. Однако правда и то, что два свободных города Вианен и Кулембург предоставляли им право прибежища. Сбежать туда означало признать себя банкротом. Денежная анархия, при которой процветали незаконные махинации менял, еще около 1600 года представляла главное препятствие для развития страны. Поэтому в 1609-м власти Амстердама пошли на создание Обменного банка (Wisselbank), призванного заменить менял и контролировать кассиров, установив систему переводных платежей. Банк, задуманный как депозитарий и обменный пункт, вскоре превратился в учреждение по предоставлению кредитов и распределению ренты, чему главным образом был обязан сотрудничеству с Ост-Индской компанией. Его зона действия быстро распространилась за пределы Соединенных провинций.

На протяжении всего столетия Обменный банк был вторым после Биржи жизненно важным органом Амстердама и, соответственно, всей Голландии.

Ключи от обоих учреждений хранились у бургомистров вместе с ключами от городских ворот. Двери открывались только в присутствии одного из членов магистрата. О размере хранившихся там сумм ходили легенды. Люди давали полную свободу своему воображению. Париваль осторожно замечает, что тайна, которой банк окружал свои дела, не позволяла «точно знать или даже предполагать величину соотношения между размерами его реальных средств и суммами кредита»⁵. Тем не менее в подвалах городской ратуши ему удалось увидеть «подобное чуду» количество слитков золота и серебра, предметов из ценных металлов и мешков с монетами. Именно там, в залах со сводчатыми потолками и дверями превосходной работы содержалась сокровищница банка, образованная вкладами богатых купцов и служившая источником кредита.

Раз в полгода банк на две недели закрывался. Заведующие подавали в бухгалтерию сводный отчет — поступления, переводы, сальдо. Кассир проверял их, опираясь на собственные выписки. Ошибка наказывалась пропорциональным штрафом. Банк превратился, таким образом, в общую кассу всех коммерсантов города. Эта система обеспечивала высокую надежность и предоставляла неоценимые услуги. Кредит банка гарантировался городской казной Амстердама, позволяя вести расчеты в твердой валюте. Поэтому самые крупные платежи в городе, внутри страны, а вскоре и в колониях стали осуществляться переводами в этот банк⁶. К 1700 году торговый оборот, в котором был задействован банк, достигал нескольких миллионов гульденов в день⁷.

С 1614 года соображения как социального, так и финансового плана подвигли муниципалитет Амстердама на создание еще одного Заемного банка (Bank van Lening), целью которого было выбить почву из-под ног частных ростовщиков. Понижая процентные ставки, этот банк препятствовал обнищанию мелкой буржуазии и усиливал кредит на местах. Получив от Обменного банка поддержку в виде авансов, Заемный банк играл, вплоть до 1640 года, роль

учреждения коммерческого кредита. Впоследствии она мало-помалу перешла к частным банкам, создававшимся исключительно для этих целей.

Появление банков ничуть не изменило ситуацию в денежной сфере, которая, несмотря на все попытки оздоровления, почти до конца столетия оставалась нестабильной. В числе прочих пережитков Средневековья во многих местах сохранилось право обмена. Каждая провинция имела собственные деньги. В самой Голландии Хорн, Медемблик и Энкхёйзен пользовались единой денежной единицей, передавая друг другу право чеканки монет каждые семь лет. В стране обращались деньги, совершенно разные по своему происхождению, весу и номиналу, — фландрский фунт, дукат, риксдал, крейсдал, каролус и другие. Многие испанские и немецкие валюты имели официальный курс. Сам гульден, являясь основной денежной единицей, имел разную стоимость в зависимости от места выпуска — Голландии, Девентера⁸, Зволле или Кампена. В стране с интенсивными денежными потоками это создавало невыносимые неудобства. Темпл отмечал обилие наличных денег во всех слоях общества: «Хождение серебряных монет сильнее распространено среди здешних простолюдинов, нежели оное медяков во Франции»⁹. Время от времени властям удавалось отменять хождение нежеланной единицы. В 1667 году Амстердам ввел фиксированный обменный курс для всех денежных единиц, находящихся в обращении¹⁰. С момента своего появления в 1544 году и до 1680 года голландский гульден прошел через несколько девальваций, утратив более 50% изначальной стоимости. Наконец в 1681 году он был стабилизирован с помощью закона при содержании 9,45 грамма чистого серебра¹¹. Однако фальшивомонетчиков в те времена хватало. Они подделывали золотые монеты, нанося золотую пленку, которую получали посредством ртутного сплава, на смесь свинца и серебра, олова и даже железа. Закон безжалостно наказывал преступников — виновный приговаривался к смертной казни и конфискации имущества.

Хаос, царивший в системе мер и весов, ни в чем не уступал анархии в денежной системе. Каждый город устанавливал свои порядки. В силу этого определения мер и весов оставались расплывчатыми. Так, «тонна», чрезвычайно часто использовавшаяся в оптовой торговле, изменялась в зависимости от происхождения и характера товара от 4 оксхофдов (*oxhoofd* — около 213,75 литра) до 1/2 ласта (*last* — примерно 15 гектолитров). Фунт (*pond*) являлся привычной единицей измерения в розничной торговле и равнялся 494 граммам, но на флоте использовался другой фунт, превышавший первый в триста раз¹².

Система морского страхования, покрывавшая транспортные риски, существовала с середины XVI века. Страховка, включаемая в продажную стоимость товара, составляла к 1650 году от 1,25 до 5% от последней¹³. Транспортное судно считалось пропавшим, если о нем не поступало никаких известий в течение года и шести недель после выхода из европейского или ближневосточного порта и двух лет, если судно шло из Индии. Компенсация окупалась, таким образом, за три месяца.

Информация

Нидерландцы наладили две службы, замечательные для Европы того времени: регулярную почту и информационную газету.

С середины XVI века в Амстердаме содержалось несколько муниципальных гонцов, к которым впоследствии присоединились коллеги из торговых корпораций. В 1621 году с их помощью город регулярно сообщался с двадцатью торговыми центрами как в самой Республике, так и за ее пределами, вплоть до Ронена и Гамбурга. Другие города последовали этому примеру. Находясь в ведении муниципалитетов, почтовые отделения стремительно развивались. Гонцы обоего пола, от которых в смутное время требовалось внесение залога, специализировались на определенном маршруте. Увеличение числа гонцов привело к возникновению среди них некоей иерархии.

Имевший много заказов гонец частью продавал их своим коллегам, несмотря на официальный запрет. Из массы служащих выделялись начальники пересылок, богатевшие не по дням, а по часам. Рост дела привел к созданию крупных почтовых предприятий, попавших в руки могущественных «почтовых магистров». Так, в 1665 году Хендрик Ван дер Гейде, удостоившийся почестей за установление почтовых линий ко многим городам, расположенным в труднодоступной местности, обладал правом монопольных почтовых перевозок во Францию, Италию, Германию и Англию. Подобные подряды приносили огромный доход. В конце века амстердамская почта приносила 168 тысяч гульденов в год. Неудивительно, что должность начальника почты становилась объектом интриг и нечистой игры. Бывали случаи, что она записывалась за женщинами и даже за детьми.

Каждая почтовая линия имела свое представительство. В Амстердаме их насчитывалось четыре. Назывались они соответственно Антверпенское, Гамбургское, Кельнское и внутреннее. Антверпенская линия связывала Нидерланды с Бельгией и Францией (из Гааги в Париж письмо шло четыре дня) и морем — с Испанией и Португалией; из Роттердама почта отправлялась к берегам Англии. Гамбургская и Кельнская линии шли в Скандинавию и рейнские государства. Амстердам находился, таким образом, на пересечении всех путей. Письмо из Гамбурга в Утрехт проходило через его отделения. Амстердамские купцы оставались от этого в выигрыше, первыми узнавая о колебаниях цен за рубежом, движении кораблей в далеких морях, природных катаклизмах и бурях — всех факторах спекуляции.

В рамках Союза гонцы изначально пользовались общественным транспортом. До 1663 года служащие линии Амстердам — Фрисландия пересекали Зейдер-Зе на паруснике, что вызывало длительные задержки во время штиля. Затем гонцы развозили почту верхом. Те, кто работал на дальних линиях, приводили почтовые сумки к месту отправления дилижанса или корабля, которые доставляли их в пункт на-

значения. Линия Амстердам — Гаага, уходившая к Роттердаму и дальше в Англию, предназначалась в основном для дипломатической почты и была сильно перегружена. В 1659 году письма, поступавшие в отделение после отхода последней кочи, отсылались с верховым. Гонец выезжал из Амстердама в 21.30 и направлялся в Гарлем, где пересекал на лодке Спарн и поднимался до Лиссы навстречу своему коллеге, выбравшемуся из Гааги в 22.00. Они обменивались сумками с почтой, пропускали по стаканчику и пускались в обратный путь. В 1662 году ночная смена обслуживала линию уже до Роттердама. В этом городе корреспондент амстердамского отделения составлял график приливов и отливов, определяя время прибытия и отплытия кораблей, и обеспечивал почтовые перевозки морем. Существовала простая система, позволявшая работать напрямую с большими морскими кораблями, минуя почтовые службы. Служащий оставлял почту на борту специального судна, встававшего на якорь в устье Мааса, которое затем развозило ее по соответствующим кораблям. С последних на «челнок» передавали письма, адресованные в Голландию. При обмене почта помещалась в непромокаемые мешки, которые перебрасывали с борта на борт. Шлюпка доставляла с челнока собранную почту на мол, откуда она доставлялась верховым, а затем переправлялась в Амстердам.

Значение почты для торговли было столь велико, что вокруг этой службы в Амстердаме развилось множество прихлебателей. Причалы кишели бродягами, которые осаждали прибывавшие корабли, выпрашивая письма к богатым купцам; некоторые получали их за деньги, а затем вымогали с адресатов вознаграждение, с лихвой окупавшее все затраты. Эта система выродилась в открытую коррупцию. Письма перехватывали, чтобы втридорога перепродать покупателям. Чтобы положить конец царившему беспределу, власти нашли один действенный метод: запретили всей празднующейся публике находиться на территории пристани. Кроме того, лоцманов обязали сдавать почту в специальное отде-

ление на Новом мосту, где письма заносились в реестр, копия которого затем вывешивалась на Бирже.

В начале века отправитель скреплял письмо восковой печатью. К 1625 году распространилось применение сургуча. Письмо относили в почтовое отделение или бросали в один из ящиков, установленных в городе в нескольких местах. Плата за доставку, устанавливаемая бургомистром, вносилась либо в отделении (служащий наклеивал на конверт марку с гербом города), либо производилась за счет получателя¹⁴. Тарифы были довольно высокими, что вводило почту в разряд дорогих услуг.

С конца XVI века Генеральные штаты содержали за границей (например, в Кельне) нескольких агентов политической разведки. Морские капитаны, вернувшись из плавания, составляли доклад обо всех услышанных новостях и подавали судовой журнал в адмиралтейство. К 1600 году многие муниципалитеты ряда городов, например Лейдена и Дордрехта, направляли своих информаторов в Италию, Германию, Англию и другие страны. Крупные коммерсанты получали последние новости из-за рубежа от собственных корреспондентов, а также имели осведомителей в Гааге, державших их в курсе событий при дворе штатгальтера и сообщавших о решениях правительства. В 1611 году на службе Амстердама состоял постоянный штат таких «писателей», строчивших донесения в Антверпене, Кельне, Гамбурге, Везеле, Мюнстере, Генте, Лилле, Турне и Валансьенне. В течение четырех лет один из них плодотворно трудился в Лиссабоне, пока его литературная карьера не оборвалась в португальской тюрьме. С 1613 года гильдия маклеров выпускала бюллетень колебаний мировых цен. Начиная с 1616 года Ост-Индская компания издает собственный листок с коммерческой информацией, который, однако, становится практически недоступным по причине очень высокой цены.

Народные памфлеты, часто в форме листовок, разъясняли широкой публике положение дел в стране. Благодаря войне и сопровождавшим ее политическим смутам они прочно вошли в нравы общества. Пачки памфлетов, по большей части иллюстриро-

ванных гравюрами или рисунками, неизменно выставлялись на развалах книготорговцев. Полные страсти и сенсационных сообщений памфлеты столь сильно влияли на общественное мнение, что с ними приходилось считаться и правительству. Комментируя, иногда в стихах, политические события или положение в армии, они сообщали также новости о природных катаклизмах, громких преступлениях, эпидемиях и чудесах...

Собственно газеты появились в Амстердаме между 1617 и 1619 годами. Их число быстро росло. В 1630 году конкуренция вынудила амстердамские издания искать расположения властей. Но муниципалитет относился к такого рода рекламе скорее враждебно. Зато у публики газеты пользовались невероятным успехом. Их чтение превратилось в национальное увлечение, так же, как употребление табака. В середине века в Гааге, Делфте, Лейдене, Роттердаме и Гарлеме издавались уже собственные газеты. Состояли они из двух колонок на половине листа и выходили один, а иногда даже три раза в неделю. В 1650 году появился ежемесячник «Голландский Меркурий».

Информация о международном положении черпалась прессой из официальной корреспонденции. Отсюда большая задержка сообщений. В Гарлемском издании от 9 января 1627 года были напечатаны новости, выходявшие соответственно в Линце 12 декабря 1626 года, в Венеции — 18, Париже — 21 и Берлине — 22 декабря. К тому же в большинстве своем описываемые события не имели ровно никакого значения. Малейшие происшествия при дворе штатгальтера становились предметом пространных комментариев. Некоторые газеты, чьи статьи не знали «ножниц», после 1666 года крайне резко высказывались о политике Людовика XIV. Все попытки французских посланников положить конец этой оголтелой травле ни к чему не привели, и Ля Фар считал, что враждебность голландской прессы сыграла далеко не последнюю роль в развязывании войны 1672 года.

Надежда расширить круг читателей среди эмигрантов, а то и выйти на зарубежный рынок, подвигла

многих издателей на выпуск периодики на французском языке — «Нувель экстраординэр де Лейд», «Газет д'Амстердам», «Меркюр галан», которые полюбились гаагской аристократии. Самые крупные из этих изданий имели скорее литературную, нежели политическую или коммерческую направленность.

Мелкие местные экономические интересы очень скоро проявились и в прессе в виде рекламных анонсов. Первый был напечатан 23 мая 1626 года в информационном листке Амстердама по случаю выхода в свет десятого тома «Истории» Вассенара. Начиная с 1631 года объявления становятся расхожей практикой. Они помещались под новостями, вставлялись на полях или обратной стороне листа. Шоколадник Елизар Бассан сообщал, что его «превосходный шоколад» еще несколько месяцев будет продаваться по старой цене; аптекарь расхваливал «чай на травах со швейцарских лугов, который высоко ценится по всему миру». Как правило, такие объявления были призваны убедить читателя в справедливости цены и качестве товара. Но со временем их функция становится универсальной: «На набережной Н. потерялась собака, померанская овчарка, нашедшего...¹⁵»

Налоги

Большинство иностранцев поражалось невероятной величине нидерландских налогов. Как только народ не задохнулся под столь тяжким бременем?¹⁶ Как могла процветать торговля в таких оковах? На самом деле система была прежде всего по простым налогоплательщикам и скорее играла на руку крупным компаниям. Время от времени в бедных слоях общества происходили вспышки протеста. В 1618 году муниципалитет Амстердама был вынужден учредить налоговую инспекцию. После 1666 года действия этого органа вызвали ряд столкновений корпораций текстильщиков с властями. В основе сложившейся ситуации лежали огромные долги, сделанные государством в годы войны. Народ дорого платил за свое освобождение. К 1600 году Земли Генеральных штатов

все еще оставались должны почти 13 миллионов гульденов. Кредиторами выступали главным образом регенты, которые, управляя государственными делами в собственных корыстных интересах, поддерживали высокую процентную ставку на сумму долга¹⁷.

Прямые налоги собирались с состояния («две со-
тых»), равно как и с недвижимости (пропорционально жилой площади), с хозяйства («выкупной налог»). Сумма сбора менялась в зависимости от принадлежности налогоплательщика к тому или иному классу по установленной шкале. Находившийся на самом верху так называемый «капиталистический» класс объединял граждан, имевших доход более 2 тысяч гульденов и живших на широкую ногу. Особо крупные сборы взимались с операций по продаже недвижимого имущества и долгосрочных арендных договоров. Время от времени к этим поборам добавлялись чрезвычайные налоги для финансирования военной кампании или широкомасштабных общественных работ. Удваивался или утраивался налог на недвижимость, повышался торфяной сбор или печной налог, вводилась временная подушная подать, взимался 1% с капитала.

Косвенные налоги были более многочисленными и более тяжелыми. В Лейдене соляной сбор достигал почти 100%; налог на пиво поднимался до 66%, хлеб — 25%, мясо — 14%. Правила менялись в зависимости от места. Вино, проданное частным лицам, обходилось в Амстердаме в два раза дороже, чем пиво; с кабатчиков взималось податей в 1,5 раза больше, чем с простых мещан. Налогами облагались уксус, сахар, живность, рыба — все продукты потребления. В 1621 году был введен налог на растительное масло, в 1623-м — на табак, в 1625-м — на сливочное масло. 1624 год ознаменовался изобретением гербовой бумаги. Налогообложение достигло к концу века таких высот, что мясное блюдо в амстердамском трактире, еще не дойдя до посетителя, облагалось пятнадцатью разными сборами, а рыба под соусом — тридцатью. Акцизный контроль осуществлялся самым тщательным образом. В Утрехте муниципальный инспектор

по налогам на пиво сам со свечой в руке обходил погреба пивоваров и пересчитывал бочки. Каждый бочонок, продававшийся заведением, должен был иметь акцизную печать и заносился в реестр с записью имени и фамилии получателя. В случае нарушения правил инспектор имел право проводить следствие, допрашивая под присягой самого торговца, его жену, детей, слуг и соседей. Проскочить сквозь такую сеть было весьма непросто. Бесчисленные ввозные и дорожные пошлины, плата за право выставлять товар на рынке больно били по товарообмену внутри страны, ухудшая и без того неважное положение на внутреннем рынке, в то время как большая портовая торговля расцветала при относительно невысоких таможенных сборах¹⁸.

Взимание налогов производилось властями провинций, вносивших определенную часть поступлений в казну Республики. В 1672 году сбор налогов был упорядочен путем создания административной службы. До того времени руководство провинций предоставляло право сбора налогов любому, кто больше за это право заплатит. Договор заключался на короткий срок — три, шесть или двенадцать месяцев. Откупщик нанимал помощников, выплачивая им достаточную сумму, чтобы взимаемые средства в целости поступали в его сундуки. В 1650 году, по свидетельству Париваля, право сбора налога на пиво в Амстердаме было приобретено за 1,5 миллиона¹⁹. В то время ходил слух, что из этого города ежедневно в казну поступало налогов на 50 тысяч гульденов. В 1665 году общий приток средств достигал около 40 миллионов, из которых 22 выплачивались Голландией, обеспечивая таким образом половину бюджета страны. На Амстердам, в свою очередь, приходилась половина всех поступлений в казну провинции²⁰. Управление общими финансами осуществлялось посредством различных исполнительных органов совместно Генеральными штатами и чиновниками от провинциальных властей; употребление же налоговых средств целиком и полностью зависело от согласия провинций, точнее их нотаблей²¹.

Коммерция и дух предпринимательства

Нидерландская земля практически бесплодна. За исключением молочных продуктов, то немногое, что удавалось из нее выжать, не могло удовлетворить огромное население. Практически все приходилось ввозить из-за границы — пшеницу, овес, уголь, любое промышленное сырье, от кожи и металлов до шерсти, конопли, красителей, строительного и мачтового леса. По мере роста благосостояния и увеличения спроса усиливалась зависимость Нидерландов от Франции, Германии, Англии, Польши и скандинавских стран — главных поставщиков¹. Нехватка собственных природных ресурсов повлекла за собой создание обрабатывающей промышленности, продукция которой частично реэкспортировалась, например текстиль и бумага. Судьба, как видно, решила оставить Нидерландам лишь одно поле деятельности, где они должны были по-настоящему раскрыться, — транспорт. В то время когда размаху европейской экономики уже не могли удовлетворять старые внутренние рынки, слабая стандартизация товаров и относительно невысокая скорость сообщения требовали создания крупного распределительного центра. Нидерланды, располагавшие с XV века значительным торговым флотом и расположенные на пересечении морских и речных путей, которые связывали северо-восток и юго-запад, северо-запад и юго-восток Европы, как нельзя лучше отвечали этой цели.

Но с этой стороны положение семи провинций было далеко не равным. За исключением ганзейского города Гронингена, который оставался центром обмена крупных партий товара, северная часть страны — Фрисландия, Оммеланден, Дрента и Оверэйссель — занималась в основном скотоводством и торфяными разработками. Такое же положение существовало и в Хелдере. Земледелие в разоренных войной так называемых Землях Генеральных штатов к югу от Хертогенбоса частично уступило место ско-

товодству². Экономическая деятельность концентрировалась в приморских провинциях — Зеландии и особенно Голландии, то есть той части страны, которая географически наилучшим образом приспособлена для ведения исключительно морской торговли. На гребне успеха голландцы и зеландцы смотрели на континентальные провинции как на обузу, что накладывало свой отпечаток на проводимую ими политику. Являясь по существу экономическим двигателем страны, Голландия располагала такими крупными промышленными центрами, как Лейден, Делфт, Гарлем и Зандам. Но ее призванием по-прежнему оставалась торговля. Амстердам, будучи, в свою очередь, локомотивом Голландии, существовал только за счет коммерции. Первым освоив северные моря, он настолько обошел своих соперников — Мидделбург и Роттердам, что этот отрыв сохранялся на протяжении всего столетия.

Находясь в относительной изоляции от континента из-за непроходимых лесов и болот, которая нарушалась лишь с юго-востока речным сообщением, Нидерланды были более доступны с моря, хотя все равно, вдоль их песчаных берегов, по водам с предательскими мелями и сильными отливами вело только три судоходных пути — через устья Шельды и Мааса; Зейдер-Зе между Тесселским проливом и сужением Эй или по Вли. Вдоль этих водных дорог выросло немало портов, но в глазах англичан или французов природные условия от этого не стали лучше — мелководье, узкие проходы и беспрестанная угроза песчаных наносов³.

Но несмотря на необходимость значительных затрат на техническое обслуживание, эти порты обеспечивали безопасность навигации, и трезвомыслящие голландцы XVI века умели оценивать реальные преимущества, не заботясь об идеале. Например, порт Амстердама⁴ Эй шириной около пол-лье в верхней части города образует превосходную гавань, но попасть в нее можно не иначе как пройдя 120 кило-

метров по водам с опасным рельефом дна, которые переходят в юго-восточной оконечности Зейдер-Зе в Пампусский залив, где накапливаются песчаные наносы, против которых так и не смогли придумать действенных средств борьбы.

Продолжающееся образование песчаных мелей в Пампусском заливе вызывало на протяжении века растущие трудности для передвижения судов. В 1690 году для прохода самых больших кораблей потребовалось установить подъемную систему — две плоскодонные баржи, затопленные так, что их борта едва показывались над водой, подводились вплотную к судну справа и слева. К корпусу последнего крепились поперечные балки, окованные железом, края которых опирались о баржи. Затем из тех выкачивалась вода так, что, всплывая, они приподнимали судно при прохождении опасного места.

На некотором расстоянии от набережной в Эй выдавались длинные преграды из свай, стянутых досками и образующих ряд доков. Именно туда заходили большие корабли. Груз спускался на шлюпки, доставлявшие его на берег. Все главные торговые и морские службы располагались в двух зданиях на входе в порт. В пригороде, в направлении Пампусского залива, стоял на сваях один из магазинов Ост-Индской компании, к которому суда могли подойти вплотную. Здесь же, на островках, соединенных мостами, работали канатные мастерские, якорные кузнецы и плотницкие артели. К концу века на подобных предприятиях трудилось более 1300 человек, вкалывавших с 4 часов утра до 6 вечера. Дальше, на Эй, на тех же неизменных сваях громоздилось здание Адмиралтейства, в котором располагался также арсенал. Его окружали доки, где в полной и постоянной боевой готовности находилось 50 военных кораблей. Жизнь в порту не затихала даже к исходу дня. Ожье, проплывая через Зейдер-Зе ночью 23 июля 1636 года, видел, как море было покрыто огнями судов, державших курс на Амстердам⁵. К августу возвращался флот из индийских колоний — двадцать самых больших по тем временам кораблей, ко-

торые, говорят, перевозили по двести тонн золота. В апреле уходил в плавание балтийский флот, насчитывавший до двухсот судов. Амстердамский порт был больше ориентирован на Дальний Восток и северные моря, чем на Средиземноморье. Определенная специализация проявлялась и у других нидерландских портов. Города на Зейдер-Зе отправляли свои торговые или рыболовецкие флотилии в Северную Атлантику. Роттердам осуществлял значительную долю перевозок между Нидерландами, Францией и Англией. По утверждению Париваля, он своими глазами видел выход из порта Брилля до 400 судов⁶.

Невероятный успех Нидерландов объясняется слиянием природных условий, в разной степени благоприятных, и человеческой смекалки, способной выжать из них максимум выгоды. Ненависть к праздности и чрезвычайная умеренность сделали свое дело. Внутреннее потребление относительно к объему импорта и реэкспорта было довольно слабым. Темпл особенно указывает на этот факт: «Никогда ни один народ не торговал столь много и не потреблял столь мало. Голландцы не устают покупать, чтобы тотчас же перепродать купленное». «Они подчинили себе всю продажу пряностей, — пишет Темпл, — но питаются собственными рыбой и овощами, они продают во Франции свои лучшие ткани, а для себя покупают в Англии самое грубое сукно»⁷. Высокая производительность человеческого труда понижала его стоимость. Индивидуализм достигал своего апогея в авантюризме. Осторожность умеряла любовь к риску, но не препятствовала созданию дерзких предприятий и амбициозных компаний, резко отличавшихся от прежних средневековых объединений. Война с Испанией, имевшая политические и религиозные причины, мало-помалу приняла экономический характер. В начале XVII века она вынудила голландцев пуститься в плавание к дальним морям и в то же время породила в народе не свойственную до того страсть к деньгам и ностальгию по мирным временам.

Хотя с этого момента нидерландцев встречали по всему миру, очень немногие решались оставить страну насовсем. Они много путешествовали, но нигде не оседали. В первой половине века голландцы основали сахароперерабатывающие заводы в Бордо, Ла-Рошели, Анжере и Руане. Кольбер пригласил нескольких ткачей в Пикардию. Так знаменитый ван Рубе оказался в Аббевиле. Несколько посредников по продаже вина обосновались в долине Луары. Но несмотря на свое экономическое значение (во времена Кольбера этих кальвинистов никто не посмел потревожить), голландская колония во Франции оставалась немногочисленной, за исключением Нанта. Луи де Геер, льежец, осевший в Амстердаме, получил от Густава-Адольфа управление шведской горнодобывающей промышленностью. Этот богатейший кузнечный мастер, продававший пушки, привлек на свои заводы лишь горстку своих соотечественников. В 1609 году амстердамский негодант занимал пост бургомистра Гётенбурга, немного времени спустя один уроженец Гарлема стал комиссаром шведской короны в этом городе. Но то были авантюристы-одиночки. Голландские ткачи во Франкфурте и Силезии жили ремесленной общиной. Русские цари приглашали к себе на службу квалифицированных рабочих, преимущественно из Гарлема. Заводы по получению селитры, металлургическая промышленность, зарождавшаяся в Туле и Калуге, судоверфи на Оке возникали при содействии нидерландских первопроходцев. Один из пионеров, поселившихся в Москве, Исаак Масса, обратил внимание амстердамских купцов на те выгоды, которые сулил русский рынок. С того времени приток людей, хотя и довольно слабый, более не прекращался. Это объясняет пребывание Петра Великого в Нидерландах в конце XVII века.

Перед гением предпринимательства нидерландцев на целых 75 лет открылись широкие горизонты, где размеры прибыли были пропорциональны тяго-

там и невзгодам. Продолжительность плавания от Амстердама до пролива Зонда составляла от 300 до 350 дней. Оливер ван Норт, погрязший в долгах авантюрист, решил разыграть последний козырь, отправившись в кругосветное плавание с четырьмя кораблями и 248 членами экипажей. Вернулся он на одном корабле с 45 людьми. Это случилось в 1601 году. До того уже предпринимались две грандиозные попытки географических открытий. Одна окончилась героическим провалом, вторая положила начало нового пути. В 1596 году Хеемскерк и Баренц получили разрешение исследовать новый торговый путь вдоль северного побережья Азии, который позволил бы достичь Дальнего Востока, избегнув встречи с испанскими галерами. Генеральные штаты обещали вознаграждение в 25 тысяч полновесных гульденов, если они дойдут до китайского порта. 18 мая экспедиция на двух судах тронулась в путь. 5 июня ей встретились первые плавучие льды, которые матросы приняли сначала за гигантских лебедей. Шпицберген, затем Новая Земля — зажатые осенними льдами и измотанные бурей, разделившей их с Хеемскерком, люди Баренца — всего 17 человек — были вынуждены зимовать на этом острове. Им требовалось жилье. Огромные стволы, принесенные летними течениями из Сибири, превратились на морозе в камень и не поддавались пиле. Голодные белые медведи нападали на обессиленных работой людей. Но несмотря ни на что стены сруба поднимались бревно за бревном. Работать приходилось в крайней спешке. Дом представлял собой прямоугольное строение, выполненное в голландском стиле. Когда в октябре он был завершен, тосковавшие по родине моряки украсили конек крыши веточкой, как это делалось в Голландии. Оставалось провести отделочные работы. Умер корабельный плотник. Земля настолько промерзла, что похоронить его не было никакой возможности. Закончились доски. В ход пошли внутренние переборки корабля. Крыша обтягивалась парусиной, которую гвоздями прибивали к перекрытию. Наступила полярная ночь. На берегу дежурил часовой в на-

дежде, что скоро обнаружатся следы наступающего ледохода (об особенностях климата в здешних широтах никто не знал ровным счетом ничего). В доме без окон, с проконопаченными стенами, огонь не столько грел, сколько чадил. Дымоход был забит снегом. К Рождеству дом полностью укутало снежное покрывало. Одежда людей, плохо снаряженных для такого предприятия, покрывалась инеем, обувь оледенела. Моряки согревались, кутаясь в лисьи шкуры. Вечером, в канун Богоявления, несчастных охватило безумие. Надо провести этот день как дома! Они пили остатки вина, пекли блины из последней муки, выбирали «бобового короля». 16 января вновь показалось солнце. Все лихорадочно готовились к отплытию. Но и в середине марта корабль по-прежнему стоял во льдах в 75 шагах от свободной воды. В апреле и мае путь ему преграждали айсберги. В конце мая, ничего более не ожидая, Баренц с остатками команды покинул корабль и пустился в путь на двух шлюпках, которые приходилось перетаскивать через участки, все еще скованные льдом. Баренц умер, не дожив до 19 июля 1597 года, когда его товарищи достигли свободной воды. Они вышли почти к Кольскому полуострову, где встретились с Хеемскерком.

Месяц спустя через Тесселский пролив в порт Амстердама вернулась другая экспедиция, находившаяся в плавании с апреля 1592 года. Прознав об усилившейся слабости португальского флота, Штаты Голландии позволили Корнелису де Хоутману и лоцману Кейзеру снарядить четыре небольших судна с целью исследовать путь в Индию вдоль Африки. Вместе с кораблями Штаты предоставили 249 человек экипажа. Только 89 из них возвратились домой. Маршрут, разработанный лишь на основе данных, почерпнутых из книг, привел флотилию на остров Святой Елены, затем к мысу Доброй Надежды. Вылазка к готтентотам. Голландцам, впервые увидевшим негров, не очень-то понравился вид чернокожих дикарей. По их мнению, вид у тех был самый разбойничий. Но торговать с ними было одно удовольствие. За

один нож они давали целого быка. На Мадагаскаре, куда экспедиция добралась 18 августа, когда болезнь унесла жизни 70 матросов, за изящную оловянную ложечку удалось выменять красивую одиннадцатилетнюю девочку. Но в ходе торга одному матросу перерезали глотку. На этом острове голландцы провели несколько месяцев. В январе 1596 года экспедиция зашла в Антожильский залив, где обнаружила три деревушки. Жители одной из них обокрали шлюпку голландского корабля, забрав только... гвозди! Возмущенные голландцы ответили на эту бессовестную акцию мушкетным огнем, туземцы осыпали пришельцев градом камней. К концу сражения деревня, насчитывавшая более ста хижин, была стерта с лица земли. Отсюда экспедиция взяла курс на Суматру. Далеко от берегов, в открытом море, голландцы встретили малайзийские лодки под парусами из плетеной соломы и канатами из лиан. 23 июля они достигли цели своего путешествия — Бантама. Едва голландские корабли стали на якорь среди джонок и португальских судов, их палубы наводнили яванцы, китайцы и арабы. Тут же образовалась импровизированная ярмарка. Хоутман выменял 250 мешков с перцем, 25 тюков мускатного ореха и 30 — фули. Он принял решение идти к Молуккским островам, однако возникли осложнения с португальцами. Хоутману пришлось оставить заложников. Уставшая от приключений команда подняла бунт, требуя немедленного возвращения домой.

Один из кораблей, «Амстердам», дал течь. Не имея возможности провести ремонт, его сожгли. Экспедиция достигла Бали, где осталась до февраля 1597 года. Король этого острова тепло встретил чужеземцев и проявил большое любопытство к их стране. Моряки развернули карту и очертили пальцем границы голландских владений, прихватив Германию, Норвегию и Россию. Они сказали, что ими правит могущественный король по имени Мориц, который располагает армией в 30 тысяч всадников и 50 тысяч стрелков. Балиец был восхищен, но выказал большое удивление, узнав, что тридцатилетний Мориц все

еще не женат. На Бали короли познают первую женщину в 12 лет; к 20 у них бывает до 200 жен... Так началось знакомство голландцев со странными нравами «туземцев». Но главная заслуга Хоутмана заключалась в том, что он убедился в слабости португальцев на востоке. Путь был свободен. Успех экспедиции Хоутмана послужил сигналом к большому наступлению⁸.

Двухсотлетний опыт прибрежной навигации⁹ породил в Нидерландах элиту умелых мореходов и механиков, мастеров на все руки, проявивших себя талантливыми изобретателями, высококвалифицированными строителями и даже юристами — навигационный кодекс Бриля, восходящий к XV веку, или кодекс Амстердама, вобравший в себя более древние французские и английские обычаи, сохранились вплоть до наших дней, став основой международного морского права.

Страсть к приключениям, которая особенно сильно проявлялась в первой половине «золотого века», не мешала многим штурманам получить солидное научное образование. Лучшие семейства благосклонно относились к участию своих отпрысков в дальних экспедициях. Донесения моряков того времени свидетельствуют не только об отваге или жажде неизведанного, но и о настоящем здравомыслии и рассудительности. В них описываются абсолютно все птицы, встречавшиеся на пути, профиль берегов, течения, болезни, непогода, необходимость ремонта... На острове Вайгач, затерянном в арктических водах, голландские моряки обнаружили среди ледяной пустыни 400 деревянных статуй, лежавших на земле. Быть может, где-то рядом вход в царство мертвых? Настоящее сокровище для наблюдений. Издатели, например Жерар Кетель из Франекера, специализировались на публикациях такого рода, выбирая в качестве эпиграфов помпезные вирши доморощенных поэтов. Среди широкой публики формировалась своего рода натуралистическая мифология, которая была обязана своей популярностью исключительно обману зрения.

Флот

По оценке Кольбера, под трехцветным флагом Нидерландов в 1665 году плавало 15 или 16 тысяч кораблей (что составляло 75% от всех европейских флотов), однако это число непомерно завышено. В 1670 году Нидерланды располагали максимум 2400 судами, в то время как французский флот насчитывал лишь несколько сотен кораблей¹. Низкая стоимость снаряжения и экипажей при высокой отдаче последних и компетентности командного состава поставили нидерландские морские перевозки вне всякой иностранной конкуренции на целых три четверти столетия.

В XVI веке голландцы и зеландцы плавали лишь на небольших судах водоизмещением от 80 до 120 тонн. К 1590 году из верфей стали выходить корабли водоизмещением уже от 200 до 400 тонн. После 1600 года их грузоподъемность достигла 600 и даже 1000 тонн, хотя такими внушительными размерами обладали лишь самые большие суда, предназначенные для торговли с Вест- и Ост-Индией. Водоизмещение большинства кораблей не превышало 500—600 тонн. Увеличение тоннажа сопровождалось техническими улучшениями. Однопалубная структура сохранилась только на самых маленьких суденышках. К 1590 году распространился новый тип с круглой кормой, прозванный «флейтой», который был особенно удобен для плавания по европейским морям и в немалой мере способствовал развитию нидерландской торговли. Немного позднее появились различные виды судов с плоской кормой, предназначенные для долгих морских путешествий. Такелаж усложнился, — к большой бизани добавился маленький поперечный парус, а позднее была установлена еще одна стрела на бушприте. К тому же на океанских маршрутах вскоре стали использовать только мощные трехмачтовые суда с несколькими палубами и двойным баком. Каждому морскому пути со-

ответствовал свой особый тип судна, а иногда и несколько типов, в зависимости от того, какие грузы они перевозили, а также от того, были они в свободном плавании или в сопровождении. В начале века Штаты, находясь под сильным впечатлением от испанских галер, заказали постройку нескольких кораблей такого типа, но из-за малой пригодности к океанским плаваниям галеры почти сразу же были забыты.

Частные и государственные морские силы

Вплоть до конца XVI века нидерландский флот был далек от того, что мы привыкли называть «морскими силами», подразумевая под этим централизованное управление и хотя бы минимум стандартизации. Первые разношерстные эскадры, воевавшие против испанцев, образовывались в зависимости от местных интересов и представляли собой объединения частных судов под юрисдикцией муниципалитетов. Стратегические нужды (распространение тактики артиллерийских батальонов в открытом море) позволили принцам Оранским и первым крупным амстердамским купцам ввести для выполнения возлагавшихся на моряков растущих военных и торговых задач некий элемент организации в прежнюю анархию.

Отсюда вскоре последовало создание больших компаний, с одной стороны, и адмиралтейств — с другой. Тем не менее на протяжении всего XVII века четкой границы между торговым, частным и военным государственным флотами не образовалось. Интересы их во многом переплетались, командование работало в тесном сотрудничестве, это были по большей части одни и те же суда, и выполняемые ими функции зачастую почти не различались. Предоставление адмиралтейством военных конвоев для сопровождения торговых судов способствовало росту доверия других стран к голландскому транспорту. Как в той, так и в другой области морской флот был объектом пристального внимания со стороны госу-

дарства — будь то торговый или военный корабль, он всегда рассматривался как средство достижения благоденствия страны. Однако коммерция приобретала все большее значение, и как только международное положение начинало стабилизироваться, правительство урезало средства на содержание военноморского флота, и до следующего конфликта адмиралтейство перебивалось случайными поступлениями — займами, средствами, высвобожденными в результате увольнения личного состава, и выручкой от продажи за бесценок кораблей. Отсюда поразительное колебание в размерах военного флота на протяжении всего века. Так, всего лишь за один год с момента заключения Вестфальского мира тоннаж флота сократился на $2/3$, а экипажи на 60%². Вместе с тем следует учесть, что тридцать или сорок конвойных кораблей, которыми Республика довольствовалась в мирное время, стоили вместе с оснасткой и экипажем не менее 6 миллионов в год.

Адмиралтейство, учрежденное в последние годы XVI века, управлялось председателем в лице штатгальтера, выполнявшего функции адмирал-генерала, и включало в себя пять коллегий, которые состояли из депутатов провинций и заседали в Амстердаме, Мидделбурге, Роттердаме, Хорн-Энкхёйзене и Харлингене. Являясь центральным административным органом, адмиралтейство выполняло множество разнообразнейших функций — управление кораблями, набор экипажей, отбор штабных кадров и отправление суда над морскими преступниками, а также контроль над контрабандой. Адмиралтейство располагало собственной независимой кассой, пополняемой таможенными сборами. Когда в смутное время последних не хватало, власти провинций предоставляли дополнительные средства. Свобода действий адмиралтейства ограничивалась, таким образом, еще и контролем со стороны регентов провинций, из-под которого, однако, генеральное командование флота стремилось вырваться. Каждая коллегия проводила свою собственную политику, мало заботясь о сотрудничестве.

Изначально адмиралтейство (впоследствии вошло в привычку называть этот орган во множественном числе — «адмиралтейства») нанимало необходимое количество кораблей в торговом флоте. В первые годы XVII века им было приобретено еще несколько судов. С перемирием пополнение флота прекратилось, и от былой мощи адмиралтейства мало что осталось. После 1650 года интерес к флоту регентов смогла возродить только война с Англией. С тех пор адмиралтейству пришлось самому заказывать корабли, вкладывая в их постройку собственные средства. Оно содержало армию чиновников, принесших присягу, — комиссаров, контролеров, сборщиков, на которых возлагались управление кораблями и снаряжением, а также продажа трофеев. Несмотря на все тяготы своего положения, адмиралтейство играло во времена великой нидерландской экспансии выдающуюся роль. В частности, при разрешении множества серьезных конфликтов с англичанами из-за приветствия флага. Правительство окружало почестями адмиралов и капитанов, нередко поручая им в заморских странах дипломатические миссии. В то время простых матросов вербовали на бирже труда за жалкие гроши, и положение их было незавидным. Зато следует признать, что офицеры избирались исключительно благодаря своим способностям, авторитету и характеру.

В большинстве своем имевшие скромное происхождение морские офицеры бесспорно входили в элиту общества. Тромп и де Рейтер (который ребенком вращал ворот в канатной мастерской за 6 штейверов в неделю) были настоящими героями того времени, обожаемыми толпой, которая молилась на берегу, когда они сражались в море. Несмотря на большие вознаграждения за взятые трофеи (от 6 до 50 тысяч гульденов) и преимущества своего положения, они оставались простыми людьми. Когда на следующий день после победы 15 июля 1666 года граф де Гиш прибыл с визитом на флагманский корабль де Рейтера, он нашел великого адмирала за уборкой своей каюты и кормлением кур. Де Рейтер

был весьма набожен. На борту его корабля пелись псалмы, а перед каждым сражением читались молитвы. В качестве полномочного представителя власти адмирал поощрял на вверенных ему судах любые проявления религиозного чувства, которое считал национальной идеологией.

Рыболовецкий и торговый флоты не подчинялись никакому централизованному управлению. Судовладелец рассматривал принадлежавшие ему корабли как семейный подряд. Великие компании (организация которых будет рассмотрена ниже) относились к своим судам как к крупным предприятиям. Их флот достигал порой таких размеров, что набор экипажей становился делом не из легких. В таких случаях компания нанимала вербовщика, предоставляя ему аккредитив на 150 гульденов за каждого поставленного матроса. Испытывая недостаток наличных средств, агент продавал свои аккредитивные письма маклеру, нередко за четверть номинальной стоимости. Будущие моряки становились предметом спекуляции, еще не ступив на палубу корабля.

Корсары и пираты

Благодаря войне и необходимости наносить удары по источникам богатства Испании пиратство прочно вошло в морские нравы Нидерландов к началу XVII века. До перемирия городские власти или адмиралтейство предоставляли судовладельцам по их просьбе «поручения», дававшие право на «плавание» в определенном секторе. В этом рискованном предприятии были замешаны все слои населения. Бывший в 1610 году бургомистром Амстердама Жан Корпилиесен считался бывалым «джентльменом удачи». «Корсары», как именовались владельцы патентов на морской разбой, заканчивали тем, что, потеряв остатки совести, топили без разбора не только вражеские, но и нейтральные корабли, а зачастую и суда соотечественников, скатываясь до положения «пиратов» — преступников, действовавших на свой страх и риск. Власти предприняли попытку как-то

обуздать этот разгул. В 1605 году они потребовали составить реестры «поручений», а на следующий год было принято решение предоставлять патенты только под залог 20 тысяч гульденов. Кроме того, правительство попыталось отозвать назад в Голландию около 130 корсаров, бороздивших морские просторы по всему миру. Но перемирие положило конец официальному вмешательству властей. С этого времени, в соответствии с заключенными договорами, государство сохраняло нейтралитет, что еще больше способствовало развитию пиратства, повсеместно считавшегося более выгодным, чем даже торговля с Индиями³.

Именно тогда пиратство расцвело пышным цветом. Все последующие 50 лет были золотым временем для чернобородых и длинноволосых морских волков в куртках без рукавов на голое тело и кушаках, из-за которых торчали рукояти пистолетов и кинжалов. Этих пьяниц, игроков и сквернословов, которым суждено было окончить свои дни на виселице или острие клинка, называли французским словом «flibustier», являвшимся на самом деле искаженным голландским «фрибейтер» — «искатель легкой наживы». К ним принадлежал небезызвестный Клаас Компаан из Зандама по прозвищу «Ужас морей», который, отправляясь в плавание, приказал выбросить за борт Библию, Псалтырь и бортовой журнал, чтобы совесть не мешала «работать». В остальном это был славный малый, не забывавший отправить сумку серебра и драгоценностей после удачного улова (а на его счету их было 358) своей супруге, подле которой он мирно дождал остаток дней в маленьком уютном домике в Остзаане.

Любое торговое судно, независимо от цветов флага, могло стать жертвой морских разбойников. Меры, принятые Генрихом IV и английским правительством, вытеснили пиратов из северной Атлантики, но оставалось немало других морей. Добычу и невольников можно было легко продать в любом басурманском порту. (Именно на почве этой торговли между голландскими пиратами и жителями магрибских

портов установились тесные отношения.) Некоторые пошли дальше. Начиная с 1600—1610 годов среди голландцев появляются ренегаты, прочно обосновавшиеся в мусульманских краях и присоединившиеся к мавританским пиратам, приняв исламские имена⁴. Знаменитый Морат Рейс оказался неким Яном Янсенем из Гарлема, Сулиман Буффоем — Якобом де Хоеревардом из Роттердама⁵. Ужасный Веенбер плавал под именем Сулимана Рейса и погиб в бою против христианского корабля в 1620 году. Случалось и обратное. Так, Корт Сиверс поступил на службу в Венеции и ходил в рейды против турок. Овеянный славой, он оставил этот мир генерал-адмиралом Дании.

Глава XXVIII

Торговые перевозки и колонизация

Торговый обмен между городами внутри Соединенных провинций составлял лишь крошечную долю общего товарооборота. Такая диспропорция, казалось, увеличивала торговые перевозки, причем доходность их увеличивалась с каждой пройденной милей. Германия, ближайший сосед Нидерландов, представляла собой источник сырья и продуктов питания, таких, как лес, зерно и вино, а также удобный путь для транзитных перевозок, особенно по Рейну, хотя пропускная способность последнего оставляла желать лучшего. Во Франции роттердамские купцы контролировали часть винной торговли. Голландцы имели долю в писчебумажных мануфактурах Ангулема. Текстильная промышленность Нормандии, Анжу и Бретани зависела от нидерландских перевозчиков, которые до 1672 года обеспечивали большую часть французской внешней торговли и даже прибрежных морских сообщений между портами королевства. Это не могло не вызывать зависти и недовольства со стороны французов, награждавших голландцев во времена Генриха IV и Ришелье нелестными эпитетами вроде «кровососов» и «вечно голодных

хорьков». Вплоть до 1650 года на каждый груженный корабль, отходивший от берегов Англии в направлении Голландии, приходилось десять пльвших в обратную сторону. Это практически одностороннее движение товаров, которое основывалось на договорах, заключенных на закате Средневековья, было столь тягостным для Англии, что люди короля тайком подкупали пиратов, чтобы те топили голландские суда в Северном море.

Одной из главных статей англо-нидерландской торговли было сукно, которое в соответствии с договорами голландцы закупали в Англии в виде сырья, затем отделявали его, красили и реэкспортировали. Англичане пытались противодействовать этой привилегии, отнимавшей у их промышленности часть прибыли, путем введения таможенных ограничений. Законодательная путаница немедленно привела к возникновению контрабанды.

Несмотря на войну, торговля с Испанией никогда не прекращалась. Когда в 1595 году Генрих IV собрался запретить все сношения с Иберийским полуостровом, Голландию охватила паника. Зерно, лес и рыба, уходившие в Испанию, возвращались обратно в виде масла, фруктов и вин. Эта транзитная торговля представляла для Нидерландов до возникновения крупных колониальных предприятий жизненно важное значение. После 1609 года товарооборот, казалось, снизился, но немногим раньше 1648 года начались переговоры об организации в Амстердаме рынка испанского серебра. Однако сделка была растроена Вестфальским миром. В 1650 году по Морскому договору голландский флот получил различные привилегии по доставке некоторых товаров в Испанию, Португалию и на американский континент. Кроме того, контрабанда в этих направлениях всегда была оживленной и простиралась даже на торговлю оружием и боеприпасами¹.

Объем импорта норвежского леса, поставлявшегося через порты Энкхёйзена, Хорна и Харлингена в интересах торговцев из Амстердама и Зандама, превышал к середине века 100 тысяч тонн. Для доставки

леса строились суда особого типа — с глубоким трюмом и сильной осадкой. Поскольку Норвегия закупила в Нидерландах лишь небольшое количество зерна, корабль шел груженым только в одну сторону, что вызывало дефицит торгового баланса. В 1635 году у одного корабля на пути в Берген в трюме могли лежать мешки с какой-то тысячью гульденов, у другого — три бочки, полные риксдалов...

Зато балтийская торговля, напротив, приносила Нидерландам немалый доход. В 1600 году над 55% кораблей, заходивших в шведские и русские порты, развевался нидерландский штандарт. Спустя 15 лет это соотношение достигло 67%². Голландцы обеспечивали доставку зерна из этих стран на запад и юг Европы. Направляясь на север, они загружали корабли колониальными товарами, текстилем и прочим легким грузом, создававшим проблему балласта. Сначала для последнего использовался песок. Но поскольку по возвращении судна песок сбрасывали прямо при входе в порт, возникал риск обмеления фарватера. Поэтому песок заменили кирпичами, которые продавались с корабля сразу по прибытии вместе с товаром. Возможно, этот факт в какой-то мере объясняет распространение в балтийском бассейне строительных тенденций и архитектурного стиля, свойственных Нидерландам.

Войти в Балтийское море можно было только при благожелательном отношении держав, контролировавших пролив Зунд. Такое положение создавало некоторую угрозу для торговли. Но во второй половине XVI века голландцы осваивают и второй путь — мимо мыса Нордкап в Белое море, на берегу которого расположился порт Архангельск, построенный чуть ли не по их советам.

Квазимонополия Нидерландов на рынке торговых перевозок в северной и западной Европе, начиная с середины столетия, приводит к растущей международной напряженности. Именно в стремлении покончить с господством голландцев Кромвель издал в 1651 году свой знаменитый «Навигационный акт»³. За ним последовали войны сначала 1651-го,

потом 1665 года. Во Франции экономическая политика Кольбера требовала роста нидерландской ипотеки, что частично послужило причиной войны 1672 года⁴. В будущем эти конфликты вызвали спад, а затем и полный крах великой нидерландской торговли.

Вплоть до 1650 года последняя охватывала в Средиземноморье только Италию, а именно Ливорно, Читавеккью, Неаполь, Сицилию и в меньшей степени Венецию. Естественно, что еще до 1600 года, когда по поручению Генриха IV нидерландцы обеспечивали перевозки между Францией и Турцией, они поняли, какой огромный интерес представлял для них Ближний Восток. Но им потребовалось полстолетия, чтобы обеспечить себе безопасность навигации в этих водах, кишевших берберскими пиратами. В 1611 году по приглашению голландского негодичанта, осевшего в Стамбуле, Штаты тайно направили Корнелия Хагу с поручением завязать отношения с Портой. Несмотря на противодействие французского посла, Хаге за несколько месяцев удалось вырвать у турок договор — свобода доступа в оттоманские порты, защита от пиратов, открытие нидерландских консульств с исключительной юрисдикцией над своими подданными. Представляя Штаты при дворе султана до 1639 года, Хага сумел открыть своим соотечественникам двери мусульманского мира. Одно за другим открывались консульства в Алеппо, Алжире, Тунисе и Марокко; с алжирским и марокканским правительствами были заключены союзы. Стороны строго следили за выполнением этих соглашений. Когда голландский капитан атаковал и потопил возле Ливорно алжирский корабль, консул Нидерландов в Алжире был арестован и закован в кандалы. В 1625 году Хага добился от своего правительства права на создание Директории ближневосточной торговли, которой поручалось контролировать и улаживать все вопросы, связанные с навигацией в Средиземном море. Этот орган, основанный семью амстердамскими купцами, выполнял свои функции в течение почти двадцати лет⁵.

В 1594 году десяток амстердамских негоциантов, заинтересованных в торговле пряностями, объединились в Общество дальних стран с целью совместно снарядить несколько кораблей. Образовались и другие ассоциации подобного рода. Путешествие Хаутмана, выявившее значение морского пути вокруг мыса Доброй Надежды, лишь подстегнуло создание таких предприятий. В 1601 году 15 частных эскадр из 68 судов направились в Ост-Индию. Из-за отсутствия четкой организации эта экспедиция закончилась катастрофой. Вмешательство Олденбарнефельде подвигло Генеральные штаты на создание в 1602 году Ост-Индской компании, объединившей уже существовавшие ассоциации, которой был придан статус, близкий к современному акционерному обществу, и было предоставлено право монопольной торговли с Дальним Востоком. Уставной капитал, достигавший изначально семи миллионов гульденов⁶, был образован частными вложениями. Принимались даже самые скромные взносы, что давало возможность участия в инвестициях всем категориям вкладчиков. В действительности приток капиталов в компанию очень скоро прекратился, и рост ее средств не замедлил приостановиться. Первые шаги к процветанию дались компании весьма нелегко, но уже с середины столетия ее акции приносили 500%⁷.

Управление компании находилось в руках совета директоров из 17 членов, избранных из числа крупных держателей акций. Административно компания делилась на пять факторий, пользовавшихся определенной автономией и расположенных в Амстердаме, Мидделбурге, Энкхёйзене, Делфте и Роттердаме. Права и обязанности каждой фактории в составе компании определялись долей соответствующих городов в уставном капитале, которая у Амстердама, в частности, составляла 60%. Во всех шести столицах компании одним из самых представительных зданий непременно был «Дом Ост-Индии». «Дома» в

Мидделбурге и Амстердаме указывались в числе других достопримечательностей этих городов.

В таком далеком от единства государстве, как Нидерланды, Ост-Индская компания концентрировала в себе национальную мощь. В первую очередь, конечно, финансовую, но также и экономико-военно-политическую. Компания располагала своими судами, которые иногда сдавала в аренду адмиралтейству; ей принадлежали пристани, магазины и фабрики; она содержала свой штаб и армию, достигавшую 30 тысяч человек, а также военный флот из 40—50 боевых кораблей; наконец, захватив в скором времени островные территории и управляя колониальными землями, компания вела политические переговоры с местными султанами и европейскими державами. Однако она не смогла удержать свою монополию под натиском предпринимателей, которые, не желая подпасть под тяжелую пяту компании, образовывали собственные союзы при поддержке иностранных государств.

С самого момента своего основания компания закрепилась на Яве и Молуккских островах. Голландские мореплаватели, направлявшиеся вслед за Хаутманом к берегам Индии, столкнулись здесь с португальцами. В 1600 и 1601 годах для разрешения конфликтов пришлось прибегать к оружию. Туземное население, измученное рвением португальских миссионеров, поддержало новоприбывших голландцев, которых ничто, кроме торговли, не интересовало. Наступало время, когда поселения колонистов могли надолго обосноваться на этих островах.

С 1609 года компанией назначался генерал-губернатор заморских территорий, резиденция которого располагалась на острове Амбуан. В 1618 году, к тому времени, когда совет семнадцати доверил этот пост Яну Питерсону Кону, генерал-губернатор выполнял функции настоящего правителя. Кон был очень непростым человеком и остался одним из самых загадочных личностей «золотого века». Заняв крайне жесткую позицию в отношении султанов, которые, возможно, не без подстрекательства со стороны

англичан, угрожали его факториям, он, мечтая разрушить монополию компании, разработал собственную колониальную политику, во многом опирающуюся на тактику испанцев в Америке. Сея вражду между местными племенами, он обратился с просьбой к Генеральным штатам прислать под его начало группу голландских колонистов твердых моральных устоев вместе с семьями и сформировать вокруг этого надежного ядра армию из рабов, купленных в других частях света, чтобы в зависимости от местных условий создать таким образом реальную военную и дешевую рабочую силу. Однако из этого плана ничего не вышло. Зато взяв штурмом и опустошив Джакарту, Кон смог-таки в 1619 году образовать на ее руинах Батавию, которая впоследствии выросла в центр нидерландского колониального господства. Группки японских и китайских ремесленников или крестьян; выходцы из Европы, чаще всего вперемежку голландцы и англичане; форт, гарнизон. Суд и даже церковь; нотариус, врач; полиция, с ее предписаниями против пьянства и внебрачного сожительства — колониальный вариант Женевы, который казался приездом амстердамцам и гаагцам «почетной ссылкой». Через 50 лет на этом месте раскинулся настоящий город, выстроенный по образцу Амстердама, который стал сердцем целой империи.

Тем не менее нидерландское присутствие еще долго ограничивалось торговыми факториями, расположенными на морском побережье. Власть губернатора не распространялась далее китайско-европейской агломерации, которая жила под защитой цитадели с гарнизоном из солдат Компании. Об остальной части страны не было известно ничего. До 1630 года, похоже, никому не приходило в голову убедиться в плодородии Явы. До 1648 года никто не отважился проникнуть в глубь новых земель. Компания поначалу была далека от мысли о территориальных завоеваниях. Так, в 1644 году ее руководство заявило Генеральным штатам, что «города и крепости, завоеванные в восточных Индиях, не могут считаться достоянием государства, но личной собственнос-

тью заинтересованных негоциантов, кои могут продать их, кому сочтут для себя удобным, будь то сам король испанский»⁸. Потребовалось целое столетие, чтобы компания мало-помалу, без каких-либо экспедиций, подчинила себе весь остров Ява.

Между тем компания пыталась упрочить торговые пути, организовав сеть учреждений, разбросанных по всему Дальнему Востоку. В 1624 году под ее власть подпал остров Формоза. Сорок лет спустя он был легко отбит китайскими пиратами; маленькая голландская колония, включая женщин и детей, была вырезана или обращена в рабство. В 1641 году в нидерландские владения вошла Малакка, а в 1656 году — Коломбо. Обе колонии были завоеваны у португальцев⁹.

Зато отношения с континентальным Китаем и Японией сохраняли доколониальный характер. В этих странах к «голландским пройдохам» относились с добродушным презрением. После изгнания иноземцев только нидерландцам удалось получить от правительства Японии право заходить в порты этой страны. Ежегодно нидерландское посольство отправлялось в Джедо. Как-то раз их попросили исполнить песни и танцы своей страны, чтобы... позабавить наложниц сёгуна! Что до китайцев, чьи пути в море коммерции постоянно пересекались с голландскими, то они не испытывали на счет своих конкурентов никаких иллюзий: «Рыжебородые (то есть голландцы) живут на берегу Западного океана. Жадные и хитрые, они хорошо знают цену вещам и умело борются за наибольший куш, рискуя жизнью и бесстрашно забираясь в самые удаленные уголки мира. Кто встретится с ними в море, непременно будет обобран до нитки»¹⁰.

Основным этапом этой истории стало основание колонии на мысе Доброй Надежды. Голландское присутствие в этом важном перевалочном пункте на пути в индийские колонии к середине века, казалось, установилось всерьез и надолго. В 1651 году Совет семнадцати направил сюда под командованием Иогана Ван Рибек три корабля с поселенцами и скотом. С этого времени в построенный здесь порт еже-

годно заходило добрых три десятка больших кораблей. Климат был благоприятным, и колония процветала, занимаясь скотоводством, виноградарством и выращиванием фруктов. Тем не менее поселение, имевшее сельскохозяйственную направленность, что само по себе было редким явлением в нидерландской колониальной империи, долго не представляло большого значения. Подобная попытка создания поселения колонистов была сделана и на острове Маврикий, в то время необитаемом. Ост-Индская компания разместила там около сорока крестьянских семейств.

С конца XVI века Уссенликс пытался обратить взоры своих соотечественников к американскому континенту, где бы они могли нанести удар непосредственно по источнику испанского могущества. Однако его призыву последовали только корсары. Лишь перемирие открыло двустороннее сообщение с Новым Светом. С севера маршрут пролегал вдоль побережья современного штата Нью-Йорк. Эта территория, названная «Новыми Нидерландами», дала имя компании, которая была основана в 1641 году и занималась торговлей пушниной. На юге торговый путь приводил в Бразилию. К концу перемирия Нидерланды держали в руках 2/3 всего экспорта тростникового сахара из этого региона. В 1621 году Генеральные штаты дали согласие на создание Вест-Индской компании, которой была пожалована монополия торговли на всем западном побережье Африки и Америки.

Однако несчастья преследовали это предприятие. Удача улыбалась Нидерландам скорее в Азии, нежели в Америке. Капиталовложения, преимущественно от амстердамских купцов, поступали крайне медленно. Чтобы снарядить первый корабль к американскому континенту, ушло целых два года. Наконец компании удалось открыть несколько факторий в Бразилии. Но несмотря на 800 судов, отправленных ею через Атлантику за 13 лет, только «серебряный конвой»

1628 года позволил компании выплатить своим вкладчикам первые дивиденды.

Воспрянув духом после такого успеха, компания направила в Пернамбуко в качестве генерал-губернатора Иоганна-Морица Нассауского. За семь лет правления принц сумел существенно расширить сеть плантаций и факторий в Олинде, Пернамбуко и Парайбо. Но в самих Нидерландах эти колонии вызывали к себе весьма противоречивое отношение. Когда Мориц попросил прислать войска для войны с португальцами, он не получил ни одного солдата. Предприятие было обречено. Начиная с 1640 года, голландцы начали отступать. В 1650 году командующий армией, направленной-таки Генеральными штатами на подмогу колонистам, оставил свой пост, разругавшись с агентами компании, за что был впоследствии арестован. В 1661 году Гаага уступила Португалии свои бразильские владения за 8 миллионов гульденов.

В «Новых Нидерландах» компания приобрела у индейских вождей в 1626 году территорию на острове Манхэттен, где основала колонию «Новый Амстердам». Однако это поселение¹¹ было предоставлено самому себе. В 1667 году, когда в нем насчитывалось уже почти 10 тысяч жителей, Генеральные штаты уступили его Англии в обмен на Суринам на диком берегу Гвианы. Эта двойная неудача нанесла по компании роковой удар. В 1674 году ее статус был изменен, а само предприятие уменьшилось до гораздо более скромных размеров. Единственными нидерландскими владениями в Америке остались Суринам, Кюрасао и несколько островков Малого Антильского архипелага.

С этого времени начался упадок великой голландской коммерции. Исключительное развитие торговли сделало невыносимой конкуренцию на внутреннем рынке. Вестфальский мир, обратив к мирным занятиям население других европейских стран, перекрыл многие внешние каналы сбыта. Все было забито колониальными товарами. Цены упали, в то время как эксплуатационные расходы возросли в связи с

войнами, что вела компания, пытаясь удержать свои позиции. Темпл упоминал один весьма характерный случай: «Один моряк, с коим я свел дружбу не так давно на пути из Делфта в Лейден, рассказал мне, что перед самым отъездом из Индий своими глазами видел, как враз были сожжены три ствола мускатного ореха, каждый из которых был столь велик, что не влез бы и в кафедральный собор»¹². В то время на Молуккских островах вырубались рощи мускатных орехов, чтобы сократив таким образом урожай удержать цены на прежнем высоком уровне.

Поселенцы и рабы

Население нидерландских колоний никогда не отличалось многочисленностью. Горстка искателей приключений, сирот, сосланных родителями сынков из хороших семей составляли наиболее четко выраженную категорию колонистов. Несколько раз губернаторы просили прислать женщин. Время от времени прибывали партии девушек, набранных в муниципальных сиротских домах. В ком компания имела нужду, так это в солдатах. Слуги Марса кочевали по империи, поступая то тут, то там в гарнизоны с довольно сомнительной боеспособностью. Суринамский губернатор Сомелсдюк был убит кучкой взбунтовавшихся наемников. Зато в высших чинах адмиралов и губернаторов, на которых лежала самая большая ответственность, долгое время оказывались порядочные люди, как правило низкого происхождения, что еще сильнее подчеркивало их таланты и способности. Но их должности становились все более привлекательными, и в конце столетия, когда забылся кальвинистский аскетизм Кона, роскошь, в которой жили колониальные наместники с их дворцами, рабами и жаждой почестей, столь не вязавшимися с простотой нравов их родины, уже воспринималась как должное.

Колонии должны были обеспечивать спокойные условия для торговых компаний. В туземных султанствах, занимавших вассальное положение, нидерландцы сохраняли местную правовую систему,

оставив за собой реальную силу. Компания ревностно следила, чтобы никто не угрожал ее господству. Такая позиция повлекла за собой ряд вооруженных столкновений, иногда довольно кровопролитных, как, например, во время войны Кона против султана Матарамы в 1627—1629 годах, которая сопровождалась жестокостями в отношении мирного населения, чинимыми японскими наемниками. Каждый раз, развязывая новую войну, компания продвигалась все дальше, и в конечном итоге губернаторы Батавии завоевали весь остров Ява, сами того не желая.

Когда во второй половине столетия колонисты первой волны твердо стали на ноги в новых землях, несколько проповедников отважились покорить обе Индии. Хороший прием, однако, они нашли только на Формозе, где население даже позволило обратить себя в кальвинистскую веру. На этом острове вскоре насчитывалось до 32 пасторов. В других же частях колониальной империи деятельность миссионеров ограничилась кругом соотечественников. Зато многие из них, прижившись в Малайзии, на Яве или Молуккских островах, превратились в лингвистов, историков и натуралистов. Тем не менее в метрополии их исследования долго оставались неизвестными и не могли изменить господствовавшее там снисходительное отношение к восточным народам.

С XVI века, не имея собственных факторий в Черной Африке, Испания предложила Англии и Нидерландам поставлять рабов в ее американские колонии. Вест-Индская компания взяла эту торговлю в свои руки¹³. Но ее процветание зависело от стабильного притока живого товара. Экспедиция Рейтера на Берег Слоновой Кости не преследовала иных целей. Чтобы обеспечить рабочей силой бразильские плантации, Иоганн-Мориц захватил в 1637 году португальскую факторию Сан-Георге дель Мина. Четыре года спустя португальцы уступают компании побережье Анголы. С этого момента стало возможным ежегодно покупать до 15 тысяч рабов по 30 гульденов за голову. В Америке их перепродавали по 300 и 500.

Из-за необходимости иметь место для свободной торговли живым товаром и был приобретен Суринам после потери Бразилии.

Огромная прибыль сочеталась с не меньшими опасностями. Был риск попасть в руки пиратов, для которых захват невольничьего судна считался редкой удачей; риск погибнуть в пучине волн, поскольку для малотоннажных скорлупок, перевозивших «черное дерево», каждая буря могла стать последней; наконец, риск пострадать от собственной жадности, набив сверх меры трюмы живым товаром обоюго пола, который в страшной тесноте не выдерживал многодневного пути. Следить за здоровьем «груза» входило в обязанности капитана. В тяжелых случаях больные препоручались заботам Всевышнего выстрелом из мушкета, поскольку эти торговцы из Флессинга, Хорна или Амстердама были все-таки славными ребятами, не слишком чувствительными, но и не лишенными сострадания; они регулярно читали Писание и немало бы удивились, если бы кто-нибудь усомнился в моральной стороне их занятия. К тому же законы Нидерландов запрещали рабство, что явилось даром Провидения для всех этих несчастных черных. Если кому-либо из них, бог знает как, удавалось ступить на нидерландскую землю, одним этим он становился свободным, и хозяин не имел права даже выкупить его. Нередко среди прислуги богатых семейств в больших городах Голландии встречались бывшие рабы.

Глава XXIX

Промышленность

Слабое звено

Нидерландская земля обладала только двумя полезными природными ресурсами, а именно песком и торфом. Для строящихся на болотистой почве зданий нельзя было придумать лучшего основания, чем мягкий слой песка, что в этой почитавшей Библию

стране порождало интересный парадокс, — строить замки на песке по Библии вовсе не значит строить их на века. Песок шел на строительство укреплений, валов и рвов. Этот столь ценный материал вывозился главным образом с прибрежных дюн. Так, для поддержания городских сооружений лейденский муниципалитет заказывал песок на дюнах Ёгстгеста. В северных деревушках, выросших в Средние века на искусственных клочках суши, жили исключительно продажей песка, добываемого в местных карьерах.

Торф был более привычным видом топлива, чем дерево¹. В некоторых районах его интенсивная и неумелая добыча привела к образованию ям, затапливаемых водой, что ухудшило состояние края, и без того страдавшего от заболачивания почвы. В начале XVII века муниципальные власти Гронингена взяли добычу торфа под свой контроль и внесли определенный порядок в эту индустрию. Через Саппемерскую топь была проложена сеть судоходных каналов, вдоль берегов которых выстроились рядком «колонии торфяников».

Торф выкапывался кусками, которым придавалась форма кирпича, затем сушился на воздухе и складывался в сарайчиках, где наконец затвердевал. Булочки и пивовары предпочитали топить печи торфом из Фрисландии, более пористым и ломким, чем гронингенский.

Нидерландская промышленность, особенно обрабатывающая, задыхалась в тисках корпоративного законодательства, оставаясь в целом на уровне цехового ремесла. По сравнению с транзитной торговлей ее экономическое значение для страны было не столь существенным. Таким образом, отсутствие солидной промышленной базы создавало в течение долгого времени серьезное препятствие для развития торговли, а промышленность, в свою очередь, находилась в слишком зависимом положении от направления торговли.

Однако в равной, если не большей степени, что и торговля, промышленность выиграла от притока

эмигрантов-фламандцев. А главное, в руках промышленности был сильный технический козырь — ветряные мельницы, способы использования которых на пороге «золотого века» отличались большим разнообразием. Даровая энергия ветра приводила в движение механизмы лесопилок, бумажных мастерских, маслобоен, фабрик по производству пушечного пороха. В мукомольнях усовершенствованные жернова позволяли очищать овес, не перетирая его в муку, как делалось в других странах. Мельницы служили подъемниками, насосами. Строителя мельниц можно уподобить современному инженеру. Так, Ян Андриаэнзен Лехватер ставится в один ряд с великими людьми того времени. Мельница самого старого типа выглядела, как клетка кубической формы высотой в один этаж, к которой крепилась ось крыльев. Сама клетка вращалась на массивном деревянном крестообразном основании, располагавшемся горизонтально на крыше неподвижного нижнего этажа. Около 1600 года появилась мельница с неподвижным цилиндрическим корпусом и вращающейся крышей с установленными на ней крыльями, которая управлялась при помощи рычагов. Немногим ранее Корнелий Корнелисен изобрел гигантскую мельницу-лесопилку, так называемый «пилтронг»², которая предназначалась для распиливания самых тяжелых брусьев, в частности, на корабельных верфях. Собственно мельница образовывала блок, возвышавшийся над мастерской, пилы которой он приводил в движение. Блок и мастерская объединялись общим каркасом. Мастерская находилась на уровне второго этажа и открывалась, как склад, позволяя грузить готовые доски прямо на шаланды. Все сооружение достигало размеров городского здания и покоилось на каменном фундаменте, внутри которого перекачивались подвижные опоры. Удачно вписываясь в окружающий ландшафт, мельницы, нередко опоясанные рвом с подъемным мостиком, стали одной из наиболее самобытных черт Голландии³. Вокруг них скоро сложились настоящие традиции. Мельничные крылья всячески украшались, в зависи-

мости от ситуации. Когда простой люд хотел выразить большую радость, жернова останавливались так, что крылья замирали вертикальным крестом, увенчанным флагом. Если игралась свадьба, два воскресенья подряд жернова украшали цветами. В провинциях Голландия и Зеландия большой или меньший наклон крыльев означал в дни траура степень родства мельника и усопшего. Угол в 45 градусов означал сильнейшую скорбь, а также общественное бедствие⁴.

Появление ветряных мельниц восходит к Средневековью. Их промышленная эксплуатация начинается в XV веке, особенно в районе Сандама. К 1600 году в этом городе и его окрестностях насчитывалось добрых полсотни мельниц. За годы «золотого века» их число настолько возросло, что Санстрек превратился в самый большой промышленный центр — в 1700 году здесь взмахивало крыльями около шестисот мельниц. Их главным назначением было распиливание ввозимого в страну по Рейну строевого леса, который в огромных количествах шел в Амстердам на строительство новых жилых кварталов и кораблей. Спротивление гильдии амстердамских пильщиков, слепо преданных дедовскому методу ручного распиливания, было сломлено острой конкуренцией, и с 1630 года Сандам полностью забрал этот рынок под свой контроль.

Победа пошла на пользу всем отраслям промышленности, которая в течение первой четверти века сосредоточивалась в руках местных мельников — маслобойни, обрабатывавшие рапс, репу и коноплю; фабрики по производству красителей на бразильской древесной основе, мела, крахмала; заводики по приготовлению белил; предприятия по измельчению табака и растиранию горчицы; подготовка сырьевой основы для цехов по изготовлению веревок и канатов; мельницы-веялки, окрещенные местными жителями «вонючками»; мельницы для приготовления пряностей и, наконец, писчебумажные фабрики. К концу века каждую четверть часа от причала Сандама отходило груженное товаром судно, держа курс

на Амстердам, что лежал в каких-то 15 километрах. Эта близость в не меньшей мере, чем лесопильни, способствовала строительству в Сандаме крупных корабельных верфей, соперничавших с доками Роттердама. Здесь лучше, чем где бы то ни было, плотники умели «сшивать, сколачивать, обтесывать, окантовывать, состругивать, просверливать, распиливать и разделять доски, а также справляться с любыми загвоздками»⁵. Кабестаны натягивали канаты. Каркасы тащили бечевой при помощи ворота, который приводила в движение целая команда рабочих, встававших на колышки, что были вделаны в высокие вертикально поставленные колеса трех-четырёх метров в диаметре, которые вращались ногами.

К концу века в Сандаме насчитывалось до 50 корабельных мастеров. С его верфей ежегодно спускалось на воду от 30 до 35 судов, несмотря на неудобную конструкцию сооружений — после окончания первых работ в одном бассейне, корабли длиной более 40 метров перетаскивались в другой и, что весьма характерно для нидерландских промышленных подструктур, не отличавшихся взаимным соответствием, недостроенные корабли тащили вручную бечевой через вал более двух метров высотой, а затем — по изогнувшейся монгольским луком улочке, едва достигавшей в самом широком месте восьми метров.

После Сандама только Лейден мог считаться судостроительным городом. Являясь в силу старых ремесленных традиций столицей текстильной промышленности (в особенности шерстяных тканей), Лейден сумел усовершенствовать и существенно развить свое производство усилиями беженцев-фламандцев. С 1619 года этот город выставлял на рынок 110 тысяч отрезков шерстяной материи — грубой ткани, саржи, фютена — в 4 раза больше, чем в 1584 году. Уже с 1615 года здесь производилось сукно «на аглицкий манер». Развитию этого направления способствовала определенная механизация труда — на смену старому способу валяния шерсти ступнями ног пришли мельницы. Сила лошади и человека более не являлась основным источником энергии. В 1630—1640

годах сформировался рабочий класс (частично благодаря притоку бедных эмигрантов). Это время первых манифестаций в мастерских ткачей и суконщиков, капиталистических методов использования кредита и конкурентной борьбы. На мировых рынках последняя проявлялась довольно жестоко. Лейденцам так и не удалось достичь высот амстердамских негоциантов⁶. В самих Нидерландах около 1630 года наблюдался период, когда главенство Лейдена в текстильной промышленности пошатнулось под натиском Тилбурга, в изобилии снабжавшегося контрабандной испанской шерстью. Вслед за этим предприятия Брабанта и Хелдера, имевшие семейную структуру, попали в полную зависимость от голландских мануфактур и зачастую работали исключительно на них. Так же обстояли дела и у гарлемских предприятий по отбеливанию тканей, не сумевших выйти из-под власти крупных торговцев⁷.

Изначально крупнейшими центрами пивоварения были Гарлем и Делфт, но в ходе XVII века конкуренция в этой отрасли сильно возросла. В Роттердаме, Гронингене, Неймегене, Амстердаме, Девентере, Арнхейме и Дордрехте завелись собственные пивоварни, что привело, в частности, к упадку Делфта. В этом городе, где еще в конце XVI века треть ремесленников составляли пивовары, к 1600 году закрылось 29 пивных заводиков, а в последующие полвека еще 57. В 1667 году их не осталось почти совсем.

Гауда торговала трубками и канатами. Почти по всей стране существовали предприятия по обжигу кирпича. Выходцы из Антверпена создали в Амстердаме несколько отраслей обрабатывающей промышленности, связанной с работой порта. Организованные ими мыловарни получили всемирное признание. Заводов по очистке сахарного тростника к 1630 году насчитывалось уже 30. После потери такого крупного поставщика, как Бразилия, сахарный тростник стали выращивать на Яве. В 1662 году целый флот из 100 кораблей доставлял на берега залива Эй сахар-сырец с Антильских островов, Инсулинда, Формозы и Сиама.

Огранка алмазов — ремесло, завезенное в Амстердам антверпенцем Петером Кросом, не снискала достаточно приверженцев, чтобы образовать отдельную гильдию. Она долго оставалась свободным занятием, одним из немногих, которым могли предаваться иудеи. Ювелирное дело худо-бедно перебивалось весь XVII век и смогло по-настоящему раскрыться только в следующем столетии.

Рыболовецкие промыслы

Объединяя собой использование природных ресурсов, ремесло и торговлю, рыбная ловля — основа голландской и зelandской экономики оставалась одним из самых продуктивных видов деятельности приморских провинций. Нидерланды изобиловали рыбой — сырьем, продуктом питания и предметом обмена. Рыбой занималась особая гильдия, которая управляла ловлей и следила за гигиеной потребления морских продуктов. В Амстердаме значительное расширение этой гильдии вызвало взрывную реакцию — торговцы копченой рыбой отделились в собственную. Почти повсеместно власти своими постановлениями передавали булочникам монопольное право на торговлю жареной рыбой. На каждом углу открывалась лавочка с сильным и малоприятным запахом, на вывеске которой изображался «Чудесный улов». Бочки со свежей рыбой, рассортированной по видам, загромождали прихожую и тротуар перед входом, осененным омарами, подвешенными к карнизу. На рынках среди все тех же бочек за длинными прилавками люди обсуждали свои дела с рюмкой крепкой водки в руке...

Начало нидерландского процветания восходит к изобретению зelandским рыбаком около 1385 года подобия бочонка, что обеспечило сохранение сельди на продолжительное время. Освободив рыбу из сети, ее потрошили, оставляя только молоку, и бросали в бочку, пересыпав солью. Это изобретение позволило использовать огромные природные богатства, которые дарили сезонные атлантические банки, ки-

шевшие сельдью. Из традиционной рыбной ловли, удовлетворявшей спрос только внутреннего рынка, выросла гигантская международная торговля.

С начала XV века рыбная торговля процветала. Осознавая ее значение для развития страны, муниципалитеты оградили ее протекционистскими мерами, которые, благополучно пережив все политические волнения, к XVII веку превратили ловлю сельди в самый упорядоченный вид деятельности. Вначале вся ловля сосредоточивалась в портах Зейдер-Зе, особенно в Энкхейзене, который был обязан рыбе своим богатством и свою признательность этому дару моря выразил, поместив в герб трех сельдей, увенчанных коронами. Затем в промысел сельди включился Роттердам. В XVII веке эти два города практически монополизировали отрасль, вылавливая в год общими усилиями вместе с зависимыми от них маленькими соседними портами рыбы на 10 миллионов флоринов при флоте в 500 шхун. Размеры ловли привели к созданию настоящей промышленности в заинтересованных городах. Соли было уже недостаточно, чтобы обеспечить длительное хранение продукта, которое требовалось при таком размахе торговли⁸. Пришлось учредить в портах особые цехи по обработке сельди во вторичном рассоле. Финансовый интерес этой операции подвигнул Амстердам присоединиться в свою очередь к рыболовецкой отрасли.

Многочисленные маленькие порты, разбросанные по берегам Фрисландии, Голландии и Зеландии, были выброшены из монопольного промысла сельди и довольствовались ловлей трески, мерлана и морского языка в открытом море или возле побережья, в зависимости от снаряжения. Дордрехтцы промышляли рейнского лосося. Жители некоторых бедных прибрежных деревушек, не имевшие лодок, зарабатывали на жизнь перевозкой рыбы в соседние города на повозках, запряженных собаками. Влиланд, самый удаленный из фризских остров, отчасти жил сбором мидий.

Еще со Средних веков сандамские рыбаки специализировались на ловле угрей, большое количество

которых периодически мигрировало в голландских водах. Эта рыба содержалась в больших садках, выкопанных поблизости от города, до ежегодных торгов в начале зимы. Не довольствуясь ловлей в собственных водах, сандамцы платили Дании за право промыслять утря вблизи острова Амагер. Осенью из порта Сандама выходила флотилия судов, снабженных чанами для транспортировки живой рыбы. После ловли флотилия спускалась порой до французского побережья для сбыта товара. Осушения, проводимые во внутреннем бассейне провинции Голландия с 1610 года, значительно сократили районы, посещаемые угрем. Некоторые его виды полностью исчезли. После 1640 года доходность этого промысла сильно упала.

В течение всей первой половины века над рыбаками висела серьезная угроза. Завоевав в 1583 году город Дюнкерк, герцог Пармский снарядил флот для нападения на голландские и зеландские суда. На доходы от этого подлого пиратства Дюнкерк жил почти 60 лет. Прокрадываясь вдоль побережья, дюнкеркцы иногда внезапно прорывались чуть ли не в голландские порты, разрушали сооружения, поджигали шхуны. Перемирие не положило конца их рейдам. Лишь за один год Энкхёйзен потерял сотню судов. Поскольку в дюнкеркский порт торговые суда не заходили, репрессивные меры оказывались тщетными. Голландские моряки, привлеченные возможностью легкой наживы, бросали службу и присоединялись к пиратам. Когда весной рыболовецкий флот поднимал паруса, направляясь на ловлю сельди, его сопровождал конвой из военных кораблей. Генеральные штаты отдали указание не брать дюнкеркцев в плен — их бросали в море⁹. Такое положение дел сохранялось до 1646 года, когда франко-голландской армии удалось наконец взять Дюнкерк, который был присоединен к Франции¹⁰.

Поиск судоходного пути к северу от Скандинавии в первые годы XVII столетия привел сначала англичан, а затем и голландцев к встрече со стадами китов, посещавших эти воды. В 1611 году англичане снаря-

дили два китобойных вельбота. На следующий год Амстердам, в свою очередь, спустил на воду китобойную шхуну, доверив командование английскому лоцману и щедро оплатив его услуги. Энкхёйзен, Сандам и Делфт встали на тот же путь. Но борьба с английскими конкурентами потребовала разработки общей политики. В 1614 году группа голландских китобоев образовала Северную компанию, которая спустя три года получила официальный статус и исключительное право охотиться на китов между Шпицбергенем и Гренландией.

Основатели компании строили грандиозные планы. В Амстердаме ими были сооружены три громадных склада, снабженных кирпичными погребями, которые образовывали колодцы для хранения ворвани общим объемом до миллиона литров. Для добычи ворвани на Шпицбергене был построен завод, а для его рабочих — деревушка Смеренбург, население которой жило там только летом и уезжало на материк по окончании сезона. Вторая подобная колония была создана на острове Ян Мейен¹¹... Однако эти заведения принесли немного пользы. Монополия компании практически не соблюдалась, да и, впрочем, сам ее статус было довольно размытым. При появлении китобойных шхун киты уплывали; приходилось гоняться за ними в открытом море и добывать ворвань прямо на борту. Таким образом, под все более чувствительными ударами англичан, к которым присоединялись датчане, в 1642 году компания получила отказ Генеральных штатов продлить предоставленные ранее привилегии. С этого момента китовый промысел стал свободным занятием с центром в Амстердаме. Временные ассоциации, организуемые на один сезон, позволяли покрыть большие расходы на снаряжение флотилии: различные заинтересованные торговцы вносили свою долю в размере 1/4, 1/32, 1/64 от общих затрат, в зависимости от случая. Один из вкладчиков за определенную плату принимал на себя управление всем предприятием.

Длина китобойного вельбота составляла 30—40

метров. Самые большие достигали десяти метров в ширину и шести в высоту, из которых четыре находились под водой. Дубовая обшивка, обитая железом, усиливала массивный корпус и защищала его от ударов льдин. Около 1700 года такое судно с семью шлюпками стоило 25 тысяч флоринов. Снаряжение, помимо навигационных приборов, включало значительное количество оружия и рыболовных снастей — 450 бочонков; 60 линий в 125 саженой; просмоленные фалини, сделанные из 90 сплетенных веревок; гарпуны с рукоятями из дуба; пилы; топоры и различные виды ножей. Подготовка начиналась с осени. Экипаж насчитывал, в зависимости от размеров судна, от 50 до 90 человек. Вербовщик устраивался в портовом трактире и вывешивал флаг. В Сандаме традиционным местом сбора китобоев была таверна «Шпицберген». Найм осуществлялся по контракту, положение которого определяли как жалованье, так и поведение на борту. Матросы получали аванс от 100 до 150 флоринов, который тут же и пропивали. Остальная часть их заработка определялась долей от взятой добычи. Шхуны выходили в море в апреле. Курс брался на норд-норд-ост. С 60-го градуса широты приводили в готовность снаряжение, капитан формировал команды гарпунеров, копейщиков, разделщиков. К 75-му преодолевались первые дрейфующие льды. Киты показывались между 77-м и 79-м градусами северной широты к югу от Шпицбергена. Техника китовой охоты не отличалась от описанной в XIX веке Г. Мелвиллом в романе «Моби Дик».

Глава XXX

Обработка земли

Пашни и луга

Опустошения, принесенные войной, в особенности разрушение плотин (в 1576 году 2/3 провинции Голландия были затоплены водой), способствовали

до 1600 года упадку сельского хозяйства. Слабый подъем начался в начале XVII века вслед за повышением цен. Но в целом сельское хозяйство не внесло своей лепты в общее благоденствие. Только в южных районах Голландии и на некоторых зelandских островах выращивались во впечатляющих количествах зерновые или технические культуры, такие, как рапс и марена¹. Почвы далеко не везде были пригодны для зерновых, урожайность которых страдала от архаических методов земледелия, оставаясь слишком низкой, чтобы рассчитывать на какие-либо запасы. К тому же города мало интересовались сельской экономикой и в больших объемах закупали зерно за границей, подрывая рентабельность собственной деревни. Большинство крестьян в первой половине века довольствовалось возделыванием огородов и выращиванием скота. Надо ли говорить, что голодные годы случались нередко.

Скотоводство давало больше доходов. Иностранцы восхищались изобилием и тучностью нидерландских стад². Великолепные луга позволяли закупать весной тощий скот в Дании или Голштинии, чтобы, откормив, выгодно перепродать его осенью. Однако надои молока по сравнению с нынешними нормами были довольно низкими³. Кроме того, скотоводство, процветавшее на твердой почве Голландии, Зеландии и Фрисландии, сталкивалось с невероятными трудностями на песчаных землях востока страны, где небольшая засуха, плохой сенокос могли привести к полному краху.

В 1621 году Дрента пережила опустошительный неурожай кормовых. От голода пало 2500 лошадей, 10 тысяч быков и коров, 50 тысяч овец. Половина возделываемых земель осталась без природных удобрений, что тяжело сказалось на урожае следующего года. Лишь после крупномасштабных работ по осушению болот, предпринятых в середине века, сельское хозяйство смогло преодолеть кризис.

Крестьянин пытался выжать из своего скота максимум дохода. Оставляя для себя сыворотку, в отсутствие официального контроля, он, не стесняясь, раз-

бавлял «цельное» молоко, которое продавал в городе в розницу (по домам, на рынке) и оптовикам. Также не считалось зазорным жульничать на масле, добавив в него больше соли. С сыром, который раскупался лучше других сельскохозяйственных продуктов, таких уловов не проделывали. Из ферм он вывозился на центральные рынки, например в Алкмар, где его оптом скупали посредники. Париваль видел на рынке Хорна, как в муниципальную палату мер и весов на тысяче крестьянских телег везли более 150 тысяч фунтов сыра⁴. К середине века один Эдам ежегодно экспортировал 500 тонн головок сыра с красной корочкой.

Вне обычных рынков организовывались ярмарки, часть которых пользовалась правом приостанавливать преследование за долги до закрытия торгов. Особой славой пользовалась лошадиная ярмарка в Валкенбурге, проходившая в сентябре.

Дамбы и осушение земель

«Нидерланды, — заявил Темплу один голландский министр, — используют для содержания плотин столько людей, сколько могут накормить собственным хлебом»⁵. В самом деле, жители этой страны на свой лад переиначили библейское изречение. «Господь создал мир, голландец — Голландию». Большая часть территории самых богатых провинций, а именно Голландии и Зеландии, представляет собой лысую равнину, лежащую чуть ниже уровня моря. Такое положение подвергает эту землю не только опасности заболачивания, но и угрозе затопления внешними водами. Защищенные от моря на части побережья цепью высоких дюн, Голландия и Зеландия были вынуждены возвести еще в Средние века⁶ искусственные преграды для защиты дельты больших рек, равно как и для запруживания последних. Поскольку диких вод, озер и болот по-прежнему оставалось более чем достаточно, сеть плотин оплела всю страну⁷. Их строительство продолжалось. Еще в 1682 году в Амстердаме, на южном берегу Эй, была насыпана

дамба, которая должна была защищать от воды во время сильных приливов жилой квартал, насчитывавший две тысячи домов. Такие работы сопровождались постройкой шлюзов, вроде амстердамского, что перекрыл Амстел в 1674 году и запомнился интересными техническими решениями. Со стороны воды в ил уходит частокол из мощных, стянутых железными скобами брусьев, образуя водораздел. За ним возвышается собственно дамба — округлый земляной вал, покрытый дерном. Важно, чтобы материал обладал достаточной упругостью, чтобы выдержать неравномерное давление волн. Песок, удерживаемый корнями растений, вполне отвечал этому условию. В XVII веке был применен новый метод, состоявший в смешивании фукуса с землей. В зонах особого риска строилось несколько рядов дамб в глубину. Жители побережья Зейдер-Зе укрепляли плотины в приливы и штормы, устилая их широкими морскими парусами.

Эти в сущности земляные валы, под защитой которых жила Голландия, не отличались большой надежностью — их беспрестанно размывало. Поэтому поддержание их в должном состоянии представляло собой одно из основных общественных дел. Межевые столбы, расположенные на дамбе через определенное расстояние, показывали границы участка, введенного заботам жителей той или иной прибрежной деревушки. Работы координировала и контролировала специальная администрация во главе с центральным советом, председатель которого именовался дюкграфом.

Плотины образовывали линию обороны. Когда борьба с водой входила в решающую стадию, в бой вступали насосы, приводимые в действие мельницами, — техника, проверенная опытом еще с XV века. Их применяли в конце каждой зимы для удаления просочившихся вод, которые во многих районах Голландии регулярно покрывали земли с ноября по февраль. В течение этого времени страна выглядела, как огромная скатерть, залитая водой и подернутая рябью в ветреные дни, из которой островками про-

глядывали дома, холмы и дамбы. В 1638 году, когда ледоход прорвал эйссельскую плотину, вода, затопившая окрестности, была полностью собрана мельницами-насосами.

XVII век не знал катастрофы, сравнимой с цунами «Всех святых» 1570 года⁸. Происшествия же, подобные наводнению 1638 года, не были чем-то необыкновенным. Самое неприятное случилось 16 ноября 1650 года. На этот раз прорвались рейнские льды, разрушившие на своем пути несколько дамб. Эйссель вышел из берегов. Большинство крестьян было захвачено врасплох и не успело бежать.

Спасаясь от воды на крышах собственных домов и изнывая от голода, они остались живы лишь благодаря помощи, наспех организованной властями, которые направили в район бедствия флотилию из лодок. На побережье море время от времени размывало землю, к которой прилепились рыбацкие дереvушки, как это случилось с Катвюком. На протяжении всей зимы 1650/51 года из-за непрекращавшихся проливных дождей из берегов выходили реки и каналы; накануне мартовского равноденствия на побережье Голландии обрушился свирепый северо-северо-западный ветер; 5 и 6 марта буря неведомой силы штурмовала плотины. Все с тревогой следили за этим поединком. Плотины выстояли. Но из-за брешы в сент-антуанской дамбе чуть не был затоплен весь Амстердам. Воду удалось остановить только тогда, когда она уже залила подвалы, и значительные запасы продовольствия были затоплены в подземных помещениях складов⁹.

Лишь с 1550 года стали предприниматься широкомасштабные действия по осушению стоячих вод по всей стране¹⁰. Несокрушимое движение, имевшее главным образом демографические корни, заставило Нидерланды пойти по этому пути. Причины финансового характера также сыграли в первой половине XVII века далеко не последнюю роль в этом процессе, открыв новые возможности для вложения капитала. Таким образом, количество ежегодно осушаемых гектаров земли продолжало расти, достиг-

нув в 1640 году около 1800 гектаров. Усовершенствование мельниц-насосов позволило осушить значительные площади. С 1609 года использовались цепи мельниц, расположенных на разных уровнях и позволявших поднимать воду постепенно, обеспечивая экономию энергии и увеличивая эффективность работ.

Первый широкомасштабный проект был выдвинут в 1607 году Дирком Ван Оссом, членом дирекции Ост-Индской компании. Заручившись поддержкой ряда других амстердамских капиталистов и высокопоставленных служащих, он обратился в Генеральные штаты с просьбой предоставить ему право осушить Бемстерское озеро к северо-востоку от Амстердама. Он подкрепил свое предложение различными соображениями социального и сельскохозяйственного характера. В действительности это была первая спекуляция, с размахом проведенная мощной финансовой группой. Работы начались в 1608 году. Было построено сначала 16, затем 32 мельницы. Но они сливали воды на окрестные земли, вызывая недовольство местных крестьян, попытавшихся устроить саботаж на плотинах. Штаты были вынуждены вмешаться. Летом 1609 года отсос воды практически закончился. Но в 1610 году жестокая буря прорвала дамбу Ватерланда, и море затопило только что осушенное Бемстерское озеро. Часть организаторов вышла из дела. Летом 1612 года на открытие нового польдера — осушенного участка земли — прибыла правительственная делегация¹¹.

В то время еще надеялись использовать дно озера, но вскоре было установлено, что его почва мало пригодна для земледелия. В 1632 году запахивалась только четверть Бемстера, пятая часть отводилась под луга, треть составляли пустоши; все остальное было покрыто садами и фруктовыми деревьями¹². Характерный факт — в 1640 году на этой местности выросло 400 домов, из которых только половина принадлежала крестьянам. 52 были усадьбами богатых коммерсантов. В осушение земель обычно шли доходы

от торговли. Рентабельность таких инвестиций оставалась, как правило, низкой, и после 1650 года особо крупные вложения в эту сферу больше не делались, несмотря на такие льготы, как освобождение от налогов на 30 лет и вечное наследственное владение осушенной землей.

С 1612 по 1640 год осушению подверглась большая часть озер провинции Голландия — Виренгервардское, Пурмерское, Вормерское, Хуговардское и Жермерское. Амстердамские власти за счет города осушили Дименское озеро, омывавшее город с юго-востока. В то же время земля была отвоевана у двух десятков болот. В целом было получено 45 тысяч гектаров полезной площади. Создается впечатление, что крестьяне, осваивавшие эти земли, вели образ жизни переселенцев.

Если верить источникам, осушение Бемстера явилось с технической точки зрения личным успехом инженера Лехватера. Современные историки, правда, высказывают на этот счет определенные сомнения, но Лехватер, видимо, умел себя подать с выгодной стороны. Его слава распространилась по всей Европе. К его советам прибегали в Бордо, Эмдене, Фрисландии, домах герцогов Эпернонских и Голштинских, и даже дворец самого штатгальтера открывал перед ним свои двери. Но Лехватер вынашивал еще более грандиозный план. Между Амстердамом и Лейденом раскинулось самое большое озеро в стране, получившее, однако, название Гарлемского. Его бурные опасные воды (в 1629 году один из сыновей короля Чехии нашел смерть в его волнах) сильно размывали берега. Полагают, что меньше чем за сто лет площадь озера выросла вдвое, достигнув 10 тысяч гектаров. Лехватер утверждал, что изучил природу дна и убедился в его плодородности. В течение долгих лет он улучшал свой проект, разрабатывал планы и карты. В 1641 году он представил доклад в Штаты провинции Голландия и бургомистрам заинтересованных городов. Возражения возникли немедленно, начались ожесточенные перепалки. В Амстердаме к проекту отнеслись благосклонно, но лей-

денцы наотрез отказались его утверждать под тем предлогом, что вся вода в город поступала из этого озера. Кроме того, противники проекта полагали, что осушение обойдется в 350 гульденов с гектара, что несравнимо меньше реальной стоимости земель, которые можно при этом получить. Они рассматривали общую сумму затрат, и их пугала цифра в 3,5 миллиона. И те и другие ссылались на технические трудности — для выполнения работ потребовалось 500 мельниц. Проект Лехватера канул в Лету¹³. Он оказался слишком грандиозным для технических средств XVII века.

Заключение

Сладость свободы

Описывая Нидерланды, куда его пригласил Лейденский университет, французский посланник Бузенваль в 1593 году в своем письме к Скалигеру прославлял царившую там «сладость свободы»¹. Эта «сладость» действительно поражала всех чужеземцев, едва они пересекали границы республики Соединенных провинций. На этом сходятся все отзывы об этой стране, и даже более или менее колкие замечания о нравах или характере нидерландцев редко опровергают то, что считалось в глазах европейских либералов неоспоримым.

Но только очень немногие из них, такие, как Темпл, смогли воочию увидеть политические институты Нидерландов и осознать их сложность, парадоксальность и противоречивость. Что понимало под «свободой» большинство сторонних наблюдателей, не слишком привычных к размышлениям социологического характера? Несомненно, для отдельного индивидуума речь прежде всего идет о большой свободе выбора и инициативы. Однако, как мы убедились, узкий конформизм, давящий духовный ригоризм, укоренившаяся формула «успех есть залог добродетели» придавали жизни в Нидерландах определенное единообразие. Торжество буржуазных ценностей — работы, экономии и благопристойности — сглаживало все шероховатости в обществе, подавляя всякое несогласие. Правительство выглядело вполне демократическим, в современном понимании этого слова. Зато в основе управления многих секторов экономики лежала монополистская структура. При этом Нидерланды на протяжении двух столетий служили прибежищем для гонимых со всего света.

Объективное суждение составить в этом вопросе весьма нелегко. Нидерландская свобода скорее плод нравов, нежели заслуга государственных институтов. Вероятно даже, что она была порождена самими

противоречиями этого общества — непоследовательностью и недостатком общих принципов, из которых вытекал эмпиризм, господствовавший на всех уровнях жизни, в поведении и даже в мышлении. Именно его сделал своим оружием индивидуум, агрессивный, героический или просто умевший найти лазейки в системе, чтобы действовать сообразно своим желаниям.

Мы могли уже убедиться, что новая этика не изменила дедовских тенденций. Оставаясь глубоко религиозными, нидерландцы умели покутить. Заботясь о приличиях, чистоте фасада, они вместе с тем сохраняли немало черт древней грубоватой простоты. И порой довольно неприглядная жажда наживы толкала их на героические античные приключения. От природы уравновешенный, разумный, осторожный и немстительный, нидерландец редко выходил из себя, но, раз загоревшись, успокаивался не скоро.

Темпл знал одного голландца, который посвятил 25 лет своей жизни изготовлению модели земного шара. Другой 30 лет мастерил инкрустированный столик². Но терпение, благодаря которому любое дело доводилось до конца, трезвый расчет, не позволявший бросаться куда бы то ни было очертя голову³, редко сопровождалась дальновидной осторожностью, гибкостью и в то же время быстротой импровизации, свойственной политическому гению.

Достигнув высокой степени прогресса в управлении и культуре, нидерландцы XVII века использовали лишь малую толику его плодов. Они не дали себя обмануть своими же достижениями. Республика вполне соответствовала их темпераменту своей нерешительностью и несостоятельностью⁴. Нидерландец окидывал людскую возню спокойным взором, серьезно воспринимая лишь очень немногое, главным образом Создателя или деньги. Поэтому, торгуясь, он обезоруживал вас своей любезностью. Ни в одной стране не встречалось столько плутов. Несмотря на строгость оппозиционных групп в обществе, идейные враги как ни в чем не бывало оказывались

за одним столом, едва выпадал случай вместе выпить.

В общественной жизни наблюдались те же противоречия. Послов иностранных держав принимали в Гааге с невероятной помпой — делегаты Штатов выезжали им навстречу за 20 километров от города с кортежем из 50 карет. Но когда в 1654 году французский посланник ослеп и вынужден был выйти в отставку, правительство высказалось против вручения ему прощального подарка. Это отнюдь не было проявлением враждебности, но всего лишь установлением равноправия, поскольку нидерландским послам только что запретили самим принимать подношения. Зато от последних требовали щепетильного соблюдения высоты положения и содержали их в роскоши, которую не мог себе позволить никто в Соединенных провинциях⁵. Автономия местных властей опиралась на практику, которая порой могла показаться вопиющим нарушением «Акта об объединении»⁶. Это еще более усиливает впечатление, особенно по прошествии лет, что все в этой стране подстраивалось под человека, поражая разумностью и доступностью⁷. По замечанию Сент-Эвремона, «нидерландцы не столько любят саму свободу, сколько ненавидят любое ее подавление»⁸. Не меньше они не терпели скандалов и всего, что выходит за рамки внешних приличий. Тем не менее в 1650 году амстердамцы опустили до того, что представили на сцене любовные похождения Вильгельма II. Что может быть лучшим свидетельством свободы?

Меркантильность мышления делала общественное мнение малочувствительным к коррупции. Крупные скандалы случались редко, но это говорит лишь о том, что чисто лавочническая осторожность брала верх над выгодами махинаций, прочно укоренившихся в нравах с начала века, таких, как подкуп избирателей, судей и фининспекторов, расхищение государственной казны, и любых других нарушений закона, вызываемых в этом, по большей части купеческом обществе повсеместно распространенными

фаворитизмом и кумовством. Так, в 1615 году бургомистр Амстердама использовал право на кадастровый контроль для сокрытия от налоговых служб собственных огромных средств. Можно не без основания утверждать, что сам Олденбарнефельде получил от Генриха IV 20 тысяч гульденов при весьма сомнительных обстоятельствах. После самоубийства начальника канцелярии Генеральных штатов Корнелия Бруша в 1650 году в ходе следствия было раскрыто целое дело о крупных хищениях на общую сумму в два миллиона гульденов, в котором оказались замешанными как минимум 16 депутатов. Однако в Англии и Франции XVII века случались вещи и похуже. Голландская коррупция оставалась в пределах норм свободного общества. Критика, направленная против нее, велась с большим ожесточением и, в свою очередь, тоже составляла часть системы. Памфлеты и речи проповедников если и не представляли собой сдерживающего фактора, то хотя бы давали отдушину накопившемуся негодованию, не мешая, если не помогая, торговле, и не ограничивали таким образом ничьей свободы, оставаясь по сути ко всему различным.

На религиозном фронте страсти бушевали всюю. В ходе противостояния гомаристов и арминьян дискуссии превращались в рыночную перебранку с последующим крушением черепов. Но в 1632 году городские власти Амстердама в приказном порядке положили конец этой сваре, расценив ее как явление, мешающее нормальному ведению дел. Мало-помалу религиозное равновесие установилось по всей стране, свидетельствуя о победе терпимости, которая в значительной мере явилась плодом стремления к обогащению, немислимого без мира в стране.

Таким образом, сложился уникальный для Европы того времени образ жизни. «Люди живут здесь как граждане мира, связанные узами уважения и мира под беспристрастным оком в меру сурового правосудия»⁹, — писал Темпл. Слова Темпла описывают скорее следствия, нежели причины создавшейся не-

ординарной и сложной ситуации, не допускавшей однозначного деления на черное и белое. Являясь более чем точной, его оценка обозначает лишь золотую середину. Но причины не столь просто разглядеть, как их следствия, и умеренность лучше крайностей отображает среднестатистического человека. В ностальгии Париваля скрывалось нечто большее, чем простая иллюзия, когда он не мог «ни налюбоваться на счастье голландских подданных, ни прекратить завидовать их участи»¹⁰.

Читатель, конечно, не ждет от меня полной библиографии по «золотому веку», поскольку для нее не хватило бы и толстого тома. Несколько ссылок относительно нижеследующих примечаний окажутся более полезными с практической стороны. Большинство работ, на которые я ссылаюсь, в свою очередь, также содержат примечания и множество сносок. Мне хотелось бы привлечь внимание к библиографическому перечню замечательной книги «De tachtigjarige oorlog», сборника, вышедшего в Амстердаме в 1941 году.

Повседневная жизнь нидерландцев XVII века сто лет назад стала предметом двух серьезных работ историка Г. Д. Шотеля (G. D. Schotel), которые не утратили своей ценности и по сей день — «Het oudhollandse huisgezin» (Гаарлем, 1868) и «Het maatschappelijk leven onze voorouders» (Роттердам, 1869). Более поздние изыскания основывались на этих трудах и мало что сказали нового. Тем не менее я их приведу: «Het maatschappelijk leven in Nederland in de gouden eeuw» (А. Франкрюйкер (A. L. J. de Vrankrijker), Амстердам, 1937); «Het leven onze voorouders» (А. Франкен (A. W. Franken), Гаага, 1942); наконец, «Zeven eeuwen Nederlandse levenskunst» (А. Мюлдер (A. Mulder), четыре тома, Амстердам, 1940—1952) — «жлитературный» и поверхностный труд; «De Hollanders thuis, gezelschapstukken uit drie eeuwen» (А. Старинг (A. Staring), Гаага, 1957), где раскрывается та же тема, главным образом на примере искусства.

В последнем случае надо быть предельно осторожным, так как художники и граверы легко вводили в свои произведения анахронические элементы. Тем не менее коллекция Морицхейса в Гааге и Прентенкабинета в Амстердаме не раз помогли уточнить некоторые книжные данные.

«Отношения», опубликованные иностранцами, побывавшими в Нидерландах, представляют собой мощный источник информации. Й. Якобсен-Йенсен (Jacobsen-Jensen) в своих «Reizigers te Amsterdam» (Амстердам, 1919) приводит их полный перечень. Р. Мюрри в своей книге «Голландия и голландцы в XVII и XVIII веках глазами французов» (Париж, 1925) анализирует впечатления около тридцати французов, многие из которых по разным причинам провели в Нидерландах много лет до 1700 года. Книга бывшего преподавателя французского языка в Лейденском университете Жана-Николя Париваля, написанная в 1669 году и вышедшая в Амстердаме в 1678-м без ука-

зания имени автора и под названием «Прелести Голландии», оказалась для меня особенно полезной. В своей работе я использовал издание 1738 года. Интерес вызывает и «Путешествие в Голландию, осуществленное Пьером Сартром в 1719 году», изданное В. Адвьедем в Париже, в 1896 году. Наиболее полным источником такого рода стал доклад от 1673 года английского посланника Уильяма Темпла «Замечания о Соединенных Провинциях Нидерландов», чей первоначальный текст был впоследствии отредактирован Г. Н. Кларком (Кембридж, 1932), но я привожу цитаты по старому голландскому переводу (Роттердам, 1692).

Истории «золотого века» в его многочисленных аспектах посвящено множество диссертаций и научных работ. Я прибегал, в частности, к следующим: «Algemene geschiedenis der Nederlanden» (двенадцать томов, Утрехт, 1949—1958), тома V (для периода 1567—1609), VI (1609—1648) и VII (1648—1748); для глав, посвященных вопросам социального и экономического характера, использовались тома V и VI Т. Янсмы (Т. S. Jansma) и том VII Й. Ван Диллена (J. G. van Dillen), я привожу этот коллективный труд под сокращением AGN; «De tachtigjarige oorlog», уже упоминавшийся мной, который я обозначаю как Oorlog; «De lage landen bij de zee» (Й. и А. Ромейны (J./A. Romein) Утрехт, 3-е издание, 1949); «Onze gouden eeuw» (П. Мюллер (P. J. Muller) (в 3 т., Лейден, 1896—1898). По вопросу колониальной экспансии я бы добавил книги Гламанна «Голландско-азиатская торговля в 1624—1740» (K. Glamann, «Dutch-asiatic trade 1624—1740», Гаага, 1958) и Боера «Van oude voyagien» (Амстердам, 1912), в которых содержатся рассказы и зарисовки, посвященные путешествиям первооткрывателей с конца XVI до начала XVIII века. Французским читателям предлагается небольшая работа М. Брора «История Нидерландов» (серия «Что знаю я?», № 490; Париж, 1951) (M. Braure, «Histoire des Pays-Bas», collection «Que sais-je?», № 490; Paris, 1951).

Относительно интеллектуальной и артистической культуры «золотого века» основным, хотя и несколько устаревшим источником остается труд Бускена-Гуета (C. Busken-Huet) «Het land van Rembrandt», который я цитирую по харлемскому изданию 1941 года. К нему следует добавить J. Huizinga, «Hollandische Kultur des 17. Jahrhunderts» (Iena, 1933) и великолепный «Atlas van de Nederlandse beschaving» (Amsterdam, 1958), который по качеству и числу иллюстраций кажется мне наилучшим справочником по нидерландской культуре. Ромейны (J. Romein, A. Romein) представили в своей книге «Erflaters van onze beschaving» (Amsterdam, 1938) ряд монографий

по различным персонажам, чье влияние глубоко отразилось на современной им эпохе. Второй том целиком посвящен XVII веку.

Коллективом авторов (G. A. van Es, G. S. Overdien, E. Rombauts) написан превосходный труд по истории нидерландской литературы, изданный в Хертогенбосе «*Geschiedenis van de letterkunde der Nederlanden*». XVII век рассматривается в томах IV (1948) и V (1952). Ж. Деррюдде посвятил книгу на французском языке одному из наиболее типичных представителей этой литературной эпохи «Нидерландский поэт Катс, его жизнь и произведения» (G. Derrudder, «*Un poete neerlandais: Cats, sa vie et ses oeuvres*», Calais, 1898).

Что касается живописи, то Фромантен сумел передать в своей классической работе «Мастера прежних времен» все ее очарование и убедительность (Fromentin, «*Les Maitres d'autrefois*»). В великолепном двухтомнике В. Мартина исследование строится вокруг Франса Хальса, затем Рембрандта.

В нижеследующих примечаниях содержатся также ссылки на ряд частных изысканий. Работы, указанные ниже, обозначены сокращенно — имя автора, место издания, если известно, и одно слово из полного названия.

ГЛАВА I

¹ Temple, p. 160.

² Некоторые из этих вывесок использовались впоследствии торговцами табаком как товарные знаки.

³ Murriss, p. 37 и Advielle, p. 31.

⁴ Деревянные клавикорды с педалями приводили в движение кнопки с рычагами, от которых к колоколам звонницы тянулись нити металлической проволоки. В XVII веке получила распространение новая система молоточков, движимых валиком, в который вставлялись подвижные карты, определявшие мелодию, которую отныне можно было менять. Каждый колокол отливали довольно примитивно и он мог издавать только одну ноту. Около 1645 года был найден способ менять звук, подпиливая стенки.

⁵ Amsterdam, die groote stad,
die is gebouwd op palen.
Als die stad eens ommeviel,
Wie zou dat betalen?

⁶ Найти эквивалент гульдену XVII века, используя современный французский франк, чрезвычайно тяжело. Архи-

вы Амстердамского банка в какой-то мере указывают на его абсолютное содержание, но о его относительной стоимости и покупательской способности мало что известно. Основываясь на данных Н. Постума (N. W. Posthumus), приведенных в его «Nederlandse prijsgeschiedenis» (Лейден, 1943), можно крайне приблизительно и чисто теоретически предположить соотношение между гульденом 1650 года и наполеоном 1:9, приняв за средний курс наполеона на свободном рынке 400 французских франков (по данным 1958 года). Следует учитывать, что составляющие нидерландского бюджета в XVII веке плохо сопоставимы с элементами современного бюджета Франции, равно как и то, что между 1600 и 1660 годами гульден претерпел серию девальваций, потеряв почти половину своего золотого содержания. Гульден состоял из 20 штэйверов, штэйвер — из 16 пеннингов.

⁷ Temple, p. 235—236.

⁸ Murriss, p. 193.

⁹ Franken, p. 211.

¹⁰ Кальвинистская Церковь недолюбливала скульптуру, полагая это искусство предназначенным для украшения могил, например усыпальниц Оранского и Тромпа в Делфте. Возведение статуи Эразму в Роттердаме вызвало жесткие споры. Даже появившаяся у аристократов в ходе века мода на парковые статуи в загородных усадьбах не могла способствовать развитию оригинального искусства.

¹¹ AGN, p. 95.

¹² Advielle, p. 51—55. В докладе от 1632 года сообщается число домов в главных городах Голландии: Амстердам — 15 000; Лейден — 8300; Гарлем — 6000; Роттердам — 4900; Делфт — 4800; Энкхёйзен — 3600; Дордрехт — 3200. Сопоставив эти цифры с данными переписи населения 1622 года, можно допустить среднюю плотность населения на одну жилплощадь приблизительно в: 4 человека в Роттердаме; 5 в Делфте; 6 в Лейдене, в Энкхёйзене и Дордрехте; 7 в Гарлеме и почти 10 в Амстердаме, который выглядит, таким образом, перенаселенным городом.

¹³ Ландо с носильщиками, заимствованное в конце века, не имело успеха.

¹⁴ Parival, p. 83.

¹⁵ Счета муниципалитета 1679 года включают в этой связи четыре компонента — обслуживание ламп; сурепковое и льняное масло; четыре фунта хлопка для фитилей; жалованье фонарщиков. Общая сумма составила 358 гульденов.

¹⁶ Murriss, p. 138; Parival, p. 199; Temple, p. 150.

ГЛАВА II

¹ «Impression de voyageurs francais»; Murriss, p. 2.

² G.Cohen, «Ecrivains francais en Hollande dans la premiere moitie du XVIIe siecle» (Paris, 1920, p. 317, 320). Самые благоприятные отзывы принадлежат тем иностранцам, кто побывал в Нидерландах лишь проездом. Но большинство из них посетили эту страну летом и необоснованно обобщают свои впечатления. Некоторые авторы сборника «Отношения» («Relations») даже сравнивают очарование голландских пейзажей с италийскими (Murriss, p. 22).

³ Для строительства одной такой фермы в конце XVII века потребовались следующие материалы — 35 кубометров дубового леса, 30 кубометров глины, 15 кубометров кизяка и 12 тонн соломы.

⁴ В восхитительном музее под открытым небом в Арнхейме сохранились образцы этих различных крестьянских стилей, описанных в каталоге с комментариями.

ГЛАВА III

¹ Temple, p. 161.

² Поезда, следовавшие примерно по тому же маршруту, покрывают это расстояние сегодня за два часа сорок минут.

³ Проезд из Гронингена в Амерсдорф стоил 6,25 гульдена первым классом; 5,25 гульдена вторым классом и 4,75 гульдена третьим классом.

⁴ Temple, c. 145.

⁵ Например, «De Amsterdamse Trekschuyt geladen met vrolijke geesten» («Амстердамская коча весельчаков»).

⁶ «Doelen» — это слово и теперь обозначает социальный статус многих гостиниц в Нидерландах.

ГЛАВА IV

¹ Некоторые шкафы особенно тонкой работы стоили до тысячи гульденов.

² Murriss, p. 139.

³ Advielle, p. 30.

⁴ Murriss, p. 73—74.

ГЛАВА V

¹ De Vrankrijker, p. 15.

² Murriss, p. 141.

³ Чрезвычайно высокая цена превращала парик в предмет роскоши и препятствовала его распространению.

⁴ F. Van Thienen, «Das Kostum der Blutezeit Hollands» (Berlin, 1930), p. 50.

⁵ И украшения. Они были такими же, что и в наше время, — серьги, колъе, кольца, браслеты и заколки. Ювелиры работали главным образом с золотом и жемчугом.

⁶ Schotel, «Huisgezin», p. 156.

ГЛАВА VI

¹ Специально для вина, поскольку пиво обычно пили из оловянных кружек.

² Европейская фарфоровая промышленность сложилась только в конце XVII века. Фабрики Делфта завоевали свою славу лишь в XVIII столетии.

³ Котлы из Аахена в течение всего века весьма ценились на Бирже Амстердама (Posthumus, табл. 187).

⁴ Advielle, p. 30.

⁵ В 1650 году оптовая цена мускатного ореха составляла 2,5 гульдена за фунт, перца — 1,5 (Posthumus, табл. 69 и 74). Следует добавить крайне высокие налоги и комиссионные аптекаря, торгующего в розницу.

⁶ На голландском. A. Franken, p. 93—94.

⁷ Schotel, «Huisgezin», p. 349—351.

⁸ По правилу, общему для всех сельскохозяйственных продуктов, доставленных напрямую производителем потребителю, продажа молока не подпадала ни под какие гильдейские предписания.

⁹ Murriss, p. 94.

¹⁰ «Een ey is d'armen troost met oly wel gebraen».

¹¹ J. Van Loenen, «De Haarlemse brouwindustrie voor 1600» (Amsterdam, 1950), p. 53.

¹² Franken, p. 94—95.

ГЛАВА VII

¹ «Kaart, keurs en kan bederven menig man»/ «De gelegenheid maakt de dief».

² Schotel, «Huisgezin», p. 179—183. Шотел приводит несколько сот подобных названий.

³ Parival, p. 216.

⁴ Цитировано по Schotel «Maatsch», p. 111.

ГЛАВА VIII

¹ Temple, p. 198.

² Иконоборчество 1560—1570 годов имело сколь революционный, столь и религиозный характер. См. Busken-Huet, p. 355.

³ Цитировано по Romein, «Lage L.», p. 416.

⁴ Schotel, «Huisgezin», p. 170.

⁵ Busken-Huet, p. 320.

⁶ Ежегодный доход в 500 гульденов казался священнику сказочным богатством.

⁷ Advielle, p. 43.

⁸ Temple, p. 185.

⁹ Romein, «Lage L.», p. 367.

¹⁰ Еще в 1596 году к государственным должностям не допускались только бывшие ученики иезуитов или выпускники бельгийских университетов.

¹¹ Взятие Хертогенбоса, отбитого у испанцев в 1629 году, сопровождалось вспышкой фанатизма (разграбление собора, конфискации), которая не повлияла на общую ситуацию.

¹² L. Leuven, «De boekhandel te Amsterdam door katholieken gedreven tijdens de Republiek» (Epe, 1951), 11, 27—30.

ГЛАВА IX

¹ Parival, p. 31—32.

² Parival, p. 32.

ГЛАВА X

¹ Цитируется по Schotel, «Huisgezin», p. 84.

² Цитируется по De Vrankrijker, p. 131.

³ Такие, как «Почтовое отделение Купидона и Меркурия» (Schotel, «Huisgezin», p. 254).

⁴ Несмотря на все попытки улучшить буквари и учебники алгебры, предпринимавшиеся на протяжении столетия.

⁵ В XVII веке жил превосходный поэт, творивший на фризском языке, Гюсберт Япикс (Gysbert Japiks, 1603—1666), бедный школьный учитель из Болсварда, который так и остался неизвестным современникам.

⁶ Относительно латинских школ см. E. J. Kuiper, «De hollandsche schoolorde von 1625» (Гронинген, 1958).

⁷ Около 1626 года плата за обучение в школе колебалась

от 3 до 8 гульденов в год; приобретение учебников (которые издавались на средства государства и продавались по низким ценам) за шесть лет обходилось самое большее в 4 гульдена. Kuiper, p. 87.

⁸ Если судить по размерам жалованья, социальное положение ректора во многом зависело от места; так, в Эдаме в 1625 году он получал 150 гульденов в год, в Утрехте в 1637 году — 1300 (Kuiper, p. 87).

⁹ В одном документе от 1626 года, относящемся к изданию и распределению учебных пособий, содержится косвенное указание на относительное значение латинских школ в разных голландских городах — Амстердам поглощал 16% тиражей; Дордрехт, Гарлем, Лейден, Делфт и Роттердам — каждый по 8%; на Гауду, Алкмар, Хорн, Энкхёйзен и Гаагу приходилось по 6%; оставшиеся 14% расходились между девятью маленькими городками. Размер тиража рассматриваемых учебников колебался от 600 до 1200 экземпляров. Эти данные наводят на мысль о незначительном числе учеников в школах такого типа (Kuiper, p. 86—87).

¹⁰ Для записи на факультет не существовало возрастного ценза. Тем не менее в действительности редко можно было встретить студентов моложе шестнадцати лет, равно как и выпускников до двадцати трех.

¹¹ Parival, p. 69—70.

¹² См. табл. Cohen, p. 351—352. Эта цифра — 50 — распределяется следующим образом: 22 изучали словесность (философия), 2 — право, 3 — медицину, 17 — теологию и 3 — точные науки; 38 прибыли из приморских провинций с запада Франции. В 1630 году профессор математики Лейденского университета занимался с шестью французскими студентами, одним из которых был Декарт.

¹³ Обычный ежегодный кредит окупал текущие расходы.

¹⁴ В 1642 году муниципалитет Утрехта вмешался таким образом в конфликт между Декартом и Вотием.

¹⁵ Parival, p. 77.

ГЛАВА XI

¹ Temple, p. 164.

² Murriss, p. 83, 57; Temple, p. 165.

³ Murriss, p. 84.; Parival, p. 39. Неприступность женщин также противопоставляется доступности девушек.

⁴ В состоятельных семьях, в которых было принято заключать брачный контракт, последний подписывался уже в день помолвки.

⁵ Все это стоило очень дорого. Около 1640 года расходы на пышную свадьбу могли достигать 4000 гульденов.

⁶ Письмо, цитированное по Cohen, p. 308.

⁷ Murriss, p. 72.

⁸ По рассказу Регнара (Regnard), Murriss, p. 100.

ГЛАВА XII

¹ Поэма 1680 года, цитируется по Murriss, p. 59.

² Murriss, p. 61. То же замечание сделал швейцарец из Халлера. Приводится по Busken-Huet, p. 531.

³ Murriss, p. 85—86, 97.

⁴ Поэма, приводится по Franken, p. 96.

⁵ Temple, p. 165.

⁶ Cohen, p. 537; Busken-Huet, p. 338.

⁷ Эти правила применялись также и к лакеям.

⁸ Parival, p. 30.

⁹ Murriss, p. 119—120.

¹⁰ К примеру «Плохая семья» (1663—1665), музей Веллингтона, Лондон.

¹¹ Зато использовались плевательницы.

¹² Parival, p. 40.

¹³ По сообщению Busken-Huet, p. 436.

¹⁴ Schotel, «Huisgezin», 323—325; Franken, 83—84. Оба автора приводят большое число примеров, что именно кричали зазывалы, иногда в форме прибауток.

ГЛАВА XIII

¹ Изначально совет избирался членами гильдии.

² Murriss, p. 113.

³ В центральной Бирже не были представлены все коммерческие отрасли. Так, операции важной торговли зерновыми осуществлялись в Амстердаме на отдельной Бирже.

ГЛАВА XIV

¹ Temple, p. 177.

² В недавней работе доктора Т. М. Торийона (Т. М. Torillon), представленной в Парижском университете, рассматривались с клинической точки зрения болезни, мучавшие, по-видимому, некоторых персонажей картин Брейгеля. К подобным изысканиям следует относиться с осторожностью.

тью, к тому же Брейгель не жил в Голландии «золотого века». Тем не менее ряд «находок» доктора Тротийона представляют интерес — гангрена от закупорки сосудов тромбом, сифилитический табес, спазматический паралич, различные заболевания щитовидной железы и не менее пяти видов слепоты...

³ Temple, p. 177; Murriss, p. 33.

⁴ Temple, p. 177.

⁵ Рудознатство и водознатство, достаточно широко практиковавшиеся, пользовались дурной славой. Однако светлые головы признавали их научное значение.

⁶ Тракта́т Дигби (Digby) касательно этого средства был переведен на голландский. Данное средство состояло из железного купороса, прокаленного на солнце и смешанного с гуммиарабиком.

⁷ Зато считалось хорошим тоном лечиться на водах в Спа.

⁸ Экзаменационный сбор был очень высоким — 250 гульденов, что в 4—5 раз больше университетского налога на докторскую степень.

⁹ Перевод приведенного примера, Schotel, «Maatsch», p. 285.

¹⁰ Так их называл Париваль. Parival, p. 228.

¹¹ Murriss, p. 34.

ГЛАВА XV

¹ В прибрежных районах это животное истреблялось орланами.

² Parival, p. 218.

³ Цитировано по Cohen, p. 604.

⁴ Parival, p. 218—219.

⁵ По крайней мере в первой половине века. Любовь к играм на свежем воздухе впоследствии ослабела.

⁶ Цитировано по Franken, p. 176.

⁷ Цитировано по Schotel, «Huisgezin», p. 74.

⁸ Francken, p. 170—171.

ГЛАВА XVI

¹ Murriss, p. 124—125.

² Temple, p. 166—167.

³ Temple, p. 177.

⁴ Temple, p. 224.

⁵ Цитировано по Cohen, p. 260.

⁶ По этому вопросу см. AGN, p. 103—105.

⁷ В 1670—1675 годах можжевельник из Шидама стоила оптом около 36 гульденов за бочонок в 142 л; то же количество водки из Бордо — 70. Цена вина из этого французского города менялась на амстердамской Бирже в 1620—1670 годах от 80 до 156 гульденов. V. Posthumus, табл. 96, 99, 100.

⁸ Использование чая в медицинских целях было распространено по всей Европе.

⁹ Advielle, p. 21.

¹⁰ Advielle, p. 22.

¹¹ Лучший табак привозился из Америки. Особенно высоко ценился вирджинский, а любители нюхательного табака приобретали различные испанские сорта. Но с начала века ценой огромных усилий табак стали выращивать в Зеландии, Хелдере, Оверэйсселе и в районе Утрехта.

¹² Murris, p. 121.

ГЛАВА XVII

¹ Parival, p. 172.

² Temple, p. 214.

³ Культ этого святого был некогда очень популярным в диоцезе Утрехта; на территориях, которые в него входили (и которые включали почти семь провинций), было расположено более ста церквей или часовен, посвященных этому святому.

⁴ Цит. по: Schotel, «Huisgezin», p. 218. Существовало множество детских песенок, посвященных святому Николаю, часть из которых дошла до наших дней.

⁵ Марионетки появились лишь в 1686 г.

ГЛАВА XVIII

¹ V. Romein, «Lage L.», p. 403—431, главным образом p. 421.

² Parival, p. 29.

³ Здесь я указываю города, в которых данные художники получили свое образование, даже если и не родились в них.

⁴ Невозможно указать общепризнанные тарифы.

⁵ Цитируется по Schotel, «Huisgezin», p. 198.

ГЛАВА XIX

¹ Литературная техника палат риторики для «лирических» и драматических жанров восходит к XV столетию и времени французских «великих риториков» бургундской школы.

² Вопреки или, напротив, благодаря народности своего языка риторики сыграли далеко не последнюю роль в формировании единого нидерландского национального и современного литературного языка.

³ J. Prinsen, «Rekeningen van de kosten van het rederijkerfeest te Leiden in 1596» (Historische Genootschap, XXV, 444—489). Автор исследует счета лейденских риториков по оплате праздника, устроенного в 1596 году. Расходы достигли 2000 гульденов, суммы довольно внушительной по тем временам.

⁴ Parival, p. 100.

⁵ Mulder, IV, p. 126.

⁶ Актер с именем получал 2 гульдена; актер из массовой, предоставленной домом престарелых, — треть гульдена.

⁷ Murris, p. 179.

⁸ По этому вопросу см. J. Fransen, «Les Comediens francais en Hollande au XVIIe et au XVIIIe s.» (Paris, 1925). С 1605 по 1655 год отмечено двадцать гастролей французских трупп, из которых двенадцать пришлось на Гаагу.

⁹ В это время создавались первые литературные журналы. С 1684 и 1686 года в Амстердаме выходят журналы на французском языке — «La Republique des Lettres» («Республика словесности») и «La Bibliotheque universelle et historique» («Всеобщая и историческая библиотека») соответственно, в которых содержались критические заметки о новых книгах. Затем в 1692 году появилась «La Bibliotheque de L'Europe» («Библиотека Европы»), издававшаяся на голландском языке и подражавшая французским предшественникам.

¹⁰ Это странное второе имя было дано Марии отцом в память о буре у острова Тессел и означало «Тесселская беда».

¹¹ Цитировано по P. Brachin, «Le Cercle de Muiden» (archives des Lettres modernes № 4; Paris, 1957).

¹² По этому вопросу см. Brachin.

¹³ В 1642 году памфлет философско-медицинского и чисто школярского характера, выпущенный в Утрехте тиражом в 300 экземпляров, был раскуплен в несколько дней.

¹⁴ Цитируется по Cohen, p. 503.

ГЛАВА XX

¹ В процессе которой оно сыграло одновременно как упреждающую, так и причинную роль. Французский бум XVIII века и взлет экономической мысли в Англии частично явились следствием конкурентной борьбы с голландскими коммерсантами.

² Цитируется по Franken, p. 19.

³ Что до цен на продукты питания, то нам хорошо известны только оптовые, благодаря биржевым реестрам.

⁴ AGN, p. 139.

⁵ Temple, p. 156.

⁶ Высокопоставленный муниципальный чиновник мог иметь годовой доход до 5 тысяч гульденов. Муниципальный врач в Амстердаме получал не более 1500—2000. Власти общины определяли жалованье с большей свободой: заработок Палудания (Paludanus), муниципального медика Энкхёйзена, сначала быстро рос, а затем вдруг был сокращен наполовину. Профессор университета, приглашенный по контракту, в начале века получал от 500 до 800 гульденов, спустя 30 лет — от 1000 до 1200. Но из общего правила существовало множество исключений. Подавляющее большинство высшего чиновничества имело личные состояния.

⁷ Leuven, p. 43; AGN, p. 122; Busken-Huet, p. 429.

⁸ Данные приведены по De Vranknyker, p. 116. Продолжительность рабочего дня и размер почасовой платы могли изменяться в зависимости от времени года. Гильдии пытались ограничить по мере возможности время работы при искусственном освещении. В 1664 году на судоверфи разница составляла примерно треть.

⁹ Основываясь на контрактах, которыми после 1668 года Петр Первый хотел привлечь в Россию голландских рабочих, можно заключить, что 250 гульденов в год при бесплатном питании и жилье были в то время для мастерового завидным кушем.

¹⁰ Около 1663 года жалованье в своем численном выражении достигло высшей отметки. Распространение труда женщин и детей, наполнивших рынок, привело к его обесцениванию, в то время как жизнь продолжала дорожать. По этим вопросам см. AGN, p. 142—143.

¹¹ AGN, p. 141.

¹² Romein, «Lage L.», p. 289.

¹³ Romein, «Lage L.», p. 356.

¹⁴ Картина из Рейксмюсеума Амстердама. Дата вызывает споры. Некоторые склонны относить ее к 1672 году.

¹⁵ Parival, p. 239.

¹⁶ Temple, p. 124.

ГЛАВА XXI

¹ AGN, p. 144.

² «Oorlog», p. 200.

³ Рабочие движения, проявившиеся в ходе века, были вызваны чисто экономическими требованиями. Только смута 1618-го и беспорядки 1672 годов, приведшие к жестокому убийству братьев Витт (чернь протащила тела через весь город и вздернула их на виселице) имели политическое значение. К политическим акциям, правда другого сорта, относится и неудавшийся теракт, предпринятый в 1622 году камнетесом Бальтазаром Паулем в амстердамской Бирже. Этот рабочий, уроженец Намюра, работал на испанцев.

⁴ Parival, p. 24.

⁵ Murriss, p. 106.

⁶ AGN, p. 145.

⁷ Parival, p. 23; Temple, p. 151—152.

⁸ Parival, p. 23.

⁹ Murriss, p. 143.

¹⁰ Murriss, p. 113.

¹¹ Cohen, p. 589—590.

¹² В 1745 году во Фрисландии разразился мятеж. По вопросу бунтов фризских крестьян в конце XVII века см. С. Pauw, «Strubbelingen in stad en lande» (Тронинген, 1956).

ГЛАВА XXII

¹ Огромная цифра для города, который, таким образом, мог насчитывать до 50 тысяч жителей.

² В 1611 году более 2000 семей прибежали в Амстердаме к такой помощи. В 1615 году — 2500. В 1660 году Церковью было роздано 200 тысяч гульденов и шесть тонн продуктов.

³ Около 1665 года подобные мероприятия давали богадельне Амстердама доход в 80 тысяч гульденов.

⁴ В Гааге тоже был свой «Спинхёйс».

⁵ «Исправление тех, кто внушает ужас миру, принадлежит Добродетели».

ГЛАВА XXIII

¹ Почти 7000 англичан, 2500 французов. Из общего числа в 18 942 человека около 17 000 составляла побывавшая в боях пехота, а также несколько кавалерийских частей.

² Вместо от 120 до 150.

³ Военный бюджет 1619 года, один из самых низких за все столетие, составлял чуть более 500 тысяч гульденов. В 1670 году он составил 6 миллионов. Чистый доход Шта-

тов, таким образом, был порядка 40 миллионов (Temple, p. 242, 244).

⁴ В 1683 году Амстердам и несколько других городов Голландии отказались предоставить Вильгельму III войска для войны с Францией.

⁵ Busken-Huet, p. 611.

⁶ До перемирия — около 13 гульденов на 36 дней; см. счета, опубликованные Коэном. Cohen, p. 35.

⁷ Кавалерийский полк подразделялся на пять «войск», или эскадронов.

⁸ Арсенал Дордрехта вызывал восхищение специалистов. Уже с начала века голландцы использовали орудия, заржавшиеся с казенной части.

ГЛАВА XXIV

¹ Parival, p. 22. Весьма условная оценка, которой автор не предоставил никакого подтверждения. Но, по крайней мере, известно, что с 1575 по 1619 год 63% оседавших в Лейдене составляли выходцы из Бельгии и Франции.

² Их влияние на экономику страны становится заметным (но не продолжительным) особенно после 1685 года. Волна беженцев-гугенотов, которая хлынула в Голландию вслед за отменой Нантского эдикта, принесла с собой также и промышленников.

³ Parival, p. 33.

ГЛАВА XXV

¹ Murriss, p. 36.

² Temple, p. 200—201.

³ «Oorlog», p. 192.

⁴ Temple, p. 160. Автор приводит крайне приблизительную оценку. По его словам, частные сбережения достигали 60% дохода, и налоги съедали половину, в то время как во Франции и Англии налог в 2% считался бы грабежом.

⁵ Parival, p. 119—120.

⁶ Каждый вексель стоимостью более 600 гульденов должен был оплачиваться в кассах, в противном случае грозила отмена сделки.

⁷ Advielle, p. 22. В Мидделбурге (1616), Делфте (1621) и Роттердаме (1635), в свою очередь, были созданы обменные банки, которые так и не смогли сравниться с амстердамским.

⁸ Все эти деньги чеканились из серебра. Редкие золотые монеты, попадавшие в обращение, в большинстве своем были иностранного происхождения. Их обменивали по колеблющемуся курсу, в зависимости от положения на рынке. Так, соверен стоил в 1613 году 14 гульденов, в 1622-м — 15, 1644-м — 16,5, а на следующий год упал до 14. В нескольких городах, таких, как Гронинген, Зволле, Неймеген и Девентер, чеканились золотые гульдены. По вопросам рынка золота см. табл. в Posthumus, pp. 120, 543 и последующие. Амстердам стал мировым рынком ценных металлов.

⁹ Temple, p. 224.

¹⁰ Курсы иностранных валют регулярно вывешивались на Амстердамской бирже: стоимость монет Франкфурта, Парижа, Лондона и Венеции устанавливалась с 1609 года, Нюрнберга и Лилля — с 1634-го, Стокгольма — с 1664-го, Лейпцига и Мадрида — с 1676-го.

¹¹ Он был провозглашен единственной официальной денежной единицей Соединенных провинций только в 1694 году.

¹² Posthumus, p. LIV—LV.

¹³ 5% на продовольственные товары, доставлявшиеся из Турции по Средиземному морю: риск нападения пиратов на этом торговом пути был особенно велик; 4% на импортные поставки из Бразилии, 2,5% — из Бордо. Изменение курса без особой необходимости исключало выплату страховки; если таковое требование было обоснованным (из-за непогоды или других обстоятельств), страхователь получал право требовать возмещения убытков с капитана. См. «Богатство Голландии», Лондон, 1778 (исторический доклад об Ост-Индской компании), с. 81—106.

¹⁴ Доставка письма из Утрехта в Неймеген или Гарлем стоила 2 штейвера, в Девентер — 3, Аахен — 4, Брюссель — 7, Лондон — 12.

¹⁵ Примеры даны по V. Mulder, т. III, p. 38—39.

¹⁶ Неравномерное распределение налогов (низкая пошлина на импорт, высокие внутренние сборы, многочисленные дополнительные налоги) застило в глазах некоторых наблюдателей общий объем. Поэтому суждения современников иногда были противоречивыми.

¹⁷ Долг только провинции Голландия достигал 65 миллионов, с которых, начиная с 1655 года, уплачивалась рента от 4, 5 до 5%.

¹⁸ Режим зависел от места. Порядки в амстердамском порту менялись в 1603, 1609 и 1651 годах. Системы в Хертогенбосе и Тилбурге превращали эти города в экономические анклавны на территории Республики.

¹⁹ Parival, p. 121.

²⁰ Официальное соотношение выплат провинций в общий бюджет строилось при единице в 100 тысяч гульденов следующим образом: Голландия — 58 тысяч, Фрисландия — 11500, Зеландия — 9 тысяч, Утрехт и Гронинген — 5800 каждый, Хелдер — 5600, Оверэйссел — 3500 (цифры округлены).

²¹ Среди них налоговые махинации, более или менее узаконенные, были в большом ходу.

ГЛАВА XXVI

¹ См. списки Постхумуса (Posthumus), с. XLIX—LII. Статьи нидерландского экспорта в XVII веке поставляли рыболовство и животноводство. В 1672 году импорт французских шляп оценивался в миллион гульденов.

² Вокруг Тилбурга, Эйнховена и Хелмонда выросло текстильное кустарничество.

³ Замечания Темпла, с. 201.

⁴ Не только Амстердам является относительно молодым городом, но и само место, на котором он возник, — остров, омываемый морским заливом Эй, возможно, не существовал еще в раннее Средневековье, когда рейнские города Утрехт, Неймеген или Девентер имели уже довольно долгую историю.

⁵ Murriss, p. 40.

⁶ Parival, p. 152. В такой специализации портов не было ничего исключительного. Она указывала только на общую ориентацию местной экономики. Для сравнения приведем торговые обороты нескольких голландских и зеландских портов (AGN, p. 96) в 1624 и 1648 годах (за единицу взято 10 тысяч гульденов). 1624 год: Амстердам — 1069; Роттердам — 189; Энкхёйзен — 120; Флессинг — 105. 1648 год: Амстердам — 1278; Роттердам — 180; Энкхёйзен — 79; Флессинг — 141.

⁷ Temple, p. 223. Поверхностные наблюдатели склонны видеть в этом только отвратительную скаредность. Murriss, p. 92—93.

⁸ Об этих двух путешествиях поведали сами участники. О плавании к Новой Зеландии — Геррит де Феер; к Яве — Франк ван ден Доес, с. 18—95.

⁹ Уже на закате Средневековья рыбная ловля в открытом море составляла один из основных источников дохода северных Нидерландов. В XVI веке торговые плавания в Северном море и Балтике приобрели для Голландии жизненно важное значение.

ГЛАВА XXVII

¹ В этом заключается одна из причин, побудивших министра Людовика XIV дать свое согласие на войну 1672 года.

² Вот примеры этих колебаний, которые точно следовали за изменениями в международной политике: в 1607 году 75 кораблей и 10 тысяч тонн; в 1615-м — 50 и 20 тысяч; в 1628-м — 125 и 30 тысяч; в 1652-м — 75 и 20 тысяч; в 1658-м — 50 и 10 тысяч; в 1665 году — 125 и 60 тысяч.

³ Захват испанского «серебряного флота» Питом Хейном в 1628 году может расцениваться как «корсарский» подвиг. Немного военных событий XVII века столь сильно запало в душу народа. Пит Хейн доставил 66 фунтов золота, 177 000 фунтов серебра и несчетное число ценных товаров. Общая сумма добычи достигала 12 миллионов гульденов. Эти деньги пошли на покрытие долгов компании; остаток был разделен следующим образом: 50% — акционерам, 10% — штатгальтеру, 1% — каждому члену правления... и 0,1% — самому герою Питу Хейну! Экипажи и чиновники компании получили щедрые награды, и еще осталась порядочная сумма, позволившая профинансировать военную экспедицию, целью которой стал Хертогенбос. Во времена патентов добыча делилась между правительством (20%), адмиралтейством (10%) и судовладельцем, капитаном и экипажем (все вместе 70%).

⁴ Меры, принятые в Голландии против корсаров в 1606 и 1609 годах, несомненно, стали причиной этого «дезертирства». К тому же, попав в плен к берберам, некоторые корсары принимали ислам, чтобы избежать галер.

⁵ Одному из таких голландцев, Симону Танзору, приписывают введение в Алжире легкого парусника, который, вытеснив галеры, усилил подвижность и эффективность мавританских пиратов.

ГЛАВА XXVIII

¹ За исключением Амстердама контрабанда оружия с 1609 года стала постоянной и порой, по-видимому, поддерживалась местным адмиралтейством против воли Штатов. Во время войны 1672 года часть снаряжения армии Людовика XIV была закуплена у самих голландцев.

² Полные данные по перевозкам в Зунде даны в AGN, p. 97.

³ Согласно документу иностранные суда не могли более доставлять в Англию другие товары, кроме произведенных в их стране.

⁴ Здесь следует также упомянуть о голландско-датском морском конфликте 1644 года, вызванном увеличением пошлины за проход через пролив Зунд. Войны с Англией велись на море. Но Людовик XIV захватил территорию Республики, нанеся удар в самое сердце.

⁵ С 1623 года Ост-Индская компания добралась до другой оконечности мусульманского мира, открыв факторию в Ормузе, в Персии. В 1626—1627 годах в Голландию прибыло персидское посольство.

⁶ Что в семь раз больше капитала английской Ост-Индской компании, основанной в Лондоне в 1600 году.

⁷ Parival, p. 56. Автор отмечает, что, учитывая колебания на рынке, они приносили в среднем 300%.

⁸ Цитируется по Busken-Huet, p. 430.

⁹ В 1606 году Абель Тасман из Хорна достиг Австралии. Известно, что южная оконечность Американского континента, мыс Горн, носит имя голландского города (Хорна).

¹⁰ Цитата из «Oorlog», p. 178.

¹¹ Вспомните о колонии, основанной на мысе Код в 1620 году отцами-пилигримами! «Мэйфлауэр», по большому счету, — часть Голландии. Но никто в этой стране не обратил внимания на новое предприятие.

¹² Temple, p. 234.

¹³ В первые 25 лет своего существования Ост-Индская компания достигла в этой отрасли торгового оборота в 7 миллионов гульденов.

ГЛАВА XXIX

¹ Импортировали также каменный уголь из Шотландии и района Льежа.

² Это слово обозначало подобие крестьянского сюртука, форму которого имело строение.

³ Более древние водяные мельницы сохранились главным образом в Хелдере, где они использовались, в частности, на бумажных фабриках.

⁴ К концу века в районе Зандама имелись также мельницы для передачи некоторых новостей.

⁵ В свидетельстве, выданном Петру Великому, говорится, что он учился в Зандаме на мастера. Цитируется по Mulder, IV, p. 10.

⁶ Часть текстильной промышленности даже в самом Лейдене оставалась в руках мелких ремесленников.

⁷ Однако речь шла о крупной отрасли, которая в середине века могла обрабатывать до 100 тысяч единиц ежегодно.

⁸ Около 1630 года из 600 тысяч гектолитров рыбы в бочках, полученных от этой ловли, реэкспортировалось 80%.

⁹ В те же времена на Дальнем Востоке пленных оставляли на необитаемых пустынных островках. По этому вопросу см. Busken-Huet, p. 560.

¹⁰ Новый режим, впрочем, не смог полностью покончить с пиратством.

¹¹ Направлявшиеся туда рабочие жили в ужасных условиях, представление о которых в какой-то мере дают сборники молитв, читавшихся во флоте. «Молитва для северного лета», «Молитва ото льда, путь преграждающего» и пр. (цитировано по «Oorlog», p. 186). Условия жизни команд, оставшихся на месте в течение всей зимы, чтобы присматривать за сооружениями, были еще хуже.

ГЛАВА XXX

¹ Согласно Паривалю (Parival, p. 101), цена на землю в мирное время была очень высока: целина шла от 1200 до 1400 гульденов за арпан (поддесятины — от 1/2 до 1/3 гектара); пашня — от 1800 до 2000; сад — 2500—3000.

² Parival, p. 11.

³ Guicciardini (цитируется по Schotel, «Huisgezin», p. 327) в своем «Описании Нидерландов» 1565 года с восторгом сообщал, что в селе Ассенделф ежедневно надаивалось 200 гектолитров в день. Но поголовье стада насчитывало 4000 коров. Таким образом, в среднем приходилось по пять литров с коровы. Маловероятно, чтобы условия скотоводства и его производительности могли улучшиться в период с 1550 по 1650 год.

⁴ Parival, p. 208.

⁵ Temple, p. 149.

⁶ В Средние века территория Нидерландов к северу от «великих рек» включала полосу твердой земли, продлевавшую немецкую равнину вплоть до Утрехта, и цепь дюн, опоясывавших побережье Северного моря. Между ними расположился район болот и затонов, образовавшийся в V веке из-за размывов дюн. Работы по осушению этих земель стали возможными только при сочетании трех факторов, соединившихся в XIV веке, — финансового (результат образования промысла сельди), политического (централизация власти) и технического (заимствование с востока ветряной мельницы).

⁷ Это было предметом единодушного восхищения всех иностранцев и по тем временам означало потрясающий технический прорыв.

⁸ Одно из самых страшных наводнений, опустошившее Голландию. Его жертвами стало 30 тысяч человек.

⁹ См. рассказ об этих событиях у Париваля. Parival, p. 387—388.

¹⁰ За 25 предвоенных лет таким образом для земледелия стало пригодно 40 тысяч гектаров заболоченных земель. В годы войны осушения продолжались в более скромных масштабах, ежегодно составляя 300—400 гектаров.

¹¹ Под этим подразумевается вся осушенная земля, занятая под пашни или луга.

¹² Обработка высвободившихся площадей приносила до 250 тысяч гульденов в год.

¹³ Гарлемское озеро смогли осушить только в XIX веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Слова, приведенные эпиграфом к данной книге; Cohen, p. 201.

² Temple, p. 166—167.

³ По словам Темпла (Temple, p. 161) власти никогда не предпринимали широкомасштабных работ, не установив срока их выполнения, иногда очень короткого, от которого не отступали. Однако, как сообщалось в главе I, муниципалитет Амстердама воздержался от такой меры при возведении городской ратуши.

⁴ Суждение Сорбьера, высказанное около 1650 года и донесенное до нас Мюрри (Murris, p. 229).

⁵ В составе дипломатического корпуса соблюдалось соотношение сил наиболее мощных провинций. Голландия назначала посла в Париже, Зеландия — в Лондоне. При таких комбинациях интересы страны отодвигались на второй план. Так, Зеландия направила в Париж человека с особым поручением, который должен был действовать в обход посольства Голландии.

⁶ «Oorlog», p. 223.

⁷ Temple, p. 212. В этом заключалась одна из причин притока беженцев.

⁸ Murris, p. 78.

⁹ Temple, p. 198.

¹⁰ Parival, p. 219.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. П. Левандовский</i> «Золотой век» Голландии.	6
Введение	20

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ За городской стеной

Глава I. Город	27
Вид города.	27
Общественный порядок в городе	42
Глава II. В деревне	52
Глава III. Дороги и каналы	59

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Под крышей дома своего

Глава IV. Дом	66
Планировка и обстановка	66
Сады и цветы	77
Глава V. Туалет	82
Пробуждение и гигиенические процедуры	82
Одежда	86
Глава VI. Питание	94
Убранство стола	94
Голландская кухня	98
Глава VII. Вечер в кругу семьи	104

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Течение жизни

Глава VIII. Религия	110
Глава IX. Дети	126
Глава X. Гранит науки	134
«Малые школы»	134
Высшее образование и науки	142
Глава XI. Стрелы амура	152
Глава XII. Женщина у семейного очага	165
Глава XIII. Корпорации	174
Глава XIV. Болезни и смерть	181
Болезни и врачи	181
Медицина	186
Хирургия	189
Со смертного одра на погост	191

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Развлечения

Глава XV. Спорт и игры	195
Глава XVI. Застолье и выпивка	204
Традиционное обжорство	204
Модные напитки	210
Табак	213
Глава XVII. Общественные праздники	215
Традиции, дарящие радость	215
Ярмарки	222

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Искусство и литература

Глава XVIII. Искусства	227
Живопись	228
Музыка	233
Глава XIX. Словесность	237
Риторика	237
Театр и комедианты	241
Писатели и писательницы	247
Книги и печать	255

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
Голландское общество

Глава XX. Сила кастовости	260
Расслоение общества	260
Касты и кланы	266
Глава XXI. Народ	271
Буржуа	271
Рабочие	274
Труженики моря	278
Крестьяне	283
Глава XXII. Бедность и преступление	286
Глава XXIII. Военные	294
Глава XXIV. Иностранцы и беженцы	300

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
Голландцы за работой

Глава XXV. Богатый край	305
Организация богатства	305
Информация	309

Налоги	314
Глава XXVI. Коммерция и дух предпринимательства ...	317
Глава XXVII. Флот	326
Частные и государственные морские силы	327
Корсары и пираты	330
Глава XXVIII. Торговые перевозки и колонизация	332
Великие компании	336
Поселенцы и рабы	342
Глава XXIX. Промышленность	344
Слабое звено	344
Рыболовецкие промыслы	350
Глава XXX. Обработка земли	354
Пашни и луга	354
Дамбы и осушение земель	356
Заключение. Сладость свободы	362
Ссылки и примечания	367

Зюмтор Поль

398

Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта /Пер. с фр. М. В. Глаголева; Предисл. и науч. ред. А. П. Левандовского. — М.: Мол. гвардия, 2000. — 390[10] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02413-3

Книга Поля Зюмтора посвящена исторической эпохе, которая по праву считается голландским «золотым веком». Это было время, когда торговля, промышленность, сельское хозяйство, наука в Голландии бурно развивались, а искусство, в частности живопись, радостно запечатлевало все проявления «голландского чуда» в его повседневности. Автору удалось создать замечательное, подробнейшее полотно обычной жизни людей разных сословий и состояний. Читатель узнает, как отвозывали у моря земли, торговали, лечились, выращивали цветы, стряпали, устраивали генеральные уборки, женились, пускали в рост деньги, воспитывали детей и в какого бога верили голландцы, жившие в далеком XVII веке.

УДК 949.2
ББК 63.3(0)4

Поль Зюмтор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОЛЛАНДИИ ВО ВРЕМЕНА РЕМБРАНДТА

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редакторы **М. Н. Иванова, О. И. Ярикова**

Художественный редактор **К. Г. Фадин**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 01.11.2000. Подписано в печать 18.04.2001. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 21+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 27446.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, Сушевская ул., 21. www.mg.gvardiya.ru, ds@mg.gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02413-3

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество других подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

Ж.-П. Креспель

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИМПРЕССИОНИСТОВ»**

Э. Поньон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЫ В 1000 ГОДУ»**

Ф. Кальви

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИТАЛЬЯНСКОЙ МАФИИ
С 1950 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ»**

П. Моктэ

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ»**

П. Фор

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ»**

И. Клауас

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
В ЗАМКАХ ЛУАРЫ
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

972-21-48, 978-89-82, 972-21-82, 972-23-85.

www.mg.gvardiya.ru ♦ ds@mg.gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Бегунова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО ГУСАРА»**

М. Пастуро

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРАНЦИИ И АНГЛИИ
ВО ВРЕМЕНА РЫЦАРЕЙ КРУГЛОГО СТОЛА»**

Ж.-П. Креспель

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОНМАРТРА
ВО ВРЕМЕНА ПИКАССО»**

Н. Черкашин

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ ПОДВОДНИКОВ»**

Ж. Каркопино

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА.
АПОГЕЙ ИМПЕРИИ»**

Ж. Эр

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПАПСКОГО ДВОРА
ВО ВРЕМЕНА БОРАДЖИА И МЕДИЧИ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

972-21-48, 978-89-82, 972-21-82, 972-23-85.

www.mg.gvardiya.ru ♦ ds@mg.gvardiya.ru

НОВЫЙ МОЛОДОГВАРДЕЙСКИЙ ПРОЕКТ

ПРОЗА ВЕКА

Лучшие писатели в иллюстрациях лучших художников

В 2001 году увидят свет:

А. Н. ТОЛСТОЙ
«Хождение по мукам», «Детство Никиты»
(эмигрантский вариант)

Иллюстрации Геннадия Новожилова

И. А. БУНИН

«Темные аллеи»

Иллюстрации Геннадия Новожилова

М. А. БУЛГАКОВ

«Мастер и Маргарита»

Иллюстрации Бориса Маркевича

В. П. АСТАФЬЕВ

«Последний поклон»

Иллюстрации Владимира Юдина

А. Н. ВАРЛАМОВ

«Рождение», «Лох», «Затонувший ковчег»

Иллюстрации Владимира Гольдяева

Ю. М. ПОЛЯКОВ

«Замыслил я побег...»

Иллюстрации Михаила Петрова

Наш адрес: 103030, Москва, Сушневская ул., 21
Телефоны: 972-21-48; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

972-23-85; 972-03-87; 972-21-16

При издательстве работает магазин: 972-05-41

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

www.mg.gwardiya.ru ds@mg.gwardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».
Телефон: 972-05-41.

В ТИПОГРАФИИ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

к вашим услугам:

**набор,
верстка с элементами графики
и полутоновыми иллюстрациями;
изготовление фотоформ;
печать любого формата,
красочности
и тиража
на машинах
с электронными системами
контроля качества;
переплетные и отделочные работы
всех видов;
экспедирование
периодических изданий.**

**Контактные телефоны:
285-88-49, 285-89-08, 285-80-70**

**Адрес в Internet
www.mg.gvardiya.ru ♦ ds@mg.gvardiya.ru**

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

П. Антонетти
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФЛОРЕНЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ДАНТЕ

В. Марочкин
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО
РОК-МУЗЫКАНТА

М. Пастуро
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРАНЦИИ И АНГЛИИ
ВО ВРЕМЕНА РЫЦАРЕЙ
КРУГЛОГО СТОЛА

А. Зверев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ПАРИЖА

П. Фор
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

ISBN 5-235-02413-3

9 785235 024137

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ